

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПОЕДИНОКЪ.

I.

Вечернія занятія въ шестой ротѣ приходили къ концу, и младшіе офицеры все чаще и нетерпѣливѣе посматривали на часы. Изучался практически уставъ гарнизонной службы. По всему плацу солдаты стояли вразбросъ: около тополей, окаймлявшихъ шоссе, около гимнастическихъ машинъ, возлѣ дверей ротной школы, у прицѣльныхъ станковъ. Все это были воображаемые посты, какъ, на примѣръ, постъ у порохового погреба, у знамени, въ караульномъ домѣ, у денежнаго ящика. Между ними ходили разводящіе и ставили часовыхъ; производилась смѣна карауловъ; унтеръ-офицеры провѣряли посты и испытывали познанія своихъ солдатъ, стараясь то хитростью выманить у часового его винтовку, то заставить его сойти съ мѣста, то всучить ему на сохраненіе какую-нибудь вещь, большею частью собственную фуражку. Старослуживые, тверже знавшіе эту игрушечную казуистику, отвѣчали въ такихъ случаяхъ превеличенно суровымъ тономъ: «Отходи! Не имѣю полного права никому отдавать ружье, кромѣ какъ получу приказаніе отъ самого Государя Императора». Но молодые путались. Они еще не умѣли отдѣлать шутки, примѣра, отъ настоящихъ требованій службы и впадали то въ одну, то въ другую крайность.

— Хлѣбниковъ! Дьяволъ косорукой!—кричалъ маленькій, круглый и шустрый ефрейторъ Шаповаленко, и въ голосѣ его слышалось начальственное страданіе. — Я жъ тебя училъ-училъ, дурня! Ты же чье сейчасъ приказанье сполнилъ? Арестованнаго? А, чтобъ тебя!.. Отвѣчай, для чего ты поставленъ на постъ?

Въ третьемъ взводѣ произошло серьезное замѣшательство. Молодой солдатъ Мухамеджиновъ, татаринъ, едва понимавшій и говорившій по-русски, окончательно былъ сбитъ съ толку подвохами своего начальства — и настоящаго и воображаемаго. Онъ вдругъ разсвирѣпѣлъ, взялъ ружье на руку и на всѣ убѣжденія и приказанія отвѣчалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ:

— З-заколу!

— Да постой... да, дуракъ ты...—уговаривалъ его унтеръ-офицеръ Бобылевъ.—Вѣдь я кто? Я же твой караульный начальникъ, стало-быть...

— Заколу!—кричалъ татаринъ испуганно и злобно и съ глазами, налившимися кровью, нервно совалъ штыкомъ во всякаго, кто къ нему приближался. Вокругъ него собралась кучка солдатъ, обрадовавшихся смѣшному приключенію и минутному роздыху въ падоѣвшемъ ученьи.

Ротный командиръ, капитанъ Слива, пошелъ разбирать дѣло. Пока онъ плелся вялой походкой, сгорбившись и волоча ноги, на другой конецъ плаца, младшіе офицеры сошлись вмѣстѣ поболтать и покурить. Ихъ было трое: поручикъ Вѣткинъ—лысый, усатый человекъ лѣтъ 33-хъ, весельчакъ, говорунъ, пѣвунъ и пьяница, подпоручикъ Ромашовъ, служившій всего второй годъ въ полку, и подпрапорщикъ Лбовъ, живой стройный мальчишка съ лукаво-ласково-глупыми глазами и съ вѣчной улыбкой на толстыхъ наивныхъ губахъ, — весь точно начиненный старыми офицерскими анекдотами.

— Свинство,—сказалъ Вѣткинъ, взглянувъ на свои мельхиоровые часы и сердито щелкнувъ крышкой.—Какого чорта онъ держитъ до сихъ поръ роту? Эѳіопъ!

— А вы бы ему это объяснили, Павелъ Павлычъ,—посоветовалъ съ хитрымъ лицомъ Лбовъ.

— Чорта съ два. Подите, объясняйте сами. Главное—что. Главное—вѣдь это все напрасно. Всегда они передъ смотрами горячку поряты. И всегда переборщатъ. Задержаютъ солдата, замучатъ, затуркаютъ, а на смотре онъ будетъ стоять, какъ пень. Знаете извѣстный случай, какъ два ротныхъ командира поспорили, чей солдатъ больше съѣстъ хлѣба? Выбрали они оба жесточайшихъ обжоръ. Пари было большое—что-то около ста рублей. Вотъ одинъ солдатъ съѣлъ семь фунтовъ и отвалился, больше не можетъ. Ротный сейчасъ на фельдфебеля, «Ты что же, такой, разѣтакій, подвелъ меня?» А фельдфебель только глазами лупаетъ, «Такъ что не могу знать, вашескородіе, что съ ими случилось. Утромъ дѣлали репетицію—восемь фунтовъ стрескалъ въ одинъ присѣсть...» Такъ вотъ и наши... Репетятъ безъ толку, а на смотре сядутъ въ кашу.

— Вчера...—Лбовъ вдругъ прыснулъ отъ смѣха.—Вчера, ужъ во всѣхъ ротахъ кончили занятія, я иду на квартиру, часовъ уже восемь, пожалуй, темно совсѣмъ. Смотрю, въ одиннадцатой ротѣ сигналы учатъ. Хоромъ. «Наве-ди, до гру-ди, по-па-ди!» Я спрашиваю поручика Андрусевича: «Почему это у васъ до сихъ поръ идетъ такая музыка?» А онъ говоритъ: «Это мы, въ родѣ собакъ, на луну воемъ».

— Все надоѣло, Кука!—сказалъ Вѣткинъ и зѣвнулъ.—Постойте-ка, кто это ѣдетъ верхомъ? Кажется, Бекъ?

— Да. Бекъ-Агамаловъ, — рѣшилъ зоркій Лбовъ. — Какъ красиво сидитъ.

— Очень красиво,—согласился Ромашовъ,—По-моему,

онъ лучше всякаго кавалериста ѣздить. О-о-о! Заплясала. Кокетничаетъ Бекъ.

По шоссе медленно ѣхалъ верхомъ офицеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ адъютантскомъ мундирѣ. Подъ нимъ была высокая длинная лошадь золотистой масти съ короткимъ, по-англійски, хвостомъ. Она горячилась, нетерпѣливо мотала крутой, собранной мундштукомъ шеей и часто перебирала тонкими ногами.

— Павелъ Павлычъ, это правда, что онъ природный черкесъ?—спросилъ Ромашовъ у Вѣткина.

— Я думаю, правда. Иногда, дѣйствительно, армяшки выдаютъ себя за черкесовъ и за лезгинъ, но Бекъ вообще, кажется, не вретъ. Да вы посмотрите, каковъ онъ на лошади!

— Подождите, я ему крикну,—сказалъ Лбовъ.

Онъ приложилъ руки ко рту и закричалъ сдавленнымъ голосомъ, такъ, чтобы не слышалъ ротный командиръ:

— Поручикъ Агамаловъ! Бекъ!

Офицеръ, ѣхавшій верхомъ, натянулъ поводья, остановился на секунду и обернулся вправо. Потомъ, повернувъ лошадь въ эту сторону и слегка согнувшись въ сѣдлѣ, онъ заставилъ ее упругимъ движеніемъ перепрыгнуть черезъ канаву и сдержаннымъ галопомъ поскакалъ къ офицерамъ.

Онъ былъ меньше средняго роста, сухой, жилистый, очень сильный. Лицо его, съ покатымъ назадъ лбомъ, тонкимъ горбатымъ носомъ и рѣшительными, крѣпкими губами, было мужественно и красиво и еще до сихъ поръ не утратило характерной восточной блѣдности—одновременно смуглой и матовой.

— Здравствуй, Бекъ,—сказалъ Вѣткинъ.—Ты передъ кѣмъ тамъ выѣнчивалъ? Дѣвыцы?

Бекъ-Агамаловъ пожималъ руки офицерамъ, низко и небрежно склоняясь съ сѣдла. Онъ улыбнулся, и ка-

залось, что его бѣлые, стиснутые зубы бросили отраженный свѣтъ на весь низъ его лица и на маленькіе, черные, холеные усы..

— Ходили тамъ двѣ хорошенькія жидовочки. Да мнѣ что? Я нуль вниманія.

— Знаемъ мы, какъ вы плохо въ шашки играете!— мотнулъ головой Вѣткинъ.

— Послушайте, господа,—заговорилъ Лбовъ и опять заранѣе засмѣялся.—Вы знаете, что сказалъ генералъ Дохтуровъ о пѣхотныхъ адъютантахъ? Это къ тебѣ, Бекъ, относится. Что они самые отчаянные наѣздники во всемъ мірѣ...

— Не ври, фендрикъ!—сказалъ Бекъ-Агамаловъ.

Онъ толкнулъ лошадь шенкелями и сдѣлалъ видъ, что хочетъ наѣхать на подпрапорщика.

— Ей-Богу же! У всѣхъ у нихъ, говоритъ, не лошади, а какія-то гитары, шкѣпы—съ запаломъ, хромыя, кривоглазыя, опоенныя. А дашь ему приказаніе — знай себѣ жарить, куда попало, во весь карьеръ. Заборъ—такъ заборъ, оврагъ—такъ оврагъ. Черезъ кусты валяетъ. Поводья упустилъ, стремяна растерялъ, шапка къ чорту! Лихіе ѣздоки!

— Что слышно новаго, Бекъ?—спросилъ Вѣткинъ.

— Что новаго? Ничего новаго. Сейчасъ, вотъ только что, засталъ полковой командиръ въ собраніи подполковника Леха. Разорался на него такъ, что на соборной площади было слышно. А Лехъ пьянъ, какъ змій, не можетъ папу-маму выговорить. Стоитъ на мѣстѣ и качается, руки за спину заложилъ. А Шульговичъ какъ рывкнетъ на него: «Когда разговариваете съ полковымъ командиромъ, извольте руки на задницѣ не держать!» И прислуга здѣсь же была.

— Крѣпко завищено!—сказалъ Вѣткинъ съ усмѣшкой—не то иронической, не то поощрительной.—Въ чет-

вертой ротѣ онъ вчера, говорятъ, кричалъ: «Что вы мнѣ уставъ въ носъ тычете? Я—для васъ уставъ, и никакихъ больше разговоровъ! Я здѣсь царь и Богъ!»

Лбовъ вдругъ опять засмѣялся своимъ мыслямъ.

— А вотъ еще, господа, былъ случай съ адъютантомъ въ N—скомъ полку...

— Заткнитесь, Лбовъ,—серьезно замѣтилъ ему Вѣткинъ.—Эко васъ прорвало сегодня.

— Есть и еще новость,—продолжалъ Бекъ-Агамаловъ. Онъ снова повернулъ лошадь передомъ ко Лбову и, шутя, сталъ наѣзжать на него. Лошадь мотала головой и фыркала, разбрасывая вокругъ себя пѣну.—Есть и еще новость. Командиръ во всѣхъ ротахъ требуетъ отъ офицеровъ рубку чучель. Въ девятой ротѣ такого холоду нагналъ, что ужасъ. Епифанова закаталъ подъ арестъ за то, что шашка оказалась не отточена... Чего ты трусишь, фендрикъ!—крикнулъ вдругъ Бекъ-Агамаловъ на подпрапорщика.—Привыкай. Самъ вѣдь будешь когда-нибудь адъютантомъ. Будешь сидѣть на лошади, какъ жареный воробей на блюдѣ.

— Ну, ты, азіать!.. Убирайся со своимъ одромъ дохлымъ,—отмахивался Лбовъ отъ лошадиной морды.—Ты слыхалъ, Бекъ, какъ въ N—скомъ полку одинъ адъютантъ купилъ лошадь изъ цирка? Выѣхалъ на ней на смотръ, а она вдругъ передъ самимъ командующимъ войсками начала испанскимъ шагомъ парадировать. Знаешь, такъ: ноги вверхъ и этакъ съ боку на бокъ. Врѣзался наконецъ въ головную роту—суматоха, крикъ, безобразіе. А лошадь—никакого вниманія, знай себѣ испанскимъ шагомъ раздѣлываетъ. Такъ Драгоміровъ сдѣлалъ рупоръ—вотъ такъ вотъ—и кричитъ: «Поручи-икъ, тѣмъ же аллюромъ на гауптвахту, на 21 день, ма-аршъ!..»

— Э, пустяки,—сморщился Вѣткинъ.—Слушай, Бекъ, ты намъ съ этой рубкой дѣйствительно сюрпризъ пре-

поднесъ. Это значить что же? Совсѣмъ свободнаго времени не останется? Вотъ и намъ вчера эту уроду принесли.

Онъ показаль на середину плаца, гдѣ стояло сдѣланное изъ сырой глины чучело, представлявшее нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры, только безъ рукъ и безъ ногъ.

— Что же вы? Рубили?—спросилъ съ любопытствомъ Бекъ-Агамаловъ.—Ромашовъ, вы не пробовали?

— Нѣтъ еще.

— Тоже! Стану я ерундой заниматься,—заворчалъ Вѣткинъ.—Когда это у меня время, чтобы рубить? Съ девяти утра до шести вечера только и знаешь, что торчишь здѣсь. Едва успѣешь пожрать и водки выпить. Я имъ, слава Богу, не мальчикъ дался...

— Чудакъ. Да вѣдь надо же офицеру умѣть владѣть шашкой.

— Зачѣмъ это, спрашивается? На войнѣ? При теперешнемъ огнестрѣльномъ оружіи тебя и на сто шаговъ не подпустятъ. На кой мнѣ чортъ твоя шашка? Я не кавалеристъ. А понадобится, я ужъ лучше возьму ружье да прикладомъ—бацъ-бацъ по башкамъ. Это вѣрнѣе.

— Ну, хорошо, а въ мирное время? Мало ли сколько можетъ быть случаевъ. Бунтъ, возмущеніе тамъ, или что...

— Такъ что же? При чемъ же здѣсь опять-таки шашка? Не буду же я заниматься черной работой, сѣчь людямъ головы. Ро-ота, пли!—и дѣло въ шляпѣ...

Бекъ-Агамаловъ сдѣлалъ недовольное лицо.

— Э, ты все глумишь, Павелъ Павлычъ. Нѣтъ, ты отвѣчай серьезно. Вотъ идешь ты гдѣ-нибудь на гуляньи или въ театрѣ, или, положимъ, тебя въ ресторанѣ оскорбилъ какой-нибудь шпакъ... возьмемъ крайность—дасть тебѣ какой-нибудь штатскій пощечину. Ты что же будешь дѣлать?

Вѣткинъ поднялъ кверху плечи и презрительно поджалъ губы.

— Н-ну! Во-первыхъ, меня никакой шнакъ не ударить, потому что бьютъ только того, кто боится, что его добьютъ. А во-вторыхъ... ну, что же я сдѣлаю? Бацну въ него изъ револьвера.

— А если револьверъ дома остался?—спросилъ Лбовъ.

— Ну, чортъ... ну, съѣзжу за нимъ... Вотъ глупости. Былъ же случай, что оскорбили одного корнета въ кафе-шантанѣ. И онъ съѣздилъ домой на извозчикѣ, привезъ револьверъ и ухлопалъ двухъ какихъ-то рябчиковъ. И все!..

Бекъ-Агамаловъ съ досадою покачалъ головой.

— Знаю. Слышалъ. Однако судъ призналъ, что онъ дѣйствовалъ съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, и приговорилъ его. Что же тутъ хорошаго? Нѣтъ, ужъ я, если бы меня кто оскорбилъ или ударилъ...

Онъ не договорилъ, но такъ крѣпко сжалъ въ кулакъ свою маленькую руку, державшую поводья, что она задрожала. Лбовъ вдругъ затрясся отъ смѣха и прыснулъ.

— Опять!—строго замѣтилъ Вѣткинъ.

— Господа!.. пожалуйста!.. Ха-ха-ха! Въ М — скомъ полку былъ случай. Подпрапорщикъ Краузе въ Благородномъ собраніи сдѣлалъ скандалъ. Тогда буфетчикъ схватилъ его за погонь и почти оторвалъ. Тогда Краузе вынулъ револьверъ—рразъ ему въ голову! На мѣстѣ! Тутъ ему еще какой-то адвокатишка подвернулся, онъ и его бахъ! Ну, понятно, всѣ разбѣжались. А тогда Краузе спокойно пошелъ себѣ въ лагерь, на переднюю линѣйку, къ знамени. Часовой окрикиваетъ: «Кто идетъ?»—«Подпрапорщикъ Краузе, умереть подъ знаменемъ!» Легъ и прострѣлилъ себѣ руку. Потомъ судъ его оправдалъ.

— Молодчина! — сказалъ Бекъ-Агамаловъ.

Начался обычный, любимый молодыми офицерами разговоръ о случаяхъ неожиданныхъ кровавыхъ расправъ на мѣстѣ и о томъ, какъ эти случаи проходили почти всегда безнаказанно. Въ одномъ маленькомъ городишкѣ безусый пьяный корнетъ врубился съ шашкой въ толпу евреевъ, у которыхъ онъ предварительно «разнесъ пасхальную кучку». Въ Кіевѣ пѣхотный подпоручикъ зарубилъ въ танцевальной залѣ студента на-смерть за то, что тотъ толкнулъ его локтемъ у буфета. Въ какомъ-то большомъ городѣ—не то въ Москвѣ, не то въ Петербургѣ — офицеръ застрѣлилъ, «какъ собаку», штатскаго, который въ ресторанѣ сдѣлалъ ему замѣчаніе, что порядочные люди къ незнакомымъ дамамъ не пристають.

Ромашовъ, который до сихъ поръ молчалъ, вдругъ, краснѣя отъ замѣшательства, безъ надобности поправляя очки и откашливаясь, вмѣшался въ разговоръ:

— А вотъ, господа, чтò я скажу съ своей стороны. Буфетчика я, положимъ, не считаю... да... Но если штатскій... какъ бы это сказать?... Да... Ну, если онъ порядочный человекъ, дворянинъ и такъ далѣе... зачѣмъ же я буду на него, безоружнаго, нападать съ шашкой? Отчего же я не могу у него потребовать удовлетворенія? Все-таки же мы люди культурные, такъ сказать... /

— Э, чепуху вы говорите, Ромашовъ,—перебилъ его Вѣткинъ.—Вы потребуете удовлетворенія, а онъ скажетъ: «Нѣтъ... э-э-э... я, знаете ли, вээбще... э-э... не признаю дуэли. Я противникъ кровопролитія... И кромѣ того, э-э... у насъ есть мировой судья...» Вотъ, и ходите тогда всю жизнь съ битой мордой.

Бекъ-Агамаловъ широко улыбнулся своей сіяющей улыбкой.

— Чтò? Ага! Соглашаешься со мной? Я тебѣ, Вѣткинъ, говорю: учись рубкѣ. У насъ на Кавказѣ всѣ съ

дѣтства учатся. На прутьяхъ, на бараньихъ тушахъ, на водѣ...

— А на людяхъ?—вставилъ Лбовъ.

— И на людяхъ, — спокойно отвѣтилъ Бекъ-Агамаловъ.—Да еще какъ рубятъ! Однимъ ударомъ разсѣкаютъ человѣка отъ плеча къ бедру, наискось. Вотъ это ударъ! А то, что и мараться.

— А ты, Бекъ, можешь такъ?

Бекъ-Агамаловъ вздохнулъ съ сожалѣніемъ.

— Нѣтъ, не могу... Барашка молодого пополамъ пересѣку... пробовалъ даже телячью тушу... а человѣка, пожалуй, нѣтъ... не разрублю. Голову снесу къ чорту, это я знаю, а такъ, чтобы наискось... нѣтъ. Мой отецъ это дѣлалъ легко...

— А ну-ка, господа, пойдете, попробуемъ,—сказалъ Лбовъ молящимъ тономъ, съ загорѣвшимися глазами.— Бекъ, милочка, пожалуйста, пойдёмъ...

Офицеры подошли къ глиняному чучелу. Первымъ рубилъ Вѣткинъ. Придавъ озвѣрѣлое выраженіе своему добродушному, простоватому лицу, онъ изо всей силы, съ большимъ, неловкимъ размахомъ, ударилъ по глиняному чучелу. Въ то же время онъ невольно издалъ горломъ тотъ характерный звукъ—хрясь!—который дѣлаютъ мясники, когда рубятъ говядину. Дезвее вошло въ глину на четверть аршина, и Вѣткинъ съ трудомъ вывязилъ его оттуда.

— Плохо!—замѣтилъ, покачавъ головой, Бекъ-Агамаловъ. — Вы, Ромашовъ...

Ромашовъ вытащилъ шашку изъ ноженъ и сконфуженно поправилъ рукой очки. Онъ былъ средняго роста, худощавъ, и хотя довольно силенъ для своего сложенія, но, отъ большой застѣнчивости, неловокъ. Фехтовать на эспадронахъ онъ не умѣлъ даже въ училищѣ, а за полтора года службы и совсѣмъ забылъ это искусство. Занеся высоко надъ головой оружіе, онъ въ

то же время инстинктивно выставилъ впередъ лѣвую руку.

— Руку!—крикнулъ Бекъ-Агамаловъ.

Но было уже поздно. Конецъ шашки только лишь слегка черкнулъ по глинѣ. Ожидавшій бѣльшаго сопротивленія, Ромашовъ потерялъ равновѣсіе и пошатнулся. Лезвее шашки, ударившись объ его вытянутую впередъ руку, сорвало лоскутокъ кожи у основанія указательнаго пальца. Брызнула кровь.

— Эхъ! Вотъ видите! — воскликнулъ сердито Бекъ-Агамаловъ, слѣзая съ лошади. — Такъ и руку недолго отрубить. Развѣ же можно такъ обращаться съ оружіемъ? Да ничего, пустяки, завяжите платкомъ потуже. Институтка. Подержи коня, фендрикъ. Вотъ, смотрите. Главная суть удара не въ плечѣ и не въ локтѣ, а вотъ здѣсь, въ сгибѣ кисти. — Онъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ кругообразныхъ движеній кистью правой руки, и клинокъ шашки превратился надъ его головой въ одинъ сплошной сверкающій кругъ. — Теперь глядите: лѣвую руку я лубираю назадъ, за спину. Когда вы наносите ударъ, то не бейте и не рубите предметъ, а рѣжьте его, какъ бы пилите, отдергивайте шашку назадъ... Понимаете? И при томъ помните твердо: плоскость шашки должна быть непременно наклонна къ плоскости удара, непременно. Отъ этого уголъ становится острѣе. Вотъ, смотрите

Бекъ-Агамаловъ отошелъ на два шага отъ глинянаго болвана, впился въ него острымъ, прицѣливающимся взглядомъ и вдругъ, блеснувъ шашкой высоко въ воздухѣ, страшнымъ, неуловимымъ для глазъ движеніемъ, весь упавъ напередъ, нанесъ быстрый ударъ. Ромашовъ слышалъ только, какъ пронзительно свистнулъ разрѣзанный воздухъ, и тотчасъ же верхняя половина чучела мягко и тяжело шлепнулась на землю. Плоскость отрѣза была гладка, точно отполированная.

— Ахъ, чортъ! Вотъ это ударъ!—воскликнулъ восхищенный Лбовъ.—Бекъ, голубчикъ, пожалуйста, еще разъ.

— А ну-ка, Бекъ, еще,—попросилъ Вѣткинъ.

Но Бекъ-Агамаловъ, точно боясь испортить произведенный эффектъ, улыбаясь, вкладывалъ шашку въ ножны. Онъ тяжело дышалъ, и весь онъ въ эту минуту, съ широко раскрытыми злобными глазами, съ горбатымъ носомъ и съ оскаленными зубами, былъ похожъ на какую-то хищную, злую и гордую птицу.

— Это что? Это развѣ рубка?—говорилъ онъ съ напускнымъ пренебреженіемъ.—Моему отцу, на Кавказѣ, было шестьдесятъ лѣтъ, а онъ лошади перерубалъ шею. Пополамъ! Надо, дѣти мои, постоянно упражняться. У насъ вотъ какъ дѣлаютъ: поставятъ ивовый пруть въ тиски и рубятъ, или воду пустятъ сверху тоненькой струйкой и рубятъ. Если нѣтъ брызговъ, значитъ, ударъ былъ вѣрный. Ну, Лбовъ, теперь ты.

Къ Вѣткину подбѣжалъ съ испуганнымъ видомъ унтеръ-офицеръ Бобылевъ.

— Ваше благородіе... Командиръ полка ѣдутъ!

— Сми-ирррна!—закричалъ протяжно, строго и возбужденно капитанъ Слива съ другого конца площади.

Офицеры торопливо разошлись по своимъ взводамъ.

Большая неуклюжая коляска медленно съѣхала съ шоссе на плацъ и остановилась. Изъ нея съ одной стороны тяжело вылѣзъ, наклонивъ весь кузовъ набокъ, полковой командиръ а съ другой легко соскочилъ на землю полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Федоровскій — высокій, щеголеватый офицеръ.

— Здорово, шестая!—послышался густой, спокойный голосъ полковника.

Солдаты громко и нестройно закричали съ разныхъ угловъ плаца:

— Здравія желаемъ, вап-о-о-о!

Офицеры приложили руки къ козырькамъ фуражекъ.

— Прошу продолжать занятія,—сказалъ командиръ полка и подошелъ къ ближайшему взводу.

Полковникъ Шульговичъ былъ сильно не въ духѣ. Онъ обходилъ взводы, предлагалъ солдатамъ вопросы изъ гарнизонной службы и время отъ времени ругался матерными словами съ той особенной молодеческой виртуозностью, которая въ этихъ случаяхъ присуща старымъ фронтovýmъ служакамъ. Солдатъ точно гипнотизировалъ пристальный, упорный взглядъ его старчески-блѣдныхъ, выцвѣтшихъ, строгихъ глазъ, и они смотрѣли на него, не моргая, едва дыша, вытягиваясь въ ужасѣ всѣмъ тѣломъ. Полковникъ былъ огромный, тучный, осанистый старикъ. Его мясистое лицо, очень широкое въ скулахъ, суживалось вверхъ, ко лбу, а внизу переходило въ густую серебряную бороду заступомъ, и такимъ образомъ имѣло форму большого, тяжелаго ромба. Брови были сѣдые, лохматые, грозные. Говорилъ онъ, почти не повышая тона, но каждый звукъ его необыкновеннаго, знаменитаго въ дивизіи голоса — голоса, которымъ онъ, кстати сказать, сдѣлалъ всю свою служебную карьеру — былъ ясно слышенъ въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ обширнаго плаца и даже по шоссе.

— Ты кто такой?—отрывисто спросилъ полковникъ, внезапно остановившись передъ молодымъ солдатомъ Шарафутдиновымъ, стоявшимъ у гимнастическаго забора.

— Рядовой шестой роты Шарафутдиновъ, ваша высокоблагородія!—старательно, хрипло крикнулъ татаринъ.

— Дуракъ! Я тебя спрашиваю, на какой постъ ты наряженъ?

Солдатъ, растерявшись отъ окрика и сердитаго командирскаго вида, молчалъ и только моргалъ вѣками.

— Н-ну?—возвысилъ голосъ Шульговичъ.

— Который лицо часовой... неприкосновенно...—зале-
петаль набумь татаринъ. — Не могу знать, ваша вы-
сокоблагородія,—закончилъ онъ вдругъ тихо и рѣши-
тельно.

Полное лицо командира покраснѣло густымъ кирпич-
нымъ, старческимъ румянцемъ, а его кустистыя брови
гнѣвно сдвинулись. Онъ обернулся вокругъ себя и рѣзко
спросилъ:

— Кто здѣсь младшій офицеръ?

Ромашовъ выдвинулся впередъ и приложилъ руку къ
фуражкѣ.

— Я, г. полковникъ.

— А-а! Подпоручикъ Ромашовъ. Хорошо вы, должно-
быть, занимаетесь съ людьми. Колѣни вмѣстѣ! — гарк-
нулъ вдругъ Шульговичъ, выкатывая глаза. — Какъ стоите
въ присутствіи своего полкового командира? Капитанъ
Слива, ставлю вамъ на видъ, что вашъ субалтернъ-офи-
церъ не умѣетъ себя держать передъ начальствомъ при
исполненіи служебныхъ обязанностей... Ты, собачья
душа, — повернулся Шульговичъ къ Шарафутдинову:—
кто у тебя полковой командиръ?

— Не могу знать,—отвѣтилъ съ уныніемъ, но по-
спѣшно и твердо татаринъ.

— У!..... Я тебя спрашиваю, кто твой командиръ полка?
Кто—я? Понимаешь, я, я, я, я, я!.. — И Шульговичъ
нѣсколько разъ изо всей силы ударилъ себя ладонью по
груди.

— Не могу знать...

——... — выругался полковникъ длинной, въ
двадцать словъ, запутанной и циничной фразой. — Ка-
питанъ Слива, извольте сейчасъ же поставить этого су-
кина сына подъ ружье съ полной выкладкой. Пусть
сгніетъ, каналья, подъ ружьемъ. Вы, подпоручикъ,
больше о бабьихъ хвостахъ думаете, чѣмъ о службѣ-съ.

Вальсы танцуете? Поль-де-Коконъ читаете?.. Чтò же это — солдатъ, по-вашему?—ткнулъ онъ пальцемъ въ губы Шарафутдинову.—Это—срамъ, позоръ, омерзѣнiе, а не солдатъ. Фамилю своего полкового командира не знаетъ... У-д-ди-вляюсь вамъ, подпоручикъ!..

Ромашовъ глядѣлъ въ сѣдое, красное, раздраженное лицо и чувствовалъ, какъ у него отъ обиды и отъ волненiя колотится сердце и темнѣетъ передъ глазами... И вдругъ, почти неожиданно для самого себя, онъ сказалъ глухо:

— Это—татаринъ, г. полковникъ. Онъ ничего не понимаетъ по-русски, и кромѣ того...

У Шульговича мгновенно поблѣднѣло лицо, запрыгали дряблыя щеки, и глаза сдѣлались совсѣмъ пустыми и страшными.

— Чтò?!—заревѣлъ онъ такимъ неестественно-оглушительнымъ голосомъ, что еврейскiе мальчишки, сидѣвшiе около шоссе на заборѣ, посыпались, какъ воробьи, въ разныя стороны. — Чтò? Разговаривать? Ма-ал-чать! Молокососъ, прапорщикъ позволяетъ себѣ... Поручикъ Федоровскiй, объявите въ сегодняшнемъ приказѣ о томъ, что я подвергаю подпоручика Ромашова домашнему аресту на четверо сутокъ за непониманiе воинской дисциплины. А капитану Сливѣ объявляю строгiй выговоръ за то, что не умѣетъ внушить своимъ младшимъ офицерамъ настоящихъ понятiй о служебномъ долгѣ.

Адъютантъ съ почтительнымъ и безстрастнымъ видомъ отдалъ честь. Слива, сгорбившись, стоялъ съ деревяннымъ, ничего не выражающимъ лицомъ и все время держалъ трясущуюся руку у козырька фуражки.

— Стыдно вамъ-съ, капитанъ Слива-съ, — ворчалъ Шульговичъ, постепенно успокаиваясь. — Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ полку, старый служака — и такъ распускаете молодежь. Подтягивайте ихъ, жучьте ихъ

безъ стѣсненія. Нечего съ ними стѣсняться. Не барышни, не размокнуть...

Онъ круто повернулся и, въ сопровожденіи адъютанта, пошелъ къ коляскѣ. И пока онъ садился, пока коляска повернула на шоссе и скрылась за зданіемъ ротной школы, — на плацу стояла робкая, недоумѣлая тишина.

— Эхъ, ба-тень-ка! — съ презрѣніемъ, сухо и недружелюбно сказалъ Слива нѣсколько минутъ спустя, когда офицеры расходились по домамъ. — Дернуло васъ разговаривать. Стояли бы и молчали, если ужъ Богъ убилъ. Теперь вотъ мнѣ изъ-за васъ въ приказѣ выговоръ. И на кой мнѣ чортъ васъ въ роту прислали? Нужны вы мнѣ, какъ собакѣ пятая нога. Вамъ бы сиську сосать, а не...

Онъ не договорилъ, устало махнулъ рукой и, повернувшись спиной къ молодому офицеру, весь сгорбившись, опустившись, поплелся домой, въ свою грязную, старческую холостую квартиру. Ромашовъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, на его унылую, узкую и длинную спину, и вдругъ почувствовалъ, что въ его сердцѣ, сквозь горечь недавней обиды и публичнаго позора, шевелится сожалѣніе къ этому одинокому, огрубѣвшему, никѣмъ не любимому человѣку, у котораго во всемъ мірѣ остались только двѣ привязанности: строевая красота своей роты и тихое, уединенное ежедневное пьянство по вечерамъ — «до подушки», какъ выражались въ полку старые запойные бурбоны.

И такъ какъ у Ромашова была немножко смѣшная, наивная привычка, часто свойственная очень молодымъ людямъ, думать о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ, словами шаблонныхъ романовъ, то и теперь онъ произнесъ внутренно:

«Его добрые, выразительные глаза подернулись облакомъ грусти»...

II.

Солдаты разошлись повзводно на квартиры. Плацъ опустѣлъ. Ромашовъ нѣкоторое время стоялъ въ нерѣшимости на шоссе. Уже не въ первый разъ за полтора года своей офицерской службы испытывалъ онъ это мучительное сознание своего одиночества и затерянности среди чужихъ, недоброжелательныхъ или равнодушныхъ людей, — это тоскливое чувство незнанія, куда дѣвать сегодняшній вечеръ. Мысли о своей квартирѣ, объ офицерскомъ собраніи были ему противны. Въ собраніи теперь пустота; навѣрно, два подпрапорщика играютъ на скверномъ, маленькомъ бильярдѣ, пьютъ пиво, курятъ и надъ каждымъ шаромъ ожесточенно божатся и сквернословятъ; въ комнатахъ стоитъ застарѣлый запахъ плохого кухмистерскаго обѣда — скучно!..

«Пойду на вокзалъ, — сказалъ самъ себѣ Ромашовъ. — Все равно».

Въ бѣдномъ еврейскомъ мѣстечкѣ не было ни одного ресторана. Клубы, какъ военный, такъ и гражданскій, находились въ самомъ жалкомъ, запущенномъ видѣ, и поэтому вокзалъ служилъ единственнымъ мѣстомъ, куда обыватели ѣздили частенько покутить и встряхнуться и даже поиграть въ карты. Ѣздили туда и дамы къ приходу пассажирскихъ поѣздовъ, что служило маленькимъ разнообразіемъ въ глубокой скукѣ провинціальной жизни.

Ромашовъ любилъ ходить на вокзалъ по вечерамъ, къ курьерскому поѣзду, который останавливался здѣсь въ послѣдній разъ передъ прусской границей. Со страннымъ очарованіемъ, взволнованно слѣдилъ онъ, какъ къ станціи, стремительно выскочивъ изъ-за поворота, подлеталъ на всѣхъ парахъ этотъ поѣздъ, состоявшій всего изъ пяти новенькихъ, блестящихъ вагоновъ, какъ быстро

росли и разгорались его огненные глаза, бросавшіе вперед себя на рельсы свѣтлыя пятна, и какъ онъ, уже готовый проскочить станцію, мгновенно, съ шипѣніемъ и грохотомъ, останавливался — «точно великанъ, ухватившійся съ разбѣга за скалу», — думалъ Ромашовъ. Изъ вагоновъ, сіяющихъ насквозь веселыми праздничными огнями, выходили красивыя, нарядныя и выхоленныя дамы въ удивительныхъ шляпахъ, въ необыкновенно изящныхъ костюмахъ, выходили штатскіе господа, прекрасно одѣтые, беззаботно самоувѣренныя, съ громкими барскими голосами, съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, съ свободными жестами, съ лѣпивымъ смѣхомъ. Никто изъ нихъ никогда, даже мелькомъ, не обращалъ вниманія на Ромашова, но онъ видѣлъ въ нихъ кусочекъ какого-то недоступнаго, изысканнаго, великолѣпнаго міра, гдѣ жизнь — вѣчный праздникъ и торжество...

Проходило восемь минутъ. Звенѣлъ звонокъ, свистѣлъ паровозъ, и сіяющій поѣздъ отходилъ отъ станціи. Торопливо тушились огни на перронѣ и въ буфетѣ. Сразу наступали темныя будни. И Ромашовъ всегда подолгу съ тихой, мечтательной грустью слѣдилъ за краснымъ фонарикомъ, который плавно раскачивался сзади послѣдняго вагона, уходя во мракъ ночи и становясь едва замѣтной искоркой.

«Пойду на вокзалъ», — подумалъ Ромашовъ. Но тотчасъ же онъ поглядѣлъ на свои калоши и покраснѣлъ отъ колючаго стыда. Это были тяжелыя резиновыя калоши въ полторы четверти глубиной, облѣпленныя доверху густой, какъ тѣсто, черной грязью. Такія калоши носили всѣ офицеры въ полку. Потомъ онъ посмотрѣлъ на свою шинель, обрѣзанную, тоже ради грязи, по колѣни, съ висящей внизу бахромой, съ засаленными и растянутыми петлями, и вздохнулъ. На прошлой недѣлѣ, когда онъ проходилъ по платформѣ мимо того же курьерскаго

поѣзда, онъ замѣтилъ высокую, стройную, очень красивую даму въ черномъ платьѣ, стоявшую въ дверяхъ вагона I-го класса. Она была безъ шляпы, и Ромашовъ быстро, но отчетливо успѣлъ разглядѣть ея тонкій, правильный носъ, прелестныя маленькія и полныя губы и блестящія черныя волнистыя волосы, которые отъ прямого пробора по срединѣ головы спускались внизъ къ щекамъ, закрывая виски, концы бровей и уши. Сзади нея, выглядывая изъ-за ея плеча, стоялъ рослый молодой человѣкъ въ свѣтлой парѣ, съ надменнымъ лицомъ и съ усами вверхъ, какъ у императора Вильгельма, даже похожій нѣсколько на Вильгельма. Дама тоже посмотрѣла на Ромашова и, какъ ему показалось, посмотрѣла пристально, со вниманіемъ, и, проходя мимо нея, подпоручикъ подумалъ, по своему обыкновению: «Глаза прекрасной незнакомки съ удовольствіемъ остановились на стройной, худощавой фигурѣ молодого офицера». Но когда, пройдя десять шаговъ, Ромашовъ внезапно обернулся назадъ, чтобы еще разъ встрѣтить взглядъ красивой дамы, онъ увидѣлъ, что и она и ея спутникъ съ увлеченіемъ смѣются, глядя ему вслѣдъ. Тогда Ромашовъ вдругъ съ поразительной ясностью и какъ будто со стороны представилъ себѣ самого себя, свои калоши, шинель, блѣдное лицо, близорукость, свою обычную растерянность и неловкость, вспомнилъ свою только-что сейчасъ подуманную красивую фразу и покраснѣлъ мучительно, до острой боли, отъ нестерпимаго стыда. И даже теперь, идя одинъ въ полутьмѣ весенняго вечера, онъ опять еще разъ покраснѣлъ отъ стыда за этотъ прошлый стыдъ.

— Нѣтъ, куда ужъ на вокзалъ, — прошепталъ съ горькой безнадежностью Ромашовъ. — Похожу немного, а потомъ домой...

Было начало апрѣля. Сумерки сгущались незамѣтно для глаза. Тополи, окаймлявшіе шоссе, бѣлые, низкіе

домики съ черепичными крышами по сторонамъ дороги, фигуры рѣдкихъ прохожихъ, — все почернѣло, утратило цвѣта и перспективу; всѣ предметы обратились въ черные плоскіе силуэты, но очертанія ихъ съ прелестной четкостью стояли въ смугломъ воздухѣ. На западѣ за городомъ горѣла заря. Точно въ жерло раскаленнаго, пылающаго жидкимъ золотомъ вулкана сваливались тяжелыя сизыя облака и рдѣли кроваво-красными, и янтарными, и фіолетовыми огнями. А надъ вулканомъ поднималось куполомъ вверхъ, зеленѣя бирюзой и аквамаринномъ, кроткое, вечернее, весеннее небо.

Медленно идя по шоссе, съ трудомъ волоча ноги въ огромныхъ калошахъ, Ромашовъ неотступно глядѣлъ на этотъ волшебный пожаръ. Какъ и всегда, съ самаго дѣтства, ему чудилась за яркой вечерней зарей какая-то таинственная, свѣтозарная жизнь. Точно тамъ, далеко-далеко за облаками и за горизонтомъ, пылалъ подъ невидимымъ отсюда солнцемъ чудесный, ослѣпительно-прекрасный городъ, скрытый отъ глазъ тучами, проникнутыми внутреннимъ огнемъ. Тамъ сверкали нестерпимымъ блескомъ мостовыя изъ золотыхъ плитокъ, возвышались причудливыя купола и башни съ пурпурными крышами, сверкали брильянты въ окнахъ, трепетали въ воздухѣ яркіе разноцвѣтные флаги. И чудилось, что въ этомъ далекомъ и сказочномъ городѣ живутъ радостныя, ликующіе люди, вся жизнь которыхъ похожа на сладкую музыку, у которыхъ даже задумчивость, даже грусть — очаровательно-нѣжны и прекрасны. Ходятъ они по сіяющимъ площадямъ, по тѣнистымъ садамъ, между цвѣтами и фонтанами, ходятъ, богоподобныя, свѣтлыя, полныя неописуемой радости, не знающіе преградъ въ счастья и желаніяхъ, не омраченныя ни скорбью, ни стыдомъ, ни заботой...

Неожиданно вспомнилась Ромашову недавняя сцена на

плацу, грубые крики полкового командира, чувство пережитой обиды, чувство острой и въ то же время мальчишеской неловкости передъ солдатами. Всего больнѣе было для него то, что на него кричали совсѣмъ точно такъ же, какъ и онъ иногда кричалъ на этихъ молчаливыхъ свидѣтелей его сегодняшняго позора, и въ этомъ сознаниіи было что-то уничтожавшее разницу положеній, что-то принижавшее его офицерское и, какъ онъ думалъ, человѣческое достоинство.

И въ немъ тотчасъ же, точно въ мальчикѣ — въ немъ и въ самомъ дѣлѣ осталось еще много ребяческаго — закипѣли мстительныя, фантастическія, опьяняющія мечты. «Глупости! Вся жизнь передо мной! — думалъ Ромашовъ, и, въ увлеченіи своими мыслями, онъ зашагалъ бодрѣе и задышалъ глубже. — Вотъ, на зло имъ всѣмъ, завтра же съ утра засяду за книги, подготовлюсь и поступлю въ академію. Трудъ! О, трудомъ можно сдѣлать все, что захочешь. Взять только себя въ руки. Буду зубрить, какъ бѣшеный... И вотъ, неожиданно для всѣхъ, я выдерживаю блистательно экзаменъ. И тогда навѣрно всѣ они скажутъ: «Что же тутъ такого удивительнаго? Мы были заранѣе въ этомъ увѣрены. Такой способный, милый, талантливый молодой человѣкъ».

И Ромашовъ поразительно-живо увидѣлъ себя ученымъ офицеромъ генеральнаго штаба, подающимъ громадныя надежды... Имя его записано въ академіи на золотую доску. Профессора сулятъ ему блестящую будущность, предлагаютъ остаться при академіи, но — нѣтъ — онъ идетъ въ строй. Надо отбывать срокъ командованія ротой. Непремѣнно, ужъ непременно въ своемъ полку. Вотъ онъ пріѣзжаетъ сюда — изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вѣжливый, какъ тѣ офицеры генеральнаго штаба, которыхъ онъ видѣлъ на прошлогоднихъ большихъ маневрахъ и на

съемкахъ. Отъ общества офицеровъ онъ сторонится. Грубыя армейскія привычки, фамиллярность, карты, попойки — нѣтъ, это не для него: онъ помнитъ, что здѣсь только этапъ на пути его дальнѣйшей карьеры и славы.

Вотъ начались маневры. Большой двухсторонній бой. Полковникъ Шульговичъ не понимаетъ диспозиціи, путается, суетитъ людей и самъ суетится, — ему уже дѣлалъ два раза замѣчаніе черезъ ординарцевъ командиръ корпуса. «Ну, капитанъ, выручайте, — обращается онъ къ Ромашову. — Знаете, по старой дружбѣ. Помните, хе-хе-хе, какъ мы съ вами ссорились? Ужъ, пожалуйста». Лицо сконфуженное и заискивающее. Но Ромашовъ, безукоризненно отдавая честь и подавшись впередъ на сѣдлѣ, отвѣчаетъ съ спокойно-высокомѣрнымъ видомъ: «Виноватъ, г. полковникъ... Это — ваша обязанность распоряжаться передвиженіями полка. Мое дѣло — принимать приказанія и исполнять ихъ...» А ужъ отъ командира корпуса летитъ третій ординарецъ съ новымъ выговоромъ.

Блестящій офицеръ генеральнаго штаба Ромашовъ идетъ все выше и выше по пути служебной карьеры... Вотъ вспыхнуло возмущеніе рабочихъ на большомъ сталелитейномъ заводѣ. Спѣшно вытребована рота Ромашова. Ночь, зарево пожара, огромная воющая толпа, летятъ камни... Стройный, красивый капитанъ выходитъ впередъ роты. Это — Ромашовъ. «Братцы, — обращается онъ къ рабочимъ: — въ третій и послѣдній разъ предупреждаю, что буду стрѣлять!..» Крики, свистъ, хохотъ... Камень ударяетъ въ плечо Ромашову, но его мужественное, открытое лицо остается спокойнымъ. Онъ поворачивается назадъ, къ солдатамъ, у которыхъ глаза пылаютъ гнѣвомъ, потому что обидѣли ихъ обожаемаго начальника. «Прямо по толпѣ, пальба ротою... Рота-а, пли!..» Сто выстрѣловъ сливаются въ одинъ... Ревъ

ужаса. Десятки мертвыхъ и раненыхъ валятся въ кучу... Остальные бѣгутъ въ беспорядкѣ, нѣкоторые становятся на колѣни, умоляя о пощадѣ. Бунтъ усмиренъ. Ромашова ждетъ впереди благодарность начальства и награда за примѣрное мужество.

А тамъ война... Нѣтъ, до войны лучше Ромашовъ поѣдетъ военнымъ шпиономъ въ Германію. Изучить нѣмецкій языкъ до полного совершенства и поѣдетъ. Какая упоительная отвага! Одинъ, совсѣмъ одинъ, съ нѣмецкимъ паспортомъ въ карманѣ, съ шарманкой за плечами. Обязательно съ шарманкой. Ходитъ изъ города въ городъ, вертитъ ручку шарманки, собираетъ пфенниги, притворяется дуракомъ и въ то же время потихоньку снимаетъ планы укрѣпленій, складовъ, казармъ, лагерей. Кругомъ вѣчная опасность. Свое правительство отступилось отъ него, онъ внѣ законовъ. Удастся ему достать цѣнныя свѣдѣнія — у него деньги, чины, положеніе, извѣстность, нѣтъ — его разстрѣляютъ безъ суда, безъ всякихъ формальностей, рано утромъ во рву какого-нибудь косога капонира. Вотъ ему сострадательно предлагаютъ завязать глаза косынкой, но онъ съ гордостью швыряетъ ее на землю. «Развѣ вы думаете, что настоящій офицеръ боится поглядѣть въ лицо смерти?» Старый полковникъ говоритъ участливо: «Послушайте, вы молоды, мой сынъ въ такомъ же возрастѣ, какъ и вы. Назовите вашу фамилію, назовите только вашу національность, и мы замѣнимъ вамъ смертную казнь заключеніемъ». Но Ромашовъ перебиваетъ его съ холодной вѣжливостью: «Это напрасно, полковникъ, благодарю васъ. Дѣлайте свое дѣло». Зачѣмъ онъ обращается ко взводу стрѣлковъ. «Солдаты, — говоритъ онъ твердымъ голосомъ, конечно, по-нѣмецки: — прошу васъ о товарищеской услугѣ: цѣльтесь въ сердце!» Чувствительный лейтенантъ, едва скрывая слезы, машетъ бѣлымъ платкомъ. Залпъ...

Эта картина вышла въ воображеніи такой живой и яркой, что Ромашовъ, уже давно шагавшій частыми, большими шагами и глубоко дышавшій, вдругъ задрожалъ и въ ужасѣ остановился на мѣстѣ со сжатыми судорожно кулаками и бьющимся сердцемъ. Но тотчасъ же, слабо и виновато улыбнувшись самому себѣ въ темнотѣ, онъ съежился и продолжалъ путь.

Но скоро быстрыя, какъ потокъ, неодолимая мечты опять овладѣли имъ. Началась ожесточенная, кровопролитная война съ Пруссіей и Австріей. Огромное поле сраженія, трупы, гранаты, кровь, смерть! Это генеральный бой, рѣшающій всю судьбу кампаніи. Подходятъ послѣдніе резервы, ждуть съ минуты на минуту появленія въ тылу непріятеля обходной русской колонны. Надо выдержать ужасный натискъ врага, надо отстояться во что бы то ни стало. И самый страшный огонь, самыя яростныя усилія непріятеля направлены на Керенскій полкъ. Солдаты дерутся, какъ львы, они ни разу не поколебались, хотя ряды ихъ съ каждой секундой таютъ подъ градомъ вражескихъ выстрѣловъ. Историческій моментъ! Продержаться бы еще минуту, двѣ, — и побѣда будетъ вырвана у противника. Но полковникъ Шульговичъ въ смятеніи; онъ храбръ — это безспорно, но его нервы не выдерживаютъ этого ужаса. Онъ закрываетъ глаза, содрогается, блѣднѣетъ... Вотъ онъ уже сдѣлалъ знакъ горнисту играть отступление, вотъ уже солдатъ приложилъ рожокъ къ губамъ, но въ эту секунду изъ-за холма на взмыленной арабской лошади вылетаетъ начальникъ дивизионнаго штаба, полковникъ Ромашовъ. «Полковникъ, не смѣть отступать! Здѣсь рѣшается судьба Россіи!..» Шульговичъ вспыхиваетъ: «Полковникъ! Здѣсь я командую, и я отвѣчаю передъ Богомъ и государемъ! Горнисть, отбой!» Но Ромашовъ уже выхватилъ изъ рукъ трубача рожокъ. «Ребята, впередъ! Царь и родина смот-

рять на васъ! Ура!» Бѣшено, съ потрясающимъ крикомъ ринулись солдаты впередъ, вслѣдъ за Ромашовымъ. Все смѣшалось, заволокло дымомъ, покатилося куда-то въ пропасть. Непрiятельскiе ряды дрогнули и отступаютъ въ безпорядкѣ. А сзади ихъ, далеко за холмами уже блестятъ штыки свѣжей, обходной колонны. «Ура, братцы, побѣда!..»

Ромашовъ, который теперь уже не шелъ, а бѣжалъ, оживленно размахивая руками, вдругъ остановился и съ трудомъ пришелъ въ себя. По его спинѣ, по рукамъ и ногамъ, подъ одеждой, по голому тѣлу, казалось, бѣгали чьи-то холодные пальцы, волосы на головѣ шевелились, глаза рѣзало отъ восторженныхъ слезъ. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего дома, и теперь, очнувшись отъ пылкихъ грезъ, съ удивленiемъ глядѣлъ на хорошо знакомыя ему ворота, на жидкiй фруктовый садъ за ними и на бѣлый крошечный флигелекъ въ глубинѣ сада.

— Какiя однако глупости лѣзутъ въ башку! — прошепталъ онъ сконфуженно. И его голова робко ушла въ приподнятыя кверху плечи.

III.

Придя къ себѣ, Ромашовъ, какъ былъ въ пальто, не снявъ даже шашки, легъ на кровать и долго лежалъ, не двигаясь, тупо и пристально глядя въ потолокъ. У него болѣла голова и ломило спину, а въ душѣ была такая пустота, точно тамъ никогда не рождалось ни мыслей, ни воспоминанiй, ни чувствъ: не ощущалось даже ни раздраженiя ни скуки, а просто лежало что-то большее, темное и равнодушное.

За окномъ мягко гасли грустныя и нѣжныя зеленоватыя апрѣльскiя сумерки. Въ сѣняхъ тихо возился денщикъ, осторожно гремя чѣмъ-то металлическимъ.

«Вотъ странно, — говорилъ про себя Ромашовъ: — гдѣ-то я читалъ, что человѣкъ не можетъ ни одной секунды не думать. А я вотъ лежу и ни о чемъ не думаю. Такъ ли это? Нѣтъ, я сейчасъ думалъ о томъ, что ничего не думаю, — значитъ, все-таки какое-то колесо въ мозгу вертѣлось. И вотъ сейчасъ опять провѣряю себя, стало-быть, опять-таки думаю...»

И онъ до тѣхъ поръ разбирался въ этихъ нудныхъ, запутанныхъ мысляхъ, пока ему вдругъ не стало почти физически противно: какъ будто у него подъ черепомъ расплылась сѣрая, грязная паутина, отъ которой никакъ нельзя было освободиться. Онъ поднялъ голову съ подушки и крикнулъ:

— Гайнанъ!..

Въ сѣняхъ что-то грохнуло и покатилося — должно-быть, самоварная труба. Въ комнату ворвался денщикъ, такъ быстро и съ такимъ шумомъ отворивъ и затворивъ дверь, точно за нимъ гнались сзади.

— Я, ваше благородіе! — крикнулъ Гайнанъ испуганнымъ голосомъ.

— Отъ поручика Николаева никто не былъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! — крикнулъ Гайнанъ.

Между офицеромъ и денщикомъ давно уже установились простыя, доверчивыя, даже нѣсколько любовно-фамиллярныя отношенія. Но когда дѣло доходило до казенныхъ официальныхъ отвѣтовъ, въ родѣ «точно такъ», «никакъ нѣтъ», «здравія желаю», «не могу знать», то Гайнанъ невольно выкрикивалъ ихъ тѣмъ деревяннымъ, сдавленнымъ, бессмысленнымъ крикомъ, какимъ всегда говорятъ солдаты съ офицерами въ строю. Это была безсознательная привычка, которая вѣлася въ него съ первыхъ дней его новобранства и, вѣроятно, засѣла на всю жизнь.

Гайнанъ былъ родомъ черемисъ, а по религіи — идолопоклонникъ. Последнее обстоятельство почему-то очень льстило Ромашову. Въ полку между молодыми офицерами была распространена довольно наивная, мальчишеская, смѣхотворная игра: обучать денщиковъ разнымъ диковиннымъ, необыкновеннымъ вещамъ. Вѣткинъ, на примѣръ, когда къ нему приходили въ гости товарищи, обыкновенно спрашивалъ своего денщика-молдаванина: «А что, Бузескуль, осталось у насъ въ погребѣ еще шампанское?» Бузескуль отвѣчалъ на это совершенно серьезно: «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, вчера изволили выпить послѣднюю дюжину». Другой офицеръ, подпоручикъ Епифановъ, любилъ задавать своему денщику мудреные, пожалуй, врядъ ли ему самому понятные вопросы. «Какого ты мнѣнія, другъ мой, — спрашивалъ онъ: — о реставраціи монархическаго начала въ современной Франціи?» И денщикъ, не сморгнувъ, отвѣчалъ: «Точно такъ, ваше благородіе, это выходитъ очень хорошо». Поручикъ Бобетинскій училъ денщика катехизису, и тотъ безъ запинки отвѣчалъ на самые удивительные, оторванные отъ всего вопросы: «Почему сіе важно въ-третьихъ?»—«Сіе въ-третьихъ не важно», или—«Какого мнѣнія о семъ святая Церковь?»—«Святая Церковь о семъ умалчиваетъ». У него же денщикъ декламировалъ съ нелѣпыми трагическими жестами монологъ Пимена изъ «Бориса Годунова». Распространена была также манера заставлятъ денщиковъ говорить по-французски: бонжуръ, мусьё, боннъ нютъ, мусьё, вуле ву дю те, мусьё,—и все въ томъ же родѣ, что придумывалось, какъ оттяжка, отъ скуки, отъ узости замкнутой жизни, отъ отсутствія другихъ интересовъ, кромѣ служебныхъ.

Ромашовъ часто разговаривалъ съ Гайнаномъ о его богахъ, о которыхъ, впрочемъ, самъ черемисъ имѣлъ довольно темныя и скудныя понятія, а также, въ особен-

ности, о томъ, какъ онъ принималъ присягу на вѣрность престолу и родинѣ. А принималъ онъ присягу дѣйствительно весьма оригинально. Въ то время, когда формулу присяги читалъ: православнымъ — священникъ, католикамъ — ксендзъ, евреямъ — раввинъ, протестантамъ, за неимѣніемъ пастора — штабсъ-капитанъ Дицъ, а магометанамъ — поручикъ Бекъ-Агамаловъ, — съ Гайнаномъ была совсѣмъ особая исторія. Полковой адъютантъ поднесъ поочередно ему и двумъ его землякамъ и единовѣрцамъ по куску хлѣба съ солью на остреѣ шашки, и тѣ, не касаясь хлѣба руками, взяли его ртомъ и тутъ же съѣли. Символическій смыслъ этого обряда былъ, кажется, таковъ: вотъ я съѣлъ хлѣбъ и соль на службѣ у новаго хозяина, — пусть же меня покараетъ желѣзо, если я буду невѣренъ. Гайнанъ, повидимому, нѣсколько гордился этимъ исключительнымъ обрядомъ и охотно о немъ вспоминалъ. А такъ какъ съ каждымъ новымъ разомъ онъ вносилъ въ свой рассказъ все новыя и новыя подробности, то въ концѣ концовъ у него получилась какая-то фантастическая, невѣроятно-недѣлая и, вправду, смѣшная сказка, весьма занимавшая Ромашова и приходившихъ къ нему подпоручиковъ.

Гайнанъ и теперь думалъ, что поручикъ сейчасъ же начнетъ съ нимъ привычный разговоръ о богахъ и о присягѣ, и потому стоялъ и хитро улыбался въ ожиданіи. Но Ромашовъ сказалъ вяло:

— Ну, хорошо... ступай себѣ...

— Суртукъ тебѣ новый приготовить, ваше благородіе? — заботливо спросилъ Гайнанъ.

Ромашовъ молчалъ и колебался. Ему хотѣлось сказать — да... потомъ — нѣтъ, потомъ опять — да. Онъ глубоко, по-дѣтски, въ нѣсколько пріемовъ, вздохнулъ и отвѣтилъ уныло:

— Нѣтъ ужъ, Гайнанъ... зачѣмъ ужъ... Богъ съ

ними... Давай, братецъ, самоваръ, да потомъ сбѣгаешь въ собраніе за ужиномъ. Что ужъ!

«Сегодня нарочно не пойду, — упрямо, но бессильно подумалъ онъ. — Невозможно каждый день надоѣдать людямъ, да и... вовсе мнѣ тамъ, кажется, не рады».

Въ умѣ это рѣшеніе казалось твердымъ, но гдѣ-то глубоко и потаенно въ душѣ, почти не проникая въ сознаніе, копошилась увѣренность, что онъ сегодня, какъ и вчера, какъ дѣлалъ это почти ежедневно въ послѣдніе три мѣсяца, все-таки пойдетъ къ Николаевымъ. Каждый день, уходя отъ нихъ въ 12 часовъ ночи, онъ, со стыдомъ и раздраженіемъ на собственную безхарактерность, давалъ себѣ честное слово пропустить недѣлю или двѣ, а то и вовсе перестать ходить къ нимъ. И пока онъ шелъ къ себѣ, пока ложился въ постель, пока засыпалъ, онъ вѣрилъ тому, что ему будетъ легко сдержать свое слово. Но проходила ночь, медленно и противно влачился день, наступалъ вечеръ, и его опять неудержимо тянуло въ этотъ чистый, свѣтлый домъ, въ уютныя комнаты, къ этимъ спокойнымъ и веселымъ людямъ и, главное, къ сладостному обаянію женской красоты, ласки и кокетства.

Ромашовъ сѣлъ на кровати. Становилось темно, но онъ еще хорошо видѣлъ всю свою комнату. О, какъ надоѣло ему видѣть каждый день все тѣ же убогіе немногочисленные предметы его «обстановки». Лампа съ розовымъ колпакомъ-тюльпаномъ на крошечномъ письменномъ столѣ, рядомъ съ круглымъ, торопливо стучащимъ будильникомъ и чернильницей въ видѣ мопса; на стѣнѣ вдоль кровати войлочный коверъ съ изображеніемъ тигра и верхового арапа съ копьемъ; жиденская этажерка съ книгами въ одномъ углу, а въ другомъ фантастическій силуэтъ віолончельнаго футляра; надъ единственнымъ окномъ соломенная штора, свернутая въ трубку; около двери простыня, закрывающая вѣшалку съ платьемъ. У

каждаго холостого офицера, у каждого подпрапорщика были неизмѣнно точно такія же вещи, за исключеніемъ, впрочемъ, віолончели; ее Ромашовъ взялъ изъ полкового оркестра, гдѣ она была совсѣмъ ненужна, но, не выучивъ даже мажорной гаммы, забросилъ и ее и музыку еще годъ тому назадъ.

Годъ тому назадъ съ небольшимъ Ромашовъ, только что выйдя изъ военнаго училища, съ наслажденіемъ и гордостью обзаводился этими пошлыми предметами. Конечно — своя квартира, собственныя вещи, возможность покупать, выбирать по своему усмотрѣнію, устраиваться по своему вкусу, — все это наполняло самолюбивымъ восторгомъ душу двадцатилѣтняго мальчика, вчера только сидѣвшаго на ученической скамейкѣ и ходившаго къ чаю и завтраку въ строю, вмѣстѣ съ товарищами. И какъ много было надеждъ и плановъ въ то время, когда покупались эти жалкіе предметы роскоши!.. Какая строгая программа жизни намѣчалась! Въ первые два года — основательное знакомство съ классической литературой, систематическое изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, занятія музыкой. Въ послѣдній годъ — подготовка къ академіи. Необходимо было слѣдить за общественной жизнью, за литературой и наукой, и для этого Ромашовъ подписался на газету и на ежемѣсячный популярный журналъ. Для самообразованія были пріобрѣтены: «Психологія» Вундта, «Физиологія» Льюиса, «Самодѣятельность» Смайльса...

И вотъ книги лежатъ уже девять мѣсяцевъ на этажеркѣ, и Гайнъанъ забываетъ сметать съ нихъ пыль, газеты съ неразорванными бандеролями валяются подъ письменнымъ столомъ, журналъ больше не высылаютъ за невзносъ очередной полугодовой платы, а самъ подпоручикъ Ромашовъ пьетъ много водки въ собраніи, имѣетъ длинную, грязную и скучную связь съ полковой дамой, съ которой вмѣстѣ обманываетъ ея чахоточнаго и ревни-

ваго мужа, играетъ въ штоссъ и все чаще и чаще тяготится и службой, и товарищами, и собственной жизнью.

— Виновать, ваше благородіе! — крикнулъ денщикъ, внезапно съ грохотомъ выскочивъ изъ сѣней. Но тотчасъ же онъ заговорилъ совершенно другимъ, простымъ и добродушнымъ тономъ:

— Забылъ сказать. Тебѣ отъ барыни Петерсонъ письма пришла. Денщикъ принесъ, велѣлъ тебѣ отвѣтъ писать.

Ромашовъ, поморщившись, разорвалъ длинный, узкій розовый конвертъ, на углу котораго летѣлъ голубь съ письмомъ въ клювѣ.

— Зажги лампу, Гайнъанъ, — приказалъ онъ денщику.

«Милый, дорогой, усатенькій Жоржикъ, — читалъ Ромашовъ хорошо знакомыя ему, катящіяся внизъ, неряшливыя строки. — Ты не былъ у насъ вотъ уже цѣлую недѣлю, и я такъ за тобой скучилась, что всю прошлую ночь проплакала. Помни одно, что если ты хочешь съ меня смѣяться, то я этой измѣны не перенесу. Одинъ глотокъ съ пузырька съ морфіемъ, и я перестану навѣкъ страдать, а тебя сгрызетъ совѣсть. Приходи непременно сегодня въ 7^{1/2} часовъ вечера. Е го не будетъ дома, онъ будетъ на тактическихъ занятіяхъ, и я тебя крѣпко, крѣпко, крѣпко расцѣлую, какъ только смогу. Приходи же. Цѣлую тебя 1000000000... разъ. Вся твоя Раиса.

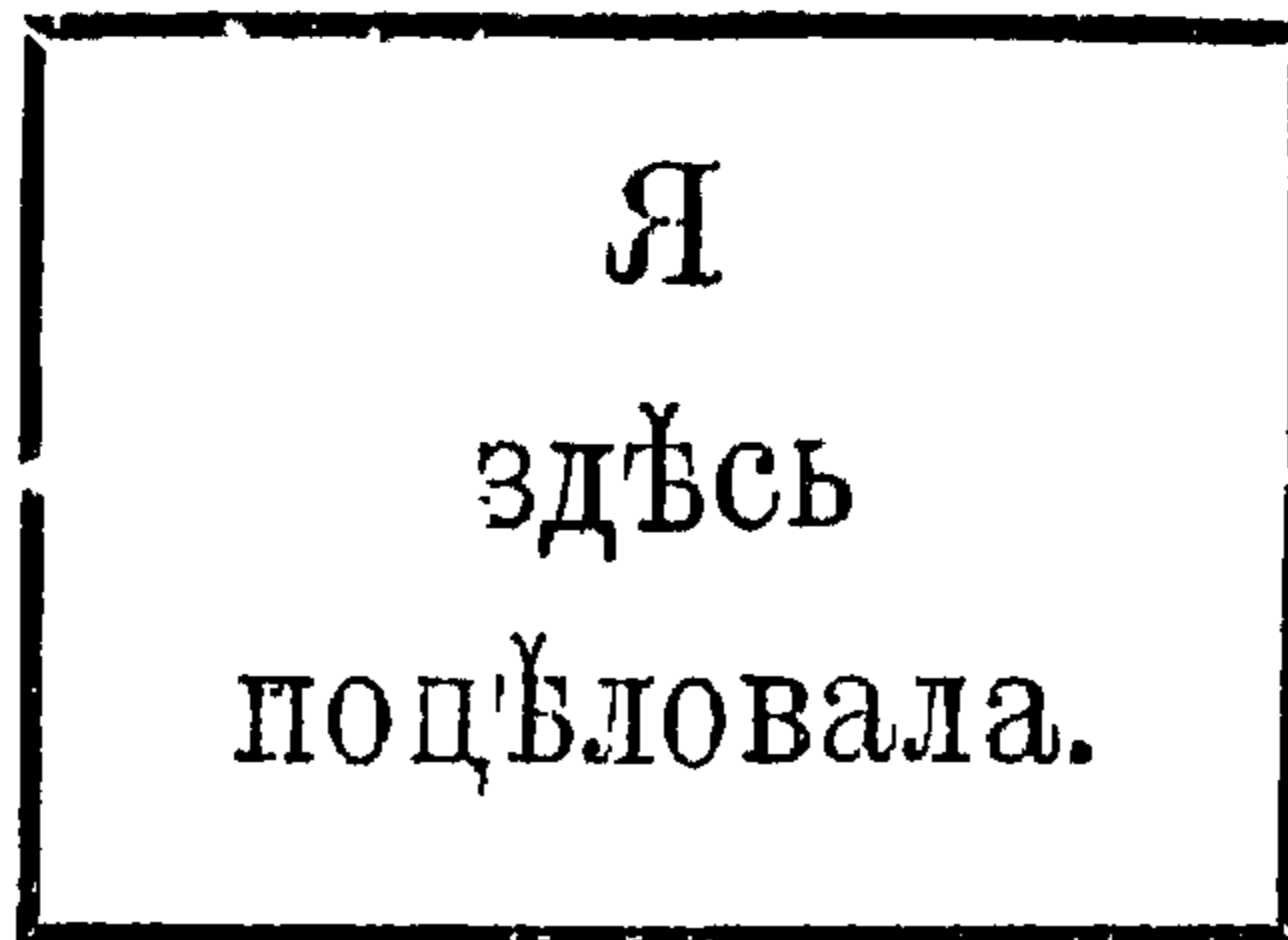
«PS. Помнишь ли, милая, вѣтки могучія
Ивы надъ этой рѣкой,
Ты мнѣ дарила лобзанія жгучія,
Ихъ раздѣлялъ я съ тобой.

Р.

«PPS. Вы непременно, непременно должны быть въ собраніи на вечерѣ въ слѣдующую субботу. Я васъ заранее приглашаю на 3-ю кадрили. По значенію!!!!!!

«R. P.»

И наконецъ, въ самомъ низу четвертой страницы было изображено слѣдующее:

Отъ письма пахло знакомыми духами — персидской сиренью, капли этихъ духовъ желтыми пятнами засохли кое-гдѣ на бумагѣ, и подъ ними многія буквы расплылись въ разныя стороны. Этотъ приторный запахъ, вмѣстѣ съ пошло-игривымъ тономъ письма, вмѣстѣ съ выплывшимъ въ воображеніи рыжеволосымъ, маленькимъ, лживымъ лицомъ; вдругъ поднялъ въ Ромашовѣ нестерпимое отвращеніе. Онъ со злобнымъ наслажденіемъ разорвалъ письмо пополамъ, потомъ сложилъ и разорвалъ на четыре части, и еще, и еще, и когда наконецъ рукамъ стало трудно рвать, бросилъ клочки подъ столъ, крѣпко стиснувъ и оскаливъ зубы. И все-таки Ромашовъ въ эту секунду успѣлъ по своей привычкѣ подумать о самомъ себѣ картинно въ третьемъ лицѣ:

«И онъ разсмѣялся горькимъ, презрительнымъ смѣхомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сейчасъ же понялъ, что непременно пойдетъ къ Николаевымъ: «Но это ужъ въ самый, самый послѣдній разъ!» — пробовалъ онъ обмануть самого себя. И ему сразу стало весело и спокойно:

— Гайнанъ, одѣваться!

Онъ съ нетерпѣніемъ умылся, надѣлъ новый сюртукъ, надушилъ чистый носовой платокъ цвѣточнымъ одеколономъ. Но когда онъ, уже совсѣмъ одѣтый, собрался выходить, его неожиданно остановилъ Гайнанъ.

— Ваше благородіе! — сказалъ черемисъ необычнымъ

мягкимъ и просительнымъ тономъ и вдругъ затанцовалъ на мѣстѣ.

Онъ всегда такъ танцовалъ, когда сильно волновался или смущался чѣмъ-нибудь: выдвигалъ то одно, то другое колѣно впередъ, поводилъ плечами, вытягивалъ и прямилъ шею и нервно шевелилъ пальцами опущенныхъ рукъ.

— Что тебѣ еще?

— Ваше благородіе, хочу тебѣ, поджаласта, очень попросить. Подари мнѣ бѣлый господинъ.

— Что такое? Какой бѣлый господинъ?

— А который велѣлъ выбросить. Вотъ этотъ, вотъ...

Онъ показалъ пальцемъ за печку, гдѣ стоялъ на полу бюстъ Пушкина, прибрѣтенный какъ-то Ромашовымъ у захожаго разносчика. Этотъ бюстъ, кстати, изображавшій, несмотря на надпись на немъ, стараго еврейскаго маклера, а не великаго русскаго поэта, былъ такъ уродливо сработанъ, такъ засиженъ мухами и такъ намозолил Ромашову глаза, что онъ дѣйствительно приказалъ на-дняхъ Гайнàну выбросить его на дворъ.

— Зачѣмъ онъ тебѣ? — спросилъ подпоручикъ, смѣясь. — Да бери, сдѣлай милость, бери. Я очень радъ. Мнѣ не нужно. Только зачѣмъ тебѣ?

Гайнàнъ молчалъ и переминался съ ноги на ногу.

— Ну, да ладно, Богъ съ тобой, — сказалъ Ромашовъ. — Только ты знаешь, кто это?

Гайнàнъ ласково и смущенно улыбнулся и затанцовалъ пуще прежняго.

— Я не знай... — И утеръ рукавомъ губы.

— Не знаешь — такъ знай. Это — Пушкинъ. Александръ Сергѣичъ Пушкинъ. Понялъ? Повтори за мной: Александръ Сергѣичъ...

— Бесіевъ, — повторилъ рѣшительно Гайнàнъ.

— Бесіевъ? Ну, пусть будетъ Бесіевъ, — согласился

Ромашовъ. — Однако я ушелъ. Если придуть отъ Петерсоновъ, скажешь, что подпоручикъ ушелъ, а куда — неизвестно. Понялъ? А если что-нибудь по службѣ, то бѣги за мной на квартиру поручика Николаева. Прощай, старина!.. Возьми изъ собранія мой ужинъ и можешь его съѣсть.

Онъ дружелюбно хлопнулъ по плечу черемиса, который въ отвѣтъ молча улыбнулся ему широко, радостно и фамиллярно.

IV.

На дворѣ стояла совершенно черная, непроницаемая ночь, такъ что сначала Ромашову приходилось, точно слѣпому, ощупывать передъ собой дорогу. Ноги его въ огромныхъ калошахъ уходили глубоко въ густую, какъ рахатъ-лукумъ, грязь и вылѣзали оттуда со свистомъ и чавканьемъ. Иногда одну изъ калошъ засасывало такъ сильно, что изъ нея выскакивала нога, и тогда Ромашову приходилось, балансируя на одной ногѣ, другою ногою впотьмахъ наугадъ отыскивать исчезнувшую калошу.

Мѣстечко точно вымерло, даже собаки не лаяли. Изъ оконъ низенькихъ бѣлыхъ домовъ кое-гдѣ струился туманными прямыми полосами свѣтъ и длинными косяками ложился на желто-бурую блестящую землю. Но отъ мокрыхъ и липкихъ заборовъ, вдоль которыхъ все время держался Ромашовъ, отъ сырой коры тополей, отъ дорожной грязи пахло чѣмъ-то весеннимъ, крѣпкимъ, счастливымъ, чѣмъ-то бессознательно и весело раздражающимъ. Даже сильный вѣтеръ, стремительно носившійся по улицамъ, дулъ по-весеннему неровно, прерывисто, точно вздрагивая, путаясь и шая.

Передъ домомъ, который занимали Николаевы, подпо-

ручикъ остановился, охваченный минутной слабостью и колебаніемъ. Маленькія окна были закрыты плотными коричневыми занавѣсками, но за ними чувствовался ровный, яркій свѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ портьера загнулась, образовавъ длинную, узкую щель. Ромашовъ припалъ головой къ стеклу, волнуясь и стараясь дышать какъ можно тише, точно его могли услышать въ комнатѣ.

Онъ увидѣлъ лицо и плечи Александры Петровны, сидѣвшей глубоко и немного сгорбившись на знакомомъ диванѣ изъ зеленого рипса. По этой позѣ и по легкимъ движеніямъ тѣла, по опущенной низко головѣ видно было, что она занята рукодѣльемъ.

Вотъ она внезапно выпрямилась, подняла голову кверху и глубоко передохнула... Губы ея шевелятся... «Что она говоритъ? — думалъ Ромашовъ. — Вотъ улыбнулась. Какъ это странно — глядѣть сквозь окно на говорящаго человѣка и не слышать его!»

Улыбка внезапно сошла съ лица Александры Петровны, лобъ нахмурился. Опять быстро, съ настойчивымъ выраженіемъ зашевелились губы, и вдругъ опять улыбка — шаловливая и насмѣшливая. Вотъ покачала головой медленно и отрицательно. «Можетъ-быть, это про меня?» — робко подумалъ Ромашовъ. Чѣмъ-то тихимъ, чистымъ, безопасно-спокойнымъ вѣяло на него отъ этой молодой женщины, которую онъ разсматривалъ теперь, точно нарисованную на какой-то живой, милой, давно знакомой картинѣ. «Шурочка!» — прошепталъ Ромашовъ нѣжно.

Александра Петровна неожиданно подняла лицо отъ работы и быстро, съ тревожнымъ выраженіемъ повернула его къ окну. Ромашову показалось, что она смотритъ прямо ему въ глаза. У него отъ испуга сжалось и похолодѣло сердце, и онъ поспѣшно отпрянулъ за выступъ стѣны. На одну минуту ему стало совѣстно. Онъ

уже почти готовъ былъ вернуться домой, но преодолѣлъ себя и черезъ калитку прошелъ въ кухню.

Въ то время, какъ денщикъ Николаевыхъ снималъ съ него грязныя калоши и очищалъ ему кухонной тряпкой сапоги, а онъ протиралъ платкомъ запотѣвшія въ теплѣ очкѣи, поднося ихъ вплотную къ близорукимъ глазамъ, изъ гостиной послышался звонкій голосъ Александры Петровны:

— Степанъ, это приказъ принесли?

«Это она нарочно!—подумалъ, точно казня себя, подпоручикъ.—Знаеть вѣдь, что я всегда въ такое время прихожу».

— Нѣтъ, это я, Александра Петровна!—крикнулъ онъ въ дверь фальшивымъ голосомъ.

— А! Ромочка! Ну, входите, входите. Чего вы тамъ застряли? Володя, это Ромашовъ пришелъ.

Ромашовъ вошелъ, смущенно и неловко сгорбившись и безъ нужды потирая руки.

— Воображаю, какъ я вамъ надоѣлъ, Александра Петровна.

Онъ сказалъ это, думая, что у него выйдетъ весело и развязно, но вышло неловко и, какъ ему тотчасъ же показалось, страшно-неестественно.

— Опять за глупости!—воскликнула Александра Петровна.—Садитесь, будемъ чай пить.

Глядя ему въ глаза внимательно и ясно, она, по обыкновенію, энергично пожала своей маленькой, теплой и мягкой рукой его холодную руку.

Николаевъ сидѣлъ спиной къ нимъ, у стола, заваленнаго книгами, атласами и чертежами. Онъ въ этомъ году долженъ былъ держать экзамень въ академію генеральнаго штаба и весь годъ упорно, безъ отдыха готовился къ нему. Это былъ уже третій экзамень, такъ какъ два года подъ рядъ онъ проваливался.

Не оборачиваясь назадъ, глядя въ раскрытую передъ нимъ книгу, Николаевъ протянулъ Ромашову руку черезъ плечо и сказалъ спокойнымъ, густымъ голосомъ:

— Здравствуйте, Юрій Алексѣичъ. Новостей нѣтъ? Шурочка! Дай ему чаю. Ужъ простите меня, я занятъ.

«Конечно, я напрасно пришелъ,—опять съ отчаяніемъ подумалъ Ромашовъ.—О, я дуракъ!»

— Нѣтъ, какія же новости... Центавръ разнесъ въ собраніи подполковника Леха. Тотъ былъ совсѣмъ пьянъ, говорятъ. Вездѣ въ ротахъ требуетъ рубку чучель... Епифана закаталъ подъ арестъ.

— Да?—разсѣянно переспросилъ Николаевъ.— Скажите, пожалуйста.

— Мнѣ тоже влетѣло — на четверо сутокъ... Однимъ словомъ; новости старыя.

Ромашову казалось, что голосъ у него какой-то чужой и такой сдавленный, точно въ горлѣ что-то застряло. «Какимъ я, должно-быть, кажусь жалкимъ!»— подумалъ онъ, но тотчасъ же успокоилъ себя тѣмъ обычнымъ пріемомъ, къ которому часто прибѣгаютъ застѣнчивые люди: «Вѣдь это всегда, когда конфузишься, то думаешь, что всѣ это видятъ, а на самомъ дѣлѣ только тебѣ это замѣтно, а другимъ вовсе нѣтъ».

Онъ сѣлъ на кресло рядомъ съ Шурочкой, которая, быстро мелькая крючкомъ, вязала какое-то кружево. Она никогда не сидѣла безъ дѣла, и всѣ скатерти, салфеточки, абажуры и занавѣски въ домѣ были связаны ея руками.

Ромашовъ осторожно взялъ пальцами нитку, шедшую отъ клубка къ ея рукѣ, и спросилъ:

— Какъ называется это вязанье?

— Гипюръ. Вы въ десятый разъ спрашиваете.

Шурочка вдругъ быстро, внимательно взглянула на подпоручика и такъ же быстро опустила глаза на вязанье. Но сейчасъ же опять подняла ихъ и засмѣялась.

— Да вы ничего, Юрій Алексѣвичъ... вы посидите и оправьтесъ немного. «Оправьсь!» — какъ у васъ командуютъ.

Ромашовъ вздохнулъ и покосился на могучую шею Николаева, рѣзко бѣлѣвшую надъ воротникомъ сѣрой тужурки.

— Счастливецъ Владимиръ Ефимычъ, — сказалъ онъ. — Вотъ лѣтомъ въ Петербургъ поѣдетъ... въ академію поступить.

— Ну, это еще надо посмотрѣть! — задорно, по адресу мужа, воскликнула Шурочка. — Два раза съ позоромъ возвращались въ полкъ. Теперь ужъ въ послѣдній.

Николаевъ обернулся назадъ. Его воинственное и доброе лицо, съ пушистыми усами, покраснѣло, а большіе, темные, воловьи глаза сердито блеснули.

— Не болтай глупостей, Шурочка! Я сказалъ: выдержи, — и выдержи. — Онъ крѣпко стукнулъ ребромъ ладони по столу. — Ты только сидишь и каркаешь. Я сказалъ!..

— Я сказалъ! — передразнила его жена и тоже, какъ и онъ, ударила маленькой смуглой ладонью по колѣну. — А ты вотъ лучше скажи-ка мнѣ, какимъ условіямъ долженъ удовлетворять боевой порядокъ части? Вы знаете, — бойко и лукаво засмѣялась она глазами Ромашову: — я вѣдь лучше его тактику знаю. Ну-ка, ты, Володя, офицеръ генеральнаго штаба, — какимъ условіямъ?

— Глупости, Шурочка, отстань, — недовольно буркнулъ Николаевъ.

Но вдругъ онъ вмѣстѣ со стуломъ повернулся къ женѣ, и въ его широко раскрывшихся красивыхъ и глуповатыхъ глазахъ показалось растерянное недоумѣніе, почти испугъ.

— Постой, дѣвочка, а вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ не все помню. Боевой порядокъ? Боевой порядокъ долженъ

быть такъ построены, чтобы онъ какъ можно меньше терялъ отъ огня, потомъ, чтобы было удобно командовать... Потомъ... постой...

— За постой деньги платятъ, — торжественно перебила Шурочка.

И она заговорила скороговоркой, точно первая ученица, опустивъ вѣки и покачиваясь:

— Боевой порядокъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: поворотливости, подвижности, гибкости, удобству командованія, приспособляемости къ мѣстности; онъ долженъ возможно меньше терпѣть отъ огня, легко свертываться и развертываться и быстро переходить въ походный порядокъ... Все!..

Она открыла глаза, съ трудомъ перевела духъ и, обративъ смѣющееся, подвижное лицо къ Ромашову, спросила:

— Хорошо?

— Чортъ, какая память! — завистливо, но съ восхищеніемъ произнесъ Николаевъ, углубляясь въ свои тетрадки.

— Мы вѣдь все вмѣстѣ, — пояснила Шурочка. — Я бы хоть сейчасъ выдержала экзаменъ. Самое главное, — она ударила по воздуху вязальнымъ крючкомъ: — самое главное — система. Наша система — это мое изобрѣтеніе, моя гордость. Ежедневно мы проходимъ кусокъ изъ математики, кусокъ изъ военныхъ наукъ — вотъ артиллерія мнѣ, правда, не дается: все какія-то противныя формулы, особенно въ баллистикѣ, — потомъ кусочекъ изъ уставовъ. Затѣмъ черезъ день оба языка и черезъ день географія съ исторіей.

— А русскій? — спросилъ Ромашовъ изъ вѣжливости.

— Русскій? Это — пустое. Правописаніе по Гроту мы уже одолѣли. А сочиненія вѣдь извѣстно — какія. Одни и тѣ же каждый годъ. «Рага расет, рага bellum». «Характеристика Онѣгина въ связи съ его эпохой»...

И вдругъ, вся оживившись, отнимая изъ рукъ подпоручика нитку, какъ бы для того, чтобы его ничто не развлекало, она страстно заговорила о томъ, что составляло весь интересъ; всю главную суть ея теперешней жизни.

— Я не могу, не могу здѣсь оставаться, Ромочка! Поймите меня! Остаться здѣсь—это значитъ опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикіе вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разныхъ суточныхъ и прогонныхъ... какихъ-то грошей!.. брррр... устраивать поочередно съ пріятельницами эти пошлые «балки», играть въ винтъ... Вотъ вы говорите, у насъ уютно. Да посмотрите же, ради Бога, на это мѣщанское благополучіе! Эти филе и гипюрчики—я ихъ сама связала, это платье, которое я сама передѣлывала, этотъ омерзительный мохнатенькій коверъ изъ кусочковъ... все это гадость, гадость! Поймите же, милый Ромочка, что мнѣ нужно общество, большое, настоящее общество, свѣтъ, музыка, поклоненіе, тонкая лесть, умные собесѣдники. Вы знаете, Володя пороку не выдумаетъ, но онъ честный, смѣлый, трудолюбивый человѣкъ. Пусть онъ только пройдетъ въ генеральный штабъ, и—клянусь—я ему сдѣлаю блестящую карьеру. Я знаю языки, я сумѣю себя держать въ какомъ угодно обществѣ, во мнѣ есть—я не знаю, какъ это выразить—есть такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумѣю приспособиться... Наконецъ, Ромочка, поглядите на меня, поглядите внимательно. Неужели я ужъ такъ неинтересна, какъ человѣкъ, и некрасива, какъ женщина, чтобы мнѣ всю жизнь киснуть въ этой труппѣ, въ этомъ гадкомъ мѣстечкѣ, котораго нѣтъ ни на одной географической картѣ!

И она, поспѣшно закрывъ лицо платкомъ, вдругъ расплакалась злыми, самолюбивыми, гордыми слезами.

Мужъ, обезпокоенный, съ недоумѣвающимъ и расте-

ряннымъ видомъ, тотчасъ же подбѣжалъ къ ней. Но Шурочка уже успѣла справиться съ собой и отняла платокъ отъ лица. Слезъ больше не было, хотя глаза ея еще сверкали злобнымъ, страстнымъ огонькомъ.

— Ничего, Володя, ничего, милый, — отстранила она его рукой.

И, уже со смѣхомъ, обращаясь къ Ромашову и опять отнимая у него изъ рукъ нитку, она спросила съ капризнымъ и кокетливымъ смѣхомъ:

— Отвѣчайте же, неуклюжій Ромочка, хороша я или нѣтъ? Если женщина напрашивается на комплиментъ, то не отвѣтить ей — верхъ невѣжливости!

— Шурочка, ну какъ тебѣ не стыдно, — разсудительно произнесъ съ своего мѣста Николаевъ.

Ромашовъ страдальчески-застѣнчиво улыбнулся, но вдругъ отвѣтилъ чуть-чуть задрожавшимъ голосомъ, серьезно и печально:

— Очень красивы!..

Шурочка крѣпко зажмурила глаза и шаловливо затрясла головой, такъ что разбившіеся волосы запрыгали у нея по лбу.

— Ро-омочка, какой вы смѣшно-ой! — пропѣла она тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

А подпоручикъ, покраснѣвъ, подумалъ про-себя, по обыкновенію: «Его сердце было жестоко разбито...»

Всѣ помолчали. Шурочка быстро мелькала крючкомъ. Владимиръ Ефимовичъ, переводившій на нѣмецкій языкъ фразы изъ самоучителя Туссена и Лангеншейдта, тихонько бормоталъ ихъ себѣ подъ носъ. Слышно было, какъ потрескивалъ и шипѣлъ огонь въ лампѣ, прикрытой желтымъ шелковымъ абажуромъ, въ видѣ шатра. Ромашовъ опять завладѣлъ ниткой и потихоньку, еле замѣтно для самого себя, потягивалъ ее изъ рукъ молодой женщины. Ему доставляло тонкое и нѣжное наслажде-

ніе чувствовать, какъ руки Шурочки безсознательно сопротивлялись его осторожнымъ усиліямъ. Казалось, что какой-то таинственный, связывающій и волнующій токъ струился по этой ниткѣ.

Въ то же время онъ сбоку, незамѣтно, но неотступно глядѣлъ на ея склоненную внизъ голову и думалъ, едва-едва шевеля губами, произнося слова внутри себя, молчаливымъ шопотомъ, точно ведя съ Шурочкой интимный и чувственный разговоръ:

«Какъ она смѣло спросила: хороша ли я? О! Ты прекрасна! Милая! Вотъ я сижу и гляжу на тебя — какое счастье! Слушай же: я расскажу тебѣ, какъ ты красива. Слушай. У тебя блѣдное и смуглое лицо. Страстное лицо. И на немъ красныя, горящія губы — какъ онѣ должны цѣловать! — и глаза, окруженные желтоватой тѣнью... Когда ты смотришь прямо, то бѣлки твоихъ глазъ чуть-чуть голубые, а въ большихъ зрачкахъ мутная, глубокая синева. Ты не брюнетка, но въ тебѣ есть что-то цыганское. Но зато твои волосы такъ чисты и тонки и сходятся сзади въ узелъ съ такимъ аккуратнымъ, наивнымъ и дѣловитымъ выраженіемъ, что хочется тихонько потрогать ихъ пальцами. Ты маленькая, ты легкая, я бы поднялъ тебя на руки, какъ ребенка. Но ты гибкая и сильная, у тебя грудь, какъ у дѣвушки, ты вся — порывистая, подвижная. На лѣвомъ ухѣ, внизу, у тебя маленькая родинка, точно слѣдъ отъ сережки — это прелестно!..»

— Вы не читали въ газетахъ объ офицерскомъ поединкѣ? — спросила вдругъ Шурочка.

Ромашовъ встрепенулся и съ трудомъ отвелъ отъ нея глаза.

— Нѣтъ, не читалъ. Но слышалъ. А что?

— Конечно, вы, по обыкновенію, ничего не читаете. Право, Юрій Алексѣевичъ, вы опускаетесь. По-моему,

вышло что-то нелѣпое. Я понимаю: поединки между офицерами—необходимая и разумная вещь,—Шурочка убедительно прижала вязанье къ груди.—Но зачѣмъ такая безтактность? Подумайте: одинъ поручикъ оскорбилъ другого. Оскорбленіе тяжелое, и общество офицеровъ постановляетъ поединокъ. Но дальше идетъ чепуха и глупость. Условія — прямо въ родѣ смертной казни: пятнадцать шаговъ дистанціи и драться до тяжелой раны... Если оба противника стоятъ на ногахъ, выстрѣлы возобновляются. Но вѣдь это—бойня, это... я не знаю, чтò! Но, погодите, это только цвѣточки. На мѣсто дуэли прѣзжаютъ всѣ офицеры полка, чуть ли даже не полковья дамы, и даже гдѣ-то въ кустахъ помѣщается фотографъ. Вѣдь это ужасъ, Ромочка! И несчастный подпоручикъ, фендрикъ, какъ говоритъ Володя, въ родѣ васъ, да еще, вдобавокъ, обиженный, а не обидчикъ, получаетъ послѣ третьяго выстрѣла страшную рану въ животъ и къ вечеру умираетъ въ мученіяхъ. А у него, оказывается, была старушка-мать и сестра, старая барышня, которая съ нимъ жили, вотъ какъ у нашего Михина... Да послушайте же: для чего, кому нужно было дѣлать изъ поединка такую кровавую буффонаду? И это, замѣтьте, на самыхъ первыхъ порахъ, сейчасъ же послѣ разрѣшенія поединковъ. И вотъ повѣрьте мнѣ, повѣрьте!—воскликнула Шурочка, сверкая загорѣвшимися глазами:—сейчасъ же сентиментальные противники офицерскихъ дуэлей,—о, я знаю этихъ презрѣнныхъ либеральныхъ трусовъ!—сейчасъ же они загалдятъ: «Ахъ, варварство! Ахъ, пережитокъ дикихъ временъ! Ахъ, братоубійство!»

— Однако вы кровожадны, Александра Петровна! — вставилъ Ромашовъ.

— Не кровожадна,—нѣтъ!—рѣзко возразила она.—Я жалостлива. Я жучка, который мнѣ щекочетъ шею, сниму, и постараюсь не сдѣлать ему больно. Но, попробуйте

понять, Ромашовъ, здѣсь простая логика. Для чего офицеры? Для войны. Что для войны раньше всего требуется? Смѣлость, гордость, умѣнье не сморгнуть передъ смертью. Гдѣ эти качества всего ярче проявляются въ мирное время? Въ дуэляхъ. Вотъ и все. Кажется, ясно. Именно не французскимъ офицерамъ необходимы поединки, — потому, что понятіе о чести, да еще преувеличенное, въ крови у каждаго француза, — не нѣмецкимъ, — потому, что отъ рожденія всѣ нѣмцы порядочны и дисциплинированы, — а намъ, намъ, намъ! Тогда у насъ не будетъ въ офицерской средѣ карточныхъ шулеровъ, какъ Арчаковскій, или безпросыпныхъ пьяницъ, въ родѣ вашего Назанскаго; тогда само собой выведется амигошонство, фамиллярное зубоскальство въ собраніи, при прислугѣ, это ваше взаимное сквернословіе, пусканіе въ голову другъ другу графиновъ, съ цѣлью все-таки не попасть, а промахнуться. Тогда вы не будете за глаза такъ поносить другъ друга. У офицера каждое слово должно быть взвѣшено. Офицеръ—это образецъ корректности. И потомъ, что за нѣжности: боязнь выстрѣла! Ваша профессія — рисковать жизнью. Ахъ, да что!

Она капризно оборвала свою рѣчь и съ сердцемъ ушла въ работу. Опять стало тихо.

— Шурочка, какъ перевести по-нѣмецки — соперникъ? — спросилъ Николаевъ, подымая голову отъ книги.

— Соперникъ? — Шурочка задумчиво потрогала крючкомъ проборъ своихъ мягкихъ волосъ. — А скажи всю фразу.

— Тутъ сказано... сейчасъ, сейчасъ... Нашъ заграничный соперникъ...

— Unser ausländischer Nebenbuhler, — быстро, тотчасъ же перевела Шурочка.

— Унзеръ, — повторилъ шопотомъ Ромашовъ, мечтательно заглядѣвшисъ на огонь лампы. — «Когда ее что-

нибудь взволнуетъ, — подумалъ онъ: — то слова у нея вылетаютъ такъ стремительно, звонко и отчетливо, точно сыплется дробь на серебряный подносъ». Унзеръ — какое смѣшное слово... Унзеръ, унзеръ, унзеръ...

— Что вы шепчете, Ромочка? — вдругъ строго спросила Александра Петровна. — Не смѣйте бредить въ моемъ присутствіи.

Онъ улыбнулся разсѣянной улыбкой.

— Я не брежу... Я все повторялъ про-себя: унзеръ, унзеръ. Какое смѣшное слово...

— Что за глупости... Унзеръ? Отчего смѣшное?

— Видите ли... — Онъ затруднялся, какъ объяснить свою мысль. — Если долго повторять какое-нибудь одно слово и вдумываться въ него, то оно вдругъ потеряетъ смыслъ и станетъ такимъ... какъ бы вамъ сказать?..

— Ахъ, знаю, знаю! — торопливо и радостно перебила его Шурочка. — Но только это теперь не такъ легко дѣлать, а вотъ раньше, въ дѣтствѣ, — ахъ какъ это было забавно!..

— Да, да, именно въ дѣтствѣ. Да.

— Какъ же, я отлично помню. Даже помню слово, которое меня особенно поражало: «можетъ-быть». Я все качалась съ закрытыми глазами и твердила: «можетъ-быть, можетъ-быть»... И вдругъ совсѣмъ позабывала, что оно значитъ, потомъ старалась — и не могла вспомнить, мнѣ все казалось, будто это какое-то коричневое красноватое пятно съ двумя хвостиками. Правда вѣдь?

Ромашовъ съ нѣжностью поглядѣлъ на нее.

— Какъ это странно, что у насъ однѣ и тѣ же мысли, — сказалъ онъ тихо. — А унзеръ, понимаете, это что-то высокое-высокое, что-то худощавое и съ жаломъ. Въ родѣ какъ какое-то длинное, тонкое насѣкомое, и очень злое.

— Унзеръ? — Шурочка подняла голову и, прищурясь, посмотрѣла вдаль, въ темный уголъ комнаты, стараясь

представить себѣ то, о чемъ говорилъ Ромашовъ. — Нѣтъ, погодите: это что-то зеленое, острое. Ну да, ну да, конечно же — насѣкомое! Въ родѣ кузнечика, только противнѣе и злѣе... Фу, какіе мы съ вами глупые, Ромочка.

— А то вотъ еще бываетъ, — началъ таинственно Ромашовъ: — и опять-таки въ дѣтствѣ это было гораздо ярче. Произношу я какое-нибудь слово и стараюсь тянуть его какъ можно дольше. Растягиваю безконечно каждую букву. И вдругъ на одинъ моментъ мнѣ дѣлается такъ странно, странно, какъ будто бы все вокругъ меня исчезло. И тогда мнѣ дѣлается удивительно, что это я говорю, что я живу, что я думаю.

— О, я тоже это знаю! — весело подхватила Шурочка. — Но только не такъ. Я, бывало, затаиваю дыханіе, пока хватить силъ и думаю: вотъ я не дышу, и теперь еще не дышу, и вотъ до сихъ поръ, и до сихъ, и до сихъ... И тогда наступало это странное. Я чувствовала, какъ мимо меня проходило время. Нѣтъ, это не то: можетъ-быть, вовсе времени не было. Это нельзя объяснить.

Ромашовъ глядѣлъ на нее восхищенными глазами и повторялъ глухимъ, счастливымъ, тихимъ голосомъ:

— Да, да... этого нельзя объяснить... Это странно... Это необъяснимо...

— Ну, однако, господа психологи, или какъ васъ тамъ, довольно, пора ужинать, — сказалъ Николаевъ, вставая со стула.

Отъ долгаго сидѣнья у него затекли ноги и заболѣла спина. Вытянувшись во весь ростъ, онъ сильно потянулся вверхъ руками и выгнулъ грудь, и все его большое, мускулистое тѣло захрустѣло въ суставахъ отъ этого мощнаго движенія.

Въ крошечной, но хорошенькой столовой, ярко освѣ-

щенной висячей фарфоровой матово-бѣлой лампой, была накрыта холодная закуска. Николаевъ не пилъ, но для Ромашова былъ поставленъ графинчикъ съ водкой. Собравъ свое милое лицо въ брезгливую гримасу, Шурочка спросила небрежно, какъ она и часто спрашивала:

— Вы, конечно, не можете безъ этой гадости обойтись?

Ромашовъ виновато улыбнулся и отъ замѣшательства поперхнулся водкой и закашлялся.

— Какъ вамъ не совѣстно! — наставительно замѣтила хозяйка. — Еще и пить не умѣете, а тоже... Я понимаю, вашему возлюбленному, Назанскому, простительно, онъ отпѣтый человѣкъ, но вамъ-то зачѣмъ? Молодой такой, славный, способный мальчикъ, а безъ водки не сядетъ за столъ... Ну, зачѣмъ? Это все Назанскій васъ портить.

Ея мужъ, читавшій въ это время только-что принесенный приказъ, вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ, кстати: Назанскій увольняется въ отпускъ на одинъ мѣсяцъ по домашнимъ обстоятельствамъ. Тю-тю-у! Это значитъ — запилъ. Вы, Юрій Алексѣичъ, наверно, его видѣли? Что онъ, закурилъ?

Ромашовъ смущенно заморгалъ вѣками.

— Нѣтъ, я не замѣтилъ. Впрочемъ, кажется, пьетъ...

— Вашъ Назанскій — противный! — съ озлобленіемъ, сдержаннымъ, низкимъ голосомъ сказала Шурочка. — Если бы отъ меня зависѣло, я бы этакихъ людей стрѣляла, какъ бѣшеныхъ собакъ. Такіе офицеры — позоръ для полка, мерзость!

Тотчасъ же послѣ ужина Николаевъ, который былъ такъ же много и усердно, какъ и занимался своими науками, сталъ зѣвать и наконецъ откровенно замѣтилъ:

— Господа, а что, если бы на минутку пойти поспать? «Соснуть», какъ говорилось въ старыхъ, добрыхъ романахъ.

— Это совершенно справедливо, Владимиръ - Ефимычъ, — подхватилъ Ромашовъ съ какой-то, какъ ему самому показалось, торопливой и угодливой развязностью. Въ то же время, вставая изъ-за стола, онъ подумалъ уныло: «Да, со мной здѣсь не церемонятся. И только зачѣмъ я лѣзу?»

У него было такое впечатлѣніе, какъ будто Николаевъ съ удовольствіемъ выгоняетъ его изъ дому. Но тѣмъ не менѣе, прощаясь съ нимъ нарочно раньше, чѣмъ съ Шурочкой, онъ думалъ съ наслажденіемъ, что вотъ сію минуту онъ почувствуетъ крѣпкое и ласкающее пожатіе милой женской руки. Объ этомъ онъ думалъ каждый разъ, уходя. И когда этотъ моментъ наступилъ, то онъ до такой степени весь ушелъ душой въ это очаровательное пожатіе, что не слышалъ, какъ Шурочка сказала ему:

— Вы, смотрите, не забывайте насъ. Здѣсь вамъ всегда рады. Чѣмъ пьянствовать со своимъ Назанскимъ, сидите лучше у насъ. Только помните: мы съ вами не церемонимся.

Онъ услышалъ эти слова въ своемъ сознаніи и понималъ ихъ, только выйдя на улицу.

— Да, со мной не церемонятся, — прошепталъ онъ съ той горькой обидчивостью, къ которой такъ болѣзненно склонны молодые и самолюбивые люди его возраста.

V.

Ромашовъ вышелъ на крыльцо. Ночь стала точно еще гуще, еще чернѣе и теплѣе. Подпоручикъ ощупью шѣлъ вдоль плетня, держась за него руками, и дожидался, пока его глаза привыкнутъ къ мраку. Въ это время дверь, ведущая въ кухню Николаевыхъ, вдругъ открылась, выбросивъ на мгновѣніе въ темноту большую полосу тѣ-

маннаго желтаго свѣта. Кто-то зашлепалъ по грязи, и Ромашовъ услышалъ сердитый голосъ денщика Николаевыхъ, Степана:

— Ходить, ходить кажынъ день. И чего ходить, чортъ его знаетъ!..

А другой солдатскій голосъ, незнакомый подпоручику, отвѣтилъ равнодушно, вмѣстѣ съ продолжительнымъ, лѣнивымъ зѣвкомъ:

— Дѣла, братецъ ты мой... Съ жиру это все. Ну, прощевай, что ли, Степанъ.

— Прощай, Баулинъ. Заходи когда.

Ромашовъ прилипъ къ забору. Отъ остраго стыда онъ покраснѣлъ, несмотря на темноту; все тѣло его покрылось сразу испариной, и точно тысячи иголокъ закололи его кожу на ногахъ и на спинѣ. «Кончено! Даже денщики смѣются», — подумалъ онъ съ отчаяніемъ. Тотчасъ же ему припомнился весь сегодняшній вечеръ, и въ разныхъ словахъ, въ тонѣ фразъ, во взглядахъ, которыми обмѣнивались хозяева, онъ сразу увидѣлъ много незамѣченныхъ имъ раньше мелочей, которыя, какъ ему теперь казалось, свидѣтельствовали о небрежности и о насмѣшкѣ, о нетерпѣливомъ раздраженіи противъ надоедливаго гостя.

— Какой позоръ, какой позоръ! — шепталъ подпоручикъ, не двигаясь съ мѣста. — Дойти до того, что тебя едва терпятъ, когда ты приходишь... Нѣтъ, довольно. Теперь я ужъ твердо знаю, что довольно!

Въ гостиной у Николаевыхъ потухъ огонь. «Вотъ они уже въ спальнѣ», — подумалъ Ромашовъ и необыкновенно ясно представилъ себѣ, какъ Николаевы, ложась спать, раздѣваются другъ при другѣ съ привычнымъ равнодушіемъ и безстыдствомъ давно женатыхъ людей и говорятъ о немъ. Она въ одной юбкѣ причесываетъ передъ зеркаломъ на ночь волосы. Владимиръ Ефимо-

вичъ сидитъ въ нижнемъ бѣльѣ на кровати, снимаетъ сапогъ и, краснѣя отъ усилія, говоритъ сердито и сонно: «Мнѣ, знаешь, Шурочка, твой Ромашовъ надоѣлъ вотъ до какихъ поръ. Удивляюсь, чего ты съ нимъ такъ возишься?» А Шурочка, не выпуская изо рта шилекъ и не оборачиваясь, отвѣчаетъ ему въ зеркало недовольнымъ тономъ: «Вовсе онъ не мой, а твой!..»

Прошло еще пять минутъ, пока Ромашовъ, терзаемый этими мучительными и горькими мыслями, рѣшился двинуться дальше. Мимо всего длиннаго плетня, ограждавшаго домъ Николаевыхъ, онъ прошелъ крадучись, осторожно вытаскивая ноги изъ грязи, какъ будто его могли услышать и поймать на чемъ-то нехорошемъ. Домой идти ему не хотѣлось: даже было жутко и противно вспоминать о своей узкой и длинной, обь одномъ окнѣ, комнатѣ со всѣми надоѣвшими до отвращенія предметами. «Вотъ, на зло ей, пойду къ Назанскому, — рѣшилъ онъ внезапно, и сразу почувствовалъ въ этомъ какое-то мстительное удовлетвореніе. — Она выговаривала мнѣ за дружбу съ Назанскимъ, такъ вотъ же на зло! Пускай!..»

Поднявъ глаза къ небу и крѣпко прижавъ руку къ груди, онъ съ жаромъ сказалъ про-себя: «Клянусь, клянусь, что я въ послѣдній разъ приходилъ къ нимъ. Не хочу больше испытывать такого униженія. Клянусь!»

И сейчасъ же, по своей привычкѣ, прибавилъ мысленно:

«Его выразительные черные глаза сверкали рѣшимостью и презрѣніемъ!»

Хотя глаза у него были вовсе не черные, а самые обыкновенные — желтоватые, съ зеленымъ ободкомъ.

Назанскій снималъ комнату у своего товарища, поручика Зегржта. Этотъ Зегржтъ былъ, вѣроятно, самымъ старымъ поручикомъ во всей русской арміи, несмотря

на безукоризненную службу и на участие въ турецкой кампаніи. Какимъ-то роковымъ и необъяснимымъ образомъ ему не везло въ чиновпроизводствѣ. Онъ былъ вдовъ, съ четырьми маленькими дѣтьми, и все-таки кое-какъ изворачивался на своемъ 48-рублевомъ жалованьи. Онъ снималъ большія квартиры и сдавалъ ихъ по комнатамъ холостымъ офицерамъ, держалъ столовниковъ, разводилъ куръ и индюшекъ, умѣлъ какъ-то особенно дешево и заблаговременно покупать дрова. Дѣтей своихъ онъ самъ купалъ въ корытцахъ, самъ лѣчилъ ихъ домашней аптечкой и самъ шилъ имъ на швейной машинѣ лифчики, панталончики и рубашечки. Еще до женитьбы Зегржтъ, какъ и очень многіе холостые офицеры, пристрастился къ ручнымъ женскимъ работамъ, теперь же его заставляла заниматься ими крутая нужда. Злые языки говорили про него, что онъ тайно, подъ рукой отсылаетъ свои рукодѣлія куда-то на продажу.

Но всѣ эти мелочныя хозяйственныя ухищренія плохо помогали Зегржту. Домашняя птица дохла отъ повальныхъ болѣзней, комнаты пустовали, нахлѣбники ругались изъ-за плохого стола и не платили денегъ, и періодически, раза четыре въ годъ, можно было видѣть, какъ худой, длинный, бородатый Зегржтъ, съ растеряннымъ потнымъ лицомъ, носился по городу, въ чаяніи перехватить гдѣ-нибудь денегъ, при чемъ его блинообразная фуражка сидѣла козырькомъ набоку, а древняя николаевская шинель, сшитая еще до войны, трепетала и развѣвалась у него за плечами, на подобіе крыльевъ.

Теперь у него въ комнатахъ свѣтился огонь, и, подойдя къ окну, Ромашовъ увидѣлъ самого Зегржта. Онъ сидѣлъ у круглаго стола подъ висячей лампой и, низко наклонивъ свою плѣшивую голову съ измызганнымъ, морщинистымъ и кроткимъ лицомъ, вышивалъ красной бумагой какую-то полотняную вставку — должно-быть, грудь

для малороссійской рубашки. Ромашовъ побарабанилъ въ стекло. Зегржтъ вздрогнулъ, отложилъ работу въ сторону и подошелъ къ окну.

— Это я, Адамъ Ивановичъ. Отворите-ка на секунду, — сказалъ Ромашовъ.

Зегржтъ влѣзъ на подоконникъ и просунулъ въ форточку свой лысый лобъ и свалявшуюся на одинъ бокъ жидкую бороду.

— Это вы, подпоручикъ Ромашовъ? А что?

— Назанскій дома?

— Дома, дома. Куда жъ ему итти? Ахъ, Господи, — борода Зегржта затряслась въ форточкѣ: — морочить мнѣ голову вашъ Назанскій. Второй мѣсяцъ посылаю ему обѣды, а онъ все только обѣщается заплатить. Когда онъ переѣзжалъ, я его убѣдительно просилъ, во избѣжаніе недоразумѣній...

— Да, да, да... это... въ самомъ дѣлѣ... — перебилъ разсѣяннo Ромашовъ. — А, скажите, каковъ онъ? Можно его видѣть?

— Думаю, можно... Ходить все по комнатѣ. — Зегржтъ на секунду прислушался. — Вотъ и теперь ходить. Вы понимаете, я ему ясно говорилъ: во избѣжаніе недоразумѣній, условимся, чтобы плата...

— Извините, Адамъ Ивановичъ, я сейчасъ, — прервалъ его Ромашовъ. — Если позволите, я зайду въ другой разъ. Очень спѣшное дѣло...

Онъ прошелъ дальше и завернулъ за уголъ. Въ глубинѣ палисадника, у Назанскаго горѣлъ огонь. Одно изъ оконъ было раскрыто настежь. Самъ Назанскій, безъ сюртука, въ нижней рубашкѣ, разстегнутой у ворота, ходилъ взадъ и впередъ быстрыми шагами по комнатѣ; его бѣлая фигура и золотоволосая голова то мелькали въ просвѣтахъ оконъ, то скрывались за простѣнками. Ромашовъ перелѣзъ черезъ заборъ палисадника и окликнулъ его.

— Кто это? — спокойно, точно онъ ожидалъ оклика, спросилъ Назанскій, высунувшись наружу черезъ подоконникъ. — А, это вы, Георгій Алексѣичъ? Подождите: черезъ двери вамъ будетъ далеко и темно. Лѣзьте въ окно. Давайте вашу руку.

Комната у Назанскаго была еще бѣднѣе, чѣмъ у Ромашова. Вдоль стѣны у окна стояла узенькая, низкая, вся вогнувшаяся дугой кровать, такая тощая, точно на ея желѣзкахъ лежало всего одно только розовое пикейное одѣяло; у другой стѣны — простой некрашенный столъ и двѣ грубыхъ табуретки. Въ одномъ изъ угловъ комнаты былъ плотно пригнанъ, на манеръ кивота, узенькій деревянный поставецъ. Въ ногахъ кровати помѣщался кожаный рыжій чемоданъ, весь облѣпленный желѣзнодорожными бумажками. Кромѣ этихъ предметовъ, не считая лампы на столѣ, въ комнатѣ не было больше ни одной вещи.

— Здравствуйте, мой дорогой, — сказалъ Назанскій, крѣпко пожимая и встряхивая руку Ромашова и глядя ему, прямо въ глаза задумчивыми, прекрасными голубыми глазами. — Садитесь-ка вотъ здѣсь, на кровать. Вы слышали, что я подалъ рапортъ о болѣзни?

— Да. Мнѣ сейчасъ объ этомъ говорилъ Николаевъ.

Опять Ромашову вспомнились ужасныя слова денщика Степана, и лицо его страдальчески сморщилось.

— А! Вы были у Николаевыхъ? — вдругъ съ живостью и съ видимымъ интересомъ спросилъ Назанскій. — Вы часто бываете у нихъ?

Какой-то смутный инстинктъ осторожности, вызванный необычнымъ тономъ этого вопроса, заставилъ Ромашова солгать, и онъ отвѣтилъ небрежно:

— Нѣтъ, совсѣмъ не часто. Такъ, случайно зашелъ.

Назанскій, ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился около поставца и отворилъ его. Тамъ на

полкѣ стоялъ графинѣ съ водкой и лежало яблоко, разрѣзанное аккуратными, тонкими ломтями. Стоя спиной къ гостю, онѣ торопливо налилѣ себѣ рюмку и выпилѣ. Ромашовѣ видѣлѣ, какѣ конвульсивно содрогнулась его спина подѣ тонкой полотняной рубашкой.

— Не хотите ли? — предложилѣ Назанскій, указывая на поставецѣ. — Закуска не богатая, но, если голодны, можно соорудить яичницу. Можно воздѣйствовать на Адама, ветхаго человѣка.

— Спасибо. Я потомѣ.

Назанскій прошелся по комнатѣ, засунувѣ руки въ карманы. Сдѣлавѣ два конца, онѣ заговорилѣ, точно продолжая только-что прерванную бесѣду:

— Да. Такѣ вотѣ я все хожу и все думаю. И, знаете, Ромашовѣ, я счастливѣ. Въ полку завтра все скажутѣ, что у меня запой. А что жѣ, это, пожалуй, и вѣрно, только это не совсемѣ такѣ. Я теперь счастливѣ, а во все не боленѣ и не страдаю. Въ обыкновенное время мой умѣ и моя воля подавлены. Я сливаюсь тогда съ голодной, трусливой серединой и бываю пошлѣ, скученѣ самому себѣ; благоразуменѣ и рассудителенѣ. Я ненавижу, напимѣрь, военную службу, но служу. Почему я служу? Да чертѣ его знаетѣ, почему! Потому что мнѣ съ дѣтства твердили и теперь все кругомѣ говорятѣ, что самое главное въ жизни это — служить и быть сытымѣ и хорошо одѣтымѣ. А философія, говорятѣ они, это чепуха, это хорошо тому, кому нечего дѣлать, кому маменька оставила наслѣдство. И вотѣ я дѣлаю вещи, къ которымѣ у меня совершенно не лежитѣ душа, исполняю ради животнаго страха жизни приказанія, которыя мнѣ кажутся порой жестокими, а порой бессмысленными. Мое существованіе однообразно, какѣ заборѣ, и сѣро, какѣ солдатское сукно. Я не смѣю задуматься — не говорю о томѣ, чтобы разсуждать вслухѣ — о любви, о красотѣ, о моихѣ

отношеніяхъ къ человѣчеству, о природѣ, о равенствѣ и счастіи людей, о поэзи, о Богѣ. Они смѣются: ха-ха-ха, это все философія!.. Смѣшно и дико и непозволительно думать офицеру армейской пѣхоты о возвышенныхъ матеріяхъ. Это философія, чортъ возьми, слѣдовательно — чепуха, праздная и нелѣпая болтовня.

— Но это — главное въ жизни, — задумчиво произнесъ Ромашовъ.

— И вотъ наступаетъ для меня это время, которое они зовутъ такимъ жестокимъ именемъ, — продолжалъ, не слушая его, Назанскій. Онъ все ходилъ взадъ и впередъ и по временамъ дѣлалъ убѣдительные жесты, обращаясь, впрочемъ, не къ Ромашову, а къ двумъ противоположнымъ угламъ, до которыхъ по очереди доходилъ. — Это время моей свободы, Ромашовъ, свободы духа, воли и ума! Я живу тогда, можетъ-быть, странной, но глубокой, чудесной внутренней жизнью. Такой полной жизнью! Все, что я видѣлъ, о чемъ читалъ или слышалъ, — все оживляется во мнѣ, все пріобрѣтаетъ необычайно яркій свѣтъ и глубокій, бездонный смыслъ. Тогда память моя — точно музей рѣдкихъ откровеній. Понимаете — я Ротшильдъ! Беру первое, что мнѣ попадается, и размышляю о немъ, долго, проникновенно, съ наслажденіемъ. О лицахъ, о встрѣчахъ, о характерахъ, о книгахъ, о женщинахъ — ахъ, особенно о женщинахъ и о жеской любви!.. Иногда я думаю объ ушедшихъ великихъ людяхъ, о мученикахъ науки, о мудрецахъ и герояхъ и объ ихъ удивительныхъ словахъ. Я не вѣрю въ Бога, Ромашовъ, но иногда я думаю о святыхъ угодникахъ, подвижникахъ и страстотерпцахъ и возобновляю въ памяти каноны и умилительные акаѳисты. Я вѣдь, дорогой мой, въ бурсѣ учился, и память у меня чудовищная. Думаю я обо всемъ объ этомъ и, случается, такъ вдругъ иногда горячо прочувствую чужую радость или чужую скорбь,

или безсмертную красоту какого-нибудь поступка, что хожу вот такъ, одинъ... и плачу, — страстно, жарко плачу...

Ромашовъ потихоньку всталъ съ кровати и сѣлъ съ ногами на открытое окно, такъ что его спина и его подошвы упирались въ противоположные косяки рамы. Отсюда, изъ освѣщенной комнаты, ночь казалась еще темнѣе, еще глубже, еще таинственнѣе. Теплый, порывистый, но беззвучный вѣтеръ шевелилъ внизу, подъ окномъ, черные листья какихъ-то низенькихъ кустовъ. И въ этомъ мягкомъ воздухѣ, полномъ странныхъ весеннихъ ароматовъ, въ этой тишинѣ, темнотѣ, въ этихъ преувеличенно яркихъ и точно теплыхъ звѣздахъ — чувствовалось тайное и страстное броженіе, угадывалась жажда материнства и расточительное сладострастіе земли, растеній, деревьевъ — цѣлаго міра.

А Назанскій все ходилъ по комнатѣ и говорилъ, не глядя на Ромашова, точно обращаясь къ стѣнамъ и къ угламъ комнаты:

— Мысль въ эти часы бѣжить такъ прихотливо, такъ пестро и такъ неожиданно. Умъ становится острымъ и яркимъ, воображеніе — точно потокъ! Всѣ вещи и лица, которыя я вызываю, стоятъ передо мною такъ рельефно и такъ восхитительно-ясно, точно я вижу ихъ въ камеръ-обскурѣ. Я знаю, я знаю, мой милый, что это обостреніе чувствъ, все это духовное озареніе — увы! — не что иное, какъ фізіологическое дѣйствіе алкоголя на нервную систему. Сначала, когда я впервые испыталъ этотъ чудный подъемъ внутренней жизни, я думалъ, что это — само вдохновеніе. Но нѣтъ: въ немъ нѣтъ ничего творческаго, нѣтъ даже ничего прочнаго. Это просто болѣзненный процессъ. Это просто внезапные приливы, которые съ каждымъ разомъ все больше и больше разѣдають дно. Да. Но все-таки это безуміе сладко мнѣ, и...

къ чортѣ спасительная бережливость и вмѣстѣ съ ней къ чортѣ дурацкая надежда прожить до ста десяти лѣтъ и попасть въ газетную смѣсь, какъ рѣдкій примѣръ долговѣчія... Я счастливъ — и все тутъ!

Назанскій опять подошелъ къ поставцу и, выпивъ, аккуратно притворилъ дверцы. Ромашовъ лѣниво, почти безсознательно, всталъ и сдѣлалъ то же самое.

— О чемъ же вы думали передъ моимъ приходомъ, Василій Нилычъ? — спросилъ онъ, садясь попрежнему на подоконникъ.

Но Назанскій почти не слышалъ его вопроса.

— Какое, на примѣръ, наслажденіе мечтать о женщинахъ! — воскликнулъ онъ, дойдя до дальняго угла и обращаясь къ этому углу съ широкимъ, убѣдительнымъ жестомъ. — Нѣтъ, не грязно думать. За чѣмъ? Никогда не надо дѣлать челоуѣка, даже въ мысляхъ, участникомъ зла, а тѣмъ болѣе грязи. Я думаю часто о нѣжныхъ, чистыхъ, изящныхъ женщинахъ, объ ихъ свѣтлыхъ слезахъ и прелестныхъ улыбкахъ, думаю о молодыхъ, цѣломудренныхъ матеряхъ, о любовницахъ, идущихъ ради любви на смерть, о прекрасныхъ, невинныхъ и гордыхъ дѣвушкахъ съ бѣлоснѣжной душой, знающихъ все и ничего не боящихся. Такихъ женщинъ нѣтъ. Впрочемъ, я не правъ. Навѣрно, Ромашовъ, такія женщины есть, но мы съ вами ихъ никогда не увидимъ. Вы еще, можетъ-быть, увидите, но я — нѣтъ.

Онъ стоялъ теперь передъ Ромашовымъ и глядѣлъ ему прямо въ лицо, но по мечтательному выраженію его глазъ и по неопредѣленной улыбкѣ, блуждавшей вокругъ его губъ, было замѣтно, что онъ не видитъ своего собесѣдника. Никогда еще лицо Назанскаго, даже въ его лучшія, трезвыя минуты, не казалось Ромашову такимъ красивымъ и интереснымъ. Золотыя волосы падали крупными цѣльными локонами вокругъ его высокаго, чистаго лба,

густая, четырехугольной формы, рыжая, небольшая борода лежала правильными волнами, точно нагофрированная, и вся его массивная и изящная голова, съ обнаженной шеей благороднаго рисунка, была похожа на голову одного изъ тѣхъ греческихъ героевъ или мудрецовъ, великолѣпные бюсты которыхъ Ромашовъ видѣлъ гдѣ-то на гравюрахъ. Ясные, чуть-чуть влажные, голубые глаза смотрѣли оживленно, умно и кротко. Даже цвѣтъ этого красиваго, правильнаго лица поражалъ своимъ ровнымъ, нѣжнымъ, розовымъ тономъ, и только очень опытный взглядъ различилъ бы въ этой кажущейся свѣжести, вмѣстѣ съ нѣкоторой опухлостью чертъ, результатъ алкогольнаго воспаленія крови.

— Любовь! Къ женщинѣ! Какая бездна тайны! Какое наслажденіе и какое острое, сладкое страданіе! — вдругъ воскликнулъ восторженно Назанскій.

Онъ въ волненіи схватилъ себя руками за волосы и опять метнулся въ уголъ, но, дойдя до него, остановился, повернулся лицомъ къ Ромашову и весело захохоталъ. Подпоручикъ съ тревогой слѣдилъ за нимъ.

— Вспомнилась мнѣ одна смѣшная исторія, — добродушно и просто заговорилъ Назанскій. — Эхъ, мысли-то у меня какъ прыгаютъ!.. Сидѣлъ я однажды въ Рязани на станціи «Ока» и ждалъ парохода. Ждать приходилось, пожалуй, около сутокъ, — это было во время весенняго разлива, — и я — вы, конечно, понимаете — свилъ себѣ гнѣздо въ буфетѣ. А за буфетомъ стояла дѣвушка, такъ лѣтъ 18-ти, — такая, знаете ли, некрасивая, въ оспинкахъ, но бойкая такая, черноглазая, съ чудесной улыбкой и въ концѣ концовъ премилая. И было насъ только трое на станціи: она, я и маленькій бѣлобрысый телеграфистъ. Впрочемъ, былъ и ея отецъ, знаете — такая красная, толстая, сивая подрядческая морда, въ родѣ стараго и свирѣпаго меделянскаго пса. Но отецъ былъ

какъ бы за кулисами. Выйдетъ на двѣ минуты за прилавокъ и все зѣваетъ, и все чешетъ подъ жилетомъ брюхо, не можетъ никакъ глазъ разлѣпить. Потомъ уйдетъ опять спать. Но телеграфистикъ приходилъ постоянно. Помню, облокотился онъ на стойку локтями и молчить. И она молчить, смотритъ въ окно, на разливъ. А тамъ вдругъ юноша запоетъ говоркомъ:

Лю-любовь — что такое?

Что тако-оо любовь?

Это чувство неземное,

Что волнуетъ нашу кровь?

И опять замолчить. А черезъ пять минутъ она замурлычетъ: «Любовь — что такое? Что такое любовь?..» Знаете, такой пошленькій-пошленькій мотивчикъ. Должно-быть, оба слышали его гдѣ-нибудь въ опереткѣ или съ эстрады... небось, нарочно въ городъ пѣшкомъ ходили. Да. Попоютъ и опять помолчатъ. А потомъ она, какъ будто незамѣтно, все поглядывая въ окошечко, глядь — и забудетъ руку на стойкѣ, а онъ возьметъ ее въ свои руки и перебираетъ палецъ за пальцемъ. И опять: «Лю-любовь — что такое?..» На дворѣ — весна, разливъ, томность. И такъ они круглыя сутки. Тогда эта «любовь» мнѣ порядкомъ надоѣла, а теперь, знаете, трогательно вспомнить. Вѣдь такимъ манеромъ они, должно-быть, любезничали до меня недѣли двѣ, а можетъ-быть, и послѣ меня съ мѣсяцъ. И я только потомъ почувствовалъ, какое это счастье, какой лучъ свѣта въ ихъ бѣдной, узенькой-узенькой жизни, ограниченной еще больше, чѣмъ наша нелѣпая жизнь — о, куда! — въ сто разъ больше!.. Впрочемъ... Пойдите-ка, Ромашовъ. Мысли у меня путаются. Къ чему это я о телеграфистѣ?

Назанскій опять подошелъ къ поставцу. Но онъ не пилъ, а, повернувшись спиной къ Ромашову, мучительно теръ лобъ и крѣпко сжималъ виски пальцами правой

руки. И въ этомъ нервномъ движеніи было что-то жалкое, безсильное, приниженное.

— Вы говорили о женской любви — о безднѣ, о тайнѣ, о радости, — напомнилъ Ромашовъ.

— Да, любовь! — воскликнулъ Назанскій ликующимъ голосомъ. Онъ быстро выпилъ рюмку, отвернулся съ загорѣвшимися глазами отъ поставца и торопливо утеръ губы рукавомъ рубашки. — Любовь! Кто понимаетъ ее? Изъ нея сдѣлали тему для грязныхъ, помойныхъ оперетокъ, для похабныхъ карточекъ, для мерзкихъ анекдотовъ, для мерзкихъ-мерзкихъ стишковъ. Это мы, офицеры, сдѣлали. Вчера у меня былъ Дицъ. Онъ сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь сидите вы. Онъ игралъ своимъ золотымъ пенсне и говорилъ о женщинахъ. Ромашовъ, дорогой мой, если бы животныя, на примѣръ, собаки, обладали даромъ пониманія человѣческой рѣчи, и если бы одна изъ нихъ услышала вчера Дица, ей-Богу, она ушла бы изъ комнаты отъ стыда. Вы знаете — Дицъ хорошій человѣкъ, да и всѣ хорошіе, Ромашовъ: дурныхъ людей нѣтъ. Но онъ стыдится иначе говорить о женщинахъ, стыдится изъ боязни потерять свое реноме циника, развратника и побѣдителя. Тутъ какой-то общій обманъ, какое-то напускное мужское молодечество, какое-то хвастливое презрѣніе къ женщинѣ. И все это оттого, что для большинства въ любви, въ обладаніи женщиной, понимаете, въ окончательномъ обладаніи — таится что-то грубо-животное, что-то эгоистичное, только для себя, что-то сокровенно-низменное, блудливое и постыдное — чортъ! — я не умѣю этого выразить. И оттого-то у большинства вслѣдъ за обладаніемъ идетъ холодность, отвращеніе, вражда. Оттого-то люди и отвели для любви ночь, такъ же, какъ для воровства и для убійства... Тутъ, дорогой мой, природа устроила для людей какую-то засаду съ приманкой и съ петлей.

— Это правда, — тихо и печально согласился Ромашовъ.

— Нѣтъ, не правда! — громко крикнулъ Назанскій. — А я вамъ говорю — не правда. Природа, какъ и во всемъ, распорядилась геніально. То-то и дѣло, что для поручика Дица вслѣдъ за любовью идетъ брезгливость и пресыщеніе, а для Данте вся любовь — прелесть, очарованіе, весна! Нѣтъ, нѣтъ, не думайте: я говорю о любви въ самомъ прямомъ, тѣлесномъ смыслѣ. Но она — удѣлъ избранниковъ. Вотъ вамъ примѣръ: всѣ люди обладаютъ музыкальнымъ слухомъ, но у милліоновъ онъ, какъ у рыбы трески или какъ у штабсъ-капитана Васильченки, а одинъ изъ этого милліона — Бетховенъ. Такъ во всемъ: въ поэзіи, въ художествѣ, въ мудрости... И любовь, говорю я вамъ, имѣетъ свои вершины, доступныя лишь единицамъ изъ милліоновъ.

Онъ подошелъ къ окну, прислонился лбомъ къ углу стѣны рядомъ съ Ромашовымъ и, задумчиво глядя въ теплый мракъ весенней ночи, заговорилъ вздрагивающимъ, глубокимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— О, какъ мы не умѣемъ цѣнить ея тонкихъ, неуловимыхъ прелестей, мы — грубые, лѣнивые, недалъновидные. Понимаете ли вы, сколько разнообразнаго счастья и очаровательныхъ мученій заключается въ нераздѣльной, безнадежной любви? Когда я былъ помоложе, во мнѣ жила одна греза: влюбиться въ недосыгаемую, необыкновенную женщину, такую, знаете ли, съ которой у меня никогда и ничего не можетъ быть общаго. Влюбиться и всю жизнь, всѣ мысли посвятить ей. Все равно: наняться поденщикомъ, поступить въ лакеи, въ кучера — переодѣваться, хитрить, чтобы только хоть разъ въ годъ случайно увидѣть ее, поцѣловать слѣды ея ногъ на лѣстницѣ, чтобы — о, какое безумное блаженство! — разъ въ жизни прикоснуться къ ея платью.

— И кончить сумасшествіемъ, — мрачно сказалъ Ромашовъ.

— Ахъ, милый мой, не все ли равно! — возразилъ съ пылкостью Назанскій и опять нервно забѣгалъ по комнатѣ. — Можетъ-быть, — почему знать? — вы тогда-то и вступите въ блаженную сказочную жизнь. Ну, хорошо: вы сойдете съ ума отъ этой удивительной, невѣроятной любви, а поручикъ Дицъ сойдетъ съ ума отъ прогрессивнаго паралича и отъ гадкихъ болѣзней. Что же лучше? Но подумайте только, какое счастье — стоять цѣлую ночь на другой сторонѣ улицы, въ тѣни, и глядѣть въ окно обожаемой женщины. Вотъ освѣтилось оно изнутри, на занавѣскѣ движется тѣнь. Не она ли это? Что она дѣлаетъ? Что думаетъ? Погасъ свѣтъ. Спи мирно, моя радость, спи, возлюбленная моя!.. И день уже полонъ — это побѣда! Дни, мѣсяцы, годы употреблять всѣ силы изобрѣтательности и настойчивости, и вотъ — великій, умопомрачительный восторгъ: у тебя въ рукахъ ея платокъ, бумажка отъ конфеты, оброненная афиша. Она ничего не знаетъ о тебѣ, никогда не услышитъ о тебѣ, глаза ея скользятъ по тебѣ, не видя, но ты тутъ, подлѣ, всегда обожающій, всегда готовый отдать за нее — нѣтъ, зачѣмъ за нее — за ея капризъ, за ея мужа, за любовника, за ея любимую собачонку — отдать и жизнь, и честь, и все, что только возможно отдать! Ромашовъ, такихъ радостей не знаютъ красавцы и побѣдители.

— О, какъ это вѣрно! Какъ хорошо все, что вы говорите! — воскликнулъ взволнованный Ромашовъ. Онъ уже давно всталъ съ подоконника и такъ же, какъ и Назанскій, ходилъ по узкой, длинной комнатѣ, ежеминутно сталкиваясь съ нимъ и останавливаясь. — Какія мысли приходятъ вамъ въ голову! Я вамъ расскажу про себя. Я былъ влюбленъ въ одну... женщину. Это было не здѣсь, не здѣсь... еще въ Москвѣ... я былъ... юнкеромъ.

Но она не знала объ этомъ. И мнѣ доставляло чудесное удовольствіе сидѣть около нея и, когда она что-нибудь работала, взять нитку и тихонько тянуть къ себѣ. Только и всего. Она не замѣчала этого, совсѣмъ не замѣчала, а у меня отъ счастья кружилась голова.

— Да, да, я понимаю, — киваль головой Назанскій, весело и ласково улыбаясь. — Я понимаю васъ. Это — точно проволока, точно электрическій токъ? Да? Какое-то тонкое, нѣжное общеніе? Ахъ, милый мой, жизнь такъ прекрасна!..

Назанскій замолчалъ, растроганный своими мыслями, и его голубые глаза, наполнившись слезами, заблестѣли. Ромашова также охватила какая-то неопредѣленная, мягкая жалость и немного истеричное умиленіе. Эти чувства относились одинаково и къ Назанскому, и къ нему самому.

— Василій Ильичъ, я удивляюсь вамъ, — сказалъ онъ, взявъ Назанскаго за обѣ руки и крѣпко сжимая ихъ. — Вы — такой талантливый, чуткій, широкій человѣкъ, и вотъ... точно нарочно губите себя. О, нѣтъ, нѣтъ, я не смѣю читать вамъ пошлой морали... Я самъ... Но что, если бы вы встрѣтили въ своей жизни женщину, которая сумѣла бы васъ оцѣнить и была бы васъ достойна. Я часто объ этомъ думаю!..

Назанскій остановился и долго смотрѣлъ въ раскрытое окно.

— Женщина... — протянулъ онъ задумчиво. — Да! Я вамъ расскажу! — воскликнулъ онъ вдругъ рѣшительно. — Я встрѣтился одинъ-единственный разъ въ жизни съ чудной, необыкновенной женщиной. Съ дѣвушкой... Но знаете, какъ это у Гейне: «Она была достойна любви, и онъ любилъ ее, но онъ былъ недостойнъ любви, и она не любила его». Она разлюбила меня за то, что я пью... впрочемъ, я не знаю, можетъ-быть, я и пью оттого, что

она меня разлюбила. Она... ея здѣсь тоже нѣтъ... это было давно. Вѣдь вы знаете, я прослужилъ сначала три года, потомъ былъ четыре года въ запасѣ, а потомъ три года тому назадъ опять поступилъ въ полкъ. Между нами не было романа. Всего десять-пятнадцать встрѣчъ, пять-шесть интимныхъ разговоровъ. Но — думали ли вы когда-нибудь о неотразимой, обаятельной власти прошедшаго? Такъ вотъ, въ этихъ невинныхъ мелочахъ — все мое богатство. Я люблю ее до сихъ поръ. Подождите, Ромашовъ... Вы стѣдите этого. Я вамъ прочту ея единственное письмо — первое и послѣднее, которое она мнѣ написала.

Онъ сѣлъ на корточки передъ чемоданомъ и сталъ неторопливо переворачивать въ немъ какія-то бумаги. Въ то же время онъ продолжалъ говорить:

— Пожалуй, она никогда и никого не любила, кромѣ себя. Въ ней пропасть властолюбія, какая-то злая и гордая сила. И въ то же время она — такая добрая, женственная, безконечно-милая. Точно въ ней два человѣка: одинъ — съ сухимъ, эгоистичнымъ умомъ, другой — съ нѣжнымъ и страстнымъ сердцемъ. Вотъ оно, читайте, Ромашовъ. Чтò сверху — это лишнее. — Назанскій отогнулъ нѣсколько строкъ сверху. — Вотъ отсюда. Читайте.

Что-то, казалось, постороннее, ударило Ромашову въ голову, и вся комната пошатнулась передъ его глазами. Письмо было написано крупнымъ, нервнымъ, тонкимъ почеркомъ, который могъ принадлежать только одной Александрѣ Петровнѣ — такъ онъ былъ своеобразенъ, неправиленъ и изященъ. Ромашовъ, часто получавшій отъ нея записки съ приглашеніями на обѣдъ и на партію винта, могъ бы узнать этотъ почеркъ изъ тысячи различныхъ писемъ.

«...и горько, и тяжело произнести его, — читалъ онъ

изъ-подъ руки Назанскаго. — Но вы сами сдѣлали все, чтобы привести наше знакомство къ такому печальному концу. Больше всего въ жизни я стыжусь лжи, всегда идущей отъ трусости и отъ слабости, и потому не стану вамъ лгать. Я любила васъ и до сихъ поръ еще люблю, и знаю, что мнѣ не скоро и не легко будетъ уйти отъ этого чувства. Но въ концѣ концовъ я все-таки одержу надъ нимъ побѣду. Что было бы, если бы я поступила иначе? Во мнѣ, правда, хватило бы силъ и самоотверженности быть вожатымъ, нянькой, сестрой милосердія при безвольномъ, опустившемся, нравственно разлагающемся человѣкѣ, но я ненавижу чувства жалости и постоянного унижительнаго всепрощенія, и не хочу, чтобы вы ихъ во мнѣ возбуждали. Я не хочу, чтобы вы питались милостыней состраданія и собачьей преданности. А другимъ вы быть не можете, несмотря на вашъ умъ и прекрасную душу. Скажите честно, искренно, вѣдь не можете? Ахъ, дорогой Василій Нилычъ, если бы вы могли! Если бы! Къ вамъ стремится все мое сердце, всѣ мои желанія, я люблю васъ. Но вы сами не захотѣли меня. Вѣдь для любимаго человѣка можно перевернуть весь міръ, а я васъ просила такъ о немногомъ. Вы не можете?

«Прощайте. Мысленно цѣлую васъ въ лобъ... какъ покойника, потому что вы умерли для меня. Совѣтую это письмо уничтожить. Не потому, чтобы я чего-нибудь боялась, но потому, что со временемъ оно будетъ для васъ источникомъ тоски и мучительныхъ воспоминаній. Еще разъ повторяю...»

— Дальше вамъ не интересно, — сказалъ Назанскій, вынимая изъ рукъ Ромашова письмо. — Это было ея единственное письмо ко мнѣ.

— Что же было потомъ? — съ трудомъ спросилъ Ромашовъ.

— Потомъ? Потомъ мы не видались больше. Она... она уѣхала куда-то и, кажется, вышла замужъ за... одного инженера. Это второстепенное.

— И вы никогда не бываете у Александры Петровны?

Эти слова Ромашовъ сказалъ совсѣмъ шопотомъ, но оба офицера вздрогнули отъ нихъ и долго не могли отвести глазъ другъ отъ друга. Въ эти нѣсколько секундъ между ними точно раздвинулись всѣ преграды чело-вѣческой хитрости, притворства и непроницаемости, и они свободно читали въ душахъ другъ у друга. Они сразу поняли сотню вещей, которыя до сихъ поръ таили про-себя, и весь ихъ сегодняшній разговоръ принялъ вдругъ какой-то особый, глубокий, точно трагическій смыслъ.

— Какъ? И вы — тоже? — тихо, съ выраженіемъ без-умнаго страха въ глазахъ, произнесъ наконецъ Назан-скій.

Но онъ тотчасъ же опомнился и съ натянутымъ смѣ-хомъ воскликнулъ:

— Фу, какое недоразумѣніе! Мы съ вами совсѣмъ уда-лились отъ темы. Письмо, которое я вамъ показалъ, писано сто лѣтъ тому назадъ, и эта женщина живетъ теперь гдѣ-то далеко, кажется, въ Закавказьѣ... Итакъ, на чемъ же мы остановились?

— Мнѣ пора домой, Василій Нилычъ. Поздно, — ска-залъ Ромашовъ, вставая.

Назанскій не сталъ его удерживать. Простились они не холодно и не сухо, но точно стыдясь другъ друга. Ромашовъ теперь еще болѣе былъ увѣренъ, что письмо писано Шурочкой. Идя домой, онъ все время думалъ объ этомъ письмѣ и самъ не могъ понять, какія чув-ства оно въ немъ возбуждало. Тутъ была и ревнивая зависть къ Назанскому — ревность къ прошлому, и какое-то торжествующее злое сожалѣніе къ Николаеву, но въ то же время была и какая-то новая надежда — неопре-

дѣленная, туманная, но сладкая и манящая. Точно это письмо и ему давало въ руки какую-то таинственную, незримую нить, идущую въ будущее.

Вѣтеръ утихъ.

Ночь была полна глубокой тишиной, и темнота ея казалась бархатной и теплой. Но тайная, творческая жизнь чуялась въ безсонномъ воздухѣ, въ спокойствіи невидимыхъ деревьевъ, въ запахѣ земли. Ромашовъ шелъ, не видя дороги, и ему все представлялось, что вотъ-вотъ кто-то могучій, властный и ласковый дохнетъ ему въ лицо жаркимъ дыханіемъ. И была у него въ душѣ ревнивая грусть по его прежнимъ, дѣтскимъ, такимъ яркимъ и невозвратимымъ вѣснамъ, была тихая, беззлобная зависть къ своему чистому, нѣжному прошлому...

Придя къ себѣ, онъ засталъ вторую записку отъ Раисы Александровны Петерсонъ. Она нелѣпымъ и выспреннимъ слогомъ писала о коварномъ обманѣ, о томъ, что она все понимаетъ, и о всѣхъ ужасахъ мести, на которые способно разбитое женское сердце.

«Я знаю, что мнѣ теперь дѣлать! — говорилось въ письмѣ. — Если только я не умру на чахотку отъ вашего подлаго поведенія, то, повѣрьте, я жестоко отплачу вамъ. Можетъ-быть, вы думаете, что никто не знаетъ, гдѣ вы бываете каждый вечеръ? Слепецъ! И у стѣнъ есть уши. Мнѣ извѣстенъ каждый вашъ шагъ. Но, все равно, съ вашей наружностью и краснорѣчіемъ вы тамъ ничего не добьетесь, кромѣ того, что Н. васъ вышвырнетъ за дверь, какъ щенка. А со мною совѣтую вамъ быть осторожнѣе. Я не изъ тѣхъ женщинъ, которыя прощаютъ нанесенныя обиды.

«Владѣть кинжаломъ я умѣю,
Я близъ Кавказа рождена!!!

«Прежде ваша, теперь ничья

«Раиса.

«P. S. Непремѣнно будьте въ ту субботу въ собраніи. Намъ надо объясниться. Я для васъ оставлю 3-ю кадрили, но ужъ теперь не по значенію.

«P. П.»

Глупостью, пошлостью, провинціальнымъ болотомъ и злой сплетней повѣяло на Ромашова отъ этого безграмотнаго и безтолковаго письма. И самъ себѣ онъ показался съ ногъ до головы запачканнымъ тяжелой, несмываемой грязью, которую на него наложила эта связь съ нелюбимой женщиной, — связь, тянувшаяся почти полгода. Онъ легъ въ постель, удрученный, точно раздавленный всѣмъ нынѣшнимъ днемъ, и, уже засыпая, подумалъ про себя словами, которыя онъ слышалъ вечеромъ отъ Назанскаго:

«Его мысли были сѣры, какъ солдатское сукно».

Онъ заснулъ скоро, тяжелымъ сномъ. И, какъ это всегда съ нимъ бывало въ послѣднее время послѣ крупныхъ огорченій, онъ увидѣлъ себя во снѣ мальчикомъ. Не было грязи, тоски, однообразія жизни, въ тѣлѣ чувствовалась бодрость, душа была свѣтла и чиста и играла безсознательной радостью. И весь міръ былъ свѣтелъ и чистъ, а посреди его — милыя, знакомыя улицы Москвы блистали тѣмъ прекраснымъ сіяніемъ, какое можно видѣть только во снѣ. Но гдѣ-то на краю этого ликующаго міра, далеко на горизонтѣ, оставалось темное, зловѣщее пятно: тамъ притаился сѣренькій, унылый городишко съ тяжелой и скучной службой, съ ротными школами, съ пьянствомъ въ собраніи, съ тяжестью и противной любовной связью, съ тоской и одиночествомъ. Вся жизнь звенѣла и сіяла радостью, но темное враждебное пятно тайно, какъ черный призракъ, подстерегало Ромашова и ждало своей очереди. И одинъ, маленькій Ромашовъ — чистый, беззаботный, невинный — сѣрастно пла-

каль о своемъ старшемъ двойникѣ, уходящемъ, точно расплывающемся въ этой злобной тьмѣ.

Среди ночи онъ проснулся и замѣтилъ, что его подушка влажна отъ слезъ. Онъ не могъ сразу удержать ихъ, и онѣ еще долго сбѣгали по его щекамъ теплыми, мокрыми, быстрыми струйками.

VI.

За исключеніемъ немногихъ честолюбцевъ и карьеристовъ, всѣ офицеры несли службу, какъ принудительную, непріятную, опротивѣвшую барщину, томясь ею и не любя ея. Младшіе офицеры, совсѣмъ по-школьнически, опаздывали на занятія и потихоньку убѣгали съ нихъ, если знали, что имъ за это не достанется. Ротные командиры, большею частью люди многосемейные, погруженные въ домашніе дразги и въ романы своихъ женъ, придавленные жестокой бѣдностью и жизнью сверхъ средствъ, кряхтѣли подъ бременемъ непомѣрныхъ расходовъ и векселей. Они строили заплату на заплатѣ, хватая деньги въ одномъ мѣстѣ, чтобы заткнуть долгъ въ другомъ: многіе изъ нихъ рѣшались—и чаще всего по настоянію своихъ женъ—заимствовать деньги изъ ротныхъ суммъ или изъ платы, приходившейся солдатамъ за вольныя работы; иные по мѣсяцамъ и даже годамъ задерживали денежныя солдатскія письма, которыя они, по правиламъ, должны были распечатывать. Нѣкоторые только и жили, что винтомъ, штоссомъ и ландскнехтомъ: кое-кто игралъ нечисто, — объ этомъ знали, но смотрѣли сквозь пальцы. При этомъ всѣ сильно пьянствовали, какъ въ собраніи, такъ и въ гостяхъ другъ у друга, иные же, въ родѣ Сливы, — въ одиночку.

Такимъ образомъ офицерамъ даже некогда было серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ. Обыкно-

венно весь внутренній механизмъ роты приводилъ въ движеніе и регулировалъ фельдфебель; онъ же велъ всю канцелярскую отчетность и держалъ ротнаго командира незамѣтно, но крѣпко, въ своихъ жилистыхъ, многоопытныхъ рукахъ. На службу ротные ходили съ такимъ же отвращеніемъ, какъ и субалтернъ-офицеры, и «подтягивали фендриковъ» только для соблюденія престижа, а еще рѣже изъ властолюбиваго самодурства.

Батальонные командиры ровно ничего не дѣлали, особенно зимой. Есть въ арміи два такихъ промежуточныхъ званія—батальоннаго и бригаднаго командировъ: начальники эти всегда находятся въ самомъ неопредѣленномъ и бездѣятельномъ положеніи. Лѣтомъ имъ все-таки приходилось дѣлать батальонныя ученія, участвовать въ полковыхъ и дивизионныхъ занятіяхъ и нести трудности маневровъ. Въ свободное же время они сидѣли въ собраніи, съ усердіемъ читали «Инвалидъ» и спорили о чинопроизводствѣ, играли въ карты, позволяли охотно младшимъ офицерамъ угощать себя, устраивали у себя на домахъ вечеринки и старались выдавать своихъ многочисленныхъ дочерей замужъ.

Однако передъ большими смотрами всѣ, отъ мала до велика, подтягивались и тянули другъ друга. Тогда уже не знали отдыха, наверстывая лишними часами занятій и напряженной, хотя и безтолковой энергіей то, что было пропущено. Съ силами солдатъ не считались, доводя людей до изнуренія. Ротные жестоко рѣзали и осаживали младшихъ офицеровъ, младшіе офицеры сквернословили неестественно неумѣло и безобразно, унтеръ-офицеры, охрипшіе отъ ругани, жестоко дрались. Впрочемъ, дрались и не одни только унтеръ-офицеры.

Такіе дни бывали настоящей страдой, и о воскресномъ отдыхѣ, съ лишними часами сна, мечтали, какъ о райскомъ блаженствѣ, весь полкъ, начиная съ коман-

дира до послѣдняго затрепаннаго и замурзаннаго денщика.

Этой весной въ полку усиленно готовились къ майскому параду. Стало навѣрно извѣстнымъ, что смотръ будетъ производить командиръ корпуса, взыскательный боевой генералъ, извѣстный въ міровой военной литературѣ своими записками о войнѣ карлистовъ и о франко-прусской кампаніи 1870 года, въ которыхъ онъ участвовалъ въ качествѣ волонтера. Еще болѣе широкою извѣстностью пользовались его приказы, написанные въ лапидарномъ суворовскомъ духѣ. Провинившихся подчиненныхъ онъ раздѣлывалъ въ этихъ приказахъ со свойственнымъ ему хлесткимъ и грубымъ сарказмомъ, котораго офицеры боялись больше всякихъ дисциплинарныхъ наказаній. Поэтому въ ротахъ шла, вотъ уже двѣ недѣли, поспѣшная, лихорадочная работа, и воскресный день съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидался какъ усталыми офицерами, такъ и задерганными, ошалѣвшими солдатами.

Но для Ромашова, благодаря аресту, пропала вся прелесть этого сладкаго отдыха. Всталъ онъ очень рано и, какъ ни старался, не могъ потомъ заснуть. Онъ вяло одѣвался, съ отвращеніемъ пилъ чай и даже разъ за что-то грубо прикрикнулъ на Гайнана, который, какъ и всегда, былъ веселъ, подвиженъ и неуклюжъ, какъ молодой щенокъ.

Въ сѣрой разстегнутой тужуркѣ кружился Ромашовъ по своей крошечной комнатѣ, задѣвая ногами за ножки кровати, а локтями за шаткую, пыльную этажерку. Въ первый разъ за полтора года — и то благодаря несчастному и случайному обстоятельству — онъ остался наединѣ самъ съ собою. Прежде этому мѣшала служба, дежурства, вечера въ собраніи, карточная игра, ухаживаніе за Петерсонъ, вечера у Николаевыхъ. Иногда,

если и случался свободный, ничѣмъ не заполненный часъ, то Ромашовъ, томимый скукой и бездѣльемъ, точно боясь самого себя, торопливо бѣжалъ въ клубъ, или къ знакомымъ, или просто на улицу, до встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ холостыхъ товарищей, что всегда кончалось выпивкой. Теперь же онъ съ тоской думалъ, что впереди — цѣлый день одиночества, и въ голову ему лѣзли все такія странныя, неудобныя и ненужныя мысли.

Въ городѣ зазвонили къ поздней обѣднѣ. Сквозь вторую, еще не выставленную раму до Ромашова доносились дрожащія, точно рождающіеся одинъ изъ другого, звуки благовѣста, по-весеннему очаровательно-грустные. Сейчасъ же за окномъ начинался садъ, гдѣ во множествѣ росли черешни, всѣ бѣлыя отъ цвѣтовъ, круглыя и кудрявыя, точно стадо бѣлоснѣжныхъ овецъ, точно толпа дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ. Между ними тамъ и сямъ возвышались стройныя, прямые тополи съ вѣтками, молитвенно устремленными вверхъ, въ небо, и широко раскидывали свои мощныя купообразныя вершины старыя каштаны; деревья были еще пусты и чернѣли голыми сучьями, но уже начинали, едва замѣтно для глаза, желтѣть первой, пушистой, радостной зеленью. Утро выдалось ясное, яркое, влажное. Деревья тихо вздрагивали и медленно качались. Чувствовалось, что между ними бродитъ ласковый прохладный вѣтерокъ и заигрываетъ, и шалитъ, и, наклоняя цвѣты книзу, цѣлуетъ ихъ.

Изъ окна направо была видна черезъ ворота часть грязной черной улицы, съ чѣмъ-то заборомъ по ту сторону. Вдоль этого забора, бережно ступая ногами въ сухія мѣста, медленно проходили люди. «У нихъ цѣлый день еще впереди, — думалъ Ромашовъ, завистливо слѣдя за ними глазами: — оттого они и не торопятся. Цѣлый свободный день!»

И ему вдругъ нетерпѣливо, страстно, до слезъ захотѣлось сейчасъ же одѣться и уйти изъ комнаты. Его потянуло не въ собраніе, какъ всегда, а просто на улицу, на воздухъ. Онъ какъ будто не зналъ раньше цѣны свободѣ и теперь самъ удивлялся тому, какъ много счастья можетъ заключаться въ простой возможности идти, куда хочешь, повернуть въ любой переулокъ, выйти на площадь, зайти въ церковь и дѣлать это не боясь, не думая о послѣдствіяхъ. Эта возможность вдругъ представилась ему какимъ-то огромнымъ праздникомъ души.

И вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилось ему, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, еще до корпуса, мать наказывала его тѣмъ, что привязывала его тоненькой ниткой за ногу къ кровати, а сама уходила. И маленькій Ромашовъ сидѣлъ покорно цѣлыми часами. Въ другое время онъ ни на секунду не задумался бы надъ тѣмъ, чтобы убѣжать изъ дому на весь день, хотя бы для этого пришлось спускаться по водосточному жолобу изъ окна второго этажа. Онъ часто, ускользнувъ такимъ образомъ, увязывался на другой конецъ Москвы за военной музыкой или за похоронами, онъ отважно воровалъ у матери сахаръ, варенье и папиросы для старшихъ товарищей, но нитка! — нитка оказывала на него странное, гипнотизирующее дѣйствіе. Онъ даже боялся натягивать ее немного посильнѣе, чтобы она какъ-нибудь не лопнула. Здѣсь былъ не страхъ наказанія и, конечно, не добросовѣстность и не раскаяніе, а именно гипнозъ, нѣчто въ родѣ суевѣрнаго страха передъ могущественными и непостижимыми дѣйствіями взрослыхъ, нѣчто въ родѣ почтительнаго ужаса дикаря передъ магическимъ кругомъ шамана.

«И вотъ я теперь сижу, какъ школьникъ, какъ мальчикъ, привязанный за ногу, — думалъ Ромашовъ, слоняясь по комнатѣ. — Дверь открыта, мнѣ хочется идти, куда

хочу, дѣлать, что́ хочу, говорить, смѣяться—а я сижу на ниткѣ. Это «я» сижу. Я. Вѣдь это — Я! Но вѣдь это только онъ рѣшилъ, что я долженъ сидѣть. Я не давалъ своего согласія.

— Я!—Ромашовъ остановился среди комнаты и съ разставленными врозь ногами, опустивъ голову внизъ, крѣпко задумался.—Я! Я! Я!—вдругъ воскликнулъ онъ громко, съ удивленіемъ, точно въ первый разъ понявъ это короткое слово.—Кто же это стоитъ здѣсь и смотритъ внизъ, на черную щель въ полу? Это—Я. О, какъ странно!.. Я-а,—протянулъ онъ медленно, вникая всѣмъ сознаниемъ въ этотъ звукъ.

Онъ разсѣяннo и неловко улыбнулся, но тотчасъ же нахмурился и поблѣднѣлъ отъ напряженія мысли. Подобное съ нимъ случалось нерѣдко за послѣднія пять-шесть лѣтъ, какъ оно бываетъ почти со всѣми молодыми людьми въ періодъ созрѣванія души. Простая истина, поговорка, общеизвѣстное изреченіе, смыслъ котораго онъ давно уже механически зналъ, вдругъ, благодаря какому-то внезапному внутреннему освѣщенію, пріобрѣтали глубокое философское значеніе, и тогда ему казалось, что онъ впервые ихъ слышитъ, почти самъ открылъ ихъ. Онъ даже помнилъ, какъ это было съ нимъ въ первый разъ. Въ корпусѣ, на урокъ закона Божія, священникъ толковалъ притчу о работникахъ, переносившихъ камни. Одинъ носилъ сначала мелкіе, а потомъ приступилъ къ тяжелымъ и послѣднихъ камней уже не могъ дотащить; другой же поступилъ наоборотъ и кончилъ свою работу благополучно. Для Ромашова вдругъ сразу отверзлась цѣлая бездна практической мудрости, скрытой въ этой безхитростной притчѣ, которую онъ зналъ и понималъ съ тѣхъ поръ, какъ выучился читать. То же самое случилось вскорѣ съ знакомой поговоркой: «Семь разъ отмѣрь — одинъ разъ отрѣжь». Въ одинъ

какой-то счастливый, проникновенный мигъ онъ понялъ въ ней все: благоразуміе, дальновидность, осторожную бережливость, расчетъ. Огромный житейскій опытъ уложился въ этихъ пяти-шести словахъ. Такъ и теперь, его вдругъ ошеломило и потрясло неожиданно-яркое сознание своей индивидуальности...

«Я—это внутри,—думалъ Ромашовъ:—а все остальное—это постороннее, это—не Я. Вотъ эта комната, улица, деревья, небо, полковой командиръ, поручикъ Андрусевичъ, служба, знамя, солдаты,—все это не Я. Нѣтъ, нѣтъ, это не Я. Вотъ мои руки и ноги,—Ромашовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на свои руки, поднеся ихъ близко къ лицу и точно впервые разглядывая ихъ:—нѣтъ, это все—не Я. А вотъ я ущипну себя за руку... да, вотъ такъ... это Я. Я вижу руку, подымаю ее кверху — это Я. То, что я теперь думаю, это тоже Я. И если я захочу пойти, это Я. И вотъ я остановился—это Я.

«О, какъ это странно, какъ просто и какъ изумительно. Можетъ-быть, у всѣхъ есть это Я? А можетъ-быть, не у всѣхъ? Можетъ-быть, ни у кого, кромѣ меня? А что — если есть? Вотъ — стоятъ передо мной сто солдатъ, я кричу имъ: «Глаза направо!» — и сто человекъ, изъ которыхъ у cadaго есть свое Я. и которые во мнѣ видятъ что-то чужое, постороннее, не Я, — они всѣ сразу поворачиваютъ головы направо. Но я не различаю ихъ другъ отъ друга, они — масса. А для полковника Шульговича, можетъ-быть, и я, и Вѣткинъ, и Лбовъ, и всѣ поручики и капитаны такъ же сливаются въ одно лицо, и мы ему такъ же чужіе, и онъ не отличаетъ насъ другъ отъ друга?»

Загремѣла дверь, и въ комнату вскочилъ Гайнъанъ. Переминаясь съ ноги на ногу и вздергивая плечами, точно приплясывая, онъ крикнулъ:

— Ваша благородія. Буфенчикъ больше не давайтъ папирововъ. Говоритъ, поручикъ Скрябинъ не велѣлъ тебѣ въ долгъ давать.

— Ахъ, чортъ!—вырвалось у Ромашова.—Ну, иди, иди себѣ... Какъ же я буду безъ папировъ?.. Ну, все равно, можешь итти, Гайнанъ.

«О чемъ я сейчасъ думалъ?—спросилъ самого себя Ромашовъ, оставшись одинъ. Онъ утерять нить мыслей и, по непривычкѣ думать послѣдовательно, не могъ сразу найти ее.—О чемъ я сейчасъ думалъ? О чемъ-то важномъ и нужномъ... Постой: надо вернуться назадъ... Сижу подъ арестомъ... по улицѣ ходятъ люди... въ дѣтствѣ мама привязывала... Меня привязывала... Да, да... У солдата тоже — Я... Полковникъ Шульговичъ... Вспомнилъ... Ну, теперь дальше, дальше...

«Я сижу въ комнатѣ. Не запертъ. Хочу и не смѣю выйти изъ нея. Отчего не смѣю? Сдѣлалъ ли я какое-нибудь преступленіе? Воровство? Убійство? Нѣтъ; говоря съ другимъ, постороннимъ мнѣ человѣкомъ, я не держалъ ногъ вмѣстѣ и что-то сказалъ. Можетъ-быть, я былъ долженъ держать ноги вмѣстѣ? Почему? Неужели это—важно? Неужели это—главное въ жизни? Вотъ пройдетъ еще двадцать-тридцать лѣтъ—одна секунда въ томъ времени, которое было до меня и будетъ послѣ меня. Одна секунда! Мое Я погаснетъ, точно лампа, у которой прикрутили фитиль. Но лампу зажгутъ снова, и снова, и снова, а Меня уже не будетъ. И не будетъ ни этой комнаты, ни неба, ни полка, ни всего войска, ни звѣздъ, ни земного шара, ни моихъ рукъ и ногъ... Потому что не будетъ Меня...

«Да, да... это такъ... Ну, хорошо... подожди... надо постепенно... ну, дальше... Меня не будетъ. Было темно, кто-то зажегъ мою жизнь и сейчасъ же потушилъ ее, и опять стало темно навсегда, на вѣки вѣковъ... Что же я дѣлалъ въ этотъ коротенькій мигъ? Я держалъ руки

по швамъ и каблукѣ вмѣстѣ, тянулъ носокъ внизъ при маршировкѣ, кричалъ во все горло: «На плечо!», ругался и злился изъ-за приклада, «недовернутаго на себя», трепеталъ передъ сотнями людей... Зачѣмъ? Эти призраки, которые умрутъ съ моимъ Я, заставляли меня дѣлать сотни ненужныхъ мнѣ и непріятныхъ вещей, и за это оскорбляли и унижали Меня. Меня!!! Почему же мое Я подчинялось призракамъ?»

Ромашовъ сѣлъ къ столу, облокотился на него и сжалъ голову руками. Онъ съ трудомъ удерживалъ эти необычныя для него, разбѣгающіяся мысли:

«Гм... а ты позабылъ? Отечество? Колыбель? Прахъ отцовъ? Алтари?... А воинская честь и дисциплина? Кто будетъ защищать твою родину, если въ нее вторгнутся иноземные враги?... Да, но я умру, и не будетъ больше ни родины, ни враговъ, ни чести. Они живутъ, пока живетъ мое сознаніе. Но исчезни родина и честь, и мундиръ, и всѣ великія слова,—мое Я останется неприкосновеннымъ. Стало-быть, все-таки мое Я важнѣе всѣхъ этихъ понятій о долгѣ, о чести, о любви? Вотъ я служу... А вдругъ мое Я скажетъ: не хочу! Нѣтъ — не мое Я, а больше... весь милліонъ Я, составляющихъ армію, нѣтъ—еще больше—всѣ Я, населяющіе земной шаръ, вдругъ скажутъ: «не хочу!». И сейчасъ же война станетъ невыносимой, и ужъ никогда, никогда не будетъ этихъ «ряды вдвой!» и «полуоборотъ направо!»—потому что въ нихъ не будетъ надобности. Да, да, да! Это вѣрно, это вѣрно!—закричалъ внутри Ромашова какой-то торжествующій голосъ.—Вся эта военная доблесть, и дисциплина, и чиновочитаніе, и честь мундира, и вся военная наука,—все зиждется только на томъ, что человечество не хочетъ, или не умѣетъ, или не смѣетъ сказать «не хочу!»

«Что же такое все это хитро-сложенное зданіе воен-

наго ремесла? Ничто. Пуфъ, зданіе, висящее на воздухѣ, основанное даже не на двухъ короткихъ словахъ «не хочу», а только на томъ, что эти слова почему-то до сихъ поръ не произнесены людьми. Мое Я никогда вѣдь не скажетъ: «не хочу ѣсть, не хочу дышать, не хочу видѣть». Но если ему предложить умереть, оно непременно, непременно скажетъ — «не хочу». Что же такое тогда война съ ея неизбежными смертями и все военное искусство, изучающее лучшіе способы убивать? Мировая ошибка? Ослѣпленіе?»

«Нѣтъ, ты постой, подожди... Должно-быть, я самъ ошибаюсь. Не можетъ быть, чтобы я не ошибался, потому что это «не хочу» — такъ просто, такъ естественно, что должно было бы прійти въ голову каждому. Ну, хорошо: ну, разберемся. Положимъ, завтра, положимъ, сію секунду эта мысль пришла въ голову всѣмъ: русскимъ, нѣмцамъ, англичанамъ, японцамъ... И вотъ уже нѣтъ больше войны, нѣтъ офицеровъ и солдатъ, всѣ разошлись по домамъ. Что же будетъ? Да, что будетъ тогда? Я знаю, Шульговичъ мнѣ на это отвѣтитъ: «тогда придутъ къ намъ неожиданно и отнимутъ у насъ земли и дома, вытопчутъ пашни, уведутъ нашихъ жёнъ и сестеръ». А бунтовщики? Соціалисты? Революціонеры?... Да нѣтъ же, это неправда. Вѣдь все, все человѣчество сказало — не хочу кровопролитія. Кто же тогда пойдетъ съ оружіемъ и съ насиліемъ? Никто. Что же случится? Или, можетъ-быть, тогда всѣ помирятся? Уступятъ другъ другу? Подѣлятся? Простятъ? Господи, Господи, что же будетъ?»

Ромашовъ не замѣтилъ, занятый своими мыслями, какъ Гайнàнъ тихо подошелъ къ нему, сзади и вдругъ протянулъ черезъ его плечо руку. Онъ вздрогнулъ и слегка вскрикнулъ отъ испуга:

— Что тебѣ надо, чортъ!..

Гайнанъ положилъ на столъ коричневую бумажную пачку.

— Тебѣ!—сказалъ онъ фамиллярно и ласково, и Ромашовъ почувствовалъ, что онъ дружески улыбается за его спиной.—Тебѣ папиросы. Куры!

Ромашовъ посмотрѣлъ на пачку. На ней было напечатано: папиросы «Трубачъ», цѣна 3 коп. 20 шт.

— Что это такое? Зачѣмъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Откуда ты взялъ?

— Вижу, тебѣ папиросовъ нѣтъ. Купилъ за свой деньга. Куры, пожалуйста, куры. Ничего. Дару тебѣ.

Гайнанъ сконфузился и стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты, оглушительно хлопнувъ дверью. Подпоручикъ закурилъ папиросу. Въ комнатѣ запахло сургучомъ и жженными перьями.

«О, милый!—подумалъ растроганный Ромашовъ.—Я на него сержусь, кричу, заставляю его по вечерамъ снимать съ меня не только сапоги, но носки и брюки. А онъ вотъ купилъ мнѣ папиросъ за свои жалкія, послѣднія, солдатскія копейки. «Куры, пожалуйста!» За что же это?..

Онъ опять всталъ и, заложивъ руки за спину, зашагалъ по комнатѣ.

«Вотъ ихъ сто человекъ въ нашей ротѣ. И каждый изъ нихъ—человекъ съ мыслями, съ чувствами, со своимъ особеннымъ характеромъ, съ житейскимъ опытомъ, съ личными привязанностями и антипатіями. Знаю ли я что-нибудь о нихъ? Нѣтъ—ничего, кромѣ ихъ фізіономій. Вотъ они съ праваго фланга: Солтысъ, Рябошапка, Веденѣвъ, Егоровъ, Ящишинъ... Сѣрыя, однообразныя лица. Что я сдѣлалъ, чтобы прикоснуться душой къ ихъ душамъ, своимъ Я къ ихнему Я? — Ничего.

Ромашову вдругъ вспомнился одинъ ненастный вечеръ поздней осени. Нѣсколько офицеровъ, и вмѣстѣ съ ними

Ромашовъ, сидѣли въ собраніи и пили водку, когда вѣбжалъ фельдфебель 9-й роты Гуменюкъ и, запыхавшись, крикнулъ своему ротному командиру:

— Ваше высокоблагородіе, молодыхъ пригнали!..

Да, именно пригнали. Они стояли на полковомъ дворѣ, сбившись въ кучу, подъ дождемъ, точно стадо испуганныхъ и покорныхъ животныхъ, глядѣли недовѣрчиво, исподлобья. Но у всѣхъ у нихъ были особыя лица. Можетъ-быть, это такъ казалось отъ разнообразія одеждъ? «Этотъ вотъ, навѣрно, былъ слесаремъ, — думалъ тогда Ромашовъ, проходя мимо и вглядываясь въ лица: — а этотъ, должно-быть, весельчакъ и мастеръ играть на гармоніи. Этотъ — грамотный, расторопный и жуликоватый, съ быстрымъ, складнымъ говоркомъ — не былъ ли онъ раньше въ половыхъ?» И видно было также, что ихъ дѣйствительно пригнали, что еще нѣсколько дней тому назадъ ихъ съ воемъ и причитаніями провожали бабы и дѣти, и что они сами молодечествовали и крѣпились, чтобы не заплакать сквозь пьяный, рекрутскій угаръ... Но прошелъ годъ, и вотъ они стоятъ длинной, мертвой шеренгой — сѣрые, обезличенные, деревянные — солдаты! Они не хотѣли итти. Ихъ Я не хотѣло. Господи, гдѣ же причины этого страшнаго недоразумѣнія? Гдѣ начало этого узла? Или все это — то же самое, что извѣстный опытъ съ пѣтухомъ? Наклонять пѣтуху голову къ столу — онъ бьется. Но проведутъ ему мѣломъ черту по носу и потомъ дальше по столу, и онъ ужъ думаетъ, что его привязали, и сидитъ; но шелохнувшись, вынувъ глаза, въ какомъ-то сверхъестественномъ ужасѣ.

Ромашовъ дошелъ до кровати и повалился на нее.

«Что же мнѣ остается дѣлать въ такомъ случаѣ? — сурово, почти злобно спросилъ онъ самого себя. — Да, что мнѣ дѣлать? Уйти со службы? Но что ты знаешь? Что умѣешь дѣлать? Сначала пансіонъ, потомъ кадет-

скій корпусъ, военное училище, замкнутая офицерская жизнь... Зналъ ли ты борьбу? Нужду? Нѣтъ, ты жилъ на всемъ готовомъ, думая, какъ институтка, что французскія булки растутъ на деревьяхъ. Попробуй-ка, уйди. Тебя заклюютъ, ты сопьешься, ты упадешь на первомъ шагу къ самостоятельной жизни. Постой. Кто изъ офицеровъ, о которыхъ ты знаешь, ушелъ добровольно со службы? Да никто. Всѣ они цѣпляются за свое офицерство, потому что вѣдь они больше никуда не годятся, ничего не знаютъ. А если и уйдутъ, то ходятъ потомъ въ засаленной фуражкѣ съ околышкомъ: «Эйе ла бонте... благородный русскій офицеръ... компрене ву...» Ахъ, что же мнѣ дѣлать! Что же мнѣ дѣлать!..»

— Арестантикъ, арестантикъ!—зазвенѣлъ подь окномъ ясный женскій голосъ.

Ромашовъ вскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ окну. На дворѣ стояла Шурочка. Она, закрывая глаза съ боковъ ладонями отъ свѣта, близко прильнула смѣющимся, свѣжимъ лицомъ къ стеклу и говорила нараспѣвъ:

— Пода-айте бѣ-ѣдному заключенненькому...

Ромашовъ взялся-было за скобку, но вспомнилъ, что окно еще не выставлено. Тогда, охваченный внезапнымъ порывомъ веселой рѣшимости, онъ изо всѣхъ силъ дернулъ къ себѣ раму. Она подалась и съ трескомъ распахнулась, осыпавъ голову Ромашова кусками известки и сухой замазки. Прохладный воздухъ, наполненный нѣжнымъ, тонкимъ и радостнымъ благоуханіемъ бѣлыхъ цвѣтовъ, потокомъ ворвался въ комнату.

«Вотъ такъ! Вотъ такъ надо искать выхода!»—закричалъ въ душѣ Ромашова смѣющийся, ликующій голосъ.

— Ромочка! Сумасшедшій! Что вы дѣлаете?

Онъ взялъ ея протянутую черезъ окно маленькую руку, крѣпко облитую коричневой перчаткой, и смѣло

поцѣловаль ея сначала сверху, а потомъ снизу, въ сгибѣ, въ кругленькую дырочку надъ пуговицами. Онъ никогда не дѣлалъ этого раньше, но она безсознательно, точно подчиняясь той волнѣ восторженной отваги, которая такъ внезапно взмыла въ немъ, не противилась его поцѣлуямъ и только глядѣла на него со смущеннымъ удивленіемъ и улыбаясь.

— Александра Петровна! Какъ мнѣ благодарить васъ? Милая!

— Ромочка, да что это съ вами? Чему вы обрадовались?—сказала она, смѣясь, но все еще пристально и съ любопытствомъ вглядываясь въ Ромашова. — У васъ глаза блестятъ. Пойдите, я вамъ калачикъ принесла, какъ арестованному. Сегодня у насъ чудесные яблочные пирожки, сладкіе... Степанъ, да несите же корзинку.

Онъ смотрѣлъ на нее сіяющими, влюбленными глазами, не выпуская ея руки изъ своей,—она опять не сопротивлялась этому,—и говорилъ поспѣшно:

— Ахъ, если бы вы знали, о чемъ я думалъ нынче все утро... Если бы вы только знали! Но это потомъ...

— Да, потомъ... Вотъ идетъ мой супругъ и повелитель... Пустите руку. Какой вы сегодня удивительный, Юрій Алексѣевичъ. Даже похорошѣли.

Къ окну подошелъ Николаевъ. Онъ хмурился и не совсѣмъ любезно поздоровался съ Ромашовымъ.

— Иди, Шурочка, иди, — торопилъ онъ жену.—Это же, Богъ знаетъ, что такое. Вы, право, оба сумасшедшіе. Дойдетъ до командира — что хорошаго! Вѣдь онъ подъ арестомъ. Прощайте, Ромашовъ. Заходите.

— Заходите, Юрій Алексѣевичъ, — повторила и Шурочка.

Она отошла отъ окна, но тотчасъ же вернулась и сказала быстрымъ шопотомъ:

— Слушайте, Ромочка: нѣтъ, правда, не забывайте насъ. У меня единственный человѣкъ, съ кѣмъ я, какъ съ другомъ — это вы. Слышите? Только не смѣйте дѣлать на меня такихъ бараньихъ глазъ. А то и видѣть васъ не хочу. Пожалуйста, Ромочка, не воображайте о себѣ. Вы и не мужчина вовсе.

VII.

Въ половинѣ четвертаго къ Ромашову заѣхалъ полковой адъютантъ, поручикъ Федоровскій. Это былъ высокій и, какъ выражались полковья дамы, представительный молодой человѣкъ съ холодными глазами и съ усами, продолженными до плечъ густыми подусниками. Онъ держалъ себя преувеличенно-вѣжливо, но строго-официально съ младшими офицерами, ни съ кѣмъ не дружилъ и былъ высокаго мнѣнія о своемъ служебномъ положеніи. Ротные командиры въ немъ заискивали.

Зайдя въ комнату, онъ бѣгло окинулъ прищуренными глазами всю жалкую обстановку Ромашова. Подпоручикъ, который въ это время лежалъ на кровати, быстро вскочилъ и, краснѣя, сталъ торопливо застегивать пуговицы тужурки.

— Я къ вамъ по порученію командира полка, — сказалъ Федоровскій сухимъ тономъ: — потрудитесь одѣться и ѣхать со мною.

— Виновать... я сейчасъ... форма одежды обыкновенная? Простите, я по-домашнему.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Сюртукъ. Если вы позволите, я бы присѣлъ?

— Ахъ, извините. Прошу васъ. Не угодно ли чаю? — заторопился Ромашовъ.

— Нѣтъ, благодарю. Пожалуйста, поскорѣе.

Онъ, не снимая пальто и перчатокъ, сѣлъ на стулъ

и, пока Ромашовъ одѣвался, волнуясь, безъ надобности суетясь и конфузясь за свою не особенно чистую сорочку, онъ сидѣлъ все время прямо и неподвижно съ каменнымъ лицомъ, держа руки на эфесѣ шашки.

— Вы не знаете, зачѣмъ меня зовутъ?

Адъютантъ пожалъ плечами.

— Станный вопросъ. Откуда же я могу знать? Вамъ это, должно-быть, безъ сомнѣнія, лучше моего извѣстно... Готовы? Совѣтую вамъ продѣть портупею подъ погонь, а не сверху. Вы знаете, какъ командиръ полка этого не любить. Вотъ такъ... Ну-съ, поѣдемте.

У воротъ стояла коляска, запряженная парой рослыхъ, раскормленныхъ полковыхъ коней. Офицеры сѣли и поѣхали. Ромашовъ изъ вѣжливости старался держаться бокомъ, чтобы не тѣснить адъютанта, а тотъ какъ будто вовсе не замѣчалъ этого. По дорогѣ имъ встрѣтился Вѣткинъ. Онъ обмѣнялся съ адъютантомъ честью, но тотчасъ же за спиной его сдѣлалъ обернувшемуся Ромашову особый, непередаваемый юмористическій жестъ, который какъ будто говорилъ: «Что, братъ, поволокли тебя на расправу?» Встрѣчались и еще офицеры. Иные изъ нихъ внимательно, другіе съ удивленіемъ, а нѣкоторые точно съ насмѣшкой глядѣли на Ромашова, и онъ невольно ежился подъ ихъ взглядами.

Полковникъ Шульговичъ не сразу принялъ Ромашова: у него былъ кто-то въ кабинетѣ. Пришлось ждать въ полутемной передней, гдѣ пахло яблоками, нафталиномъ, свѣже-лакированной мебелью и еще чѣмъ-то особеннымъ, не неприятнымъ, чѣмъ пахнутъ одежда и вещи въ зажиточныхъ, аккуратныхъ нѣмецкихъ семействахъ. Топчась въ передней, Ромашовъ нѣсколько разъ взглядывалъ на себя въ стѣнное трюмо, оправленное въ свѣтлую ясеневую раму, и всякій разъ его собственное лицо казалось ему противно-блѣднымъ, некрасивымъ и какимъ-то

неестественнымъ, сюртукъ — слишкомъ изношеннымъ, а погоны — черезчуръ помятыми.

Сначала изъ кабинета доносился только глухой одно-тонный звукъ низкаго командирскаго баса. Словъ не было слышно, но по сердитымъ раскатистымъ интонаціямъ можно было догадаться, что полковникъ кого-то распекаетъ съ настойчивымъ и непреклоннымъ гнѣвомъ. Это продолжалось минутъ пять. Потомъ Шульговичъ вдругъ замолчалъ; послышался чей-то дрожащій, умоляющій голосъ, и вдругъ, послѣ мгновенной паузы, Ромашовъ явственно, до послѣдняго оттѣнка, услышалъ слова, произнесенныя со страшнымъ выраженіемъ высокомерія, негодованія и презрѣнія:

— Что вы мнѣ очки втираете? Дѣти? Жена? Плевать я хочу на вашихъ дѣтей! Прежде чѣмъ надѣлать дѣтей, вы бы подумали, чѣмъ ихъ кормить. Что? Ага, теперь — виновать, господинъ полковникъ. Господинъ полковникъ въ вашемъ дѣлѣ ничѣмъ не виновать. Вы, капитанъ, знайте, что если господинъ полковникъ теперь не отдаетъ васъ подъ судъ, то я этимъ совершаю преступленіе по службѣ. Что-о-о? Извольте ма-алчать! Не ошибка-съ, а преступленіе-съ. Вамъ мѣсто не въ полку, а вы сами знаете — гдѣ. Что?

Опять задрезжалъ робкій, молящій голосъ, такой жалкій, что въ немъ, казалось, не было ничего человѣческаго. «Господи, что же это? — подумалъ Ромашовъ, который точно приклеился около трюмо, глядя прямо въ свое поблѣднѣвшее лицо и не видя его, чувствуя, какъ у него покатилося и болѣзненно затрепыхалось сердце. — Господи, какой ужасъ!..»

Жалобный голосъ говорилъ довольно долго. Когда онъ кончилъ, опять раскатился глубокой басъ командира, но теперь болѣе спокойный и смягченный, точно Шульговичъ уже успѣлъ вылить свой гнѣвъ въ крикъ и удо-

влетворилъ свою жажду власти . видомъ чужого униженія.

Онъ говорилъ отрывисто:

— Хорошо-съ. Въ послѣдній разъ. Но помни-те, это въ послѣдній разъ. Слышите? Зарубите это на своемъ красномъ, пьяномъ носу. Если до меня еще разъ дойдутъ слухи, что вы пьянствуете... Чтò? Ладно, ладно, знаю я ваши обѣщанія. Роту мнѣ чтобъ подготовили къ смотру. Не рота, а б.....тъ! Черезъ недѣлю пріѣду самъ и посмотрю... Ну, а затѣмъ вотъ вамъ мой совѣтъ-съ: первымъ дѣломъ очиститесь вы съ солдатскими деньгами и съ отчетностью. Слышите? Это чтобы завтра же было сдѣлано. Чтò? А мнѣ чтò за дѣло? Хоть родите... Затѣмъ, капитанъ, я васъ не держу. Имѣю честь кланяться.

Кто-то нерѣшительно завоzilся въ кабинетѣ и на цыпочкахъ, скрипя сапогами, пошелъ къ выходу. Но его сейчасъ же остановилъ голосъ командира, ставшій вдругъ черезчуръ суровымъ, чтобы не быть поддѣльнымъ.

— Постой-ка, поди сюда, чортова перечница... Небось, побѣжишь къ жидишкамъ? А? Векселя писать? Эхъ ты, дура, дура, дурья ты голова... Ну, ужъ на тебѣ, дьяволъ тебѣ въ печень. Одна, двѣ... разъ, двѣ, три; четыре... Триста. Больше не могу. Отдашь, когда сможешь. Фу, чортъ, чтò за гадость вы дѣлаете, капитанъ! — заоралъ полковникъ, возвышая голосъ по восходящей гаммѣ. — Не смѣйте никогда этого дѣлать! Это низость!.. Однако маршъ, маршъ, маршъ! Къ чорту-съ, къ чорту-съ. Мое почтеніе-съ!..

Въ переднюю вышелъ, весь красный, съ каплями пота на носу и на вискахъ и съ перевернутымъ, смущеннымъ лицомъ, маленькій капитанъ Свѣтовидовъ. Правая рука была у него въ карманѣ и судорожно хрустѣла новенькими бумажками. Увидѣвъ Ромашова, онъ засѣменилъ

ногами, шутóвски-неестественно захихикалъ и крѣпко вцѣпился своей влажной, горячей, трясущейся рукой въ руку подпоручика. Глаза у него напряженно и конфузливо бѣгали и въ то же время точно щупали Ромашова: слыхалъ онъ или нѣтъ?

— Лють! Аки тигра! — развязно и принижено зашепталъ онъ, кивая по направленію кабинета. — Но ничего! — Свѣтовидовъ быстро и нервно перекрестился два раза. — Ничего. Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ, Господи!

— Бон-да-рен-ко! — крикнулъ изъ-за стѣны полковой командиръ, и звукъ его огромнаго голоса сразу наполнилъ всѣ закоулки дома и, казалось, заколебалъ тонкія перегородки передней. Онъ никогда не употреблялъ въ дѣло звонка, полагаясь на свое необыкновенное горло. — Бондаренко! Кто тамъ есть еще? Проси.

— Аки скимень! — шепнулъ Свѣтовидовъ съ кривою улыбкой. — Прощайте, поручикъ. Желаю вамъ легкаго пару.

Изъ дверей выюркнулъ денщикъ — типичный командирскій денщикъ, съ благообразно-наглымъ лицомъ, съ маслянымъ проборомъ сбоку головы, въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ. Онъ сказалъ почтительнымъ тономъ, но въ то же время дерзко, даже чуть-чуть прищурившись, глядя прямо въ глаза подпоручику:

— Ихъ высокоблагородіе просятъ ваше благородіе.

Онъ отворилъ дверь въ кабинетъ, стоя бокомъ, и самъ попятился назадъ, давая дорогу. Ромашовъ вошелъ.

Полковникъ Шульговичъ сидѣлъ за столомъ, въ лѣвомъ углу отъ входа. Онъ былъ въ сѣрой тужуркѣ, изъ-подъ которой виднѣлось великолѣпное блестящее бѣлье. Мясистыя красныя руки лежали на ручкахъ деревяннаго кресла. Огромное старческое лицо съ сѣдой короткой

щеткой волосъ на головѣ и съ сѣдой бородой клиномъ было сурово и холодно. Безцвѣтные свѣтлые глаза глядѣли враждебно. На поклонъ подпоручика онъ коротко кивнулъ головой. Ромашовъ вдругъ замѣтилъ у него въ ухѣ серебряную серьгу, въ видѣ полумѣсяца съ крестомъ, и подумалъ: «А вѣдь я этой серьги раньше не видалъ».

— Нехорошо-съ, — началъ командиръ рычащимъ басомъ, раздававшимся точно изъ глубины его живота, и сдѣлалъ длинную паузу. — Стыдно-съ! — продолжалъ онъ, повышая голосъ. — Служите безъ году недѣлю, а начинаете хвостомъ крутить. Имѣю многія основанія быть вами недовольнымъ. Помилуйте, что же это такое? Командиръ полка дѣлаетъ ему замѣчаніе, а онъ, несчастный прапорщикъ, фендрикъ, — позволяетъ себѣ возражать какую-то ерундистику. Безобразіе! — вдругъ закричалъ полковникъ такъ оглушительно, что Ромашовъ вздрогнулъ. — Немысленно! Развратъ!

Ромашовъ угрюмо смотрѣлъ вбокъ, и ему казалось, что никакая сила въ мірѣ не можетъ заставить его перевести глаза и поглядѣть въ лицо полковнику. «Гдѣ мое Я? — вдругъ насмѣшливо пронеслось у него въ головѣ. — Вотъ ты долженъ стоять навтыяжку и молчать».

— Какими путями до меня дошло, я ужъ этого не буду вамъ передавать, но мнѣ извѣстно доподлинно, что вы пьете. Это омерзительно. Мальчишка, желторотый птенецъ, только-что вышедшій изъ школы, и наливается въ собраніи, какъ послѣдній сапожный подмастерье. Я, милый мой, все знаю; отъ меня ничто не укроется. Мнѣ извѣстно многое, о чемъ вы даже не подозреваете. Что жъ, если хотите катиться внизъ по наклонной плоскости — воля-ваша. Но говорю вамъ въ послѣдній разъ: вникните въ мои слова. Такъ всегда бываетъ, мой другъ: начи-

наютъ рюмочкой, потомъ другой, а потомъ, глядь, и кончаютъ жизнь подъ заборомъ. Внѣдрите себѣ это въ голову-съ. А кромѣ того знайте: мы терпѣливы, но вѣдь и ангельское терпѣніе можетъ лопнуть... Смотрите, не доводите насъ до крайности. Вы одинъ, а общество офицеровъ — это цѣлая семья. Значить, всегда можно и того... за хвостъ и изъ компаніи вонъ.

«Я стою, я молчу, — съ тоской думалъ Ромашовъ, глядя неотступно на серьгу въ ухѣ полковника: — а мнѣ нужно было бы сказать, что я и самъ не дорожу этой семьей и хоть сейчасъ готовъ вырваться изъ нея, уйти въ запасъ. Сказать? Посмѣю ли я?»

Сердце у Ромашова опять дрогнуло и заколотилось, онъ даже сдѣлалъ какое-то безсильное движеніе губами и проглотилъ слюну, но попрежнему оставался неподвижнымъ.

— Да и вообще ваше поведеніе... — продолжалъ жестокимъ тономъ Шульговичъ. — Вотъ вы въ прошломъ году, не успѣвъ прослужить и года, просились, напри- мѣръ, въ отпускъ. Говорили что-то такое о болѣзни вашей матушки, показывали тамъ письмо какое-то отъ нея... Чтò жъ, я не смѣю, понимаете ли — не смѣю не вѣрить своему офицеру. Разъ вы говорите — матушка, пусть будетъ матушка. Чтò жъ, всяко бываетъ. Но знаете — все это какъ-то одно къ одному, и, понимаете...

Ромашовъ давно уже чувствовалъ, какъ у него начало, сначала едва замѣтно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе, дрожать колѣно правой ноги. Наконецъ это произвольное нервное движеніе стало такъ замѣтно, что отъ него задрожало все тѣло. Это было очень неловко и очень непріятно, и Ромашовъ со стыдомъ думалъ, что Шульговичъ можетъ принять эту дрожь за проявленіе страха передъ нимъ. Но когда полковникъ заговорилъ о его матери, кровь вдругъ горячимъ, охмеляющимъ по-

токомъ кинулась въ голову Ромашову, и дрожь мгновенно прекратилась. Въ первый разъ онъ поднялъ глаза кверху и въ упоръ посмотрѣлъ прямо въ переносицу Шульговичу съ ненавистью, съ твердымъ и — это онъ самъ чувствовалъ у себя на лицѣ — съ дерзкимъ выраженіемъ, которое сразу какъ будто уничтожило огромную лѣстницу, раздѣляющую маленькаго подчиненнаго отъ грознаго начальника. Вся комната вдругъ потемнѣла, точно въ ней задернулись занавѣски. Густой голосъ командира упалъ въ какую-то беззвучную глубину. Наступилъ промежутокъ чудовищной темноты и тишины — безъ мыслей, безъ воли, безъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, почти безъ сознанія, кромѣ одного страшнаго убѣжденія, что сейчасъ, вотъ сію мину́ту, произойдетъ что-то нелѣпое, непоправимое, ужасное. Станный, точно чужой голосъ шепнулъ вдругъ извиѣ въ ухо Ромашову: «Сейчасъ я его ударю», и Ромашовъ медленно перевелъ глаза на мясистую, большую старческую щеку и на серебряную серьгу въ ухѣ, съ крестомъ и полумѣсяцемъ.

Затѣмъ, какъ во снѣ, увидѣлъ онъ, еще не понимая этого, что въ глазахъ Шульговича попеременно отразились удивленіе, страхъ, тревога, жалость... Безумная, неизбѣжная волна, захватившая такъ грозно и такъ стихійно душу Ромашова, вдругъ упала, растаяла, отхлынула далеко. Ромашовъ, точно просыпаясь, глубоко и сильно вздохнулъ. Все стало сразу простымъ и обыденнымъ въ его глазахъ. Шульговичъ суетливо показывалъ ему на стулъ и говорилъ съ неожиданной, грубоватой лаской:

— Фу, чортъ... какой же вы обидчивый... Да садитесь же, чортъ васъ задери! Ну, да... всѣ вы вотъ такъ. Смотрите на меня, какъ на звѣря. Кричитъ, молъ, старый хрѣнь безъ толку, безъ смысла, чортъ бы его дралъ. А я, — густой голосъ заколыхался теплыми, взволнован-

ными нотами: — а я, ей-Богу, мой милый, люблю васъ всѣхъ, какъ своихъ дѣтей. Что же, вы думаете, не страдаю я за васъ? Не болѣю? Эхъ, господа, господа, не понимаете вы меня. Ну, ладно, ну, погорячился я, перехватилъ черезъ край — развѣ же можно на старика сердиться? Э-эхъ, молодежь. Ну, миръ — кончено. Руку. И пойдѣмъ обѣдать.

Ромашовъ молча поклонился и пожалъ протянутую ему руку, большую, пухлую и холодную руку. Чувство обиды у него прошло, но ему не было легче. Послѣ сегодняшнихъ утреннихъ важныхъ и гордыхъ мыслей онъ чувствовалъ себя теперь маленькимъ, жалкимъ, блѣднымъ школьникомъ, какимъ-то нелюбимымъ, робкимъ и заброшеннымъ мальчуганомъ, и этотъ переходъ былъ постыденъ. И потому-то, идя въ столовую вслѣдъ за полковникомъ, онъ подумалъ про себя, по своей привычкѣ, въ третьемъ лицѣ:

«Мрачное раздумье бороздило его чело».

Шульговичъ былъ бездѣтенъ. Къ столу вышла его жена, полная, крупная, важная и молчаливая дама, безъ шеи, со многими подбородками. Несмотря на пенсне и на высокомерный взглядъ, лицо у нея было простое и производило такое впечатлѣнiе, какъ будто его наспѣхъ, бокомъ, выпекли изъ тѣста, — воткнувъ изюминки вмѣсто глазъ. Вслѣдъ за ней, часто шаркая ногами, приплелась древняя мамаша полковника, маленькая, глухая, но еще бодрая, ядовитая и властная старушонка. Пристально и безцеремонно разглядывая Ромашова снизу, вверхъ, черезъ верхъ очковъ, она протянула ему и ткнула прямо въ губы свою крошечную, темную, всю сморщенную руку, похожую на кусочекъ мощей. Затѣмъ обратилась къ полковнику и спросила такимъ тономъ, какъ будто бы кромѣ ихъ двоихъ въ столовой никого не было:

— Это кто же такой? Не помню что-то.

Шульговичъ сложилъ ладони рукъ въ трубу около рта и закричалъ старушкѣ въ самое ухо:

— Подпоручикъ Ромашовъ, мамаша. Прекрасный офицеръ... фронтовикъ и молодчинище... изъ кадетскаго корпуса... Ахъ, да! — спохватился онъ вдругъ. — Вѣдь вы, подпоручикъ, кажется, нашъ, пензенскій?

— Точно такъ, господинъ полковникъ, пензенскій.

— Ну да, ну да... Я теперь вспомнилъ. Вѣдь мы же земляки съ вами. Наровчатскаго уѣзда, кажется?

— Точно такъ. Наровчатскаго.

— Ну да... Какъ же это я забылъ? Наровчатъ, одни колышки торчатъ. А мы — инсарскіе. Мамаша! — опять затрубилъ онъ матери на ухо: — подпоручикъ Ромашовъ — нашъ, пензенскій!.. Изъ Наровчата!.. Землякъ!..

— А-а! — старушка многозначительно повела бровями. — Такъ, такъ, такъ... То-то, я думаю... Значитъ, вы, выходитъ, сынокъ Сергѣя Петровича Шишкина?

— Мамаша! Ошиблись! Подпоручика фамилія — Ромашовъ, а совсѣмъ не Шишкинъ!..

— Вотъ, вотъ, вотъ... Я и говорю... Сергѣй-то Петровича я не знала... По наслышкѣ только. А вотъ Петра Петровича — того даже очень часто видѣла. Имѣнья, почитай, рядомъ были. Очень, оч-чень пріятно, молодой человекъ... Похвально съ вашей стороны.

— Ну, пошла теперь скрипѣть, старая скворечница, — сказалъ полковникъ вполголоса, съ грубымъ добродушіемъ. — Садитесь, подпоручикъ... Поручикъ Федоровскій! — крикнулъ онъ въ дверь. — Кончайте тамъ и идите пить водку!..

Въ столовую быстро вошелъ адъютантъ, который, по заведенному во многихъ полкахъ обычаю, обѣдалъ всегда у командира. Мягко и развязно позвякивая шпорами, онъ подошелъ къ отдѣльному майоликовому столику съ

закуской, налилъ себѣ водки и, не торопясь, выпилъ и закусилъ. Ромашовъ почувствовалъ къ нему зависть и какое-то смѣшное, мелкое уваженіе.

— А вы водки? — спросилъ Шульговичъ. — Вѣдь пьете?

— Нѣтъ. Благодарю покорно. Мнѣ что-то не хочется, — отвѣтилъ Ромашовъ сильнымъ голосомъ и прокашлялся.

— И-и пре-екрасно. Самое лучшее. Желаю и впредь такъ же.

Обѣдъ былъ сытный и вкусный. Видно было, что бездѣтные полковникъ и полковница прилѣпились къ невинной страстишкѣ — хорошо поѣсть. Подавали душистый супъ изъ молодыхъ кореньевъ и зелени, жаренаго леща съ кашей, прекрасно откормленную домашнюю утку и спаржу. На столѣ стояли три бутылки — съ бѣлымъ и краснымъ виномъ и съ мадерой, — правда, уже начатыя и заткнутыя серебряными фигурными пробками, но дорогія, хорошихъ иностранныхъ марокъ. Полковникъ — точно недавній гнѣвъ прекрасно повліялъ на его аппетитъ — ѣлъ съ особеннымъ вкусомъ и такъ красиво, что на него пріятно было смотрѣть. Онъ все время мило и грубо шутилъ. Когда подали спаржу, онъ, глубже засовывая за воротникъ тужурки ослѣпительно-бѣлую жесткую салфетку, сказалъ весело:

— Если бы я былъ царь, всегда бы ѣлъ спаржу!

Но раньше, за рыбой, онъ не утерпѣлъ и закричалъ на Ромашова начальническимъ тономъ:

— Подпоручикъ! Извольте отложить ножикъ въ сторону. Рыбу и котлеты ѣдятъ исключительно вилкой. Не хорошо-съ! Офицеръ долженъ умѣть ѣсть. Каждый офицеръ можетъ быть приглашенъ къ Высочайшему столу. Помните это.

Ромашовъ сидѣлъ за обѣдомъ неловкій, стѣсненный,

не зная, куда дѣвать руки, большею частью держа ихъ подъ столомъ и заплетая въ косички бахромку скатерти. Онъ давно уже отвыкъ отъ хорошей семейной обстановки, отъ приличной и комфортабельной мебели, отъ порядка за столомъ. И все время терзала его одна и та же мысль: «Вѣдь это же противно, это такая слабость и трусость съ моей стороны, что я не могъ, не посмѣлъ отказаться отъ этого унижительнаго обѣда. Ну вотъ я сейчасъ встану, сдѣлаю общій поклонъ и уйду. Пусть думаютъ, что хотятъ. Вѣдь не съѣсть же онъ меня? Не отниметъ моей души, мыслей, сознанія? Уйду ли?» И опять, съ робко замирающимъ сердцемъ, блѣднѣя отъ внутренняго волненія, досадуя на самого себя, онъ чувствовалъ, что не въ состоянн это сдѣлать.

Наступилъ уже вечеръ, когда подали кофе. Красные, косые лучи солнца ворвались въ окна и заиграли яркими мѣдными пятнами на темныхъ обояхъ, на скатерти, на хрусталѣ, на лицахъ обѣдающихъ. Всѣ притихли въ какомъ-то грустномъ обаянн этого вечерняго часа.

— Когда я былъ еще прапорщикомъ, — заговорилъ вдругъ Шульговичъ: — у насъ былъ командиръ бригады, генералъ Фофановъ. Такой милый старикашка, боевой офицеръ, но чуть ли не изъ кантонистовъ. Помню, онъ, бывало, подойдетъ на смотру къ барабанщику, — ужасно любилъ барабанъ, — подойдетъ и скажетъ: «А ну-ка, братецъ, сыграй мнѣ что-нибудь меланхолическое». Да. Такъ этотъ генералъ, когда у него собирались гости, всегда уходилъ спать аккуратно въ одиннадцать. Бывало, обратится къ гостямъ и скажетъ: «Ну, гошпода, ѣшьте, пейте, вешелитесь, а я иду въ объятія Нептуна». Ему говорятъ: «Морфея, ваше превосходительство?» — «Э, вше равно: ижъ одной минералогин...» Такъ я теперь, господа, — Шульговичъ всталъ и положилъ на

спинку стула салфетку: — тоже иду въ объятія Нептуна. Вы свободны, господа офицеры.

Офицеры встали и вытянулись.

«Ироническая горькая улыбка показалась на его тонких губахъ», — подумалъ Ромашовъ, но только подумалъ, потому что лицо у него въ эту минуту было жалкое, блѣдное и некрасиво-почтительное.

Опять шелъ Ромашовъ домой, чувствуя себя одинокимъ, тоскующимъ, потерявшимся въ какомъ-то чужомъ, темномъ и враждебномъ мѣстѣ. Опять горѣла на западѣ въ сизыхъ нагроможденныхъ тяжелыхъ тучахъ красно-янтарная заря, и опять Ромашову чудился далеко за чертой горизонта, за домами и полями, прекрасный фантастическій городъ съ жизнью, полной красоты, изящества и счастья.

На улицахъ быстро темнѣло. По шоссе бѣгали съ визгомъ еврейскіе ребятишки. Гдѣ-то на завалинкахъ, у воротъ, у калитокъ, въ садахъ звенѣлъ женскій смѣхъ, звенѣлъ непрерывно и возбужденно, съ какой-то горячей, животной, радостной дрожью, какъ звенить онъ только ранней весной. И вмѣстѣ съ тихой, задумчивой грустью въ душѣ Ромашова рождались странныя, смутныя воспоминанія и сожалѣнія о никогда не бывшемъ счастье и о прошлыхъ, еще болѣе прекрасныхъ вѣснахъ, а въ сердцѣ шевелилось неясное и сладкое предчувствіе грядущей любви...

Когда онъ пришелъ домой, то засталъ Гейнана въ его темномъ чуланѣ передъ бюстомъ Пушкина. Великій поэтъ былъ весь вымазанъ масломъ, и горѣвшая передъ нимъ свѣча бросала глянцовитыя пятна на носъ, на толстыя губы и на жилистую шею. Самъ же Гайнанъ, сидя потурецки на трехъ доскахъ, замѣнявшихъ ему кровать, качался взадъ и впередъ и бормоталъ нараспѣвъ что-то тягучее и монотонное.

— Гайнанъ! — окликнулъ его Ромашовъ.

Денщикъ вздрогнулъ и, вскочивъ съ кровати, вытянулся. На лицѣ его отразились испугъ и замѣшательство.

— Алла? — спросилъ Ромашовъ дружелюбно.

Безусый, мальчишескій ротъ черемиса весь растянулся въ длинную улыбку, отъ которой при огнѣ свѣчи засверкали его великолѣпные бѣлые зубы.

— Алла, ваша благородія!

— Ну, ну, ну... Сиди себѣ, сиди. — Ромашовъ ласково погладилъ денщика по плечу. — Все равно, Гайнанъ, у тебя Алла, у меня Алла. Одинъ, братецъ, Алла у всѣхъ человѣковъ.

«Славный Гайнанъ, — подумалъ подпоручикъ, идя въ комнату. — А я вотъ не смѣю пожать ему руку. Да, не могу, не смѣю. О, чертъ! Надо будетъ съ нынѣшняго дня самому одѣваться и раздѣваться. Свинство заставлятъ это дѣлать за себя другого человѣка».

Въ этотъ вечеръ онъ не пошелъ въ собраніе, а досталъ изъ ящика толстую разлинованную тетрадь, исписанную мелкимъ церковнымъ почеркомъ, и писалъ до глубокой ночи. Эта была третья, по счету, сочиняемая Ромашовымъ повѣсть, подъ заглавіемъ: «Послѣдній роковой дебютъ». Подпоручикъ самъ стыдился своихъ литературныхъ занятій и никому въ мірѣ ни за что не признался бы въ нихъ.

VIII.

Казармы для помѣщенія полка только-что начали строить на окраинѣ мѣстечка, за желѣзной дорогой, на такъ называемомъ выгонѣ, а до ихъ окончанія полкъ со всѣми своими учрежденіями былъ расквартированъ по частнымъ квартирамъ. Офицерское собраніе занимало небольшой одноэтажный домикъ, который былъ расположенъ

глаголемъ: въ длинной сторонѣ, шедшей вдоль улицы, помѣщались танцевальная зала и гостиная, а короткую, простиравшуюся въ глубь грязнаго двора, занимали—столовая, кухня и «номера» для пріѣзжихъ офицеровъ. Эти двѣ половины были связаны между собою чѣмъ-то въ родѣ запутаннаго, узкаго, колѣнчатаго коридора; каждое колѣно соединялось съ другимъ дверями, и такимъ образомъ получился рядъ крошечныхъ комнатушекъ, которыя служили—буфетомъ, бильярдной, карточной, передней и дамской уборной. Такъ какъ всѣ эти помѣщенія, кромѣ столовой, были обыкновенно необитаемы и никогда не провѣтривались, то въ нихъ стоялъ сыроватый, кислый, нежилой воздухъ, къ которому примѣшивался особый запахъ отъ старой ковровой обивки, покрывавшей мебель.

Ромашовъ пришелъ въ собраніе въ 9 часовъ. Пять-шесть холостыхъ офицеровъ уже сошлись на вечеръ, но дамы еще не съѣзжались. Между ними издавна существовало странное соревнованіе въ знаніи хорошаго тона, а этотъ тонъ считалъ позорнымъ для дамы являться одной изъ первыхъ на балѣ. Музыканты уже сидѣли на своихъ мѣстахъ въ стеклянной галлерей, соединявшейся однимъ большимъ многостекольнымъ окномъ съ залой. Въ залѣ по стѣнамъ горѣли въ простѣнкахъ между окнами трехлапья бра, а съ потолка спускалась люстра съ хрустальными дрожащими подвѣсками. Благодаря яркому освѣщенію, эта большая комната съ голыми стѣнами, оклеенными бѣлыми обоями, съ вѣнскими стульями по бокамъ, съ тюлевыми занавѣсками на окнахъ, казалась особенно пустой.

Въ бильярдной два батальонныхъ адъютанта, поручики Бекъ-Агамаловъ и Олизаръ, котораго всѣ въ полку называли графомъ Олизаромъ, играли въ пять шаровъ на пиво. Олизаръ—длинный, тонкій, прилизанный, напома-

женный—молодой старикъ, съ голымъ, но морщинистымъ, хлыщеватымъ лицомъ, все время сыпалъ бильярдными прибаутками. Бекъ-Агамаловъ проигрывалъ и сердился. На ихъ игру глядѣлъ, сидя на подоконникѣ, штабсъ-капитанъ Лещенко, унылый человекъ сорока пяти лѣтъ, способный однимъ своимъ видомъ навести тоску; все у него въ лицѣ и фигурѣ висѣло внизъ съ видомъ самой безнадежной меланхоліи: висѣлъ внизъ, точно стручокъ перца, длинный, мясистый, красный и дряблый носъ; свисали до подбородка двумя тонкими бурыми нитками усы; брови спускались отъ переносья внизъ къ вискамъ, придавая его глазамъ вѣчно плаксивое выраженіе; даже старенькій сюртукъ болтался на его покатыхъ плечахъ и впалой груди, какъ на вѣшалкѣ. Лещенко ничего не пилъ, не игралъ въ карты и даже не курилъ. Но ему доставляло странное, непонятное другимъ удовольствіе торчать въ карточной или въ бильярдной комнатѣ за спинами игроковъ, или въ столовой, когда тамъ особенно кутили. По цѣлымъ часамъ онъ просиживалъ тамъ, молчаливый и унылый, не произнося ни слова. Въ полку къ этому всѣ привыкли, и даже игра и попойка какъ-то не вязались, если въ собраніи не было безмолвнаго Лещенки.

Поздоровавшись съ тремя офицерами, Ромашовъ сѣлъ рядомъ съ Лещенкой, который предупредительно отодвинулся въ сторону, вздохнулъ и поглядѣлъ на молодого офицера грустными и преданными собачьими глазами.

— Какъ здоровье Марьи Викторовны?—спросилъ Ромашовъ тѣмъ развязнымъ и умышленно-громкимъ голосомъ, какимъ говорятъ съ глухими и туго понимающими людьми и какимъ съ Лещенкой въ полку говорили всѣ, даже прапорщики.

— Спасибо, голубчикъ, — съ тяжелымъ вздохомъ отвѣ-

тилъ Лещенко.—Конечно, нервы у нея... Такое время теперь.

— А отчего же вы не вмѣстѣ съ супругой? Или, можетъ-быть, Марья Викторовна не собирается сегодня?

— Нѣтъ. Какъ же. Будетъ. Она будетъ, голубчикъ. Только, видите ли, мѣстъ нѣтъ въ фаэтонѣ. Онѣ съ Раисой Александровной пополамъ взяли экипажъ, ну и, понимаете, голубчикъ, говорятъ мнѣ: «У тебя, говорятъ, сапожища грязные, ты намъ платья испортишь».

— Круазе въ середину! Тонкая рѣзь. Вынимай шара изъ лузы, Бекъ!—крикнулъ Олизаръ.

— Ты сначала дѣлай шара, а потомъ я выну,—сердито отозвался Бекъ-Агамаловъ.

Лещенко забралъ въ ротъ бурые кончики усовъ и сосредоточенно пожевалъ ихъ.

— У меня къ вамъ просьба, голубчикъ Юрій Алексѣичъ,—сказалъ онъ просительно и запинаясь:—сегодня вѣдь вы распорядитель танцевъ?

— Да. Чортъ бы ихъ побралъ. Назначили. Я крутился-крутился передъ полковымъ адъютантомъ, хотѣлъ даже написать рапортъ о болѣзни. Но развѣ съ нимъ сговоришь? «Подайте, говоритъ, свидѣтельство врача».

— Вотъ я васъ и хочу попросить, голубчикъ,—продолжалъ Лещенко умильнымъ тономъ.—Богъ ужъ съ ней, устройте, чтобы она не очень сидѣла. Знаете, прошу васъ по-товарищески.

— Марья Викторовна?

— Ну да. Пожалуйста ужъ.

— Желтый дуплетъ въ уголь,—заказалъ Бекъ-Агамаловъ.—Какъ въ аптекѣ будетъ.

Ему было неудобно играть вслѣдствіе его небольшого роста, и онъ долженъ былъ тянуться на животѣ черезъ бильярдъ. Отъ напряженія его лицо покраснѣло,

и на лбу вздулись, точно ижица, двѣ сходящіяся къ переносью жилы.

— Жамаисъ!—увѣренно дразнилъ его Олизаръ. — Этого даже я не сдѣлаю.

Кій Агамалова съ сухимъ трескомъ скользнулъ по шару, но шаръ не сдвинулся съ мѣста.

— Киксъ!—радостно закричалъ Олизаръ и затанцовалъ канканъ вокругъ бильярда.—Когда ты спишь — храпышь, дюша мой?

Агамаловъ стукнулъ толстымъ концомъ кія о полъ.

— А ты не смѣй подъ руку говорить! — крикнулъ онъ, сверкая черными глазами. — Я игру брошу.

— Нэ кирпичись, дюша мой, кровь испортишь. Модистку въ уголъ!..

Къ Ромашову подскочилъ одинъ изъ вѣстовыхъ, наряженныхъ на дежурство въ переднюю, чтобы раздѣвять пріѣзжающихъ дамъ.

— Ваше благородіе, васъ барыня просятъ въ залу.

Тамъ уже прохаживались медленно взадъ и впередъ три дамы, только-что пріѣхавшія, всѣ три — пожилыя. Самая старшая изъ нихъ, жена завѣдующаго хозяйствомъ, Анна Ивановна Мигунова, обратилась къ Ромашову строгимъ и жеманнымъ тономъ, капризно растягивая концы словъ и со свѣтской важностью кивая головой:

— Подпоручикъ Ромашо-овъ, прикажите сыграть что-нибудь для слу-уха. Пожа-алуйста...

— Слушаю-съ. — Ромашовъ поклонился и подошелъ къ музыкантскому окну. — Зиссерманъ, — крикнулъ онъ старостѣ оркестра: — валяй для слуха!

Сквозь раскрытое окно галлерей грянули первые раскаты увертюры изъ «Жизни за Царя», и въ тактъ имъ заколебались вверхъ и внизъ языки свѣчей.

Дамы понемногу сѣзжались. Прежде, годъ тому на-

задъ, Ромашовъ ужасно любилъ эти минуты передъ баломъ, когда, по своимъ дирижерскимъ обязанностямъ, онъ встрѣчалъ въ передней входящихъ дамъ. Какими таинственными и прелестными казались онъ ему, когда, возбужденныя свѣтомъ, музыкой и ожиданіемъ танцевъ, онъ съ веселой суетой освобождались отъ своихъ капоровъ, боа и шубокъ. Вмѣстѣ съ женскимъ смѣхомъ и звонкой болтовней тѣсная передняя вдругъ наполнялась запахомъ мороза, духовъ, пудры и лайковыхъ перчатокъ,—неуловимымъ, глубоко волнующимъ запахомъ нарядныхъ и красивыхъ женщинъ передъ баломъ. Какими блестящими и влюбленными казались ему ихъ глаза въ зеркалахъ, передъ которыми онъ наскоро поправляли свои прически! Какой музыкой звучалъ шелестъ и шорохъ ихъ юбокъ! Какая ласка чувствовалась въ прикосновеніи ихъ маленькихъ рукъ, ихъ шарфовъ и вѣеровъ!..

Теперь это очарованіе прошло, и Ромашовъ зналъ, что навсегда. Онъ не безъ нѣкотораго стыда понималъ теперь, что многое въ этомъ очарованіи было почерпнуто изъ чтенія французскихъ плохихъ романовъ, въ которыхъ неизмѣнно описывается, какъ Густавъ и Арманъ, пріѣхавъ на балъ въ русское посольство, проходили черезъ вестибюль. Онъ зналъ также, что полковныя дамы по годамъ носятъ одно и то же «шикарное» платье, дѣлая жалкія попытки обновлять его къ особенно пышнымъ вечерамъ, а перчатки чистятъ бензиномъ. Ему смѣшнымъ и претенціознымъ казалось ихъ общее пристрастіе къ разнымъ эгреткамъ, шарфикамъ, огромнымъ поддѣльнымъ камнямъ, къ перьямъ и обилію лентъ: въ этомъ сказывалась какая-то тряпичная, безвкусная, домашняго издѣлія, роскошь. Онъ употребляли жирныя бѣлила и румяна, но неумѣло и грубо до наивности: у иныхъ отъ этихъ средствъ лица принимали зловѣщій

синеватый оттѣнокъ. Но непріятнѣе всего было для Ромашова то, что онъ, какъ и всѣ въ полку, зналъ закулисныя исторіи каждаго бала, каждаго платья, чуть ли не каждой кокстливой фразы; онъ зналъ, какъ за ними скрывались: жалкая бѣдность, усилія, ухищренія, сплетни, взаимная ненависть, бессильная провинціальная игра въ свѣтскость и наконецъ скучныя, пошлыя связи...

Пріѣхалъ капитанъ Тальманъ съ женой: оба очень высокіе, плотные; она—нѣжная, толстая, разсыпчатая блондинка, онъ—со смуглымъ, разбойничьимъ лицомъ, съ безпрестаннымъ кашлемъ и хриплымъ голосомъ. Ромашовъ ужъ заранѣе зналъ, что сейчасъ Тальманъ скажетъ свою обычную фразу, и онъ дѣйствительно, бѣгая цыганскими глазами, просипѣлъ:

— А что, подпоручикъ, въ карточной уже винтятъ?

— Нѣтъ еще. Всѣ въ столовой.

— Нѣтъ еще? Знаешь, Сонечка, я того... пойду въ столовую — «Инвалидъ» пробѣжать. Вы, милый Ромашовъ, попасите ее... ну, тамъ, какую-нибудь кадрилицию.

Потомъ въ переднюю впорхнуло семейство Лыкачевыхъ — цѣлый выводокъ хорошенькихъ, смѣшливыхъ и картавыхъ барышень, во главѣ съ матерью—маленькой, живой женщиной, которая въ 40 лѣтъ танцевала безъ усталости и постоянно рожала дѣтей — «между второй и третьей кадрилию», какъ говорилъ про нее полковой острякъ Арчаковскій.

Барышни, разнообразно картавя, смѣясь и перебивая другъ дружку, набросились на Ромашова:

— Отчего вы къ намъ не приходили?

— Звой, звой, звой!

— Нехолосый, нехолосый, нехолосый!

— Звой, звой!

— Приглашаю васъ на пейвую кадиль.

— Mesdames!.. Mesdames!.. — говорилъ Ромашовъ, изображая собою противъ воли любезнаго кавалера и расшаркиваясь во всѣ стороны.

Въ это время онъ случайно взглянулъ на входную дверь и увидалъ за ея стекломъ худое и губастое лицо Раисы Александровны Петерсонъ подъ бѣлымъ платкомъ, коробкой надѣтымъ поверхъ шляпы. Ромашовъ поспѣшно, совсѣмъ по-мальчишески, юркнулъ въ гостиную. Но, какъ ни коротокъ былъ этотъ мигъ, и какъ ни старался подпоручикъ увѣрить себя, что Раиса его не замѣтила, — все-таки онъ чувствовалъ тревогу; въ выраженіи маленькихъ глазъ его любовницы почудилось ему что-то новое и безпокойное, какая-то жестокая, злобная и увѣренная угроза.

Онъ прошелъ въ столовую. Тамъ уже набралось много народа; почти всѣ мѣста за длиннымъ, покрытымъ клеенкой столомъ были заняты. Синій табачный дымъ колыхался въ воздухѣ. Пахло горѣлымъ масломъ изъ кухни. Двѣ или три группы офицеровъ уже начинали выпивать и закусывать. Кое-кто читалъ газеты. Густой и пестрый шумъ голосовъ сливался со стукомъ ножей, щелканьемъ бильярдныхъ шаровъ и хлопаньемъ кухонной двери. По ногамъ тянуло холодомъ изъ сѣней.

Ромашовъ отыскалъ поручика Бобетинскаго и подошелъ къ нему. Бобетинскій стоялъ около стола, засунувъ руки въ карманы брюкъ, раскачиваясь на носкахъ и на каблукахъ и щуря глаза отъ дыма папироски. Ромашовъ тронулъ его за рукавъ.

— Чтò?—обернулся онъ и, вынувъ одну руку изъ кармана, не переставая щуриться, съ изысканнымъ видомъ покрутилъ длинный рыжій усъ, скосивъ на него глаза и отставивъ локоть вверхъ. — А-а! Это вы? Эчень пріятно...

Онъ всегда говорилъ такимъ ломанымъ, вычурнымъ то-

номъ, подражая, какъ онъ самъ думалъ, гвардейской золотой молодежи. Онъ былъ о себѣ высокаго мнѣнія, считая себя знатокомъ лошадей и женщинъ, прекраснымъ танцоромъ и при томъ изящнымъ, великосвѣтскимъ, но, несмотря на свои 24 года, уже пожившимъ и разочарованнымъ человѣкомъ. Поэтому онъ всегда держалъ плечи картинно поднятыми кверху, скверно французилъ, ходилъ расслабленной походкой и, когда говорилъ, дѣлалъ усталые, небрежные жесты.

— Петръ Ѡаддеевичъ, милый, пожалуйста, подирижируйте нынче за меня,—попросилъ Ромашовъ.

— Ме, монъ ами!—Бобетинскій поднялъ кверху плечи и брови и сдѣлалъ глупые глаза. — Но... мой другъ,—перевелъ онъ по-русски.—Съ какой стати? Пуркуа? Право, вы меня... какъ это говорится?... Вы меня эдивляете!..

— Дорогой мой, пожалуйста...

— Пойдите... Во-первыхъ, безъ фэ-милъ-ярностей. Чтэ это тэкое — дорогой, тэкой-сякой е цетера?

— Ну умоляю васъ, Петръ Ѡаддеевичъ... Голова болить... и горло... положительно не могу.

Ромашовъ долго и убѣдительно упрашивалъ товарища. Наконецъ онъ даже рѣшилъ пустить въ дѣло лесть.

Вѣдь никто же въ полку не умѣетъ такъ красиво и разнообразно вести танцы, какъ Петръ Ѡаддеевичъ. И кромѣ того, объ этомъ также просила одна дама...

— Дама?... — Бобетинскій сдѣлалъ разсѣянное и меланхолическое лицо.—Дама? Другъ мой, въ мои годы...— Онъ разсмѣялся съ дѣланной горечью и разочарованіемъ.— Чтò такое женщина? Ха-ха-ха... Юнъ енигмъ! Ну, хорошо, я, такъ и быть, согласенъ... Я согласенъ.

И такимъ же разочарованнымъ голосомъ онъ вдругъ прибавилъ:

— Монъ шеръ ами, а нѣтъ ли у васъ... какъ это называется... трехъ рублей?

— Къ сожалѣнію!.. — вздохнулъ Ромашовъ.

— А рубля?

— Мм!..

— Дезагреабль-съ... Ничего не подѣлаешь. Ну, пойдете въ такомъ случаѣ, выпьемъ водки.

— Увы! И кредита нѣтъ, Петръ Ѡаддеевичъ.

— Да-а? О, поврѣ анфанъ!.. Все равно, пойдёмъ. — Бобетинскій сдѣлалъ широкой и небрежный жестъ великодушія. — Я васъ привѣтствую.

Въ столовой между тѣмъ разговоръ становился болѣе громкимъ и въ то же время болѣе интереснымъ для всѣхъ присутствующихъ. Говорили объ офицерскихъ поединкахъ, только-что тогда разрѣшенныхъ, и мнѣнія расходились.

Больше всѣхъ овладѣлъ бесѣдой поручикъ Арчаковскій — личность довольно темная, едва ли не шулеръ. Про него втихомолку рассказывали, что, еще до поступленія въ полкъ, во время пребыванія въ запасѣ, онъ служилъ смотрителемъ на почтовой станціи и былъ преданъ суду за то, что ударомъ кулака убилъ какого-то ямщика.

— Это хорошо дуэль въ гвардіи — для разныхъ тамъ лоботрясовъ и фигель-миглей, — говорилъ грубо Арчаковскій: — а у насъ... Ну, хорошо, я холостой... положимъ, я съ Василь Василичемъ Липскимъ напился въ собраніи и въ пьяномъ видѣ закатилъ ему въ ухо. Чтò же намъ дѣлать? Если онъ со мною не захочетъ стрѣляться — вонъ изъ полка; спрашивается, чтò его дѣти будутъ жрать? А вышелъ онъ на поединокъ, я ему влѣплю пулю въ животъ, и опять дѣтямъ кусать нечего... Че-пуха все.

— Гето... ты подожди... ты повремени, — перебилъ его старый и пьяный подполковникъ Лехъ, держа въ одной рукѣ рюмку, а кистью другой руки дѣлая сла-

быя движенія въ воздухѣ: — ты понимаешь, что такое честь мундира?.. Гето, братецъ ты мой, та-акая штука... Честь, она... Вотъ, я помню, случай у насъ былъ въ Темрюкскомъ полку въ 1862-мъ году.

— Ну, знаете, вашихъ случаевъ не переслушаешь, — развязно перебилъ его Арчаковскій: — расскажете еще что-нибудь, что было за царя Гороха.

— Гето, братецъ... ахъ, какой ты дерзкій... Ты еще мальчишка, а я, гето... Былъ, я говорю, такой случай...

— Только кровь можетъ смыть пятно обиды, — вмѣшался напыщеннымъ тономъ поручикъ Бобетинскій и попѣтушину поднялъ кверху плечи.

— Гето, былъ у насъ прапорщикъ Солуха, — силился продолжать Лехъ.

Къ столу подошелъ, выйдя изъ буфета, командиръ первой роты, капитанъ Осадчій.

— Я слышу, что у васъ разговоръ о поединкахъ. Интересно послушать, — сказалъ онъ густымъ, рыкающимъ басомъ, сразу покрывая все голоса. — Здравія желаю, господинъ полковникъ. Здравствуйте, господа.

— А, колоссъ родосскій, — ласково привѣтствовалъ его Лехъ. — Гето... садись ты около меня, памятникъ ты этакій... Водочки выпьешь со мною?

— И весьма, — низкой октавой отвѣтилъ Осадчій.

Этотъ офицеръ всегда производилъ странное и раздражающее впечатлѣніе на Ромашова, возбуждая въ немъ чувство, похожее на страхъ и на любопытство. Осадчій славился, какъ и полковникъ Шульговичъ, не только въ полку, но и во всей дивизіи своимъ необыкновеннымъ, по размѣрамъ и красотѣ, голосомъ, а также огромнымъ ростомъ и страшной физической силой. Былъ онъ извѣстенъ также и своимъ замѣчательнымъ знаніемъ строевой службы. Его иногда, для пользы службы, переводили изъ одной роты въ другую, и въ теченіе полугода

онъ умѣлъ дѣлать изъ самыхъ распущенныхъ, захудалыхъ командъ нѣчто похожее по стройности и исполнительности на огромную машину, пропитанную нечеловѣческимъ трепетомъ передъ своимъ начальникомъ. Его обаяніе и власть были тѣмъ болѣе непонятны для товарищей, что онъ не только никогда не дрался, но даже и бранился лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Ромашову всегда чужалось въ его прекрасномъ сумрачномъ лицѣ, странная блѣдность котораго еще сильнѣе оттѣнялась черными, почти синими волосами, что-то напряженное, сдержанное и жестокое, что-то присущее не человѣку, а огромному, сильному звѣрю. Часто, незамѣтно наблюдая за нимъ откуда-нибудь издали, Ромашовъ воображалъ себѣ, каковъ долженъ быть этотъ человѣкъ въ гнѣвѣ, и, думая объ этомъ, блѣднѣлъ отъ ужаса и сжималъ холодѣвшіе пальцы. И теперь онъ, не отрываясь, глядѣлъ, какъ этотъ самоувѣренный, сильный человѣкъ спокойно садился у стѣны на предупредительно подвинутый ему стулъ.

Осадчій выпилъ водки, разгрызъ съ хрустомъ рѣдисуку и спросилъ равнодушно:

— Ну-съ, итакъ, какое же резюме почтеннаго собранія?

— Гето, братецъ ты мой, я сейчасъ рассказываю... Былъ у насъ случай, когда я служилъ въ Темрюкскомъ полку. Поручикъ фонъ-Зоонъ, — его солдаты звали «Подъ-Звонъ» — такъ онъ тоже однажды въ собраніи...

Но его перебилъ Липскій, сорокалѣтній штабсъ-капитанъ, румяный и толстый, который, несмотря на свои годы, держалъ себя въ офицерскомъ обществѣ шуткомъ и почему-то усвоилъ себѣ странный и смѣшной тонъ избалованнаго, но любимаго всѣми комичнаго мальчугана.

— Позвольте, господинъ капитанъ, я вкратцѣ. Вотъ поручикъ Арчаковскій говоритъ, что дуэль — чепуха.

«Треба, каже, якъ у насъ у бурсѣ — даль раза по потылицѣ и квитъ». Затѣмъ дебатировалъ поручикъ Бобетицскій, требовавшій крови. Потомъ господишъ полковникъ тщетно тщились рассказать анекдотъ изъ своей прежней жизни, но до сихъ поръ имъ это, кажется, не удалось. Затѣмъ, въ самомъ началѣ разказа, подпоручикъ Михинъ заявили подъ шумокъ о своемъ собственномъ мнѣніи, но, въ виду недостаточности голосовыхъ средствъ и свойственной имъ цѣломудренной стыдливости, мнѣніе это выслушано не было.

Подпоручикъ Михинъ, маленькій, слабогрудый юноша, со смуглымъ, рябымъ и веснушчатымъ лицомъ, на которомъ робко, почти испуганно глядѣли нѣжные темные глаза, вдругъ покраснѣлъ до слезъ.

— Я только, господа... Я, господа, можетъ-быть, ошибаюсь, — заговорилъ онъ, заикаясь и смущенно комкая свое безбородое лицо руками. — Но, по-моему, то-есть я такъ полагаю... нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разбираться. Иногда дуэль полезна, это безусловно, и каждый изъ насъ, конечно, выйдетъ къ барьеру. Безусловно. Но иногда, знаете, это... можетъ-быть, высшая честь заключается въ томъ, чтобы... это... безусловно простить... Ну, я не знаю, какіе еще могутъ быть случаи... вотъ...

— Эхъ, вы, Декадентъ Ивановичъ, — грубо махнулъ на него рукой Арчаковскій: — тряпку вамъ сосать.

— Гето, да дайте же мнѣ, братцы, высказаться!

Сразу покрывая всѣ голоса могучимъ звукомъ своего голоса, заговорилъ Осадчій:

— Дуэль, господа, непременно должна быть съ тяжелымъ исходомъ, иначе это абсурдъ! Иначе это будетъ только дурацкая жалость, уступка, снисходительность, комедія. Пятьдесятъ шаговъ дистанціи и по одному выстрѣлу. Я вамъ говорю: изъ этого выйдетъ одна только

пошлость, вотъ именно въ родѣ тѣхъ французскихъ дуэлей, о которыхъ мы читаемъ въ газетахъ. Пришли, пострѣляли изъ пистолетовъ, а потомъ въ газетахъ сообщаютъ протоколъ поединка: «Дуэль, по счастью, окончилась благополучно. Противники обмѣнялись выстрѣлами, не причинивъ другъ другу вреда, но выказавъ при этомъ отмѣнное мужество. За завтракомъ недавніе враги обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ». Такая дуэль, господа, чепуха. И никакого улучшенія въ наше общество она не внесетъ.

Ему сразу отвѣтило нѣсколько голосовъ. Лехъ, который въ продолженіе его рѣчи не разъ покушался докончить свойъ рассказъ, опять-было началъ: «А вотъ, гето, я, братцы мои... да слушайте же, жеребцы вы». Но его не слушали, и онъ попеременно перебѣгалъ глазами отъ одного офицера къ другому, ища сочувствующаго взгляда. Отъ него всѣ небрежно отворачивались, увлеченные споромъ, и онъ скорбно поматывалъ отяжелѣвшей головой. Наконецъ онъ поймалъ глазами глаза Ромащова. Молодой офицеръ по опыту зналъ, какъ тяжело переживать подобныя минуты, когда слова, много разъ повторяемая, точно виснутъ безъ поддержки въ воздухѣ, и когда какой-то колючій стыдъ заставляетъ упорно и безнадежно къ нимъ возвращаться. Поэтому-то онъ и не уклонился отъ подполковника, и тотъ, обрадованный, потащилъ его за рукавъ къ столу.

— Гето... хоть ты меня выслушай, прапоръ, — говорилъ Лехъ горестно; — садись, выпей-ка водочки... Они, братецъ мой, всѣ — шалыганы. — Лехъ слабо махнулъ на спорящихъ офицеровъ кистью руки. — Гавъ, гавъ, гавъ, а опыта у нихъ нѣтъ. Я хотѣлъ разсказать, какой у насъ былъ случай...

Держа одной рукой рюмку, а свободной рукой размахивая такъ, какъ будто бы онъ управлялъ хоромъ,

и мотая опущенной головой, Лехъ началъ разсказывать одинъ изъ своихъ безчисленныхъ разсказовъ, которыми онъ былъ нафаршированъ, какъ колбаса ливеромъ, и которыхъ онъ никогда не могъ довести до конца, благодаря вѣчнымъ отступленіямъ, вставкамъ, сравненіямъ и загадкамъ. Теперешній его анекдотъ заключался въ томъ, что одинъ офицеръ предложилъ другому — это, конечно, было въ незапамятныя времена — американскую дуэль, при чемъ въ видѣ жребія имъ служилъ четъ или нечетъ на рублевой бумажкѣ. И вотъ кто-то изъ нихъ, — трудно было понять, кто именно, — Подъ-Звонъ или Солуха, прибѣгнулъ къ мошенничеству: «Гето, братецъ ты мой, взялъ да и склеилъ двѣ бумажки вмѣстѣ, и вышло, что на одной сторонѣ четъ, а на другой нечетъ. Стали они, братецъ ты мой, тянуть... Этотъ и говоритъ тому...»

Но и на этотъ разъ полковникъ не успѣлъ, по обыкновенію, докончить своего анекдота, потому что въ буфетъ игриво скользнула Раиса Александровна Петерсонъ. Стоя въ дверяхъ столовой, но не входя въ нее (что, вообще, было не принято), она крикнула веселымъ и капризнымъ голоскомъ, какимъ кричатъ балованныя, но любимыя всѣми дѣвочки:

— Господа, ну что-о же это такое! Дамы ужъ давно съѣхались, а вы тутъ сидите и угощаетесь! Мы хотимъ танцовать!

Два-три молодыхъ офицера встали, чтобы итти въ залу; другіе продолжали сидѣть и курить и разговаривать, не обращая на кокетливую даму никакого вниманія, зато старый Лехъ косвенными мелкими шажками подошелъ къ ней и, сложивъ руки крестомъ и проливая себѣ на грудь изъ рюмки водку, воскликнулъ съ пьянымъ умиленіемъ:

— Божественная! И какъ это начальство позволяетъ шуществовать такой красотѣ! Рру-учку!.. Лобзнуть!..

— Юрій Алексѣвичъ, — продолжала щебетать Петер-

сонъ: — вѣдь вы, кажется, на сегодня назначены? Хорошъ, нечего сказать, дирижеръ!

— Миль пардонъ, мадамъ. Се ма фоть!.. Это моя вина! — воскликнулъ Бобетинскій, подлетая къ ней. На ходу онъ быстро шаркалъ ногами, присѣдалъ, балансировалъ туловищемъ и раскачивалъ опущенными руками съ такимъ видомъ, какъ будто онъ выдѣлывалъ подготовительныя па какого-то веселаго балетнаго танца. — Ваш-шу руку. Вотръ мэнъ, мадамъ. Господа, въ залу, въ залу!

Онъ понесся подъ руку съ Петерсонъ, гордо закинувъ кверху голову, и уже изъ другой комнаты доносился его голосъ — свѣтскаго, какъ онъ воображалъ, дирижера:

— Месьё, приглашайте дамъ на вальсъ! Музыканты, вальсъ!

— Простите, господинъ полковникъ, мои обязанности призываютъ меня, — сказалъ Ромашовъ.

— Эхъ, братецъ ты мой, — съ сокрушеніемъ поникъ головой Лехъ. — И ты такой же перець, какъ и они всѣ... Гето... постой, постой, прапорщикъ... Ты слыхалъ про Мольтке? Про великаго молчальника, фельдмаршала... гето... и стратега Мольтке?

— Господинъ полковникъ, право же...

— А ты не егози... Сія притча краткая... Великій молчальникъ посѣщалъ офицерскія собранія и, когда обѣдалъ, то... гето... клалъ передъ собою на столъ кошелекъ, набитый, братецъ ты мой, золотомъ. Рѣшилъ онъ въ умѣ отдать этотъ кошелекъ тому офицеру, отъ котораго онъ хотъ разъ услышитъ въ собраніи дѣльное слово. Но такъ и умеръ старикъ, проживъ на свѣтѣ сто девяносто лѣтъ, а кошелекъ его такъ, братецъ ты мой, и остался цѣлымъ. Чтò? Раскусилъ сей орѣхъ? Ну, теперь иди себѣ, братецъ. Иди, иди, воробышекъ... попрыгай...

IX.

Въ залѣ, которая, казалось, вся дрожала отъ оглушительныхъ звуковъ вальса, вертѣлись двѣ пары. Бобетинскій, распустивъ локти, точно крылья, быстро сѣменилъ ногами вокругъ высокой Тальманъ, танцовавшей съ величавымъ спокойствіемъ каменнаго монумента. Рослый, патлатый Арчаковскій кружилъ вокругъ себя маленькую, розовенькую младшую Лыкачеву, слегка согнувшись надъ нею и глядя ей въ проборъ; не выдѣлывая па, онъ лишь лѣниво и небрежно переступалъ ногами, какъ танцуютъ обыкновенно съ дѣтьми. Пятнадцать другихъ дамъ сидѣли вдоль стѣнъ въ полномъ одиночествѣ и старались дѣлать видъ, что это для нихъ все равно. Какъ и всегда бывало на полковыхъ собраніяхъ, кавалеровъ оказалось вчетверо меньше, чѣмъ дамъ, и начало вечера обѣщало быть скучнымъ.

Петерсонъ, только-что открывшая балъ, что всегда для дамъ служило предметомъ особой гордости, теперь пошла съ тонкимъ, стройнымъ Олизаромъ. Онъ держалъ ея руку точно припиленной къ своему лѣвому бедру; она же томно опиралась подбородкомъ на другую руку, лежавшую у него на плечѣ, а голову повернула назадъ, къ залѣ, въ манерномъ и неестественномъ положеніи. Окончивъ туръ, она нарочно сѣла неподалеку отъ Ромашова, стоявшаго около дверей дамской уборной. Она быстро обмахивалась вѣеромъ и, глядя на склонившагося передъ ней Олизара, говорила съ пѣвучей томностью:

— Нѣтъ, ск'жи-ите, графъ, отчего мнѣ всегда такъ жарко? Ум'ляю васъ — ск'жи-ите!..

Олизаръ сдѣлалъ полупоклонъ, звякнулъ шпорами и провелъ рукой по усамъ въ одну и въ другую сторону.

— Сударыня, этого даже Мартынъ Задека не скажетъ.

И такъ какъ въ это время Олизаръ глядѣлъ на ея плоское декольте, она стала часто и неестественно глубоко дышать.

— Ахъ, у меня всегда возвышенная температура! — продолжала Раиса Александровна, намекая улыбкой на то, что за ея словами кроется какой-то особенный, неприличный смысл. — Такой ужъ у меня горячій темпераментъ!..

Олизаръ коротко и неопредѣленно заржалъ.

Ромашовъ стоялъ, глядѣлъ искоса на Петерсонъ и думалъ съ отвращеніемъ: «О, какая она противная!». И отъ мысли о прежней физической близости съ этой женщиной у него было такое ощущеніе, точно опъ не мылся нѣсколько мѣсяцевъ и не перемѣнялъ бѣлья.

— Да, да, да, вы не смѣйтесь, графъ. Вы не знаете, что моя мать гречанка!

«И говорить какъ противно, — думалъ Ромашовъ. — Странно, что я до сихъ поръ этого не замѣчалъ. Она говоритъ такъ, какъ будто бы у нея хроническій насморкъ или полипъ въ носу: «боя бать гречадка».

Въ это время Петерсонъ обернулась къ Ромашову и вызывающе посмотрѣла на него прищуренными глазами.

Ромашовъ по привычкѣ сказалъ мысленно:

«Лицо его стало непроницаемо, какъ маска».

— Здравствуйте, Юрій Алексѣевичъ! Что же вы не подойдете поздороваться? — запѣла Раиса Александровна.

Ромашовъ подошелъ. Она со злыми зрачками глазъ, ставшими вдругъ необыкновенно маленькими и острыми, крѣпко сжала его руку.

— Я по вашей просьбѣ оставила вамъ третью кадрили. Надѣюсь, вы не забыли?

Ромашовъ поклонился.

— Какой вы нелюбезный, — продолжала кривляться Петерсонъ. — Вамъ бы слѣдовало сказать: аншанте, ма-

дамъ («адшадте, бадабъ»—услышалъ Ромашовъ)! Графъ, правда, онъ мѣшокъ?

— Какъ же... Я помню, — неувѣренно забормоталъ Ромашовъ. — Благодарю за честь.

Бобетинскій мало способствовалъ оживленію вечера. Онъ дирижировалъ съ разочарованнымъ и устало-покровительственнымъ видомъ, точно исполняя какую-то страшно надоѣвшую ему, но очень важную для всѣхъ другихъ обязанность. Но передъ третьей кадрилию онъ оживился и, пролетая по залѣ, точно на конькахъ по льду, быстрыми, скользящими шагами, особенно громко выкрикнулъ:

— Кадриль-монстръ! Кавалье, ангаже во дамъ!

Ромашовъ съ Раисой Александровной стали недалеко отъ музыкантскаго окна, имѣя vis-à-vis Михина и жену, Лещенки, которая едва достигала до плеча своего кавалера. Къ третьей кадрили танцующихъ замѣтно прибавилось, такъ что пары должны были расположиться и вдоль залы и поперекъ. И тѣмъ и другимъ приходилось танцовать по очереди, и потому каждую фигуру играли по два раза.

«Надо объяснить, надо положить конецъ, — думалъ Ромашовъ, оглушаемый грохотомъ барабана и мѣдными звуками, рвавшимися изъ окна. — Довольно!» — «На его лицѣ лежала несокрушимая рѣшимость».

У полковыхъ дирижеровъ установились издавна нѣкоторые особенные приемы и милыя шутки. Такъ, въ третьей кадрили всегда считалось необходимымъ путать фигуры и дѣлать, какъ будто неумышленно, веселыя ошибки, которыя всегда возбуждали неизмѣнную сумятицу и хохоть. И Бобетинскій, начавъ кадриль-монстръ неожиданно со второй фигуры, то заставлялъ кавалеровъ дѣлать соло и тотчасъ же, точно спохватившись, возвращалъ ихъ къ дамамъ, то устраивалъ grand-rond и,

перемѣшивъ его, заставляя кавалеровъ отыскивать дамъ.

— Медамъ, авансе... виновать, рекуле! Кавалье соло! Пардонъ, назадъ, балянсе авекъ во дамъ! Да назадъ же!

Раиса Александровна тѣмъ временемъ говорила язвительнымъ тономъ, задыхаясь отъ злобы, но дѣлая такую улыбку, какъ будто бы разговоръ шелъ о самыхъ веселыхъ и пріятныхъ вещахъ:

— Я не позволю такъ со мною обращаться. Слышите? Я вамъ не дѣвчонка. Да. И такъ порядочные люди не поступаютъ. Да.

— Не будемъ сердиться, Раиса Александровна, — убѣдительно и мягко попросилъ Ромашовъ.

— О, слишкомъ много чести — сердиться! Я могу только презирать васъ. Но издѣваться надъ собою я не позволю никому. Почему вы не потрудились отвѣтить на мое письмо?

— Но меня ваше письмо не застало дома, клянусь вамъ.

— Ха! Вы мнѣ морочите голову! Точно я не знаю, гдѣ вы бываете... Но будьте увѣрены...

— Кавалье, анъ авапъ! Ронъ де кавалье. А гошъ! Налѣво, палѣво! Да налѣво же, господа! Эхъ, ничего не понимаютъ! Плю де ля ви, месье, — кричалъ Бобетинскій, увлекаая танцоровъ въ быстрый круговоротъ и отчаянно топая ногами.

— Я знаю всѣ интриги этой женщины, этой лиллипутки, — продолжала Раиса, когда Ромашовъ вернулся на мѣсто. — Только напрасно она такъ много о себѣ воображаетъ! Что она дочь проворовавшагося нотаріуса...

— Я попросилъ бы при мнѣ такъ не отзываться о моихъ знакомыхъ, — сурово остановилъ Ромашовъ.

Тогда произошла грубая сцена. Петерсонъ разразилась безобразною бранью по адресу Шурочки. Она уже

забыла о своихъ дѣланныхъ улыбкахъ и, вся въ пятнахъ, старалась перекричать музыку своимъ насморочнымъ голосомъ. Ромашовъ же краснѣлъ до настоящихъ слезъ отъ своего безсилія и растерянности, и отъ боли за оскорбляемую Шурочку, и отъ того, что ему, сквозь оглушительные звуки кадрили, не удавалось вставить ни одного слова, а главное — потому, что на нихъ уже начинали обращать вниманіе.

— Да, да, у нея отецъ проворовался, ей нечего подымать носъ! — кричала Петерсонъ. — Скажите, пожалуйста, она намъ неглижируетъ. Мы и про нее тоже кое-что знаемъ! Да!

— Я васъ прошу, — лепеталъ Ромашовъ.

— Пойдите, вы съ ней еще увидите мои когти. Я раскрою глаза этому дураку Николаеву, котораго она третій годъ не можетъ пропихнуть въ академію. И куда ему поступить, когда онъ, дуракъ, не видитъ, что у него подъ носомъ дѣлается. Да и то сказать — и поклонникъ же у нея!..

— Мазурка генераль! Променадъ! — кричалъ Бобетинскій, проносясь вдоль залы, весь наклонившись впередъ въ позѣ летящаго архангела.

Полъ задрожалъ и ритмично заколыхался подъ тяжелымъ топотомъ ногъ, въ тактъ мазуркѣ зазвенѣли подвѣски у люстры, играя разноцвѣтными огнями, и мѣрно заколыхались тюлевые занавѣси на окнахъ.

— Отчего намъ не разстаться миролюбиво, тихо? — кротко спросилъ Ромашовъ. Въ душѣ онъ чувствовалъ, что эта женщина вселяетъ въ него вмѣстѣ съ отвращеніемъ какую-то мелкую, гнусную, но непобѣдимую трусость. — Вы меня не любите больше... Простимся же добрыми друзьями.

— А-а! Вы мнѣ хотите зубы заговорить? Не безнокойтесь, мой милый, — она произнесла: «бой бѣлый»: —

я не изъ тѣхъ, кого бросаютъ. Я сама бросаю, когда захочу. Но я не могу достаточно надивиться на вашу низость...

— Кончимъ же скорѣе, — нетерпѣливо, глухимъ голосомъ, стиснувъ зубы, проговорилъ Ромашовъ.

— Антрактъ пять минутъ. Кавалье, окюпе во дамъ! — крикнулъ дирижеръ.

— Да, когда я этого захочу. Вы подло обманывали меня. Я пожертвовала для васъ всѣмъ, отдала вамъ все, что можетъ отдать честная женщина... Я не смѣла взглянуть въ глаза моему мужу, этому идеальному, прекрасному человѣку. Для васъ я забыла обязанности жены и матери. О, зачѣмъ, зачѣмъ я не осталась вѣрной ему!

— По-ло-жимъ!

Ромашовъ не могъ удержаться отъ улыбки. Ея многочисленные романы со всѣми молодыми офицерами, пріѣзжавшими на службу, были прекрасно извѣстны въ полку, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣ любовныя исторіи, происходившія между всѣми семьюдесятью пятью офицерами и ихъ женами и родственницами. Ему теперь вспомнились выраженія въ родѣ: «мой дуракъ», «этотъ презрѣнный человѣкъ», «этотъ болванъ, который вѣчно торчитъ» и другія не менѣе сильныя выраженія, которыя расточала Раиса въ письмахъ и устно о своемъ мужѣ.

— А! Вы еще имѣете наглость смѣяться? Хорошо же! — вспыхнула Раиса. — Намъ начинать! — спохватилась она и, взявъ за руку своего кавалера, засѣменила впередъ, граціозно раскачивая туловище на бедрахъ и напряженно улыбаясь.

Когда они кончили фигуру, ея лицо опять сразу приняло сердитое выраженіе, «точно у разозленнаго насѣкомаго», — подумалъ Ромашовъ.

— Я этого не прощу вамъ. Слышите ли, никогда! Я

знаю, почему вы такъ подло, такъ низко хотите уйти отъ меня. Такъ не будетъ же того, что вы затѣяли, не будетъ, не будетъ, не будетъ! Вмѣсто того, чтобы прямо и честно сказать, что вы меня больше не любите, вы предпочитали обманывать меня и пользоваться мной какъ женщиной, какъ самкой... на всякій случай, если тамъ не удастся. Ха-ха-ха!..

— Ну, хорошо, будемъ говорить начистоту, — со сдержанной яростью заговорилъ Ромашовъ. Онъ все больше блѣднѣлъ и кусалъ губы. — Вы сами этого захотѣли. Да, это правда: я не люблю васъ.

— Ахъ, скажи-ите, какъ мнѣ это обидно!

— И не любилъ никогда. Какъ и вы меня, впрочемъ. Мы оба играли какую-то гадкую, лживую и грязную игру, какой-то пошлый любительскій фарсъ. Я прекрасно, отлично понималъ васъ, Раиса Александровна. Вамъ не нужно было ни нѣжности, ни любви, ни простой привязанности. Вы слишкомъ мелки и ничтожны для этого. Потому что, — Ромашову вдругъ вспомнились слова Назанскаго: — потому что любить могутъ только избранныя, только утонченныя натуры!

— Ха, это, конечно, вы — избранная натура?

Опять загремѣла музыка. Ромашовъ съ ненавистью поглядѣлъ въ окно на сіяющее мѣдное жерло тромбона, который со свирѣпымъ равнодушіемъ точно выплевывалъ въ залу рывкающіе и хрипящіе звуки. И солдатъ, который игралъ на немъ, надувъ щеки, выпучивъ остеклянѣвшіе глаза и посинѣвъ отъ напряженія, былъ ему ненавистенъ.

— Не станемъ спорить. Можетъ, я и не стою настоящей любви, но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что вамъ, съ вашими узкими провинціальными воззрѣніями и съ провинціальнымъ честолюбіемъ, надо непременно, чтобы васъ кто-нибудь «окружалъ», и чтобы другіе видѣли

это. Или, вы думаете, я не понималъ смысла этой вашей фамиллярности со мной на вечерахъ, этихъ нѣжныхъ взглядовъ, этого повелительнаго и интимнаго тона, въ то время, когда на насъ смотрѣли посторонніе? Да, да, непременно, чтобы смотрѣли. Иначе вся эта игра для васъ не имѣетъ смысла. Вамъ не любви отъ меня нужно было, а того, чтобы всѣ видѣли васъ лишній разъ скомпрометированной.

— Для этого я могла бы выбрать кого-нибудь лучше и поинтереснѣе васъ, — съ напыщенной гордостью возразила Петерсонъ.

— Не безпокойтесь, этимъ вы меня не уязвите. Да, я повторяю: вамъ нужно только, чтобы кого-нибудь считали вашимъ рабомъ, новымъ рабомъ вашей неотразимости. А время идетъ, а рабы все рѣже и рѣже. И для того, чтобы не потерять послѣдняго вздыхателя, вы, холодная, безстрастная, приносите въ жертву и ваши семейныя обязанности и вашу вѣрность супружескому алтарю.

— Нѣтъ, вы еще обо мнѣ услышите! — зло и многозначительно прошептала Раиса.

Черезъ всю залу, пятась и отскакивая отъ танцующихъ паръ, къ нимъ подошелъ мужъ Раисы, капитанъ Петерсонъ. Это былъ худой, чахоточный человѣкъ, съ лысымъ желтымъ черепомъ и черными глазами — влажными и ласковыми, но съ затаеннымъ злобнымъ огонькомъ. Про него говорили, что онъ былъ безумно влюбленъ въ свою жену, влюбленъ до такой степени, что велъ нѣжную, слащавую и фальшивую дружбу со всѣми ея поклонниками. Также было извѣстно, что онъ платилъ имъ ненавистью, вѣроломствомъ и всевозможными служебными подвохами, едва только они съ облегченіемъ и радостью уходили отъ его жены.

Онъ еще издали неестественно улыбался своими синими, облипшими вокругъ рта, губами.

— Танцуешь, Раечка? Здравствуйте, дорогой Жоржикъ. Что васъ такъ давно не видно? Мы такъ къ вамъ привыкли, что, право, ужъ соскучились безъ васъ.

— Такъ... какъ-то... все занятія, — забормоталъ Ромашовъ.

— Знаемъ мы ваши занятія, — погрозилъ пальцемъ Петерсонъ и засмѣялся, точно завизжалъ. Но его черные глаза съ желтыми бѣлками пытливо и тревожно перебѣгали съ лица жены на лицо Ромашова.

— А я, признаться, думалъ, что вы поссорились. Гляжу, сидите и о чемъ-то горячитесь. Что у васъ?

Ромашовъ молчалъ, смущенно глядя на худую, темную и морщинистую шею Петерсона. Но Раиса сказала съ той наглою увѣренностью, которую она всегда проявляла во лжи:

— Юрій Алексѣевичъ все философствуетъ. Говоритъ, что танцы отжили свое время, и что танцевать глупо и смѣшно.

— А самъ пляшетъ, — съ ехиднымъ добродушіемъ замѣтилъ Петерсонъ. — Ну, танцуйте, дѣти мои, танцуйте, я вамъ не мѣшаю.

Едва онъ отошелъ, Раиса сказала съ напускнымъ чувствомъ:

— И этого святого, необыкновеннаго человѣка я обманывала!.. И ради кого же! О, если бы онъ зналъ, если бъ онъ только зналъ...

— Маз-зурка женераль! — закричалъ Бобетинскій. — Кавалеры отбиваютъ дамъ!

Отъ долгаго движенія разгоряченныхъ тѣлъ и отъ пыли, подымавшейся съ паркета, въ залъ стало душно, и огни свѣчъ обратились въ желтыя туманныя пятна. Теперь танцовало много паръ, и такъ какъ мѣста не хватало, то каждая пара топталась въ ограниченномъ пространствѣ: танцующіе тѣснились и толкали другъ друга. Фи-

гура, которую предложилъ дирижеръ, заключалась въ томъ, что свободный кавалеръ преслѣдовалъ какую-нибудь танцующую пару. Вертясь вокругъ нея и выдѣлывая въ то же время па мазурки, что выходило смѣшнымъ и нелѣпымъ, онъ старался улучшить моментъ, когда дама станетъ къ нему лицомъ. Тогда онъ быстро хлопалъ въ ладоши, что означало, что онъ отбилъ даму. Но другой кавалеръ старался помѣшать ему сдѣлать это и всячески поворачивалъ и дергалъ свою даму изъ стороны въ сторону; а самъ то пятился, то скакалъ бокомъ и даже пускалъ въ ходъ лѣвый свободный локоть, нацѣливая его въ грудь противнику. Отъ этой фигуры всегда происходила въ залѣ неловкая, грубая и некрасивая суета.

— Актриса! — хрипло зашепталъ Ромашовъ, наклоняясь близко къ Раисѣ. — Васъ смѣшно и жалко слушать.

— Вы, кажется, пьяны! — брезгливо воскликнула Раиса и кинула на Ромашова тотъ взглядъ, которымъ въ романахъ героини мѣряютъ злодѣевъ съ головы до ногъ.

— Нѣтъ, скажите, зачѣмъ вы обманули меня? — злобно восклицалъ Ромашовъ. — Вы отдались мнѣ только для того, чтобы я не ушелъ отъ васъ. О, если бъ вы это сдѣлали по любви, ну, хоть не по любви, а по одной только чувственности. Я бы понялъ это. Но вѣдь вы изъ одной распущенности, изъ низкаго тщеславія. Неужели васъ не ужасаетъ мысль, какъ гадки мы были съ вами оба, принадлежа другъ другу безъ любви, отъ скуки, для развлеченія, даже безъ любопытства, а такъ... какъ горничныя въ праздники грызутъ подсолнышки. Поймите же: это хуже того, когда женщина отдается за деньги. Тамъ нужда, соблазнъ... Поймите, мнѣ стыдно, мнѣ гадко думать объ этомъ холодномъ, безцѣльномъ, объ этомъ неизвиняемомъ развратѣ!

Съ холоднымъ потомъ на лбу, онъ потухшими, скучающими глазами глядѣлъ на танцующихъ. Вотъ проплыла,

не глядя на своего кавалера, едва перебирая ногами, съ неподвижными плечами и съ обиженнымъ видомъ суровой недотроги величественная Тальманъ и рядомъ съ ней веселый, скачущій козломъ Елифановъ. Вотъ маленькая Лыкачева, вся пунцовая, съ сіяющими глазками, съ обнаженной бѣлой, невинной, дѣвической шейкой... Вотъ Олизаръ на тонкихъ ногахъ, прямыхъ и стройныхъ, точно пожки циркуля. Ромашовъ глядѣлъ и чувствовалъ головную боль и желаніе плакать. А рядомъ съ нимъ Раиса, блѣдная отъ злости, говорила съ преувеличеннымъ театральнымъ сарказмомъ:

— Прелестно! Пѣхотный офицеръ въ роли Іосифа Прекраснаго!

— Да, да, именно въ роли... — вспыхнулъ Ромашовъ. — Самъ знаю, что это смѣшно и пошло... Но я не стыжусь скорбѣть о своей утраченной чистотѣ, о простой физической чистотѣ. Мы оба добровольно влѣзли въ помойную яму, и я чувствую, что теперь я не посмѣю никогда полюбить хорошей, свѣжей любовью. И въ этомъ виноваты вы — слышите: вы, вы, вы! Вы старше и опытнѣе меня, вы уже достаточно искусились въ дѣлѣ любви.

Петерсонъ съ величественнымъ негодованіемъ поднялась со стула.

— Довольно! — сказала она драматическимъ тономъ. — Вы добились, чего хотѣли. Я ненавижу васъ! Надѣюсь, что съ этого дня вы прекратите посѣщенія нашего дома, гдѣ васъ принимали какъ родного, кормили и поили васъ, но вы оказались такимъ негодяемъ. Какъ я жалѣю, что не могу открыть всего мужу. Это святой человѣкъ, я молюсь на него, и открыть ему все — значило бы убить его. Но, повѣрьте, онъ сумѣлъ бы отомстить за оскорбленную беззащитную женщину.

Ромашовъ стоялъ противъ нея и, болѣзненно щурясь сквозь очки, глядѣлъ на ея большой, тонкій, увядшій

ротъ, искривленный отъ злости. Изъ окна неслись оглушительные звуки музыки, съ упорнымъ постоянствомъ кашлялъ ненавистный тромбонъ, а настойчивые удары турецкаго барабана раздавались точно въ самой головѣ Ромашова. Онъ слышалъ слова Раисы только урывками и не понималъ ихъ. Но ему казалось, что и они, какъ и звуки барабана, бьютъ его прямо въ голову и сотрясаютъ ему мозгъ.

Раиса съ трескомъ сложила вѣеръ.

— О, подлець-мерзавецъ! — прошептала она трагически и быстро пошла черезъ залу въ уборную.

Все было кончено, но Ромашовъ не чувствовалъ ожидаемаго удовлетворенія, и съ души его не спала внезапно, какъ онъ раньше представлялъ себѣ, грязная и грубая тяжесть. Нѣтъ, теперь онъ чувствовалъ, что поступилъ нехорошо, трусливо и неискренно, сваливъ всю нравственную вину на ограниченную и жалкую женщину, и воображалъ себѣ ея горечь, растерянность и бессильную злобу, воображалъ ея горькія слезы и распухшіе красные глаза тамъ, въ уборной.

«Я падаю, я падаю, — думалъ онъ съ отвращеніемъ и со скукой. — Что за жизнь! Что-то тѣсное, сѣрое и грязное... Эта развратная и ненужная связь, пьянство, тоска, убійственное однообразіе службы, и хоть бы одно живое слово, хоть бы одинъ моментъ чистой радости. Книги, музыка, наука — гдѣ все это?»

Онъ пошелъ опять въ столовую. Тамъ Осадчій и товарищъ Ромашова по ротѣ, Вѣткинъ, провожали подъ руки къ выходнымъ дверямъ совершенно опьянѣвшаго Леха, который слабо и беспомощно моталъ головой и увѣрялъ, что онъ архіерей. Осадчій съ серьезнымъ лицомъ говорилъ рокочущей октавой, по-протодьяконски:

— Благослови, преосвященный владыка. Вррремя пачатія служенія...

По мѣрѣ того, какъ танцевальный вечеръ приходилъ къ концу, въ столовой становилось еще шумнѣе. Воздухъ такъ былъ наполненъ табачнымъ дымомъ, что сидящіе на разныхъ концахъ стола едва могли разглядѣть другъ друга. Въ одномъ углу пѣли, у окна, собравшись кучкой, рассказывали непристойные анекдоты, служившіе обычной приправой всѣхъ ужиновъ и обѣдовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа... позвольте, вотъ я вамъ расскажу! — кричалъ Арчаковскій. — Приходитъ однажды солдатъ на постой къ хохлу. А у хохла кра-асивая жинка. Вотъ солдатъ и думаетъ: какъ бы мнѣ это...

Едва онъ кончалъ, его прерывалъ ожидавшій нетерпѣливо своей очереди Василій Васильевичъ Липскій.

— Нѣтъ, это что, господа... А вотъ я знаю одинъ анекдотъ.

И онъ еще не успѣвалъ кончить, какъ слѣдующій торопился со своимъ рассказомъ.

— А вотъ тоже, господа. Дѣло было въ Одессѣ, и при томъ случай...

Всѣ анекдоты были скверные, похабные и неостроумные, и, какъ это всегда бываетъ, возбуждалъ смѣхъ только одинъ изъ рассказчиковъ, самый увѣренный и циничный.

Вѣткинъ, вернувшійся со двора, гдѣ онъ усаживалъ Леха въ экипажъ, пригласилъ къ столу Ромашова.

— Садитесь-ка, Жорженька... Раздавимъ. Я сегодня богатъ, какъ жидъ. Вчера выигралъ и сегодня опять буду метать банкъ.

Ромашова тянуло поговорить по душѣ, излить кому-нибудь свою тоску и отвращеніе къ жизни. Выпивая рюмку за рюмкой, онъ глядѣлъ на Вѣткина умоляющими глазами и говорилъ убѣдительнымъ, теплымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Мы всѣ, Павелъ Павлычъ, всѣ позабыли, что есть

другая жизнь. Гдѣ-то, я не знаю гдѣ, живутъ совсѣмъ, совсѣмъ другіе люди, и жизнь у нихъ такая полная, такая радостная, такая настоящая. Гдѣ-то люди борются, страдаютъ, любятъ широко и сильно... Другъ мой, какъ мы живемъ! Какъ мы живемъ!

— Н-да, братъ, чтò ужъ тутъ говорить, жизнь, — вяло отвѣтилъ Павелъ Павловичъ. — Но, вообще... это, братъ, одна натурфилософія и энергетика. Послушай, голубчикъ, чтò та-такое за штука — энергетика?

— О, чтò мы дѣлаемъ! — волновался Ромашовъ. — Сегодня напьемся пьяные, завтра въ роту — разъ, два, лѣвой, правой, — вечеромъ опять будемъ пить, а послѣ-завтра опять въ роту. Неужели вся жизнь въ этомъ? Нѣтъ, вы подумайте только — вся, вся жизнь!

Вѣткинъ поглядѣлъ на него мутными глазами, точно сквозь какую-то пленку, икнулъ и вдругъ запѣлъ тоненькимъ, дребезжащимъ теноркомъ:

Въ тиши жила,
Въ лѣсу жила,
И вертено крути-ила...

— Плюнь на все, ангелъ, и береги здоровье.

И отъ всей своей души
Прялочку любила.

Пойдемъ играть, Ромашевичъ-Ромашовскій, я тебѣ займу красненькую.

«Никому это непонятно. Нѣтъ у меня близкаго человека», — подумалъ горестно Ромашовъ. На мгновение вспомнилась ему Шурочка, — такая сильная, такая гордая, красивая, — и что-то томное, сладкое и безнадежное заняло у него около сердца.

Опъ до свѣта оставался въ собраніи, глядѣлъ, какъ играютъ въ штоссъ, и самъ принималъ въ игрѣ участіе, но безъ удовольствія и безъ увлеченія. Однажды онъ увидѣлъ, какъ Арчаковскій, занимавшій отдѣльный

столикъ съ двумя безусыми подпрапорщиками, довольно неумѣло передернулъ, выбросивъ двѣ карты сразу въ свою сторону. Ромашовъ хотѣлъ-было вмѣшаться, сдѣлать замѣчаніе, но тотчасъ же остановился и равнодушно подумалъ:—«Эхъ, все равно. Ничего этимъ не поправлю».

Вѣткинъ, проигравшій свои милліоны въ пять минутъ, сидѣлъ на стулѣ и спалъ, блѣдный, съ разинутымъ ртомъ. Рядомъ съ Ромашовымъ уныло глядѣлъ на игру Лещенко, и трудно было понять, какая сила заставляетъ его сидѣть здѣсь часами съ такимъ тоскливымъ выраженіемъ лица. Разсвѣло. Оплывшія свѣчи горѣли желтыми длинными огнями и мигали. Лица играющихъ офицеровъ были блѣдны и казались измученными. А Ромашовъ все глядѣлъ на карты, на кучи серебра и бумажекъ, на зеленое сукно, исписанное мѣломъ, и въ его отяжелѣвшей, отуманенной головѣ вяло бродили все однѣ и тѣ же мысли: о своемъ паденіи и о нечистотѣ скучной, однообразной жизни.

Х.

Было золотое, но холодное—настоящее весеннее утро. Цвѣла черемуха.

Ромашовъ, до сихъ поръ не пріучившійся справляться со своимъ молодымъ сномъ, по обыкновенію, опоздалъ на утреннія занятія и съ непріятнымъ чувствомъ стыда и тревоги подходилъ къ плацу, на которомъ училась его рота. Въ этихъ знакомыхъ ему чувствахъ всегда было много унижительнаго для молодого офицера, а ротный командиръ, капитанъ Слива, умѣлъ дѣлать ихъ еще бо- бѣе острыми и обидными.

Этотъ человѣкъ представлялъ собою грубый и тяжелый осколокъ прежней, отошедшей въ область преданія, жестокой дисциплины, съ повальнымъ драньемъ, мелоч-

ной формалистикой, маршировкой въ три темпа и кулачной расправой. Даже въ полку, который, благодаря условіямъ дикой провинціальной жизни, не отличался особенно гуманнымъ направлениемъ, онъ являлся какимъ-то диковиннымъ памятникомъ этой свирѣпой военной старины, и о немъ передавалось много курьезныхъ, почти невѣроятныхъ анекдотовъ. Все, что не выходило за предѣлы строя, устава и роты, и что онъ презрительно называлъ чепухой и мандрагоріей, безусловно для него не существовало. Влача во всю свою жизнь суровую служебную лямку, онъ не прочелъ ни одной книги и ни одной газеты, кромѣ развѣ официальной части «Инвалида». Всякія развлеченія, въ родѣ танцевъ, любительскихъ спектаклей и т. п., онъ презиралъ всей своей загрубѣлой душой, и не было такихъ грязныхъ и скверныхъ выраженій, какія онъ не прилагалъ бы къ нимъ изъ своего солдатскаго лексикона. Рассказывали про него, — и это могло быть правдой, — что въ одну чудесную весеннюю ночь, когда онъ сидѣлъ у открытаго окна и провѣрялъ ротную отчетность, въ кустахъ рядомъ съ нимъ запѣлъ соловей. Слива послушалъ-послушалъ и вдругъ крикнулъ денщику:

— З-захарчукъ! П-рогони эту п-тицу ка-камнемъ. М-мѣшаетъ...

Этотъ вялый, опустившійся на видѣ человекъ былъ страшно суровъ съ солдатами и не только позволялъ драться унтеръ-офицерамъ, но и самъ билъ жестоко, до крови, до того, что провинившійся падалъ съ ногъ подъ его ударами. Зато къ солдатскимъ нуждамъ онъ былъ внимателенъ до тонкости: денегъ, приходившихъ изъ деревни, не задерживалъ и каждый день слѣдилъ лично за ротнымъ котломъ, хотя суммами отъ вольныхъ работъ распоряжался по своему усмотрѣнію. Только въ одной ротѣ люди выглядѣли сытѣе и веселѣе, чѣмъ у него.

Но молодыхъ офицеровъ Слива жучилъ и подтягивалъ, употребляя безцеремонные, хлесткіе приемы, которымъ его врожденный хохлацкій юморъ придавалъ особую ѣдкость. Если, на примѣръ, на ученьи субалтернъ-офицеръ сби-вался съ ноги, онъ кричалъ, слегка заикаясь по привычкѣ:

— Отъ, из-звольте. Уся рота, ч-чортъ бы ее побралъ, идетъ не въ ногу. Одинъ п-подпоручикъ идетъ въ ногу.

Иногда же, обругавъ всю роту матерными словами, онъ поспѣшно, но ѣдко прибавлялъ:

— З-за исключеніемъ г-господъ офицеровъ и подпра-порщика.

Но особенно онъ бывалъ жестокъ и утѣснителенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда младшій офицеръ опаздывалъ въ роту, и это чаще всего испытывалъ на себѣ Ромашовъ. Еще издали замѣтивъ подпоручика, Слива командовалъ ротѣ: «смирно», точно устраивая опоздавшему ирониче-ски-почетную встрѣчу, а самъ неподвижно, съ часами въ рукахъ, слѣдилъ, какъ Ромашовъ, спотыкаясь отъ стыда и путаясь въ шашкѣ, долго не могъ найти своего мѣ-ста. Иногда же онъ съ яростною вѣжливостью спраши-валъ, не стѣсняясь того, что это слышали солдаты: «Я думаю, подпоручикъ, вы позволите продолжать?» Въ дру-гой разъ освѣдомлялся съ предупредительной заботли-востью, но умышленно громко, о томъ, какъ подпору-чикъ спалъ и что видѣлъ во снѣ. И только продѣлавъ одну изъ этихъ штукъ, онъ отводилъ Ромашова въ сторону и, глядя на него въ упоръ круглыми рыбьими глазами, дѣлалъ ему грубый выговоръ.

«Эхъ, все равно ужъ!—думалъ съ отчаяніемъ Рома-шовъ, подходя къ ротѣ.—И здѣсь плохо и тамъ плохо,—одно къ одному. Пропала моя жизнь!»

Ротный командиръ, поручикъ Вѣткинъ, Лбовъ и фельд-фебель стояли по срединѣ плаца и всѣ вмѣстѣ обер-

нулись на подходившаго Ромашова. Солдаты тоже повернули къ нему головы. Въ эту минуту Ромашовъ представилъ себѣ самого себя—сконфуженнаго, идущаго неловкой походкой подѣ устремленными на него глазами, и ему стало еще непріятнѣе.

«Но, можетъ-быть, это вовсе не такъ ужъ позорно?—пробовалъ онъ мысленно себя утѣшить, по привычкѣ многихъ застѣнчивыхъ людей. — Можетъ-быть, это только мнѣ кажется такимъ острымъ, а другимъ, право, все равно. Ну, вотъ, я представляю себѣ, что опоздалъ не я, а Лбовъ, а я стою на мѣстѣ и смотрю, какъ онъ подходитъ. Ну, и ничего особеннаго: Лбовъ — какъ Лбовъ... Все пустяки, — рѣшилъ онъ наконецъ и сразу успокоился. — Положимъ, совѣстно... Но вѣдь не мѣсяцъ же это будетъ длиться, и даже не недѣлю, не день. Да и вся жизнь такъ коротка, что все въ ней забывается».

Противъ обыкновенія, Слива почти не обратилъ на него вниманія и не выкинулъ ни одной изъ своихъ штучекъ. Только, когда Ромашовъ остановился въ шагѣ отъ него, съ почтительно приложенной рукой къ козырьку и сдвинутыми вмѣстѣ ногами, онъ сказалъ, подавая ему для пожатія свои вялые пальцы, похожіе на пять холодныхъ сосисокъ:

— Прошу помнить, подпоручикъ, что вы обязаны быть въ ротѣ за пять минутъ до прихода старшаго субалтернъ-офицера и за десять до ротнаго командира.

— Виновать, господинъ капитанъ, — деревяннымъ голосомъ отвѣтилъ Ромашовъ.

— Отъ, извольте, — виновать!.. Все спите. Во снѣ шубы не сошьешь. Прошу господъ офицеровъ итти къ своимъ взводамъ.

Вся рота была по частямъ разбросана на плацу. Дѣлали повзводно утреннюю гимнастику. Солдаты стояли

шеренгами, на шагъ разстоянія другъ отъ друга, съ разстегнутыми, для облегченія движеній, мундирами. Расторопный унтеръ-офицеръ Бобылевъ, изъ полуроты Ромашова, почтительно косясь на подходящаго офицера, командовалъ зычнымъ голосомъ, вытягивая впередъ нижнюю челюсть и дѣлая косые глаза:

— Подыманіе на носки и плавное присѣданіе. Рук-и-и... на-бедрь!

И потомъ затушуль, нараспѣвъ, низкимъ голосомъ:

— Начина-а-ай!

— Ра-азъ! — запѣли въ унисонъ солдаты и медленно присѣли на корточки, а Бобылевъ, тоже сидя на корточкахъ, обводилъ шеренгу строгимъ молодцоватымъ взглядомъ.

А рядомъ маленькій вертлявый ефрейторъ Сѣроштанъ выкрикивалъ тонкимъ, рѣзкимъ и срывающимся, какъ у молодого пѣтушка, голосомъ:

— Выпадъ съ лѣвой и правой ноги, съ выбрасываньемъ соотвѣтствующей руки.—Товсь! Начинай! Ать-два, ать-два!—и десять молодыхъ здоровыхъ голосовъ кричали отрывисто и старательно:—гау, гау, гау, гау!

— Стой! — выкрикнулъ пронзительно Сѣроштанъ. — Ла-алшинъ! Ты тамъ что такъ семетрично дурака валяешь? Суешь кулаками, точно рязанская баба уфатомъ: хоу, хоу!.. Дѣлай у меня движенія чисто, матери твоей чортъ!

Потомъ унтеръ-офицеры бѣглымъ шагомъ развели взводы къ машинамъ, которыя стояли въ разныхъ концахъ плаца. Подпрапорщикъ Лбовъ, сильный, ловкій мальчикъ и отличный гимнастъ, быстро снялъ съ себя шинель и мундиръ и, оставшись въ одной голубой ситцевой рубашкѣ, первый подбѣжалъ къ параллельнымъ брусьямъ. Ставъ руками на ихъ концы, онъ въ три пріема раскачался и вдругъ, описавъ всѣмъ тѣломъ полный

кругъ, такъ что на одинъ моментъ его ноги находились прямо надъ головой, онъ съ силой оттолкнулся отъ брусевъ, пролетѣлъ упругой дугой на полторы сажени впередъ, перевернулся въ воздухѣ и ловко, по-кошачьи, пристѣлъ на землю.

— Подпрапорщикъ Лбовъ! Опять фокусничаете! — притворно-строго окрикнулъ его Слива. Старый «бурбонъ» въ глубинѣ души питалъ слабость къ подпрапорщику, какъ къ отличному фронтовику и тонкому знатоку устава. — Показывайте то, что требуется наставленіемъ. Здѣсь вамъ не балаганъ на Святой недѣлѣ.

— Слушаю, господинъ капитанъ! — весело гаркнулъ Лбовъ. — Слушаю, но не исполняю, — добавилъ онъ вполголоса, подмигнувъ Ромашову.

Четвертый взводъ упражнялся на наклонной лѣстницѣ. Одинъ за другимъ солдаты подходили къ ней, брались за перекладину, подтягивались на мускулахъ и лѣзли на рукахъ вверхъ. Унтеръ-офицеръ Шаповаленко стоялъ внизу и дѣлалъ замѣчанія:

— Не болтай погами. Носки вверхъ!

Очередь дошла до лѣво-фланговаго солдатика Хлѣбникова, который служилъ въ ротѣ общимъ посмѣшищемъ. Часто, глядя на него, Ромашовъ удивлялся, какъ могли взять на военную службу этого жалкаго, замореннаго челоука, почти карлика, съ грязнымъ безусымъ лицомъ въ кулачокъ. И когда подпоручикъ встрѣчался съ его бессмысленными глазами, въ которыхъ, какъ будто разъ навсегда, съ самаго дня рожденія, застылъ тупой, покорный ужасъ, то въ его сердцѣ шевелилось что-то странное, похожее на скуку и на угрызеніе совѣсти.

Хлѣбниковъ висѣлъ на рукахъ безобразный, неуклюжий, точно удавленникъ.

— Подтягивайся, собачья морда, подтягивайся-а! — кричалъ унтеръ-офицеръ. — Ну, вверхъ!

Хлѣбниковъ дѣлалъ усилія подняться, но лишь безпомощно дрыгалъ ногами и раскачивался изъ стороны въ сторону. На секунду онъ обернулъ въ сторону и внизъ свое сѣрое маленькое лицо, на которомъ жалко и нелѣпо торчалъ вздернутый кверху грязный носъ. И вдругъ, оторвавшись отъ перекладины, упалъ мѣшкомъ на землю.

— А-а! Не желаешь дѣлать гимнастическія упражненія! — заоралъ унтеръ-офицеръ. — Ты, подлець, мнѣ весь взводъ нарушаешь! Я т-тебѣ!

— Шаповаленко, не смѣй драться! — крикнулъ Ромашовъ, весь вспыхнувъ отъ стыда и гнѣва. — Не смѣй этого дѣлать никогда! — крикнулъ онъ, подбѣжавъ къ унтеръ-офицеру и схвативъ его за плечо.

Шаповаленко вытянулся въ струнку и приложилъ руку къ козырьку. Въ его глазахъ, ставшихъ сразу по-солдатски бессмысленными, дрожала однако чуть замѣтная насмѣшливая улыбка.

— Слушаю, ваше благородіе. Только позвольте вамъ доложить: никакой съ имъ возможности нѣтъ.

Хлѣбниковъ стоялъ рядомъ, сгорбившись; онъ тупо смотрѣлъ на офицера и вытиралъ ребромъ ладони носъ. Съ чувствомъ остраго и бесполезнаго сожалѣнія Ромашовъ отвернулся отъ него и пошелъ къ третьему взводу.

Послѣ гимнастики, когда людямъ данъ былъ десятиминутный отдыхъ, офицеры опять сошлись вмѣстѣ на серединѣ плаца, у параллельныхъ брусевъ. Разговоръ сейчасъ же зашелъ о предстоящемъ майскомъ парадѣ.

— Отъ, извольте угадать, гдѣ нарвешься! — говорилъ Слива, разводя руками и пуча съ изумленіемъ водянистые глаза. — То-есть, скажу я вамъ: именно, у каждаго генерала своя фантазія. Помню я, былъ у насъ генераль-лейтенантъ Львовичъ командиръ корпуса. Онъ изъ инженеровъ къ намъ попалъ. Такъ при немъ мы только и занимались однимъ самоокапываніемъ. Уставъ, приемы,

маршировка — все по-боку. Съ утра до вечера строили всякіе ложементы, матери ихъ бисъ! Лѣтомъ изъ земли, зимой изъ снѣга. Весь полкъ ходилъ перепачканный съ ногъ до головы въ глинѣ. Командиръ десятой роты, капитанъ Алейниковъ, царство ему небесное, былъ представленъ къ Аннѣ за то, что въ два часа построилъ какой-то тамъ люнетъ, чи барбетъ.

— Ловко!—вставилъ Лбовъ.

— Потомъ, это ужъ на вашей памяти, Павелъ Павлычъ,—стрѣльба при генералѣ Арагонскомъ.

— А! Примостився стрѣляти? — засмѣялся Вѣткинъ.

— Чтò это такое?—спросилъ Ромашовъ.

Слива презрительно махнулъ рукой.

— А это то, что тогда у насъ только и было въ умѣ, что наставленія для обученія стрѣльбѣ. Солдатъ одинъ отвѣчалъ «Вѣрую» на смотру, такъ онъ такъ и сказалъ, вмѣсто «при Понтійстѣмъ Пилатѣ»—«примостився стрѣляти». До того головы всѣмъ забили! Указательный палецъ звали не указательнымъ, а спусковымъ; а вмѣсто праваго глаза—былъ прицѣльный глазъ.

— А помните, Аѳанасій Кириллычъ, какъ теорію зубрили?—сказалъ Вѣткинъ.—Траекторія, деривація... Ей-Богу, я самъ ничего не понималъ. Бывало, скажешь солдату: вотъ тебѣ ружье, смотри въ дуло. Чтò видишь? «Бачу воображаемую линію, которая называется осью ствола». Но зато ужъ стрѣляли. Помните, Аѳанасій Кириллычъ?

— Ну, какъ же. За стрѣльбу наша дивизія попала въ заграничныя газеты. Десять процентовъ свыше отличнаго — отъ, извольте. Однако и жулили мы, б-батюшки мои! Изъ одного полка въ другой брали займы хорошихъ стрѣлковъ. А то, бывало, рота стрѣляетъ сама по себѣ, а изъ блиндажа младшіе офицеры жарятъ изъ револьверовъ. Одна рота такъ отличилась, что стали счи-

тать, а въ мишени на пять пуль больше, чѣмъ выпустили. Сто пять процентовъ попаданія. Спасибо, фельдфебель успѣлъ клейстеромъ замазать.

— А при Слесаревѣ, помните шрейберовскую гимнастику?

— Еще бы не помнить! Вотъ она у меня гдѣ сидитъ. Балеты танцовали. Да мало ли ихъ еще было, генераловъ этихъ, чортъ бы ихъ дралъ! Но все это, скажу вамъ, господа, чепуха и мандрагорія въ сравненіи съ теперешнимъ. Это ужъ, что называется—приидите, последнее цѣлованіе. Прежде по крайности знали, что съ тебя спросятъ, а теперь? Ахъ, помилуйте, солдатикъ — ближній, нужна гуманность. Дррать его надо, расподлеца! Ахъ, развитіе умственныхъ способностей, быстрота и соображеніе. Суворовцы! Не знаешь теперь, чему солдата и учить. Отъ, извольте, выдумалъ новую штуку, сквозную атаку...

— Да, это не шоколадъ! — сочувственно кивнулъ головой Вѣткинъ.

— Стоишь, какъ тотъ болванъ, а на тебя казачишки во весь карьеръ дуютъ. И насквозь! Ну-ка, попробуй—посторонись-ка. Сейчасъ приказъ: «У капитана такого-то слабые нервы. Пусть помнитъ, что на службѣ его никто насильно не удерживаетъ».

— Лукавый старикашка, — сказалъ Вѣткинъ. — Онъ въ К — скомъ полку какую штуку удралъ. Завелъ роту въ огромную лужу и велитъ ротному командовать: «ложись!». Тотъ помялся, однако командуетъ — «ложись!». Солдаты растерялись, думаютъ, что не разслышали. А генераль при нижнихъ чинахъ давай пушить командира: «Какъ ведете роту! Бѣлоручки! Нѣженки! Если здѣсь въ лужу бояться лечь, то какъ въ военное время вы ихъ подымете, если они подъ огнемъ непріятели лягутъ куда-нибудь въ ровъ? Не солдаты у васъ, а бабы, и командиръ — баба! На абвахту!»

— А что пользы? При людях срамять командира, а потом говорить о дисциплинѣ. Какая тутъ къ бису дисциплина! А ударить его, каналью, не смѣй. Нѣ-ѣ-ѣтъ... Помилуйте — онъ личность, онъ человѣкъ! Нѣтъ-съ, въ прежнее время никакихъ личностейъ не было, и лупили ихъ, скотовъ, какъ сидоровыхъ козъ, а у насъ были и Севастополь, и итальянскій походъ, и всякая такая вещь. Ты меня хоть отъ службы увольняй, а я все-таки, когда мерзавецъ этого заслужилъ, я загляну ему куда слѣдуетъ!

— Бить солдата безчестно, — глухо возразилъ молчавшій до сихъ поръ Ромашовъ. — Нельзя бить человѣка, который не только не можетъ тебѣ отвѣтить, но даже не имѣетъ права поднять руку къ лицу, чтобы защититься отъ удара. Не смѣетъ даже отклонить головы. Это стыдно!

Слива уничтожающе прищурился и сбоку, сверху внизъ, выпятивъ впередъ нижнюю губу подъ короткими сѣдѣющими усами, оглядѣлъ съ ногъ до головы Ромашова.

— Что т-такое-с? — протянулъ онъ тономъ крайняго презрѣнія.

Ромашовъ поблѣднѣлъ. У него похолодѣло въ груди и въ животѣ, а сердце забилося, точно во всемъ тѣлѣ сразу.

— Я сказалъ, что это нехорошо... Да, и повторяю... вотъ что, — сказалъ онъ несвязно, но настойчиво.

— Скажи-т-те, пож-жалуйста! — тонко пропѣлъ Слива. — Видали мы такихъ миндальниковъ, не беспокойтесь. Сами черезъ годъ, если только васъ не выпрутъ изъ полка, будете по мордасамъ щелкать. Въ а-атличнѣйшемъ видѣ. Не хуже меня.

Ромашовъ поглядѣлъ на него въ упоръ съ ненавистью и сказалъ почти шопотомъ:

— Если вы будете бить солдатъ, я на васъ подамъ рапортъ командиру полка.

— Что-съ?—крикнулъ грозно Слива, но тотчасъ же оборвался. — Однако довольно-съ этой чепухи-съ, — сказалъ онъ сухо. — Вы, подпоручикъ, еще молоды, чтобы учить старыхъ боевыхъ офицеровъ, прослужившихъ съ честью двадцать пять лѣтъ своему государю. Прошу гг. офицеровъ идти въ ротную школу, — закончилъ онъ сердито.

Онъ рѣзко повернулся къ офицерамъ спиной.

— Охота вамъ было ввязываться?— примирительно заговорилъ Вѣткинъ, идя рядомъ съ Ромашовымъ. — Сами видите, что эта слива не изъ сладкихъ. Вы еще не знаете его, какъ я знаю. Онъ вамъ такихъ вещей наговорить, что не будете знать, куда дѣваться. А возрадите, — онъ васъ подъ арестъ законопатитъ.

— Да, послушайте, Павелъ Павлычъ, это же вѣдь не служба, это—изувѣрство какое-то!—со слезами гнѣва и обиды въ голосѣ воскликнулъ Ромашовъ. — Эти старыя барабанныя шкуры издѣваются надъ нами! Они нарочно стараются поддерживать въ отношеніяхъ между офицерами грубость, солдафонство, какое-то циничное молодечество.

— Ну да, это, конечно, такъ, — подтвердилъ равнодушно Вѣткинъ и зѣвнулъ.

А Ромашовъ продолжалъ съ горячностью:

— Ну, кому нужно, зачѣмъ это подтягиваніе, ораніе, грубые окрики? Ахъ, я совсѣмъ, совсѣмъ не то ожидалъ найти, когда сталъ офицеромъ. Никогда я не забуду перваго впечатлѣнія. Я только три дня былъ въ полку, и меня оборвалъ этотъ рыжій понамарь Арчаковский. Я въ собраніи въ разговорѣ назвалъ его поручикомъ, потому что и онъ меня называлъ подпоручикомъ. И онъ, хотя сидѣлъ рядомъ со мной и мы вмѣстѣ пили пиво, закричалъ на меня: «Во-первыхъ, я вамъ не поручикъ, а г. поручикъ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, из-

вольте встать, когда вамъ дѣлаетъ замѣчаніе старшій чиновомъ!» И я всталъ и стоялъ передъ нимъ, какъ оплеванный, пока не осадилъ его подполковникъ Лехъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ничего, Павелъ Павлычъ. Мнѣ все это до такой степени надоѣло и опротивѣло!..

ХІ.

Въ ротной школѣ занимались «словесностью». Въ тѣсной комнатѣ, на скамейкахъ, составленныхъ четырехугольникомъ, сидѣли лицами внутрь солдаты третьяго взвода. Въ серединѣ этого четырехугольника ходилъ взадъ и впередъ ефрейторъ Сѣроштанъ. Рядомъ, въ такомъ же четырехугольникѣ, такъ же ходилъ взадъ и впередъ другой унтеръ-офицеръ полуроты — Шаловаленко.

— Бондаренко! — выкрикнулъ зычнымъ голосомъ Сѣроштанъ.

Бондаренко, ударившись обѣими ногами объ полъ, вскочилъ прямо и быстро, какъ деревянная кукла съ заводомъ.

— Если ты, примѣрно, Бондаренко, стоишь у строю съ ружомъ, а къ тебѣ подходитъ начальство и спрашиваетъ: «Что у тебя въ рукахъ, Бондаренко?» Что ты долженъ отвѣчать?

— Ружо, дяденька? — догадывается Бондаренко.

— Брешешь. Развѣ же это ружо? Ты бы еще сказалъ по-деревенски: рушница. То дома было ружо, а на службѣ зовется просто: малокалиберная, скорострѣльная, пѣхотная винтовка, системы Бердана, номеръ второй, со скользящимъ затворомъ. Повтори, сукинъ сынъ!

Бондаренко скороговоркой повторяетъ слова, которыя онъ зналъ, конечно, и раньше.

— Садись! — командуетъ милостиво Сѣроштанъ. — А для чего она тебѣ дана? На этотъ вопросъ отвѣтитъ

мпѣ... — Онъ обводитъ строгими глазами всѣхъ подчиненныхъ поочередно:—Шевчукъ!

Шевчукъ встаетъ съ угрюмымъ видомъ и отвѣчаетъ глухимъ басомъ, медленно и въ носъ и такъ отрывая фразы, точно онъ ставитъ послѣ нихъ точки:

— Вона мини дана для того. Щобъ я въ мирное время робилъ съ ею ружейные приемы. А въ военное время. Защищаль престолъ и отечество отъ враговъ.—Онъ помолчалъ, шмыгнулъ носомъ и мрачно добавилъ: — Какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

— Такъ. Ты хорошо знаешь, Шевчукъ, только ямлишь. Солдатъ долженъ имѣть въ себѣ веселость, какъ орелъ. Садись. Теперь скажи, Овечкинъ: кого мы называемъ врагами внѣшними?

Разбитной орловецъ Овечкинъ, въ голосѣ котораго слышится слащавая скороговорка бывшего мелочного приказчика, отвѣчаетъ быстро и щеголевато, захлебываясь отъ удовольствія:

— Внѣшними врагами мы называемъ всѣ тѣ самыя государства, съ которыми намъ приходится вести войну. Французы, нѣмцы, атальянцы, турки, ивропейцы, инди...

— Годи,—обрываетъ его Сѣроштанъ:—этого уже въ уставѣ не значитъ. Садись, Овечкинъ. А теперь скажетъ мнѣ... Архиповъ! Кого мы называемъ врагами унутренними?

Послѣднія два слова онъ произноситъ особенно громко и вѣско, точно подчеркивая ихъ, и бросаетъ многозначительный взглядъ въ сторону вольноопредѣляющагося Маркусона.

Неуклюжій, рябой Архиповъ упорно молчитъ, глядя въ окно ротной школы. Дѣльный, умный и ловкій парень внѣ службы, онъ держитъ себя на занятіяхъ совершеннымъ идіотомъ. Очевидно, это происходитъ отъ

того, что его здоровый умъ, привыкшій наблюдать и обдумывать простыя и ясныя явленія деревенскаго обихода, никакъ не можетъ уловить связи между преподаваемой ему «словесностью» и дѣйствительной жизнью. Поэтому онъ не понимаетъ и не можетъ заучить самыхъ простыхъ вещей, къ великому удивленію и негодованію своего взводнаго начальника.

— Н-ну! Долго я тебя буду ждать, пока ты соберешься?—начинаетъ сердиться Сѣроштанъ.

— Нутренними врагами... врагами...

— Не знаешь?—грозно воскликнулъ Сѣроштанъ и двинулся-было на Архипова, но, покосившись на офицера, только затрясъ головой и сдѣлалъ Архипову страшные глаза. — Ну, слухай. Унутренними врагами мы называемъ усѣхъ, сопротивляющихся закону. Напримѣръ, кого?..—Онъ встрѣчаетъ искательные глаза Овечкина.— Скажи хоть ты, Овечкинъ.

Овечкинъ вскакиваетъ и радостно кричитъ:

— Такъ что бунтовщики, студенты, конокрады, жида и поляки!

Рядомъ занимается со своимъ взводомъ Шаловаленко. Расхаживая между скамейками, онъ пѣвучимъ тонкимъ голосомъ задаетъ вопросы по солдатской памятке, которую держитъ въ рукахъ.

— Солтысь, что такое часовой?

Солтысь, литвинъ, давясь и тараща глаза отъ старанія, выкрикиваетъ:

— Часовой есть лицо неприкосновенное.

— Ну да, такъ, а еще?

— Часовой есть солдатъ, поставленный на какой-либо постъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Правильно. Вижу, Солтысь, что ты уже начинаешь стараться. А для чего ты поставленъ на постъ, Шахорукъ?

— Чтобы не спалъ, не дремалъ, не курилъ и ни отъ кого не принималъ никакихъ вещей и подарковъ.

— А честь?

— И чтобы отдавалъ установленную честь господамъ проѣзжающимъ офицерамъ.

— Такъ. Садись.

Шаловаленко давно уже замѣтилъ ироническую улыбку вольноопредѣляющагося Фокина и потому выкрикиваетъ съ особенной строгостью:

— Вольный опредѣляющій! Кто же такъ встаетъ? Если начальство спрашиваетъ, то вставать надо швидко, какъ пружина. Чтò есть знамя?

Вольноопредѣляющійся Фокинъ, съ университетскимъ значкомъ на груди, стоитъ передъ унтеръ-офицеромъ въ почтительной позѣ. Но его молодые сѣрые глаза искрятся веселой насмѣшкой.

— Знамя есть священная воинская хоругвь, подъ которой...

— Брешете! — сердито обрываетъ его Шаловаленко и ударяетъ памяткой по ладони.

— Нѣтъ, я говорю вѣрно, — упрямо, но спокойно говоритъ Фокинъ.

— Чтò-о!? Если начальство говоритъ нѣтъ, значитъ нѣтъ!

— Посмотрите сами въ уставъ.

— Якъ я унтеръ-офицеръ, то я и уставъ знаю лучше вашего. Скаж-жите! Всякій вольный опредѣляющій задается на макароны. А можетъ, я самъ захочу податься въ юнкерское училище на обученіе? Почему вы знаете? Чтò это такое за хоругвь? Хе-руг-ва! А отпюдь не хоругвь. Свяченая воинская херугва, въ родѣ какъ образъ.

— Шаловаленко, не спорь, — вмѣшивается Ромашовъ. — Продолжай занятія.

— Слушаю, ваше благородіе! — вытягивается Шапова-

ленко. — Только дозвольте вашему благородію доложить — все этотъ вольный опредѣляющій умствують.

— Ладно, ладно, дальше!

— Слушаю, вашбродь... Хлѣбниковъ! Кто у насъ командиръ корпуса?

Хлѣбниковъ растерянными глазами глядитъ на унтеръ-офицера. Изъ его раскрытаго рта вырывается, точно у ссипшей вороны, одинокій шипящій звукъ.

— Раскачивайся! — злобно кричитъ на него унтеръ-офицеръ.

— Его...

— Ну, — его... Ну, что жъ будетъ дальше?

Ромашовъ, который въ эту минуту отвернулся въ сторону, слышитъ, какъ Шаповаленко прибавляетъ пониженнымъ тономъ, хрипло:

— Вотъ, погоди, я тебѣ послѣ ученія разглажу морду-то!

И такъ какъ Ромашовъ въ эту секунду поворачивается къ нему, онъ произноситъ громко и равнодушно:

— Его высокопревосходительство... Ну, что жъ ты, Хлѣбниковъ, дальше!..

— Его... инфантерин... лейтенантъ, — испуганно и стрывисто бормочетъ Хлѣбниковъ.

— А-а-а! — хрипитъ, стиснувъ зубы, Шаповаленко. — Ну, что я съ тобой, Хлѣбниковъ, буду дѣлать? Бьюсь-бьюсь я съ тобой, а ты совсѣмъ какъ верблюдъ, только роговъ у тебя нема. Никакого старанія. Стой такъ до конца словесности столбомъ. А послѣ обѣда явишься ко мнѣ, буду отдѣльно съ тобой заниматься. Греченко! Кто у насъ командиръ корпуса?

«Такъ сегодня, такъ будетъ завтра и послѣзавтра. Все одно и то же до самаго конца моей жизни, — думалъ Ромашовъ, ходя отъ взвода къ взводу. — Бросить все, уйти?... Тоска!..»

Послѣ словесности люди занимались на дворѣ приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями. Въ то время, какъ въ одной части люди цѣлились въ зеркало, а въ другой стрѣляли дробинками въ мишень, — въ третьей наводили винтовки въ цѣль на приборѣ Ливчака. Во второмъ взводѣ подпрапорщикъ Лбовъ заливался на весь плацъ веселымъ звонкимъ теноркомъ:

— Пря-мо... по колоннѣ... па-альба ротою... ать, два! Рота-а... — оцъ затягивалъ послѣдній звукъ, дѣлалъ паузу и потомъ отрывисто бросалъ: — Пли!

Щелкали ударники. А Лбовъ, радостно щеголяя голосомъ, снова заливался:

— Къ но-о-о... ипъ!

Слива ходилъ отъ взвода къ взводу, сторбленный, вялый, поправлялъ стойку и дѣлалъ короткія, грубыя замѣчанія.

— Убери брюхо! Стоишь, какъ беременная баба! Какъ ружье держишь? — Ты не дьяконъ со свѣчой! Чтò ротъ разинулъ, Карташовъ? Каши захотѣлъ? Гдѣ трынчикъ? Фельдфебель, поставь Карташова на часъ послѣ ученія подъ ружье. Кан-наля! Какъ шинель скаталъ, Веденѣевъ? Ни начала, ни конца, ни бытія своего не имѣеть. Балбесъ!

Послѣ стрѣльбы люди составили ружья и легли около нихъ на молодой весенней травкѣ, уже выбитой кое-гдѣ солдатскими сапогами. Было тепло и ясно. Въ воздухѣ пахло молодыми листочками тополей, которые двумя рядами росли вдоль шоссе. Вѣткинъ опять подошелъ къ Ромашову.

— Плюньте, Юрій Алексѣевичъ, — сказалъ онъ Ромашову, беря его подъ руку. — Стòитъ ли? Вотъ кончимъ ученіе, пойдёмъ въ собраніе, тяпнемъ по рюмкѣ, и все пройдетъ. А?

— Скучно мнѣ, милый Павелъ Павлычъ, — тоскливо произнесъ Ромашовъ.

— Что говорить, невесело, — сказалъ Вѣткинъ. — Но какъ же иначе? Надо же людей учить дѣлу. А вдругъ война?

— Развѣ что война, — уныло согласился Ромашовъ. — А зачѣмъ война? Можетъ-быть, все это какая-то общая ошибка, какое-то всемірное заблужденіе, помѣшательство? Развѣ естественно убивать?

— Э-э, развели философію. Какого чорта! А если на насъ вдругъ нападутъ нѣмцы? Кто будетъ Россію защищать?

— Я вѣдь ничего не знаю и не говорю, Павелъ Павлычъ, — жалобно и кротко возразилъ Ромашовъ: — я ничего, ничего не знаю. Но вотъ, на примѣръ, сѣверо-американская война, или тоже вотъ освобожденіе Италіи, а при Наполеонѣ — гверильясы... и еще шуаны во время революціи... Дрались же, когда приходила надобность! Простые землепашцы, пастухи...

— То американцы... Экъ вы прировняли... Это дѣло десятое. А по-моему, если такъ думать, то ужъ лучше не служить. Да и вообще въ нашемъ дѣлѣ думать не полагается. Только вопросъ: куда же мы съ вами дѣнемся, если не будемъ служить? Куда мы годимся, когда мы только и знаемъ — лѣвой, правой, — а больше ни бе, ни ме, ни кукуреку. Умирать мы умѣемъ, это вѣрно. И умремъ, дьяволъ насъ задави, когда потребуютъ. По крайности, не даромъ хлѣбъ ѣли. Такъ-то, господинъ филозофъ. Пойдемъ послѣ ученья со мной въ собраніе.

— Что жъ, пойдете, — равнодушно согласился Ромашовъ. — Собственно говоря, это свинство такъ ежедневно проводить время. А вы правду говорите, что если такъ думать, то ужъ лучше совсѣмъ не служить.

Разговаривая, они ходили взадъ и впередъ по плацу и остановились около четвертаго взвода. Солдаты сидѣли и лежали на землѣ около составленныхъ ружей. Нѣко-

торые ѣли хлѣбъ, который солдаты ѣдятъ весь день, съ утра до вечера, и при всѣхъ обстоятельствахъ: на смотрахъ, на привалахъ во время маневровъ, въ церкви передъ исповѣдью и даже передъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Ромашовъ услышалъ, какъ чей-то равнодушно-задирающій голосъ окликнулъ:

— Хлѣбниковъ, а Хлѣбниковъ!..

— А?—угрюмо въ носъ отозвался Хлѣбниковъ.

— Ты что дома дѣлалъ?

— Робилъ, — сонно отвѣтилъ Хлѣбниковъ.

— Да что робилъ-то, дурья голова?

— Все. Землю пахалъ, за скотиной ходилъ.

— Чего ты къ нему привязался?—вмѣшивается старослуживый солдатъ, дядька Шпыневъ. — Извѣстно, чего робилъ: робять сиськой кормилъ.

Ромашовъ мимоходомъ взглянулъ на сѣрое, жалкое, голое лицо Хлѣбникова, и опять въ душѣ его заскребло какое-то неловкое, больное чувство.

— Въ ружье! — крикнулъ съ середины плаца Слива. — Господа офицеры, по мѣстамъ!

Залязгали ружья, цѣпляясь штыкомъ за штыкъ. Солдаты, суетливо одергиваясь, становились на свои мѣста.

— Рравняйсь! — скомандовалъ Слива. — Смиррна!

Затѣмъ, подойдя ближе къ ротѣ, онъ закричалъ на распѣвъ:

— Ружейные приемы, по раздѣленіямъ, счетъ вслухъ... Рота, ша-ай... на кра-уль!

— Рразъ!—гаркнули солдаты и коротко взбросили ружья кверху.

Слива медленно обошелъ строй, дѣлая отрывистыя замѣчанія:—«доверни прикладъ», «выше штыкъ», «прикладъ на себя». Потомъ онъ опять вернулся передъ роту и скомандовалъ:

— Дѣла-ай... два!

— Два! — крикнули солдаты.

И опять Слива пошелъ по строю провѣрять чистоту и правильность приѣма.

Послѣ ружейныхъ приѣмовъ по раздѣленіямъ шли приѣмы безъ раздѣленій, потомъ повороты, вздваиваніе рядовъ, примыканіе и размыканіе и другія разныя построенія. Ромашовъ исполнялъ, какъ автоматъ, все, что отъ него требовалось уставомъ, но у него не выходили изъ головы слова, небрежно оброненныя Вѣткинымъ: «Если такъ думать, то нечего и служить. Надо уходить со службы». И всѣ эти хитрости военнаго устава: ловкость поворотовъ, лихость ружейныхъ приѣмовъ, крѣпкая постановка ноги въ маршировкѣ, а вмѣстѣ съ ними всѣ эти тактики и фортификаціи, на которыя онъ убилъ девять лучшихъ лѣтъ своей жизни, которыя должны были наполнить и всю его остальную жизнь и которыя еще такъ недавно казались ему такимъ важнымъ и мудрымъ дѣломъ, — все это вдругъ представилось ему чѣмъ-то скучнымъ, неестественнымъ, выдуманымъ, чѣмъ-то безцѣльнымъ и празднымъ, порожденнымъ всеобщимъ міровымъ самообманомъ, чѣмъ-то похожимъ на нелѣпый бредъ.

Когда же ученіе окончилось, они пошли съ Вѣткинымъ въ собраніе и вдвоемъ съ нимъ выпили очень много водки. Ромашовъ, почти потерявъ сознаніе, цѣловался съ Вѣткинымъ, плакалъ у него на плечѣ громкими истеричными слезами, жалуясь на пустоту и тоску жизни, и на то, что его никто не понимаетъ, и на то, что его не любитъ «одна женщина», а кто она — этого никто никогда не узнаетъ; Вѣткинъ же хлопалъ рюмку за рюмкой и только время отъ времени говорилъ съ презрительной жалостью:

— Одно скверно, Ромашовъ, не умѣете вы пить. Выпили рюмку и раскисли.

Потомъ вдругъ онъ ударялъ кулакомъ по столу и кричалъ грозно:

— А велятъ умереть—умремъ!

— Умремъ, — жалобно отвѣчалъ Ромашовъ. — Что— умереть? Это чепуха—умереть... Душа болитъ у меня...

Ромашовъ не помнилъ, какъ онъ добрался домой, и кто его уложилъ въ постель. Ему представлялось, что онъ плаваетъ въ густомъ синемъ туманѣ, по которому разсыпаны миллиарды миллиардовъ микроскопическихъ искорокъ. Этотъ туманъ медленно колыхался вверхъ и внизъ, подымая и опуская въ своихъ движеніяхъ тѣло Ромашова, и отъ этой ритмичной качки сердце подпоручика ослабѣвало, замирало и томилось въ отвратительномъ, раздражающемъ чувствѣ тошноты. Голова казалась распухшей до огромныхъ размѣровъ, и въ ней чей-то неотступный, безжалостный голосъ кричалъ, причиняя Ромашову страшную боль:

— Дѣла-ай разъ!.. Дѣла-ай два!

XII.

День 23-го апрѣля былъ для Ромашова очень хлопотливымъ и очень страннымъ днемъ. Часовъ въ 10 утра, когда подпоручикъ лежалъ еще въ постели, пришелъ Степанъ, денщикъ Николаевыхъ, съ запиской отъ Александры Петровны.

«Милый Ромочка, — писала она: — я бы вовсе не удивилась, если бы узнала, что вы забыли о томъ, что сегодня день нашихъ общихъ именинъ. Такъ вотъ, напоминаю вамъ объ этомъ. Несмотря ни на что, я все-таки хочу васъ сегодня видѣть! Только не приходите поздравлять днемъ, а прямо къ 5-ти часамъ. Поѣдемъ пикникомъ на Дубечную.

«Ваша А. Н.».

Письмо дрожало въ рукахъ у Ромашова, когда онъ его читалъ. Уже цѣлую недѣлю не видалъ онъ милаго, то ласковаго, то насмѣшливаго, то дружески-внимательнаго лица Шурочки, не чувствовалъ на себѣ ея нѣжнаго и властнаго обаянія. «Сегодня!» — радостно сказалъ внутри его ликующій шопоть.

— Сегодня! — громко крикнулъ Ромашовъ и босой соскочилъ съ кровати на полъ. — Гайнанъ, умываться!

Вошелъ Гайнанъ.

— Ваша благородія, тамъ денщикъ стоитъ. Спрашиваетъ: будешь писать отвѣтъ?

— Вотъ такъ такъ! — Ромашовъ вытаращилъ глаза и слегка присѣлъ. — Ссс... Надо бы ему на чай, а у меня ничего нѣтъ. — Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на денщика.

Гайнанъ широко и радостно улыбнулся.

— Мне тоже ничего нѣтъ!.. Тебѣ нѣтъ, мне пѣтъ. Э, чего тамъ! Она и такъ пойдетъ.

Быстро промелькнула въ памяти Ромашова черная весенняя ночь, грязь, мокрый, скользкій плетень, къ которому онъ прижался, и равнодушный голосъ Степана изъ темноты: «Ходить, ходить каждый день...». Вспомнился ему и собственный нестерпимый стыдъ. О, какихъ будущихъ блаженствъ ни отдалъ бы теперь подпоручикъ за двугривенный, за одинъ двугривенный!

Ромашовъ судорожно и крѣпко потеръ руками лицо и даже крякнулъ отъ волненія.

— Гайнанъ, — сказалъ онъ шопотомъ, боязливо косясь на дверь. — Гайнанъ, ты поди скажи ему, что подпоручикъ вечеромъ непременно дадутъ ему на чай. Слышишь: непременно.

Ромашовъ переживалъ теперь острую денежную нужду. Кредитъ былъ прекращенъ ему повсюду: въ буфетѣ, въ офицерской экономической лавочкѣ, въ офицерскомъ ка-

питалъ... Можно было брать только обѣдъ и ужинъ въ собраніи, и то безъ водки и закуски. У него даже не было ни чаю ни сахару. Оставалась только, по какой-то насмѣшливой игрѣ случая, огромная жестянка кофе. Ромашовъ мужественно пилъ его по утрамъ безъ сахару, а вслѣдъ за нимъ, съ такой же покорностью судьбѣ, допивалъ его Гайнъанъ.

И теперь, съ гримасами отвращенія прихлебывая черную, крѣпкую, горькую бурду, подпоручикъ глубоко задумался надъ своимъ положеніемъ. «Гм... во-первыхъ, какъ явиться безъ подарка? Конфеты или перчатки? Впрочемъ, неизвѣстно, какой номеръ она носитъ. Конфеты? Лучше бы всего духи: конфеты здѣсь отвратительныя... Вѣрнѣе? Гм!.. Да, конечно, лучше духи. Она любитъ Эссъ-буке. Потомъ расходы на пикникъ: извозчикъ туда и обратно, скажемъ — пять, на чай Степану — ррѣубль! Да-съ, господинъ подпоручикъ Ромашовъ, безъ десяти рублей вамъ не обойтись».

И онъ сталъ перебирать въ умѣ всѣ ресурсы. Жалованье? Но не далѣе, какъ вчера, онъ расписался на получательной вѣдомости: «Расчетъ вѣренъ. Подпоручикъ Ромашовъ». Все его жалованье было аккуратно разнесено по графамъ, въ числѣ которыхъ значилось и удержаніе по частнымъ векселямъ; подпоручику не пришлось получить ни копейки. Можетъ-быть, попросить впередъ? Это средство пробовалось имъ по крайней мѣрѣ тридцать разъ, но всегда безъ успѣха. Казначеемъ былъ штабсъ-капитанъ Дорошенко — человекъ мрачный и суровый, особенно къ «фендрикамъ». Въ турецкую войну онъ былъ раненъ, но въ самое неудобное и непочетное мѣсто — въ пятку. Вѣчныя подтруниванія и остроты надъ его раной (которую онъ, однако, получилъ не въ бѣгствѣ, а въ то время, когда, обернувшись къ своему взводу, командовалъ наступленіе) сдѣлали то, что, отпра-

вившись на войну жизнерадостнымъ прапорщикомъ, онъ вернулся съ нея желчнымъ и раздражительнымъ ипохондрикомъ. Нѣтъ, Дорошенко не дастъ денегъ, а тѣмъ болѣе подпоручику, который уже третій мѣсяць пишетъ: «Расчетъ вѣренъ».

«Но не будемъ унывать! — говорилъ самъ себѣ Ромашовъ. — Переберемъ въ памяти всѣхъ офицеровъ. Начнемъ съ ротныхъ. По порядку. Первая рота — Осадчій».

Передъ Ромашовымъ встало удивительное, красивое лицо Осадчаго, съ его тяжелымъ, звѣринымъ взглядомъ. «Нѣтъ — кто угодно, только не онъ. Только не онъ. Вторая рота — Тальманъ. Милый Тальманъ: онъ вѣчно и всюду хватаетъ рубли, даже у подпрапорщиковъ. Ху-тынскій?»

Ромашовъ задумался. Шальная, мальчишеская мысль мелькнула у него въ головѣ: пойти и попросить займы у полкового командира. «Воображаю! Навѣрно, сначала оцѣпенѣетъ отъ ужаса, потомъ задрожитъ отъ бѣшенства, а потомъ выпалитъ, какъ изъ мортиры: «Что-о? Ма-ал-чать! На четверо сутокъ на гауптвахту!»

Подпоручикъ расхохотался. Нѣтъ, все равно, что-нибудь да придумается! День, начавшійся такъ радостно, не можетъ быть неудачнымъ. Это неуловимо, это непостижимо, но оно всегда безошибочно чувствуется гдѣ-то въ глубинѣ, за сознаниемъ.

«Капитанъ Дювернуа? Его солдаты смѣшно называютъ: Доверни-нога. А вотъ тоже, говорятъ, былъ какой-то генералъ Будбергъ-фонъ-Шауфусъ, — такъ его солдаты окрестили: Будка за цехаузомъ. Нѣтъ, Дювернуа скупъ и не любить меня — я это знаю...»

Такъ перебралъ онъ всѣхъ ротныхъ командировъ отъ 1-й роты до 16-й и даже до нестроевой, потомъ со вздохомъ перешелъ къ младшимъ офицерамъ. Онъ еще

не терялъ увѣренности въ успѣхѣ, но уже начиналъ смутно беспокоиться, какъ вдругъ одно имя сверкнуло у него въ головѣ: «Подполковникъ Рафальскій!»

— Рафальскій. А я-то ломалъ голову!.. Гайнанъ! Сюртукъ, перчатки, пальто — живо!

Подполковникъ Рафальскій, командиръ 4-го батальона, былъ старый причудливый холостякъ, котораго въ полку, шутя и, конечно, за глаза, звали полковникомъ Бремомъ. Онъ ни у кого изъ товарищей не бывалъ, отдѣляясь только официальными визитами на Пасху и на Новый годъ, а къ службѣ относился такъ небрежно, что постоянно получалъ выговоры въ приказахъ и жестокіе разносы на ученьяхъ. Все свое время, всѣ заботы и всю неиспользованную способность сердца къ любви и къ привязанности онъ отдавалъ своимъ милымъ звѣрямъ — птицамъ, рыбамъ и четвероногимъ, которыхъ у него былъ цѣлый большой и оригинальный звѣринецъ. Полковныя дамы, въ глубинѣ души уязвленные его невниманіемъ къ нимъ, говорили, что онѣ не понимаютъ, какъ это можно бывать у Рафальскаго: «Ахъ, это такой ужасъ, эти звѣри! И при томъ, извините за выраженіе — запахъ! фи!»

Всѣ свои сбереженія полковникъ Бремъ тратилъ на звѣринецъ. Этотъ чудакъ ограничилъ свои потребности послѣдней степенью необходимаго: носилъ шинель и мундиръ Богъ знаетъ какого срока, спалъ кое-какъ, ѣлъ изъ котла 15-й роты, при чемъ все-таки вносилъ въ этотъ котель сумму, для солдатскаго приварка болѣе чѣмъ значительную. Но товарищамъ, особенно младшимъ офицерамъ, онъ, когда бывалъ при деньгахъ, рѣдко отказывалъ въ небольшихъ одолженіяхъ. Справедливость требуетъ прибавить, что отдавать ему долги считалось какъ-то неприятымъ, даже смѣшнымъ — на то онъ и слылъ чудакомъ, полковникомъ Бремомъ.

Безпутные прапорщики, въ родѣ Лбова, идя къ нему просить займы два цѣлковыхъ, такъ и говорили: «Иду смотрѣть звѣринецъ». Это былъ подходъ къ сердцу и къ карману стараго холостяка. «Иванъ Антонычъ, нѣтъ ли новенькихъ звѣрьковъ? Покажите, пожалуйста. Такъ вы все это интересно рассказываете...»

Ромашовъ также нерѣдко бывалъ у него, но пока безъ корыстныхъ цѣлей: онъ и въ самомъ дѣлѣ любилъ животныхъ какой-то особенной, нѣжной и чувственной любовью. Въ Москвѣ, будучи кадетомъ и потомъ юнкеромъ, онъ гораздо охотнѣе ходилъ въ циркъ, чѣмъ въ театръ, а еще охотнѣе въ зоологическій садъ и во всѣ звѣринцы. Мечтой его дѣтства было—имѣть сенъ-бернара; теперь же онъ мечталъ тайно о должности батальоннаго адъютанта, чтобы пріобрѣсти лошадь. Но обѣимъ мечтамъ не суждено было осуществиться: въ дѣтствѣ — изъ-за той бѣдности, въ которой жила его семья, а адъютантомъ его врядъ ли могли бы назначить, такъ какъ онъ не обладалъ «представительной фигурой».

Онъ вышелъ изъ дому. Теплый весенній воздухъ съ нѣжной лаской гладилъ его щеки. Земля, недавно обсохшая послѣ дождя, подавалась подъ ногами съ пріятной упругостью. Изъ-за заборовъ густо и низко свѣшивались на улицу бѣлыя шалки черемухи и лиловыя — сирени. Что-то вдругъ съ необыкновенной силой расширилось въ груди Ромашова, какъ будто бы онъ собирался летѣть. Оглянувшись кругомъ и видя, что на улицѣ никого нѣтъ, онъ вынулъ изъ кармана Шурочкино письмо, перечиталъ его и крѣпко прижался губами къ ея подписи.

— Милое небо! Милыя деревья! — прошепталъ онъ съ влажными глазами.

Полковникъ Бремъ жилъ въ глубинѣ двора, обнесеннаго высокой зеленой рѣшеткой. На калиткѣ была крат-

кая надпись: «Безъ' звонка не входить. Собаки!!». Ромашовъ позвонилъ. Изъ калитки вышелъ вихрастый, лѣнивый, заспанный денщикъ.

— Полковникъ дома?

— Пожалуйте, ваше благородіе.

— Да ты поди, доложи сначала.

— Ничего, пожалуйста такъ. — Денщикъ сонно почесалъ ляжку. — Они этого не любятъ, чтобы, на примѣръ, докладывать.

Ромашовъ пошелъ вдоль кирпичатой дорожки къ дому. Изъ-за угла выскочили два огромныхъ молодыхъ корпюхихъ дога мышастаго цвѣта. Одинъ изъ нихъ громко, но добродушно залаялъ. Ромашовъ пощелкалъ ему пальцами, и догъ принялся оживленно метаться передними ногами то вправо, то влѣво и еще громче лаять. Товарищъ же его шелъ по пятамъ за подпоручикомъ и, вытянувъ морду, съ любопытствомъ принюхивался къ поламъ его шинели. Въ глубинѣ двора, на зеленой молодой травѣ, стоялъ маленькій осликъ. Онъ мирно дремалъ подъ весеннимъ солнцемъ, жмурясь и двигая ушами отъ удовольствія. Здѣсь же бродили куры и разноцвѣтные пѣтухи, утки и китаискіе гуси съ наростами на посахъ; раздирательно кричали цесарки, а великолѣпный индюкъ, распустивъ хвостъ и чертя крыльями землю, надменно и сладострастно кружился вокругъ тонкошеихъ индюшекъ. У корыта лежала бокомъ на землѣ громадная розовая іоркширская свинья.

Полковникъ Бремъ, одѣтый въ кожаную шведскую куртку, стоялъ у окна, спиною къ двери, и не замѣтилъ, какъ вошелъ Ромашовъ. Онъ возился около стекляннаго акваріума, запустивъ въ него руку по локоть. Ромашовъ долженъ былъ два раза громко прокашляться, прежде чѣмъ Бремъ повернулъ назадъ свое худое, бородатое, длинное лицо въ старинныхъ черепаховыхъ очкахъ.

— А-а, подпоручикъ Ромашовъ! Милости просимъ, милости просимъ... — сказалъ Рафальскій привѣтливо. — Простите, не подаю руки — мокрая. А я, видите ли, нѣкоторымъ образомъ, новый сифонъ устанавливаю. Упростилъ прежній, и вышло чудесно. Хотите чаю?

— Покорно благодарю. Пилъ уже. Я, господинъ полковникъ, пришелъ...

— Вы слышали: носятъ слухи, что полкъ переведутъ въ другой городъ, — говорилъ Рафальскій, точно продолжая только-что прерванный разговоръ. — Вы понимаете, я, нѣкоторымъ образомъ, просто въ отчаяніи. Вообразите себѣ, ну какъ я своихъ рыбъ буду перевозить? Половина вѣдьдохнетъ. А аквариумъ? Стекла — посмотрите вы сами — въ полторы сажени длиной. Ахъ, батеньки! — вдругъ перескочилъ онъ на другой предметъ: — какой аквариумъ я видалъ въ Севастополѣ! Водоемы... нѣкоторымъ образомъ... ей-Богу, вотъ въ эту комнату, каменные, съ проточной морской водой. Электричество! Стоишь и смотришь сверху, какъ это рыбѣе живетъ. Бѣлуги, акулы, скаты, морскіе пѣтухи — ахъ, маленькіе мои! Или, нѣкоторымъ образомъ, морской котъ: представьте себѣ этакій блинъ, аршина полтора въ діаметрѣ, и шевелитъ краями, понимаете, такъ волнообразно, а сзади хвостъ, какъ стрѣла... Я часа два стоялъ... Чему вы смѣетесь?

— Простите... Я только-что замѣтилъ, — у васъ на плечѣ сидитъ бѣлая мышь...

— Ахъ, ты, мошенница, куда забралась! — Рафальскій повернулъ голову и издалъ губами звукъ, въ родѣ пощелуя, но необыкновенно тонкій, похожій на мышинный пискъ. Маленькій, бѣлый, красноглазый звѣрекъ спустился къ нему до самаго лица и, вздрагивая всѣмъ тѣльцемъ, сталъ суетливо тыкаться мордочкой въ бороду и въ ротъ человѣку.

— Какъ они васъ знаютъ! — сказалъ Ромашовъ.

— Да... знаютъ. — Рафальскій вздохнулъ и покачалъ головой. — А вотъ то-то и бѣда, что мы-то ихъ не знаемъ. Люди выдрессировали собаку, приспособили, нѣкоторымъ образомъ, лошадь, приручили кошку, а что это за существа такія — этого мы даже знать не хотимъ. Иной ученый всю жизнь, нѣкоторымъ образомъ, чортъ бы его побралъ, посвятить на объясненіе какого-то ерундовскаго допотопнаго слова, и ужъ такая ему за это честь, что заживо въ святыя превозносятся. А тутъ... возьмите вы хоть тѣхъ же самыхъ собакъ. Живутъ съ нами бокъ о бокъ живыя, мыслящія, разумныя животныя, и хоть бы одинъ приватъ-доцентъ удостоилъ заняться ихъ психологіей!

— Можетъ-быть, есть какіе-нибудь труды, но мы ихъ не знаемъ? — робко предположилъ Ромашовъ.

— Труды? Гм... конечно, есть, и капитальнѣйшіе. Вотъ, поглядите, даже у меня — цѣлая бібліотека. — Подполковникъ указалъ рукой па рядъ шкаповъ вдоль стѣнъ. — Умно пишутъ и проникновенно. Знанія огромнѣйшія! Какіе приборы, какіе остроумные способы... Но не то, вовсе не то, о чемъ я говорю! Никто изъ нихъ, нѣкоторымъ образомъ, не догадался задаться цѣлью — ну хоть бы прослѣдить внимательно одинъ только день собаки или кошки. Ты вотъ поди-ка, понаблюдай-ка: какъ собака живетъ, что она думаетъ, какъ хитритъ, какъ страдаетъ, какъ радуется. Послушайте: я видалъ, чего добиваются отъ животныхъ клоуны. Поразительно!.. Вообразите себѣ гипнозъ, нѣкоторымъ образомъ, настоящій, неподдѣльный гипнозъ! Что мнѣ одинъ клоунъ показывалъ въ Кіевѣ въ гостиницѣ — это удивительно, просто невѣроятно! Но вѣдь вы подумайте — клоунъ, клоунъ! А что, если бы этимъ занялся серьезный естествоиспытатель, вооруженный знаніемъ, съ ихъ замѣчательнымъ

умѣніемъ обставлятъ опыты, съ ихъ научными средствами. О, какія бы поразительныя вещи мы услышали объ умственныхъ способностяхъ собаки, о ея характерѣ, о знаніи чиселъ, да мало ли о чемъ! Цѣлый міръ, огромный, интересный міръ. Ну, вотъ, какъ хотите, а я убѣжденъ, напримѣръ, что у собакъ есть свой языкъ и нѣкоторымъ образомъ весьма обширный языкъ.

— Такъ отчего же они этимъ до сихъ поръ не занялись, Иванъ Антоновичъ? — спросилъ Ромашовъ. — Это же такъ просто!

Рафальскій язвительно засмѣялся.

— Именно оттого, — хе-хе-хе, — что просто. Именно оттого. Веревка — вервѣе простое. Для него, во-первыхъ, собака — что такое? Позвоночное, млекопитающее, хищное, изъ породы собаковыхъ и такъ далѣе. Все это вѣрно. Нѣтъ, но ты подойди къ собакѣ какъ къ человеку, какъ къ ребенку, какъ къ мыслящему существу. Право, они со своей научной гордостью недалеко отъ мужика, полагающаго, что у собаки, нѣкоторымъ образомъ, вмѣсто души паръ.

Онъ замолчалъ и принялся, сердито сопя и кряхтя, возиться надъ гуттаперчевой трубкой, которую онъ прилаживалъ ко дну акваріума. Ромашовъ собрался съ духомъ.

— Иванъ Антоновичъ, у меня къ вамъ большая, большая просьба...

— Денегъ?

— Право, совѣстю васъ беспокоить. Да мнѣ немного, рублей съ десятокъ. Скоро отдать не обѣщаюсь, по...

Иванъ Антоновичъ вынулъ руки изъ воды и сталъ вытирать ихъ полотенцемъ.

— Десять могу. Больше не могу, а десять съ превеликимъ удовольствіемъ. Вамъ, небось, на глупости? Ну, ну, ну, я шучу. Пойдемте.

Онъ повелъ его за собою черезъ всю квартиру, состоящую изъ пяти-шести комнатъ. Не было въ нихъ ни мебели ни занавѣсокъ. Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ, свойственнымъ жилью мелкихъ хищниковъ. Полы были загажены до того, что по нимъ скользили ноги.

Во всѣхъ углахъ были устроены норки и логовища, въ видѣ будочекъ, пустыхъ пней, бочекъ безъ допьевъ. Въ двухъ комнатахъ стояли развѣсистыя деревья, — одно для птицъ, другое для куницъ и бѣлокъ, съ искусственными дуплами и гнѣздами. Въ томъ, какъ были приспособлены эти звѣриныя жилища, чувствовалась заботливая обдуманность, любовь къ животнымъ и большая наблюдательность.

— Видите вы этого звѣря? — Рафальскій показалъ пальцемъ на маленькую конурку, окруженную частой загородкой изъ колючей проволоки. Изъ ея полукруглаго отверстія, величиной съ донце стакана, сверкали двѣ черныя яркія точки. — Это самое хищное, самое, нѣкоторымъ образомъ, свирѣлое животное во всемъ мірѣ. Хорекъ. Нѣтъ, вы не думайте, передъ нимъ всѣ эти львы и пантеры — кроткіе телята. Левъ съѣлъ свой пудъ мяса и отвалился, — смотритъ благодушно, какъ доѣдаютъ шакалы. А этотъ миленькій прохвостъ, если заберется въ курятникъ, ни одной курицы не оставитъ — непременно у каждой перекуситъ вотъ тутъ, сзади, мозжечокъ. До тѣхъ поръ не успокоится, подлець. И при томъ самый дикій, самый неприручимый изъ всѣхъ звѣрей. У, ты, злодѣй!

Онъ сунулъ руку за загородку. Изъ круглой дверки тотчасъ же высунулась маленькая разъяренная мордочка съ разинутой пастью, въ которой сверкали бѣлые острые зубки. Хорекъ быстро то показывался, то прятался, сопровождая это звуками, похожими на сердитый кашель.

— Видите, каковъ? А вѣдь цѣлый годъ его кормлю...

Подполковникъ, повидимому, совсѣмъ забылъ о просьбѣ Ромашова. Онъ водилъ его отъ норы къ норѣ и показывалъ ему своихъ любимцевъ, говоря о нихъ съ такимъ увлеченіемъ и съ такой нѣжностью, съ такимъ знаніемъ ихъ обычаевъ и характеровъ, точно дѣло шло о его добрыхъ, милыхъ знакомыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для любителя, да еще живущаго въ захолустномъ городишкѣ, у него была порядочная коллекція: бѣлыя мыши, кролики, морскія свинки, ежи, сурки, нѣсколько ядовитыхъ змѣй въ стеклянныхъ ящикахъ, нѣсколько сортовъ ящерицъ, двѣ обезьяны-мартышки, черный австралійскій заяцъ и рѣдкій, прекрасный экземпляръ ангорской кошки.

— Чтò? Хороша? — спросилъ Рафальскій, указывая на кошку. — Не правда ли, нѣкоторымъ образомъ, прелесть? Но не уважаю. Глупа. Глупѣе всѣхъ кошекъ. Вотъ опять! — вдругъ оживился онъ. — Опять вамъ доказательство, какъ мы небрежны къ психикѣ нашихъ домашнихъ животныхъ. Чтò мы знаемъ о кошкѣ? А лошади? А коровы? А свињи? Знаете, кто еще замѣчательно уменъ? Это свинья. Да, да, вы не смѣйтесь, — Ромашовъ и не думалъ смѣяться: — свињи страшно умны. У меня кабанъ въ прошломъ году какую штуку выдумалъ. Привозили мнѣ барду съ сахарнаго завода, нѣкоторымъ образомъ, для огорода и для свиней. Такъ ему, видите ли, не хватало терпѣнія дожидаться. Возчикъ уйдетъ за моимъ денщикомъ, а онъ зубами возьметъ и вытащитъ затычку изъ бочки. Барда, знаете, льется, а онъ себѣ блаженствуетъ. Да это чтò еще: одинъ разъ, когда его уличили въ этомъ воровствѣ, такъ онъ не только вынулъ затычку, а отнесъ ее на огородъ и зарылъ въ грядку. Вотъ вамъ и свинья. Признаться, — Рафальскій прищурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ хитрое лицо: — признаться, я о своихъ свиняхъ маленькую статейку пишу... Только шш!.. секретъ... никому. Какъ-то пеловко:

подполковникъ славной русской арміи и вдругъ — о свиньяхъ. Теперь у меня вотъ іоркширы. Видали? Хотите, пойдѣмъ поглядѣть? Тамъ у меня на дворѣ есть еще барсучокъ молоденькій, премилый барсучишка... Пойдемте?

— Простите, Иванъ Антоновичъ, — замялся Ромашовъ. — Я бы съ радостью. Но только, ей-Богу, нѣтъ времени.

Рафальскій ударилъ себя ладонью по лбу.

— Ахъ, батюшки! Извините вы меня, ради Бога. Я-то, старый, разболтался... Ну, ну, ну, идемъ скорѣе.

Они вошли въ маленькую голую комнату, гдѣ буквально ничего не было, кромѣ низкой походной кровати, полотно которой провисло, точно дно лодки, да ночного столика съ табуреткой. Рафальскій отодвинулъ ящикъ столика и досталъ деньги.

— Очень радъ служить вамъ, подпоручикъ, очень радъ. Ну, вотъ... какія еще тамъ благодарности!.. Пустое... Я радъ... Заходите, когда есть время. Потолкуемъ.

Выйдя на улицу, Ромашовъ тотчасъ же наткнулся на Вѣткина. Усы у Павла Павловича были лихо растрепаны, а фуражка съ приплюснутыми на бокахъ, для франтовства, полями ухарски сидѣла набекрень.

— А-а! Принцъ Гамлетъ! — крикнулъ радостно Вѣткинъ. — Откуда и куда? Фу, чортъ, вы сіяете, точно именинникъ.

— Я и есть именинникъ, — улыбнулся Ромашовъ.

— Да? А вѣдь и вѣрно: Георгій и Александра. Божественно. Позвольте заключить въ пылкія объятія!

Они тутъ же, на улицѣ, крѣпко расцѣловались.

— Можетъ-быть, по этому случаю зайдѣмъ въ собраніе? Вонзимъ течію по единой, какъ говоритъ нашъ великосвѣтскій другъ Арчаковскій? — предложилъ Вѣткинъ.

— Не могу, Павелъ Павлычъ. Тороплюсь. Впрочемъ, кажется, вы сегодня уже подрѣзались?

— О-о-о! — Вѣткинъ значительно и гордо кивнулъ подбородкомъ вверхъ. — Я сегодня продѣлалъ такую комбинацію, что у любого министра финансовъ животъ бы заболѣлъ отъ зависти.

— Именно?

Комбинація Вѣткина оказалась весьма простой, но не лишенной остроумія, при чемъ главное участіе въ ней принималъ полковой портной Хаимъ. Онъ взялъ отъ Вѣткина расписку въ полученіи мундирной пары, но на самомъ дѣлѣ изобрѣтательный Павелъ Павловичъ получилъ отъ портного не мундиръ, а тридцать рублей наличными деньгами.

— И въ концѣ концовъ оба мы остались довольны, — говорилъ ликующій Вѣткинъ: — и жидъ доволенъ, потому что вмѣсто своихъ тридцати рублей получить изъ обмундировальной кассы сорокъ пять, и я доволенъ, потому что взогрѣю сегодня въ собраніи всѣхъ этихъ игрочишекъ. Чтò? Ловко обстряпано?

— Ловко! — согласился Ромашовъ. — Приму къ свѣдѣнію на слѣдующій разъ. Однако прощайте, Павелъ Павлычъ. Желаю счастливой карты.

Они разошлись. Но черезъ минуту Вѣткинъ окликнулъ товарища. Ромашовъ обернулся.

— Звѣринецъ смотрѣли? — лукаво спросилъ Вѣткинъ, указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ на домъ Рафальскаго.

Ромашовъ кивнулъ головой и сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Бремъ у насъ славный человѣкъ. Такой милый!

— Чтò и говорить! — согласился Вѣткинъ. — Только — психъ!

ХІІІ

Подъѣзжая около 5-ти часовъ къ дому, который занимали Николаевы, Ромашовъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что его утренняя радостная увѣренность въ успѣхъ нынѣшняго дня смѣнилась въ немъ какимъ-то страннымъ, безпричиннымъ безпокойствомъ. Онъ чувствовалъ, что случилось это не вдругъ, не сейчасъ, а когда-то гораздо раньше; очевидно, тревога нарастала въ его душѣ постепенно и незамѣтно, начиная съ какого-то ускользнувшего момента. Что это могло быть? Съ нимъ происходили подобныя явленія и прежде, съ самаго ранняго дѣтства, и онъ зналъ, что для того, чтобы успокоиться, надо отыскать первоначальную причину этой смутной тревоги. Однажды, промучившись такимъ образомъ цѣлый день, онъ только къ вечеру вспомнилъ, что въ полдень, переходя на станціи черезъ рельсы, онъ былъ оглушенъ неожиданнымъ свисткомъ паровоза, испугался и, самъ этого не замѣтивъ, пришелъ въ дурное настроеніе; но — вспомнилъ, и ему сразу стало легко и даже весело.

И онъ принялся быстро перебирать въ памяти всѣ впечатлѣнія дня въ обратномъ порядкѣ. Магазины Сви-дерскаго; духи; нанялъ извозчика 'Лейбу — онъ чудесно ѣздитъ; справлялся на почтѣ, который часъ; великолѣпное утро; Степанъ... Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, Степанъ? Но нѣтъ — для Степана лежитъ отдѣльно въ карманѣ приготовленный рубль. Что же это такое? Что?

У забора уже стояли три пароконные экипажа. Двое денщиковъ держали въ поводу осѣдланныхъ лошадей: бураго стараго мерина, купленнаго недавно Олизаромъ изъ кавалерійскаго брака, и стройную, нетерпѣливую, съ сердитымъ огненнымъ глазомъ, золотую кобылу Бекъ-Агамалова.

«Ахъ — письмо! — вдругъ вспыхнуло въ памяти Ромашова. — Эта странная фраза: несмотря на что... И подчеркнуто... Значить, что-то есть? Можетъ-быть, Николаевъ сердится на меня! Ревнуетъ? Можетъ-быть, какая-нибудь сплетня? Николаевъ былъ въ послѣдніе дни такъ сухъ со мною. Нѣтъ, нѣтъ, проѣду мимо!»

— Дальше! — крикнулъ онъ извозчику.

Но тотчасъ же онъ — не услышалъ и не увидѣлъ, а скорѣе почувствовалъ, какъ дверь въ домъ отворилась — почувствовалъ по сладкому и бурному біенію своего сердца.

— Ромочка! Куда же это вы? — раздался сзади него веселый, звонкій голосъ Александры Петровны.

Онъ дернулъ Лейбу за кушакъ и выпрыгнулъ изъ экипажа. Шурочка стояла въ черной рамѣ раскрытой двери. На ней было бѣлое гладкое платье съ красными цвѣтами за поясомъ, съ праваго бока; тѣ же цвѣты ярко и тепло краснѣли въ ея волосахъ. Странно: Ромашовъ зналъ безошибочно, что это — она, и все-таки точно не узнавалъ ея. Чувствовалось въ ней что-то новое, праздничное и сіяющее.

Въ то время, когда Ромашовъ бормоталъ свои поздравленія, она, не выпуская его руки изъ своей, нѣжнымъ и фамиллярнымъ усиліемъ заставила его войти вмѣстѣ съ ней въ темную переднюю. И въ это время она говорила быстро и вполголоса:

— Спасибо, Ромочка, что приѣхали. Ахъ, я такъ боялась, что вы откажетесь. Слушайте: будьте сегодня милы и веселы. Не обращайтесь ни на что вниманія. Вы смѣшной: чуть васъ тронешь, вы и завяли. Такая вы стыдливая мимоза.

— Александра Петровна... сегодня ваше письмо такъ смутило меня. Тамъ есть одна фраза.

— Милый, милый, не надо!... — Она взяла обѣ его руки

и крѣпко сжимала ихъ, глядя ему прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было опять что-то совершенно незнакомое Ромашову — какая-то ласкающая нѣжность, и пристальность, и безпокойство, а еще дальше, въ загадочной глубинѣ синихъ зрачковъ, таилось что-то странное, недоступное пониманію, говорящее на самомъ скрытомъ, темномъ языкѣ души...

— Пожалуйста, не надо. Не думайте сегодня объ этомъ... Неужели вамъ не довольно того, что я все время стерегла, какъ вы проѣдете. Я вѣдь знаю, какой вы трусишка. Не смѣйте на меня такъ глядѣть!

Она смущенно засмѣялась и покачала головой.

— Ну, довольно... Ромочка, неловкій, опять вы не цѣлуете рукъ! Вотъ такъ. Теперь другую. Такъ. Умница. Идемте. Не забудьте же, — проговорила она торопливымъ, горячимъ шопотомъ: — сегодня нашъ день. Царица Александра и ея рыцарь Георгій. Слышите? Идемте.

— Вотъ, позвольте вамъ... Скромный даръ...

— Что̀ это? Духи? Какія вы глупости дѣлаете! Нѣтъ, нѣтъ, я шучу. Спасибо вамъ, милый Ромочка. Володя! — сказала она громко и непринужденно, входя въ гостиную. — Вотъ намъ и еще одинъ компаньонъ для пикника. И еще вдобавокъ именинникъ.

Въ гостиной было шумно и беспорядочно, какъ всегда бываетъ передъ общимъ отъѣздомъ. Густой табачный дымъ казался небесно-голубымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его прорѣзывали, стремясь изъ оконъ, наклонные снопы весенняго солнца. Посрѣди гостиной стояли, оживленно говоря, семь или восемь офицеровъ, и изъ нихъ громче всѣхъ кричалъ своимъ осипшимъ голосомъ, ежесекундно кашляя, высокій Тальманъ. Тутъ были: капитанъ Осадчій, и неразлучные адъютанты Олизаръ съ Бекъ-Агамаловымъ, и поручикъ Андрусевичъ, маленькій бойкій человекъ съ острымъ крысинымъ личикомъ, и еще

кто-то, кого Ромашовъ сразу не разглядѣлъ. Софья Павловна Тальманъ, улыбающаяся, напудренная и подкрашенная, похожая на большую нарядную куклу, сидѣла на диванѣ съ двумя сестрами подпоручика Михина. Обѣ барышни были въ одинаковыхъ простенькихъ, своей работы, но милыхъ платьяхъ, бѣлыхъ съ зелеными лентами; обѣ розовыя, черноволосыя, темноглазыя и въ веснушкахъ; у обѣихъ были ослѣпительно-бѣлые, но неправильно расположенные зубы, что однако придавало ихъ свѣжимъ ртамъ особую, своеобразную прелесть; обѣ хорошенькія и веселыя, чрезвычайно похожія одна на другую и вмѣстѣ съ тѣмъ на своего очень некрасиваго брата. Изъ полковыхъ дамъ была еще приглашена жена поручика Андрусевича, маленькая, бѣлолицая толстушка, глупая и смѣшливая, любительница всякихъ двусмысленностей и сальныхъ анекдотовъ, а также хорошенькія, болтливыя и картавыя барышни Лыкачевы.

Какъ и всегда въ офицерскомъ обществѣ, дамы держались врозь отъ мужчинъ, отдѣльной кучкой. Около нихъ сидѣлъ, небрежно и фатовски развалясь въ креслѣ, одинъ штабсъ-капитанъ Дицъ. Этотъ офицеръ, похожій своей затянутой фигурой и типомъ своего поношеннаго и самоувѣреннаго лица на прусскихъ офицеровъ, какъ ихъ рисуютъ въ нѣмецкихъ карикатурахъ, былъ переведенъ въ пѣхотный полкъ изъ гвардіи за какую-то темную, скандальную исторію. Онъ отличался непоколебимымъ апломбомъ въ обращеніи съ мужчинами и наглою предприимчивостью — съ дамами, и велъ большую, всегда счастливую карточную игру, но не въ офицерскомъ собраніи, а въ гражданскомъ клубѣ, въ домахъ городскихъ чиновниковъ и у окрестныхъ польскихъ помѣщиковъ. Его въ полку не любили, но побаивались, и всѣ какъ-то смутно ожидали отъ него въ будущемъ какой-нибудь грязной и громкой выходки. Говорили, что онъ находится въ

связи съ молоденькой женой дряхлаго бригаднаго командира, который жилъ въ томъ же городѣ. Было такъ же навѣрно извѣстно о его близости съ м-те Тальманъ: ради нея его и приглашали обыкновенно въ гости — этого требовали своеобразные законы полковой вѣжливости и вниманія.

— Очень радъ, очень радъ, — говорилъ Николаевъ, идя навстрѣчу Ромашову: — тѣмъ лучше. Отчего же вы утромъ не пріѣхали къ пирогу?

Онъ говорилъ это радушно, съ любезной улыбкой, но въ его голосѣ и глазахъ Ромашовъ ясно уловилъ то же самое отчужденное, дѣланное и сухое выраженіе, которое онъ почти безсознательно чувствовалъ, встрѣчаясь съ Николаевымъ все послѣднее время.

«Онъ меня не любитъ, — рѣшилъ быстро про себя Ромашовъ. — Что онъ? Сердится? Ревнуетъ? Надоѣлъ я ему?»

— Знаете... у насъ идетъ въ ротъ осмотръ оружія, — отважно солгалъ Ромашовъ. — Готовимся къ смотру, нѣтъ отдыха даже въ праздники... Однако я положительно сконфуженъ... Я никакъ не предполагалъ, что у васъ пикникъ, и вышло такъ, точно я напросился. Право, мнѣ совѣстно...

Николаевъ широко улыбнулся и съ оскорбительной любезностью потрепалъ Ромашова по плечу.

— О, нѣтъ, что вы, мой любезный... Больше народу — веселѣе... что за китайскія церемоніи!.. Только, вотъ, не знаю, какъ насчетъ мѣсть въ фэтонахъ. Ну, да разсядемся какъ-нибудь.

— У меня экипажъ, — успокоилъ его Ромашовъ, едва замѣтно уклоняясь плечомъ отъ руки Николаева. — Наоборотъ, я съ удовольствіемъ готовъ его предоставить въ ваше распоряженіе.

Онъ оглянулся и встрѣтился глазами съ Шурочкой.

«Спасибо, милый!» — сказалъ ея теплый, попрежнему странно-внимательный взглядъ.

«Какая она сегодня удивительная!» — подумалъ Ромашовъ.

— Ну вотъ и чудесно. — Николаевъ посмотрѣлъ на часы. — Что жъ, господа, — сказалъ онъ вопросительно: — можно, пожалуй, и ѣхать?

— Ёхать такъ ёхать, — сказалъ попугай, когда его котъ Васька тащилъ за хвостъ изъ клѣтки! — шутовски воскликнулъ Олизаръ.

Всѣ поднялись съ восклицаніями и со смѣхомъ; дамы разыскивали свои шляпы и зонтики и надѣвали перчатки; Тальманъ, страдавшій бронхитомъ, кричалъ на всю комнату о томъ, чтобы не забыли теплыхъ платковъ; поднялась оживленная суматоха.

Маленькій Михинъ отвелъ Ромашова въ сторону.

— Юрій Алексѣичъ, у меня къ вамъ просьба, — сказалъ онъ. — Очень прошу васъ объ этомъ. Поѣзжайте, пожалуйста, съ моими сестрами, иначе съ ними сядетъ Дицъ, а мнѣ это чрезвычайно непріятно. Онъ всегда такія гадости говоритъ дѣвочкамъ, что онѣ просто готовы плакать. Право, я врагъ всякаго насилія, но, ей-Богу, когда-нибудь дамъ ему по мордѣ!..

Ромашову очень хотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ Шурочкой, но такъ какъ Михинъ всегда былъ ему пріятель, и такъ какъ чистые, ясные глаза этого славнаго мальчика глядѣли съ умоляющимъ выраженіемъ, а также и потому, что душа Ромашова была въ эту минуту вся наполнена большимъ радостнымъ чувствомъ, — онъ не могъ отказать и согласился.

У крыльца долго и шумно разсаживались. Ромашовъ помѣстился съ двумя барышнями Михиными. Между экипажами топтался съ обычнымъ угнетеннымъ, безнадежно-унылымъ видомъ штабсъ-капитанъ Лещенко, котораго

раньше Ромашовъ не замѣтилъ и котораго никто не хотѣлъ брать съ собою въ фэтонъ. Ромашовъ окликнулъ его и предложилъ ему мѣсто рядомъ съ собою на передней скамейкѣ. Лещенко поглядѣлъ на подпоручика собачьими, преданными, добрыми глазами и со вздохомъ полѣзъ въ экипажъ.

Наконецъ всѣ разсѣлись. Гдѣ-то впереди Олизаръ, паясничая и вертясь на своемъ старомъ, лѣнливомъ меринѣ, запѣлъ изъ оперетки:

Сядемъ въ почтовую карету скорѣй,

Сядемъ въ почтовую карету поскорѣ-ѣ-ѣ-ѣй.

— Рысью ма-а-аррршъ! — скомандовалъ громовымъ голосомъ Осадчій.

Экипажи тронулись.

XIV.

Пикникъ вышелъ не столько веселымъ, сколько крикливымъ и беспорядочно суматошливымъ. Приѣхали за три версты въ Дубечную. Такъ называлась небольшая, десятиль въ пятнадцать, роща, разбросавшаяся на длинномъ пологомъ скатѣ, подошву котораго огибала узенькая свѣтлая рѣчонка. Роща состояла изъ рѣдкихъ, но прекрасныхъ, могучихъ столѣтнихъ дубовъ. У ихъ подножій густо разросся сплошной кустарникъ, но кое-гдѣ оставались просторныя прелестныя поляны, свѣжія, веселыя, покрытыя нѣжной и яркой первой зеленью. На одной такой полянѣ уже дожидались посланные впередъ денщики съ самоварами и корзинами.

Прямо на землѣ разостлали скатерти и стали разсуживаться. Дамы устанавливали закуски и тарелки, мужчины помогали имъ съ шутливымъ, преувеличенно-любезнымъ видомъ. Олизаръ повязался одной салфеткой, какъ фартукомъ, а другую надѣлъ на голову, въ видѣ

колпака, и представлялъ повара Лукича изъ офицерскаго клуба. Долго перетасовывали мѣста, чтобы дамы сидѣли непременно вперемежку съ кавалерами. Приходилось полулежать, полусидѣть въ неудобныхъ позахъ, это было ново и занимательно, и по этому поводу молчаливый Лещенко вдругъ, къ общему удивленію и потѣхѣ, сказалъ съ напыщеннымъ и глупымъ видомъ:

— Мы теперь возлежимъ, точно древне-римскіе греки.

Шурочка посадила рядомъ съ собой съ одной стороны Тальмана, а съ другой — Ромашова. Она была необыкновенно разговорчива, весела и казалась такой возбужденной, что это многимъ бросилось въ глаза. Никогда Ромашовъ не находилъ ее такой очаровательно-красивой. Онъ видѣлъ, что въ ней струится, трепещетъ и просится наружу какое-то большое, новое, лихорадочное чувство. Иногда она безъ словъ оборачивалась къ Ромашову и смотрѣла на него молча, можетъ-быть, только полусекундой больше, чѣмъ слѣдовало бы, немного больше, чѣмъ всегда, но всякій разъ въ ея взглядѣ онъ ощущалъ ту же непонятную ему, горячую, притягивающую силу.

Осадчій, сидѣвшій одинъ во главѣ стола, приподнялся и сталъ на колѣни. Постучавъ ножомъ о стаканъ и добившись тишины, онъ заговорилъ низкимъ груднымъ голосомъ, который сочными волнами заколебался въ чистомъ воздухѣ лѣса:

— Ну-съ, господа... Выпьемъ же первую чару за здоровье нашей прекрасной хозяйки и дорогой именинницы. Дай ей Богъ всякаго счастья и чинъ генеральши.

И, высоко поднявъ кверху большую рюмку, онъ заревѣлъ во всю мочь своей страшной глотки:

— Урра!

Казалось, вся роща ахнула отъ этого львиного крика, и гулкіе отзвуки побѣжали между деревьями. Андрусевичъ, сидѣвшій рядомъ съ Осадчимъ, въ комическомъ

ужасѣ упалъ навзничъ, притворяясь оглушеннымъ. Остальные дружно закричали. Мужчины пошли къ Шурочкѣ чокаться. Ромашовъ нарочно остался послѣднимъ, и она замѣтила это. Обернувшись къ нему, она, молча и страстно улыбаясь, протянула свой стаканъ съ бѣлымъ виномъ. Глаза ея въ этотъ моментъ вдругъ расширились, потемнѣли, а губы выразительно, но беззвучно зашевелились, произнося какое-то слово. Но тотчасъ же она отвернулась и, смѣясь, заговорила съ Тальманомъ. «Что она сказала, — думалъ Ромашовъ: — ахъ, что же она сказала?» — Это волновало и тревожило его. Онъ незамѣтно закрылъ лицо руками и старался воспроизвести губами тѣ же движенія, какія дѣлала Шурочка; онъ хотѣлъ поймать такимъ образомъ эти слова въ своемъ воображеніи, но у него ничего не выходило. «Мой милый»? «Люблю васъ»? «Ромочка»? — Нѣтъ, не то. Одно онъ зналъ хорошо, что сказанное заключалось въ трехъ слогахъ.

Потомъ пили за здоровье Николаева и за успѣхъ его на будущей службѣ въ генеральномъ штабѣ, пили въ такомъ духѣ, точно никогда и никто не сомнѣвался, что ему дѣйствительно удастся наконецъ поступить въ академію. Потомъ, по предложенію Шурочки, выпили довольно вяло за именинника Ромашова; пили за присутствующихъ дамъ и за всѣхъ присутствующихъ, и за всѣхъ вообще дамъ, и за славу знаменъ родного полка, и за непобѣдимую русскую армію...

Тальманъ, уже достаточно пьяный, поднялся и закричалъ сиило, но растроганно:

— Господа, я предлагаю выпить тостъ за здоровье нашего любимаго, нашего обожяемаго Монарха, за котораго каждый изъ насъ готовъ пролить свою кровь до послѣдней капли крови!

Послѣднія слова онъ выдавилъ изъ себя неожиданно

тонкой, свистящей фистулой, потому что у него не хватило въ груди воздуха. Его цыганскіе, разбойничьи, черные глаза съ желтыми бѣлками вдругъ безпомощно и жалко заморгали, и слезы полились по смуглымъ щекамъ.

— Гимнъ, гимнъ! — восторженно потребовала маленькая толстуха Андрусевичъ.

Всѣ встали. Офицеры приложили руки къ козырькамъ. Нестройные, но воодушевленные звуки понеслись по роцѣ, и всѣхъ громче, всѣхъ фальшивѣе, съ лицомъ еще болѣе тоскливымъ, чѣмъ обыкновенно, пѣлъ чувствительный штабсъ-капитанъ Лещенко.

Вообще пили очень много, какъ и всегда, впрочемъ, пили въ полку: въ гостяхъ другъ у друга, въ собраніи, на торжественныхъ обѣдахъ и пикникахъ. Говорили уже всѣ сразу, и ѳтдѣльныхъ голосовъ нельзя было разобрать. Шурочка, выпившая много бѣлаго вина, вся покраснѣвшаяся, съ глазами, которые отъ расширенныхъ зрачковъ стали совсѣмъ черными, съ влажными красными губами, вдругъ близко склонилась къ Ромашову.

— Я не люблю этихъ провинціальныхъ пикниковъ, въ нихъ есть что-то мелочное и пошлое, — сказала она. — Правда, это нужно было сдѣлать для мужа, передъ ѳздомъ, но, Боже, какъ все это глупо! Вѣдь все это можно было устроить у насъ дома, въ саду, — вы знаете, какой у насъ прекрасный садъ — старый, тѣнистый. И все-таки, не знаю почему, я сегодня безумно счастлива. Господи, какъ я счастлива! Нѣтъ, Ромочка, милый, я знаю почему, и я вамъ это потомъ скажу, я вамъ потомъ скажу... Я скажу... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Ромочка, я ничего, ничего не знаю.

Вѣки ея прекрасныхъ глазъ полузакрылись, а во всемъ лицѣ было что-то манящее и обѣщающее и мучительно-петерпѣливое. Оно стало безстыдно-прекраснымъ, и Ромашовъ, еще не понимая, тайнымъ инстинктомъ чувство-

валъ на себѣ страстное волненіе, овладѣвшее Шурочкой, чувствовалъ по той сладостной дрожи, которая пробѣгала по его рукамъ и ногамъ и по его груди.

— Вы сегодня необыкновенны. Что съ вами? — спросилъ онъ шопотомъ.

Она вдругъ отвѣтила съ какимъ-то наивнымъ и кроткимъ удивленіемъ:

— Я вамъ говорю, что не знаю. Я не знаю. Посмотрите: небо голубое, свѣтъ голубой... И у меня самой какое-то чудесное голубое настроеніе, какая-то голубая радость! Налейте мнѣ еще вина, Ромочка, мой милый мальчикъ...

На другомъ концѣ скатерти зашелъ разговоръ о предполагаемой войнѣ съ Германіей, которую тогда многіе считали дѣломъ почти рѣшеннымъ. Завязался споръ, крикливый, въ нѣсколько ртовъ заразъ, безтолковый. Вдругъ послышался сердитый, рѣшительный голосъ Осадчаго. Онъ былъ почти пьянъ, но это выражалось у него только тѣмъ, что его красивое лицо страшно поблѣднѣло, а тяжелый взглядъ большихъ черныхъ глазъ сталъ еще сумрачнѣе.

— Ерунда! — воскликнулъ онъ рѣзко. — Я утверждаю, что все это ерунда. Война выродилась. Все выродилось на свѣтѣ. Дѣти рождаются идиотами, женщины сдѣлались кривобокими, у мужчинъ нервы. «Ахъ — кровь! Ахъ, я падаю въ обморокъ!» — передразнилъ онъ кого-то гнусавымъ тономъ. — И все это оттого, что миновало время настоящей, свирѣпой, беспощадной войны. Развѣ это война? За пятнадцать верстъ въ тебя — бахъ! — и ты возвращаешься домой героемъ. Боже мой, какая, подумаешь, доблесть! Взяли тебя въ плѣнъ. «Ахъ, миленькій, ахъ, голубчикъ, не хочешь ли покурить табачку? Или, можетъ-быть, чайку? Тепло ли тебѣ, бѣдненькій? Мягко ли?» У-у! — Осадчій грозно зарычалъ и наклонилъ внизъ го-

лову, точно быкъ, готовый нанести ударъ.—Въ среднѣ вѣка дрались—это я понимаю. Ночной штурмъ. Весь городъ въ огнѣ. «На три дня отдаю городъ солдатамъ на разграбленіе!» Ворвались. Кровь и огонь. У бочекъ съ виномъ выбиваются донья. Кровь и вино на улицахъ. О, какъ были веселы эти пиры на развалинахъ! Женщинъ—обнаженныхъ, прекрасныхъ, плачущихъ—тащили за волосы. Жалости не было. Онѣ были сладкой добычей храбрецовъ!..

— Однако вы не очень распространяйтесь, — замѣтила шутливо Софья Павловна Тальманъ.

— По ночамъ горѣли дома, и дулъ вѣтеръ, и отъ вѣтра качались черныя тѣла на висѣлицахъ, и надъ ними кричали вѣроны. А подъ висѣлицами горѣли костры и пировали побѣдители. Плѣнныхъ не было. Зачѣмъ плѣнные? Зачѣмъ отрывать для нихъ лишнія силы? А-ахъ! — яростно простоналъ со сжатыми зубами Осадчій. — Что это было за смѣлое, что за чудесное время! А битвы! Когда сходились грудь съ грудью и дрались часами, хладнокровно и бѣшено, съ озвѣрѣніемъ и съ поразительнымъ искусствомъ. Какіе это были люди, какая страшная физическая сила! Господа!—Онъ поднялся на ноги и выпрямился во весь свой громадный ростъ, и голосъ его зазвенѣлъ восторгомъ и дерзостью.—Господа, я знаю, что вы изъ военныхъ училищъ вынесли золотушныя, жиденькія понятія о современной гуманной войнѣ. Но я пью... Если даже никто не присоединится ко мнѣ, я пью одинъ за радость прежнихъ войнъ, за веселую и кровавую жестокость!

Все молчали, точно подавленные неожиданнымъ экстазомъ этого обыкновенно мрачнаго, неразговорчиваго человека, и глядѣли на него съ любопытствомъ и со страхомъ. Но вдругъ вскочилъ съ своего мѣста Бекъ-Агамаловъ. Онъ сдѣлалъ это такъ внезапно и такъ быстро,

что многие вздрогнули, а одна изъ женщинъ вскрикнула въ испугѣ. Его глаза выкатились и дико сверкали, крѣпко сжатые бѣлые зубы были хищно оскалены. Онъ задыхался и не находилъ словъ.

— О, о!.. Вотъ это... вотъ, я понимаю!! А!—Онъ съ судорожной силой, точно со злобой, сжалъ и встряхнулъ руку Осадчаго.—Къ чорту эту кислятину! Къ чорту жалость! А! Р-руби!

Ему нужно было отвести на чемъ-нибудь свою варварскую душу, въ которой въ обычное время тайно дремала старинная, родовая кровожадность. Онъ, съ глазами, налившимися кровью, оглянулся кругомъ и, вдругъ выхвативъ изъ ноженъ шашку, съ бѣшенствомъ ударилъ по дубовому кусту. Вѣтки и молодые листья полетѣли на скатерть, осыпавъ, какъ дождемъ, всѣхъ сидящихъ.

— Бекъ! Сумасшедшій! Дикарь!—закричали дамы.

Бекъ-Агамаловъ сразу точно опомнился и сѣлъ. Онъ казался замѣтно сконфуженнымъ за свой неистовый порывъ, но его тонкія ноздри, изъ которыхъ съ шумомъ вылетало дыханіе, раздувались и трепетали, а черные глаза, обезображенные гнѣвомъ, исподлобья, но съ вызовомъ обводили присутствующихъ.

Ромашовъ слушалъ и не слушалъ Осадчаго. Онъ испытывалъ странное состояніе, похожее на сонъ, на сладкое опьянѣніе какимъ-то чудеснымъ, несуществующимъ на землѣ напиткомъ. Ему казалось, что теплая, пѣжная паутина мягко и лѣниво окутываетъ все его тѣло и ласково щекочетъ и наполняетъ душу внутреннимъ ликующимъ смѣхомъ. Его рука часто, какъ будто неожиданно для него самого, касалась руки Шурочки, но ни онъ ни она больше не глядѣли другъ на друга. Ромашовъ точно дремалъ. Голоса Осадчаго и Бекъ-Агамалова доносились до него изъ какого-то далекаго, фантастическаго тумана и были понятны, но пусты.

«Осадчій... Онъ жестокій человѣкъ, онъ меня не любить, — думалъ Ромашовъ, и тотъ, о комъ онъ думалъ, былъ теперь не прежній Осадчій, а новый, страшно-далекій, и не настоящій, а точно движущійся на экранѣ живой фотографіи. — У Осадчаго жена маленькая, худенькая, жалкая, всегда беременная... Онъ ее никуда съ собой не беретъ... У него въ прошломъ году повѣсился молодой солдатъ... Осадчій... Да... Что такое Осадчій?.. Вотъ теперь Бекъ кричитъ... Кто этотъ человѣкъ? Развѣ я его знаю? Да, я его знаю, но почему же онъ такой странный, чужой, непонятный мнѣ? А вотъ кто-то сидитъ со мною рядомъ... Кто ты? Отъ тебя исходитъ радость, и я пьянъ отъ этой радости. Голубая радость!.. Вонъ противъ меня сидитъ Николаевъ. Онъ недоволенъ. Онъ все молчитъ. Смотритъ сюда мимоходомъ, точно скользитъ глазами. Ахъ, пускай сердится — все равно. О, голубая радость!»

Темнѣло. Тихія лиловыя тѣни отъ деревьевъ легли на полянку. Младшая Михина вдругъ спохватилась:

— Господа, а что же фіалки? Здѣсь, говорятъ, пропасть фіалокъ. Пойдемте собирать.

— Поздно, — замѣтилъ кто-то. — Теперь въ травѣ ничего не увидишь.

— Теперь въ травѣ легче потерять, чѣмъ найти, — сказалъ Дицъ, скверно засмѣявшись.

— Ну, тогда давайте разложимъ костеръ, — предложилъ Андрусевичъ.

Натаскали огромную кучу хвороста и прошлогоднихъ сухихъ листьевъ и зажгли костеръ. Широкій столбъ веселаго огня поднялся къ небу. Точно вспугнутыя, сразу исчезли послѣдніе остатки дня, уступивъ мѣсто мраку, который, выйдя изъ роши, надвинулся на костеръ. Багровыя пятна пугливо затрепетали по вершинамъ дубовъ, и казалось, что деревья зашевелились, закачались, то

выглядывая въ красное пространство свѣта, то прячась назадъ въ темноту.

Всѣ встали изъ-за стола. Денщики зажгли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ. Молодые офицеры шалили, какъ школьники. Олизаръ боролся съ Михинымъ, и, къ удивленію всѣхъ, маленькій, неловкій Михинъ два раза подрядъ бросалъ на землю своего болѣе высокаго и стройнаго противника. Потомъ стали прыгать черезъ огонь. Андрусевичъ представлялъ, какъ бьется объ окно муха, и какъ старая птичница ловить курицу, изображалъ, спрятавшись за кусты, звукъ пилы и ножа на точилѣ—онъ на это былъ большой мастеръ. Даже и Дицъ довольно ловко жонглировалъ пустыми бутылками.

— Позвольте-ка, господа, вотъ я вамъ покажу замѣчательный фокусъ!—закричалъ вдругъ Тальманъ. — Здѣсь нѣтъ никакой чюдеса или волшебство, а не чтò иной, какъ проворство рукъ. Прошу почтеннѣйшій публикумъ обратить вниманіе, что у меня нѣтъ никакой предметъ въ рукавъ. Начинаю. Ейнъ, цвей, дрей... алле гоцъ!..

Онъ быстро, при общемъ хохотѣ, вынулъ изъ кармана двѣ новыя колоды картъ и съ трескомъ распечаталъ ихъ одну за другой.

— Винтъ, господа? — предложилъ онъ. — На свѣжемъ воздухѣ? А?

Осадчій, Николаевъ и Андрусевичъ усѣлись за карты, Лещенко съ глубокимъ вздохомъ помѣстился сзади нихъ. Николаевъ долго, съ ворчливымъ неудовольствіемъ отказывался, но его все-таки уговорили. Садясь, онъ много разъ съ безпокойствомъ оглядывался назадъ, ища глазами Шурочку, но такъ какъ изъ-за свѣта костра ему трудно было присматриваться, то каждый разъ его лицо напряженно морщилось и принимало жалкое, мучительное и некрасивое выраженіе.

Остальные постепенно разбрелись по полянѣ, невда-

лекъ отъ коэтра. Затѣяли-было играть въ горѣлки, но эта забава вскорѣ окончилась послѣ того, какъ старшая Михина, которую поймалъ Дицъ, вдругъ покраснѣлась до слезъ и наотрѣзъ отказалась играть. Когда она говорила, ея голосъ дрожалъ отъ негодованія и обиды, но причины она все-таки не объяснила.

Ромашовъ пошелъ въ глубь роши по узкой тропинкѣ. Онъ самъ не понималъ, чего ожидаетъ, но сердце его сладко и томно ныло отъ неяснаго блаженнаго предчувствія. Онъ остановился. Сзади него послышался легкій трескъ вѣтокъ, потомъ быстрые шаги и шелестъ шелковой нижней юбки. Шурочка поспѣшно шла къ нему — легкая и стройная, мелькая, точно свѣтлый лѣсной духъ, своимъ бѣлымъ платьемъ между темными стволами огромныхъ деревьевъ. Ромашовъ пошелъ ей навстрѣчу и безъ словъ обнялъ ее. Шурочка тяжело дышала отъ поспѣшной ходьбы. Ея дыханіе тепло и часто касалось щеки и губъ Ромашова, и онъ ощущалъ, какъ подъ его рукой бьется ея сердце.

— Сядемъ, — сказала Шурочка.

Она опустилась на траву и стала поправлять обѣими руками волосы на затылкѣ. Ромашовъ легъ около ея ногъ, и такъ какъ почва на этомъ мѣстѣ замѣтно опускалась внизъ, то онъ, глядя на нее, видѣлъ только нѣжныя и неясныя очертанія ея шеи и подбородка.

Вдругъ она спросила тихимъ, вздрагивающимъ голосомъ:

— Ромочка, хорошо вамъ?

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ. Потомъ подумалъ одну секунду, вспомнилъ весь нынѣшній день и повторилъ горячо: — О, да, мнѣ сегодня такъ хорошо, такъ хорошо! Скажите, отчего вы сегодня такая?

— Какая?

Она наклонилась къ нему ближе, вглядываясь въ

его глаза, и все ея лицо стало сразу видимымъ Ромашову.

— Вы чудная, необыкновенная. Такой прекрасной вы еще никогда не были. Что-то въ васъ поетъ и сіяетъ. Въ васъ что-то новое, загадочное, я не понимаю, что... Но... вы не сердитесь на меня, Александра Петровна... вы не боитесь, что васъ хватятся?

Она тихо засмѣялась, и этотъ низкій, ласкающій смѣхъ стозвался въ груди Ромашова радостной дрожью.

— Милый Ромочка! Милый, добрый, трусливый, милый Ромочка! Я вѣдь вамъ сказала, что этотъ день нашъ. Не думайте ни о чемъ, Ромочка. Знаете, отчего я сегодня такая смѣлая? Нѣтъ? Не знаете? Я въ васъ влюблена сегодня. Нѣтъ, нѣтъ, вы не воображайте, это завтра же пройдетъ...

Ромашовъ протянулъ къ ней руки, ища ея тѣла.

— Александра Петровна... Шурочка... Саша!—произнесъ онъ умоляюще.

— Не называйте меня Шурочкой, я не хочу этого. Все другое, только не это... Кстати,—вдругъ точно вспомнила она:—какое у васъ славное имя—Георгій. Гораздо лучше, чѣмъ Юрій... Гео-р-гій!—протянула она медленно, какъ будто вслушиваясь въ звуки этого слова.— Это гордо.

— О, милая!—сказалъ Ромашовъ страстно.

— Подождите... Ну, слушайте же. Это самое важное. Я васъ сегодня видѣла во снѣ. Это было удивительно прекрасно. Мнѣ снилось, будто мы съ вами танцуемъ вальсъ въ какой-то необыкновенной комнатѣ. О, я бы сейчасъ же узнала эту комнату до самыхъ мелочей. Много было ковровъ, но горѣлъ одинъ только красный фонарь, новое піанино блестѣло, два окна съ красными занавѣсками,—все было красное. Гдѣ-то играла музыка, ея не было видно, и мы съ вами танцовали... Нѣтъ, нѣтъ,

только во снѣ можетъ быть такая сладкая, такая чувственная близость. Мы кружились быстро-быстро, но не касались ногами пола, а точно плавали въ воздухѣ и кружились, кружились, кружились. Ахъ, это продолжалось такъ долго и было такъ невыразимо чудно-пріятно... Слушайте, Ромочка, вы летаете во снѣ?

Ромашовъ не сразу отвѣтилъ. Онъ точно вступилъ въ странную, обольстительную, одновременно живую и волшебную сказку. Да сказкой и были теплота и тьма этой весенней ночи, и внимательныя, притихшія деревья кругомъ, и странная, милая женщина въ бѣломъ платьѣ, сидѣвшая рядомъ, такъ близко отъ него. И, чтобы очнуться отъ этого обаянія, онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе.

— Конечно, летаю, — отвѣтилъ онъ. — Но только съ каждымъ годомъ все ниже и ниже. Прежде, въ дѣтствѣ, я леталъ подъ потолкомъ. Ужасно смѣшно было глядѣть на людей сверху: какъ будто они ходятъ вверхъ ногами. Они меня старались достать половой щеткой, но не могли. А я все летаю и все смѣюсь. Теперь уже этого нѣтъ, теперь я только прыгаю, — сказалъ Ромашовъ со вздохомъ. — Оттолкнусь ногами и лечу надъ землей. Такъ, шаговъ двадцать — и низко, не выше аршина.

Шурочка совсѣмъ опустилась на землю, оперлась о нее локтемъ и положила на ладонь голову. Помолчавъ немного, она продолжала задумчиво:

— И вотъ послѣ этого сна, утромъ, мнѣ захотѣлось васъ видѣть. Ужасно, ужасно захотѣлось. Если бы вы не пришли, я не знаю, чтò бы я сдѣлала. Я бы, кажется, сама къ вамъ прибѣжала. Потому-то я и просила васъ прійти не раньше четырехъ. Я боялась за самоё себя. Дорогой мой, понимаете ли вы меня?

Въ полъ-аршинѣ отъ лица Ромашова лежали ея ноги, скрещенныя одна на другую, двѣ маленькія ножки въ

низкихъ туфляхъ и въ черныхъ чулкахъ съ какимъ-то стрѣльчатымъ бѣлымъ узоромъ. Съ отуманенной головой, съ шумомъ въ ушахъ, Ромашовъ вдругъ крѣпко прижался зубами къ этому живому, упругому, холодному, сквозь чулокъ, тѣлу.

— Ромочка!... Не надо,—услышалъ онъ надъ собой ея слабый, протяжный и точно лѣнивый голосъ.

Онъ поднялъ голову. И опять все ему показалось въ этотъ мигъ чудесной, таинственной лѣсной сказкой. Ровно подымалась по скату, вверхъ роца съ темной травой и съ черными, рѣдкими, молчаливыми деревьями, которыя неподвижно и чутко прислушивались къ чему-то сквозь дремоту. А на самомъ верху, сквозь густую чащу верхушекъ и дальнихъ стволовъ, надъ ровной, высокой чертой горизонта рдѣла узкая полоса зари—не краснаго и не багроваго цвѣта, а темно-пурпурнаго, необычайнаго, похожаго на угасающій уголь или на пламя, преломленное сквозь густое красное вино. И на этой горѣ, между черныхъ деревьевъ, въ темной пахучей травѣ, лежала, какъ отдыхающая лѣсная богиня, непонятная, прекрасная бѣлая женщина.

Ромашовъ придвинулся къ ней ближе. Ему казалось, что отъ лица ея идетъ блѣдное сіяніе. Глазъ ея не было видно—вмѣсто нихъ были два большихъ темныхъ пятна, но Ромашовъ чувствовалъ, что она смотритъ на него.

— Это сказка!—прошепталъ онъ тихо однимъ движениемъ рта.

— Да, милый, сказка...

Онъ сталъ цѣловать ея платье, отыскалъ ея руку и приникъ лицомъ къ узкой, теплой, душистой ладони, и въ то же время онъ говорилъ, задыхаясь, обрывающимся голосомъ:

— Саша!... Я люблю васъ... Я люблю...

Теперь, поднявшись выше, онъ ясно видѣлъ ея глаза, которые стали огромными, черными и то суживались, то расширялись, и отъ этого причудливо мѣнялось въ темнотѣ все ея знакомо-незнакомое лицо. Онъ жадными пересохшими губами искалъ ея рта, но она уклонялась отъ него, тихо качала головой и повторяла медленнымъ шопотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Мой милый, нѣтъ...

— Дорогая моя... Какое счастье!... Я люблю тебя... — твердилъ Ромашовъ въ какомъ-то блаженномъ бреду. — Я люблю тебя. Посмотри: эта ночь, и тишина, и никого, кромѣ васъ. О, счастье мое, какъ я тебя люблю!

Но она говорила шопотомъ: «нѣтъ, нѣтъ», тяжело дыша, лежа всѣмъ тѣломъ на землѣ. Наконецъ она заговорила еле слышнымъ голосомъ, точно съ трудомъ:

— Ромочка, зачѣмъ вы такой... слабый! Я не хочу скрывать, меня влечетъ къ вамъ, вы мнѣ милы всѣмъ: своей неловкостью, своей чистотой, своей нѣжностью. Я не скажу вамъ, что я васъ люблю, но я о васъ всегда думаю, я вижу васъ во снѣ, я... чувствую васъ... Меня волнуетъ ваша близость и ваши прикосновенія. Но зачѣмъ вы такой жалкій! Вѣдь жалость—сестра презрѣнія. Подумайте, я не могу уважать васъ. О, если бы вы были сильный!—Она сняла съ головы Ромашова фуражку и стала потихоньку гладить и перебирать его мягкіе волосы.—Если бы вы могли завоевать себѣ большее имя, большое положеніе!..

— Я сдѣлаю, я сдѣлаю это! — тихо воскликнулъ Ромашовъ.—Будьте только моей. Идите ко мнѣ. Я всю жизнь...

Она перебила его съ ласковой и грустной улыбкой, которую онъ услышалъ въ ея тонѣ:

— Вѣрю, что вы хотите, голубчикъ, вѣрю, но вы ничего не сдѣлаете. Я знаю, что нѣтъ. О, если бы я хоть

чуть-чуть надѣялась на васъ, я бросила бы все и пошла за вами. Ахъ, Ромочка, славный мой. Я слышала, какая-то легенда говоритъ, что Богъ создалъ сначала всѣхъ людей цѣлыми, а потомъ почему-то разбилъ каждого на двѣ части и разбросалъ по свѣту. И вотъ ищутъ цѣлые вѣка одна половинка другую—и все не находятъ. Дорогой мой, вѣдь мы съ вами—эти двѣ половинки; у насъ все общее: и любимое, и нелюбимое, и мысли, и сны, и желанія. Мы понимаемъ другъ друга съ полупамека, съ полуслова, даже безъ словъ; одной душой. И вотъ я должна отказаться отъ тебя. Ахъ, это уже второй разъ въ моей жизни.

— Да, я знаю.

— Онъ говорилъ тебѣ?—спросила Шурочка быстро.

— Нѣтъ, это вышло случайно. Я знаю.

Они замолчали. На небѣ дрожащими зелеными точечками загорались первыя звѣзды. Справа едва-едва доносились голоса, смѣхъ и чье-то пѣніе. Остальная часть рощи, погруженная въ мягкій мракъ, была полна священной, задумчивой тишиной. Костра отсюда не было видно; но изрѣдка по вершинамъ ближайшихъ дубовъ, точно отблескъ дальней зарницы, мгновенно пробѣгала красный трепещущій свѣтъ. Шурочка тихо гладила голову и лицо Ромашова; когда же онъ находилъ губами ея руку, она сама прижимала ладонь къ его рту.

— Я своего мужа не люблю,—говорила она медленно, точно въ раздумьѣ. — Онъ грубъ, онъ нечутокъ, неделикатенъ. Ахъ—это стыдно говорить—но мы, женщины, никогда не забываемъ перваго насилія надъ нами. Потомъ онъ такъ дико ревнивъ. Онъ до сихъ поръ мучитъ меня этимъ несчастнымъ Назанскимъ. Выпытываетъ каждую мелочь, дѣлаетъ такія чудовищныя предположенія, фу... Задаетъ мерзкіе вопросы. Господи! Это же былъ невин-

ный полудѣтскій романъ! Но онъ отъ одного его имени приходитъ въ бѣшенство.

Когда она говорила, ея голосъ поминутно вздрагивалъ, и вздрагивала ея рука, гладившая его голову.

— Тебѣ холодно?—спросилъ Ромашовъ.

— Нѣтъ, милый, мнѣ хорошо,—сказала она кротко.

И вдругъ съ неожиданной неудержимой страстью она воскликнула:

— Ахъ, мнѣ такъ хорошо съ тобой, любовь моя!

Тогда онъ началъ робко, неувереннымъ тономъ, взявъ ея руку въ свою и тихонько прикасаясь къ ея тонкимъ пальцамъ:

— Скажи мнѣ... Прошу тебя. Ты вѣдь сама говоришь, что не любишь его... Зачѣмъ же вы вмѣстѣ?..

Но она рѣзко приподнялась съ земли, сѣла и нервно провела руками по лбу и по щекамъ, точно просыпаясь.

— Однако поздно. Пойдемте. Еще начнутъ разыскивать, пожалуй, — сказала она другимъ, совершенно спокойнымъ голосомъ.

Они встали съ травы и стояли другъ противъ друга молча, слыша дыханіе другъ друга, глядя въ глаза и не видя ихъ.

— Прощай! — вдругъ воскликнула она звенящимъ голосомъ.—Прощай, мое счастье, мое недолгое счастье!

Она обвила руками вокругъ его шеи и прижалась горячимъ влажнымъ ртомъ къ его губамъ, и со сжатыми зубами, со стономъ страсти прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ, отъ ногъ до груди. Ромашову почудилось, что черные стволы дубовъ покачнулись въ одну сторону, а земля поплыла въ другую, и что время остановилось.

Потомъ она съ усиліемъ освободилась изъ его рукъ и сказала твердо:

— Прощай. Довольно. Теперь пойдете.

Ромашовъ упалъ передъ ней на траву, почти легъ,

обнялъ ея ноги и сталъ цѣловать ея колѣни долгими, крѣпкими поцѣлуями.

— Саша, Сашенька!—лепеталъ онъ безсмысленно. — Отчего ты не хочешь отдаться мнѣ? Отчего? Отдайся мнѣ!..

— Пойдемъ, пойдемъ, — торопила она его. — Да встаньте же, Георгій Алексѣевичъ. Насъ хватятся. Пойдемте!

Они пошли по тому направленію, гдѣ слышались голоса. У Ромашова подгибались и дрожали ноги, и било въ виски. Онъ шатался на ходу.

— Я не хочу обмана, — говорила торопливо и еще задыхаясь Шурочка:—впрочемъ, нѣтъ, я выше обмана, но я не хочу трусости. Въ обманѣ же—всегда трусость. Я тебѣ скажу правду: я мужу никогда не измѣняла и не измѣню ему до тѣхъ поръ, пока не брошу его по-чему-нибудь. Но его ласки и поцѣлуи для меня ужасны, они вселяютъ въ меня омерзѣніе. Послушай, я только сейчасъ,—нѣтъ, впрочемъ, еще раньше, когда думала о тебѣ, о твоихъ губахъ,—я только теперь поняла, какое невѣроятное наслажденіе, какое блаженство отдать себя любимому человѣку. Но я не хочу трусости, не хочу тайнаго воровства. И потомъ... подожди, нагнись ко мнѣ, милый, я скажу тебѣ на ухо, это стыдно... потомъ—я не хочу ребенка. Фу, какая гадость! Оберъ-офицерша, сорокъ восемь рублей жалованья, шестеро дѣтей, пеленки, нищета!.. О, какой ужасъ!

Ромашовъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Но вѣдь у васъ мужъ... Это же неизбежно,—сказалъ онъ нерѣшительно.

Шурочка громко разсмѣялась. Въ этомъ смѣхѣ было что-то инстинктивно непріятное, отъ чего пахнуло холодкомъ въ душу Ромашова.

— Ромочка... ой-ой-ой, какой же вы глупый! —

протянула она знакомымъ Ромашову тоненькимъ, дѣтскимъ голосомъ.— Неужели вы этихъ вещей не понимаете? Нѣтъ, скажите правду— не понимаете?

Онъ растерянно пожалъ плечами. Ему стало какъ будто пеловко за свою наивность.

— Извините... но я долженъ сознаться... честное слово...

— Ну, и Богъ съ вами, и не нужно. Какой вы чистый, милый, Ромочка! Ну, такъ вотъ, когда вы вырастете, то вы навѣрно вспомните мои слова: что возможно съ мужемъ, то невозможно съ любимымъ человекомъ. Ахъ, да не думайте, пожалуйста, объ этомъ. Это гадко— но что же подѣлаешь.

Они подходили уже къ мѣсту пикника. Изъ-за деревьевъ было видно пламя костра. Корявые стволы, загоравшіе огонь, казались отлитыми изъ чернаго металла, и на ихъ бокахъ мерцалъ красный измѣнчивый свѣтъ.

— Ну, а если я возьму себя въ руки?— спросилъ Ромашовъ.— Если я достигну того же, чего хочетъ твой мужъ, или еще большаго? Тогда?

Она прижалась крѣпко къ его плечу щекой и отвѣтила порывисто:

— Тогда— да. Да, да, да...

Они уже вышли на поляну. Сталъ виденъ весь костеръ и маленькія черныя фигуры людей вокругъ него.

— Ромочка, теперь послѣднее, — сказала Александра Петровна торопливо, но съ печалью и тревогой въ голосъ.— Я не хотѣла портить вамъ вечеръ и не говорила. Слушайте, вы не должны у насъ больше бывать.

Онъ остановился изумленный, растерянный.

— Почему же? О, Саша!..

— Идемте, идемте... Я не знаю, кто это дѣлаетъ, но мужа осаждаютъ анонимными письмами. Онъ мнѣ не показывалъ, а только вскользь говорилъ объ этомъ. Пи-

шутъ какую-то грязную, площадную гадость про меня и про васъ. Словомъ, прошу васъ, не ходите къ намъ.

— Саша!—умоляюще простоналъ Ромашовъ, протягивая къ ней руки.

— Ахъ, мнѣ это самой больно, мой милый, мой дорогой, мой нѣжный! Но это необходимо. Итакъ, слушайте: я боюсь, что онъ самъ будетъ говорить съ вами объ этомъ. Умоляю васъ, ради Бога, будьте сдержанны. Общайтесь мнѣ это.

— Хорошо,—произнесъ печально Ромашовъ.

— Ну, вотъ и все. Прощайте, мой бѣдный. Бѣдняжка! Дайте вашу руку. Сожмите крѣпко-крѣпко, такъ, чтобы мнѣ стало больно. Вотъ такъ... Ой!.. Теперь прощайте.. Прощай, радость моя!

Не доходя костра, они разошлись. Шурочка пошла прямо вверхъ, а Ромашовъ снизу, обходомъ, вдоль рѣвки. Винтъ еще не окончился, но ихъ отсутствіе было замѣчено. По крайней мѣрѣ Дидъ такъ нагло поглядѣлъ на подходящаго къ костру Ромашова и такъ неестественно-скверно кашлянулъ, что Ромашову захотѣлось запустить въ него горячей головешкой.

Потомъ онъ видѣлъ, какъ Николаевъ всталъ изъ-за картъ и, отведя Шурочку въ сторону, долго что-то ей говорилъ съ гнѣвными жестами и со злымъ лицомъ. Она вдругъ выпрямилась и сказала ему нѣсколько словъ съ непередаваемымъ выраженіемъ негодованія и презрѣнія. И этотъ большой, сильный человѣкъ вдругъ покорно съежился и отошелъ отъ нея съ видомъ укрощеннаго, но затаившаго злобу дикаго животнаго.

Вскорѣ пикникъ кончился. Ночь похолодѣла, и отъ рѣвки потянуло сыростью. Запасъ веселости давно истощился, и всѣ разѣзжались усталые, недовольные, не скрывая зѣвоты. Ромашовъ опять сидѣлъ въ экипажѣ противъ барышень Михиныхъ и всю дорогу молчалъ. Въ

памяти его стояли черныя спокойныя деревья, и темная гора, и кровавая полоса зари надъ ея вершиной, и бѣлая фигура женщины, лежавшей въ темной пахучей травѣ. Но все-таки сквозь искреннюю, глубокую и острую грусть онъ время отъ времени думалъ про самого себя патетически:

«Его красивое лицо было подернуто облакомъ скорби».

XV.

1-го мая полкъ выступилъ въ лагерь, который изъ года въ годъ находился въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ двухъ верстахъ отъ города, по ту сторону желѣзнодорожнаго полотна. Младшіе офицеры, по положенію, должны были жить въ лагерное время около своихъ ротъ въ деревянныхъ баракахъ, но Ромашовъ остался на городской квартирѣ, потому что офицерское помѣщеніе шестой роты пришло въ страшную ветхость и грозило разрушеніемъ, а на ремонтъ его не оказывалось нужныхъ суммъ. Приходилось дѣлать въ день лишнихъ четыре конца: на утреннее ученіе, потомъ обратно въ собраніе—на обѣдъ, затѣмъ на вечернее ученіе и послѣ него снова въ городъ. Это раздражало и утомляло Ромашова. За первые полмѣсяца лагерей онъ похудѣлъ, почернѣлъ, и глаза у него ввалились.

Впрочемъ, и всѣмъ приходилось нелегко: и офицерамъ и солдатамъ. Готовились къ майскому смотру и не знали ни пощады ни усталости. Ротные командиры морили свои роты по два и по три лишнихъ часа на плацу. Въ время ученій со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ ротъ и взводовъ слышались непрерывно звуки пощечинъ. Часто издали, шаговъ за двѣсти, Ромашовъ наблюдалъ, какъ какой-нибудь разсвирѣпѣвшій ротный принимался хлестать по лицамъ всѣхъ своихъ солдатъ поочередно, отъ лѣ-

ваго до праваго фланга. Сначала беззвучный взмахъ руки и—только спустя секунду—сухой трескъ удара, и опять, и опять, и опять... Въ этомъ было много жуткаго и омерзительнаго. Унтеръ-офицеры жестоко били своихъ подчиненныхъ за ничтожную ошибку въ словесности, за потерянную ногу при маршировкѣ, — били въ кровь, выбивали зубы, разбивали ударами по уху барабанныя перепонки, валили кулаками на землю. Никому не приходило въ голову жаловаться: наступилъ какой-то общій чудовищный, зловѣщій кошмаръ; какой-то нелѣпый гипнозъ овладѣлъ полкомъ. И все это усугублялось страшной жарой. Май въ этомъ году былъ необыкновенно зноенъ.

У всѣхъ нервы напряглись до послѣдней степени. Въ офицерскомъ собраніи во время обѣдовъ и ужиновъ все чаще и чаще вспыхивали нелѣпые споры, безпричинныя обиды, ссоры. Солдаты осунулись и глядѣли идиотами. Въ рѣдкія минуты отдыха изъ палатокъ не слышалось ни шутокъ ни смѣха. Однако ихъ все-таки заставляли по вечерамъ, послѣ переклички, веселиться. И они, собравшись въ кружокъ, съ безучастными лицами равнодушно гаркали:

Для расейскаго солдата
Пули, бонбы ничего,
Съ ними онъ за панибрата,
Все бездѣлки для него.

А потомъ играли на гармоніи плясовую, и фельдфебель командовалъ:

— Грегоращъ, Скворцовъ, у кругъ! Пляши, сукины дѣти!.. Веселись!

Они плясали, но въ этой пляскѣ, какъ и въ пѣніи, было что-то деревянное, мертвое, отъ чего хотѣлось плакать.

Одной только пятой ротѣ жилось легко и свободно. Выходила она на ученье часомъ позже другихъ, а уходила

часомъ раньше. Люди въ ней были всѣ, какъ на подборъ; сытые, бойкіе, глядѣвшіе осмысленно и смѣло въ глаза всякому начальству; даже мундиры и рубахи сидѣли на нихъ какъ-то щеголеватѣе, чѣмъ въ другихъ ротахъ. Командовалъ ею капитанъ Стельковскій, странный человекъ: холостякъ, довольно богатый для полка, — онъ получалъ откуда-то ежемѣсячно около двухсотъ рублей, — очень независимаго характера, державшійся сухо, замкнуто и отдаленно съ товарищами и вдобавокъ развратникъ. Онъ заманивалъ къ себѣ, въ качествѣ прислуги, молоденькихъ, часто несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ изъ простонародья и черезъ мѣсяцъ отпускалъ ихъ домой, по-своему щедро наградивъ деньгами, и это продолжалось у него изъ года въ годъ съ непостижимой правильностью. Въ ротѣ у него не дрались и даже не ругались, хотя и не особенно нѣжничали, и все же его рота, по великолѣпному внѣшнему виду и по выучкѣ, не уступила бы любой гвардейской части. Въ высшей степени обладалъ онъ терпѣливой, хладнокровной и увѣренной настойчивостью и умѣлъ передавать ее своимъ унтеръ-офицерамъ. Того, чего достигали въ другихъ ротахъ посредствомъ битья, наказаній, оранья и суматохи въ недѣлю, онъ спокойно добивался въ одинъ день. При этомъ онъ скупо тратилъ слова и рѣдко возвышалъ голосъ, но когда говорилъ, то солдаты окаменѣвали. Товарищи относились къ нему непріязненно, солдаты же любили воистину: примѣръ, можетъ-быть, единственный во всей русской арміи.

Наступило наконецъ 15-е мая, когда, по распоряженію корпуснаго командира, долженъ былъ состояться смотръ. Въ этотъ день во всѣхъ ротахъ, кромѣ пятой, унтеръ-офицеры подняли людей въ четыре часа. Несмотря на теплое утро, невыспавшіеся, зѣвавшіе солдаты дро-

жали въ своихъ каламянковыхъ рубахахъ. Въ радостномъ свѣтѣ розоваго безоблачнаго утра ихъ лица казались сѣрыми, глянцовитыми и жалкими.

Въ шесть часовъ явились къ ротамъ офицеры. Общій сборъ полка былъ назначенъ въ десять часовъ, но ни одному ротному командиру, за исключеніемъ Стельковскаго, не пришла въ голову мысль дать людямъ выспаться и отдохнуть передъ смотромъ. Наоборотъ, въ это утро особенно ревностно и суетливо вбивали имъ въ голову словесность и наставленія къ стрѣльбѣ, особенно густо висѣла въ воздухѣ скверная ругань, и чаще обыкновеннаго сыпались толчки и зуботычины.

Въ девять часовъ роты стянулись на плацъ, шагахъ въ пятистахъ впереди лагеря. Тамъ уже стояли длинной прямой линіей, растянувшись на полверсты, шестнадцать ротныхъ желонеровъ съ разноцвѣтными флажками на ружьяхъ. Желонерный офицеръ поручикъ Ковако, одинъ изъ главныхъ героевъ сегодняшняго дня, верхомъ на лошади носился взадъ и впередъ вдоль этой линіи, выравнивая ее, скакалъ съ бѣшенымъ крикомъ, распустивъ поводья, съ шапкой на затылкѣ, весь мокрый и красный отъ старанія. Его шашка отчаянно билась о ребра лошади, а бѣлая худая лошадь, вся усыпанная отъ старости гречкой и съ бѣльмомъ на правомъ глазу, судорожно вертѣла короткимъ хвостомъ и издавала въ тактъ своему безобразному галопу рѣзкіе, отрывистые, какъ выстрѣлы, звуки. Сегодня отъ поручика Ковако зависѣло очень многое: по его желонерамъ должны были выстроиться въ безукоризненную нитку все 16 ротъ полка.

Ровно безъ десяти минутъ въ десять вышла изъ лагеря пятая рота. Твердо, большимъ частымъ шагомъ, отъ котораго равномерно вздрагивала земля, прошли на глазахъ у всего полка эти сто человекъ, все, какъ на подборъ,

ловкіе, молодцоватые, прямые, всѣ со свѣжими, чисто вымытыми лицами, съ безкозырками, лихо надвинутыми на правое ухо. Капитанъ Стельковскій, маленькій, худощавый человекъ въ широчайшихъ шароварахъ, шелъ небрежно и не въ ногу, шагахъ въ пяти сбоку праваго фланга, и, весело щурясь, наклоняя голову то на одинъ, то на другой бокъ, присматривался къ равненію. Батальонный командиръ, подполковникъ Лехъ, который, какъ и всѣ офицеры, находился съ утра въ нервномъ и безтолковомъ возбужденіи, налетѣлъ-было на него съ крикомъ за поздній выходъ на плацъ, но Стельковскій хладнокровно вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и отвѣтилъ сухо, почти пренебрежительно:

— Въ приказѣ сказано собраться къ десяти. Теперь безъ трехъ минутъ десять. Я не считаю себя въ правѣ морить людей зря.

— Не разговарива-а-ать!—завопилъ Лехъ, махая руками и задерживая лошадь.—Прошу, гето, молчать, когда вамъ дѣлають замѣчанія по службѣ-ѣ!..

Но онъ все-таки понялъ, что былъ неправъ, и потому сейчасъ же отъѣхалъ и съ ожесточеніемъ набросился на восьмую роту, въ которой офицеры провѣряли выкладку ранцевъ:

— Гет-то что за безобразіе! Гето, базаръ устроили? Мелочную лавочку? Гето, на охоту ѣхать—собакъ кормить? О чемъ раньше думали! Одѣваться-а!

Въ четверть одиннадцатаго стали выравнивать роты. Это было долгое, кропотливое и мучительное занятіе. Отъ желонера до желонера туго натянули на колышки длинныя веревки. Каждый солдатъ первой шеренги долженъ былъ непременно съ математической точностью коснуться веревки самими кончиками носковъ—въ этомъ заключался особенный строевой шикъ. Но этого было еще мало; требовалось, чтобы въ створѣ развернутыхъ носковъ помѣ-

щался ружейный прикладъ, и чтобы наклонъ всѣхъ солдатскихъ тѣлъ оказался одинаковымъ. И ротные командиры выходили изъ себя, крича: «Ивановъ, подай корпусъ впередъ! Бурченко, правое плечо доверни, въ поле! Лѣвый носокъ назадъ! Еще!..»

Въ половинѣ одиннадцатаго пріѣхалъ полковой командиръ. Подъ нимъ былъ огромный, видный гнѣдой меринъ, весь въ темныхъ яблокахъ, всѣ четыре ноги бѣлыя до колѣнъ. Полковникъ Шульговичъ имѣлъ на лошади внушительный, почти величественный видъ и сидѣлъ прочно, хотя черезчуръ по-пѣхотному, на слишкомъ короткихъ стременахъ. Привѣтствуя полкъ, онъ крикнулъ молодцовато, съ наиграннымъ веселымъ задоромъ:

— Здорово, красавцы-ы-ы!..

Ромашовъ вспомнилъ свой четвертый взводъ и въ особенности хилую, младенческую фигуру Хлѣбникова и не могъ удержаться отъ улыбки: «Нечего сказать, хороши красавцы!»

При звукахъ полковой музыки, игравшей встрѣчу, вынесли знамена. Началось томительное ожиданіе. Далеко впередъ, до самаго вокзала, откуда ждали корпуснаго командира, тянулась цѣпь махальныхъ, которые должны были сигналами предупредить о прибытіи начальства. Нѣсколько разъ поднималась ложная тревога. Поспѣшно выдергивались колышки съ веревками, полкъ выравнивался, подтягивался, замиралъ въ ожиданіи, — но проходило нѣсколько тяжелыхъ минутъ, и людямъ опять позволяли стоять вольно, только не измѣнять положенія ступней. Впереди, шагахъ въ трехстахъ отъ строя, яркими разноцвѣтными пятнами пестрѣли дамскія платья, зонтики и шляпки: тамъ стояли полковыя дамы, собравшіяся поглядѣть на парадъ. Ромашовъ зналъ отлично, что Шурочки нѣтъ въ этой свѣтлой, точно праздничной группѣ, но когда онъ глядѣлъ туда, — всякій разъ что-то сладко ныло у

него около сердца, и хотѣлось часто дышать отъ страннаго, безпричиннаго волненія.

Вдругъ, точно вѣтеръ, пугливо пронеслось по рядамъ одно торопливое короткое слово: «Ѣдетъ, Ѣдетъ!». Всѣмъ какъ-то сразу стало ясно, что наступила настоящая, серьезная минута. Солдаты, съ утра задерганные и взвинченные общей нервною, сами, безъ приказанія, суетливо выравнивались, одергивались и безпокойно кашляли.

— Смирна! Желонеры, по мѣста-амъ! — командовалъ Шульговичъ.

Скосивъ глаза направо, Ромашовъ увидѣлъ далеко на самомъ краю поля небольшую тѣсную кучку маленькихъ всадниковъ, которые въ легкихъ клубахъ желтоватой пыли быстро приближались къ строю. Шульговичъ со строгимъ и вдохновеннымъ лицомъ отъѣхалъ отъ середины полка на разстояніе, по крайней мѣрѣ вчетверо большее, чѣмъ требовалось. Щеголя тяжелой красотой приемовъ, поднявъ къверху свою серебряную бороду, оглядывая черную неподвижную массу полка грознымъ, радостнымъ и отчаяннымъ взглядомъ, онъ затынулъ голосомъ, покотившимся по всему полю:

— По-олкъъ, слуш-а-ай! На крра-а-а...

Онъ выдержалъ нарочно длинную паузу, точно наслаждаясь своей огромной властью надъ этими сотнями людей и желая продлить это мгновенное наслажденіе, и вдругъ, весь покраснѣвъ отъ усилія, съ напрягшимися на шеѣ жилами, гаркнулъ всей грудью:

— ...уль!..

Разъ-два! Всплеснули руки о ружейные ремни, брякнули затворы о бляхи поясовъ. Съ праваго фланга рѣзко, весело и отчетливо понеслись звуки встрѣчнаго марша. Точно шаловливыя, смѣющіяся дѣти, побѣжали толпой рѣзвые флейты и кларнеты, съ побѣднымъ торжествомъ

вскрикнули и заплѣли высокія мѣдныя трубы, глухіе удары барабана торопили ихъ блестящій бѣгъ, и неспѣвавшіе за нимъ тяжелые тромбоны ласково ворчали густыми, спокойными, бархатными голосами. На станціи длинно, тонко и чисто засвистѣлъ паровозъ, и этотъ новый мягкій звукъ, вплетясь въ торжествующіе мѣдныя звуки оркестра, слился съ нимъ въ одну чудесную, радостную гармонію. Какая-то бодрая, смѣлая волна вдругъ подхватила Ромашова, легко и сладко поднявъ его на себѣ. Съ проникновенной и веселой ясностью онъ сразу увидѣлъ и блѣдную отъ зноя голубизну неба, и золотой свѣтъ солнца, дрожавшій въ воздухѣ, и теплую зелень дальняго поля, — точно онъ не замѣчалъ ихъ раньше, — и вдругъ почувствовалъ себя молодымъ, сильнымъ, ловкимъ, гордымъ отъ сознанія, что и онъ принадлежитъ къ этой стройной, неподвижной, могучей массѣ людей, таинственно скованныхъ одной незримой волей...

Шульговичъ, держа обнаженную шашку у самаго лица, тяжелымъ галопомъ поскакалъ навстрѣчу.

Сквозь грубо-веселые, воинственные звуки музыки послышался спокойный, круглый голосъ генерала:

— Здорово, первая рота!

Солдаты дружно, старательно и громко закричали. И опять на станціи свистнулъ паровозъ — на этотъ разъ отрывисто, коротко и точно съ задоромъ. Здороваясь поочередно съ ротами, корпусный командиръ медленно ѣхалъ по фронту. Уже Ромашовъ отчетливо видѣлъ его грузную, оплывшую фигуру съ крупными поперечными складками кителя подъ грудью и на жирномъ животѣ, и большое квадратное лицо, обращенное къ солдатамъ, и щегольской съ красными вензелями вальтрапъ на видной сѣрой лошади, и костяныя колечки мартингала, и маленькую ногу въ низкомъ лакированномъ сапогѣ.

— Здорово, шестая!

Люди закричали вокругъ Ромашова преувеличенно громко, точно надрываясь отъ собственнаго крика. Генераль увѣренно и небрежно сидѣлъ на лошади, а она, съ налившимися кровью добрыми глазами, красиво выгнувъ шею, сочно похрустывая желѣзомъ мундштука во рту и роняя съ морды легкую бѣлую пѣну, шла частымъ, танцующимъ, гибкимъ шагомъ. «У него виски сѣдые, а усы черные, должно-быть, нафабранные», — мелькнула у Ромашова быстрая мысль.

Сквозь золотыя очки корпусный командиръ внимательно вглядывался своими темными, совсѣмъ молодыми, умными и насмѣшливыми глазами въ каждую пару впивавшихся въ него глазъ. Вотъ онъ поровнялся съ Ромашовымъ и приложилъ руку къ козырьку фуражки. Ромашовъ стоялъ, весь вытянувшись, съ напряженными мускулами ногъ, крѣпко, до боли, стиснувъ эфесъ опущенной внизъ шашки. Преданный, счастливый восторгъ вдругъ холодкомъ пробѣжалъ по наружнымъ частямъ его рукъ и ногъ, покрывъ ихъ жесткими пупырышками. И, глядя неотступно въ лицо корпуснаго командира, онъ подумалъ про себя, по своей наивной дѣтской привычкѣ: «Глаза боевого генерала съ удовольствіемъ остановились на стройной, худощавой фигурѣ молодого подпоручика».

Корпусный командиръ объѣхалъ такимъ образомъ поочередно всѣ роты, здороваясь съ каждой. Сзади него, нестройной блестящей группой двигалась свита: около пятнадцати штабныхъ офицеровъ на прекрасныхъ, выхолощенныхъ лошадяхъ. Ромашовъ и на нихъ глядѣлъ тѣми же преданными глазами, но никто изъ свиты не обернулся на подпоручика: всѣ эти парады, встрѣчи съ музыкой, эти волненія маленькихъ пѣхотныхъ офицеровъ были для нихъ привычнымъ, давно наскучившимъ дѣломъ. И Ромашовъ со смутной завистью и недоброжелательствомъ почувствовалъ, что эти высококомѣрные люди

живутъ какой-то особой, красивой, недостигаемой для него, высшей жизнью.

Кто-то издали подалъ музыкѣ знакъ перестать играть. Командиръ корпуса крупной рысью ѣхалъ отъ лѣваго фланга къ правому вдоль линіи полка, и за нимъ разнообразно волнующейся, пестрой, нарядной вереницей растянулась его свита. Полковникъ Шульговичъ подскакалъ къ первой ротѣ. Затягивая поводья своему гнѣдому мерину, завалившись тучнымъ корпусомъ назадъ, онъ крикнулъ тѣмъ неестественно-свирѣпымъ, испуганнымъ и хриплымъ голосомъ, какимъ кричатъ на пожарахъ брандъ-майоры:

— Капитанъ Осадчій! Выводите роту-у! Жива-а!..

У полкового командира и у Осадчаго на всѣхъ ученьяхъ было постоянное любовное соревнованіе въ голосахъ. И теперь даже въ шестнадцатой ротѣ была слышна щегольская металлическая команда Осадчаго:

— Рота, на плечо! Равненіе на середину, шагомъ маршъ!

У него въ ротѣ, путемъ долгаго, упорнаго труда былъ выработанъ при маршировкѣ особый, чрезвычайно рѣдкій и твердый шагъ, при чемъ солдаты очень высоко поднимали ногу вверхъ и съ силою бросали ее на землю. Это выходило громко и внушительно и служило предметомъ зависти для другихъ ротныхъ командировъ.

Но не успѣла первая рота сдѣлать и пятидесяти шаговъ, какъ раздался нетерпѣливый окрикъ корпуснаго командира:

— Это что такое? Остановите роту. Остановите! Ротный командиръ, пожалуйста ко мнѣ. Что вы тутъ показываете? Что это: похоронная процессія? Факельцугъ? Раздвижные солдатки? Маршировка въ три темпа? Теперь, капитанъ, не николаевскія времена, когда служили по двадцати пяти лѣтъ. Сколько лишнихъ дней у васъ ушло на этотъ кордебалетъ! Драгоценныхъ дней!

Осадчій стоялъ передъ нимъ, высокій, неподвижный, сумрачный, съ опущенной внизъ обнаженной шашкой. Генераль помолчалъ немного и продолжалъ спокойнѣе, съ грустнымъ и насмѣшливымъ выраженіемъ:

— Небось, людей совсѣмъ задержали шагистикой? Эхъ, вы, Аники-воины. А спроси у васъ... да вотъ, позвольте, какъ этого молодчика фамилія?

Генераль показалъ пальцемъ на второго отъ праваго фланга солдата.

— Игнатій Михайловъ, ваше превосходительство, — безучастнымъ, солдатскимъ деревяннымъ басомъ отвѣтилъ Осадчій.

— Хорошо-съ. А что вы о немъ знаете? Холостъ онъ? Женатъ? Есть у него дѣти? Можетъ-быть, у него есть тамъ въ деревнѣ какое-нибудь горе? Бѣда? Нуждишка? Что?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Сто человекъ. Трудно запомнить.

— Трудно запомнить! — съ горечью повторилъ генераль. — Ахъ, господа, господа! Сказано въ писаніи: духа не угашайте, а вы что дѣлаете? Вѣдь эта самая святая, сѣрая скотинка, когда дѣло дойдетъ до боя, васъ своей грудью прикроетъ, вынесетъ васъ изъ огня на своихъ плечахъ, на морозѣ васъ своей шинелишкой дырявой прикроетъ, а вы — не могу знать.

И, мгновенно раздражаясь, перебирая нервно и безъ нужды поводья, генераль закричалъ черезъ голову Осадчаго на полкового командира:

— Полковникъ, уберите эту роту. И смотрѣть не буду. Уберите, уберите сейчасъ же! Петрушки! Картонные паяцы! Чугунные мозги!

Съ этого и начался провалъ полка. Утомленіе и запуганность солдатъ, бессмысленная жестокость унтеръ-офицеровъ, бездушное, рутинное и халатное отношеніе

офицеровъ къ службѣ, — все это ясно, но позорно обнаружилось на смотре. Во второй ротѣ люди не знали «Отче нашъ», въ третьей сами офицеры путались при разсыпномъ строѣ, въ четвертой съ какимъ-то солдатомъ во время ружейныхъ приемовъ сдѣлалось дурно. А главное — ни въ одной ротѣ не имѣли понятія о приемахъ противъ неожиданныхъ кавалерійскихъ атакъ, хотя готовились къ нимъ и знали ихъ важность. Приемы эти были изобрѣтены и введены въ практику именно самимъ корпуснымъ командиромъ и заключались въ быстрыхъ перестроеніяхъ, требовавшихъ всякій разъ отъ начальниковъ находчивости, быстрой сообразительности и широкой личной инициативы. И на нихъ срывались поочередно всѣ роты, кромѣ пятой.

Посмотрѣвъ роту, генераль удалялъ изъ строя всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и спрашивалъ людей, всѣмъ ли довольны, получаютъ ли все по положенію, нѣтъ ли жалобъ и претензій? Но солдаты дружно гаркали, что они «точно такъ, всѣмъ довольны». Когда спрашивали первую роту, Ромашовъ слышалъ, какъ сзади него фельдфебель его роты, Рында, говорилъ шипящимъ и угрожающимъ голосомъ:

— Вотъ, объяви мнѣ кто-нибудь претензію! Я ему потомъ такую объявлю претензію!

Зато тѣмъ великолѣпнѣе показала себя пятая рота. Молодцоватые, свѣжіе люди продѣлывали ротное ученье такимъ легкимъ, бодрымъ и живымъ шагомъ, съ такой ловкостью и свободой, что, казалось, смотрѣ былъ для нихъ не страшнымъ экзаменомъ, а какой-то веселой и совсѣмъ не трудной забавой. Генераль еще хмурился, но уже бросилъ имъ: «Хорошо, ребята!» — это въ первый разъ за все время смотра.

Приемами противъ атакъ кавалеріи Стельковскій окончательно завоевалъ корпуснаго командира. Самъ гене-

ралъ указывалъ ему противника внезапными, быстрыми фразами: «Кавалерія справа, восемьсотъ шаговъ», и Стельковскій, не теряясь ни на секунду, сейчасъ же точно и спокойно останавливалъ роту, поворачивалъ ее лицомъ къ воображаемому противнику, скачущему карьеромъ, смыкалъ, экономя время, взводы—головной съ колѣна, второй стоя,—назначалъ прицѣлъ, давалъ два или три воображаемыхъ залпа и затѣмъ командовалъ: «На руку!»—«Отлично, братцы! Спасибо, молодцы!»—хвалилъ генералъ.

Послѣ опроса рота опять выстроилась развернутымъ строемъ. Но генералъ медлилъ ее отпустить. Тихонько проѣзжая вдоль фронта, онъ пытливо, съ особеннымъ интересомъ, вглядывался въ солдатскія лица, и тонкая, довольная улыбка свѣтилась сквозь очки въ его умныхъ глазахъ подъ тяжелыми, опухшими вѣками. Вдругъ онъ остановилъ коня и обернулся назадъ, къ начальнику своего штаба:

— Нѣтъ, вы поглядите-ка, полковникъ, каковы у нихъ морды! Пирогами вы ихъ, что ли, кормите, капитанъ? Послушай, эй, ты, толсторожій,—указалъ онъ движеніемъ подбородка на одного солдата:—тебя Коваль звать?

— Тошно такъ, ваше превосходительство, Михайла Борійчукъ!—весело, съ довольной дѣтской улыбкой крикнулъ солдатъ.

— Ишь ты, а я думалъ, Коваль. Ну, значитъ, ошибся,—пошутилъ генералъ.—Ничего не подѣлаешь. Не удалось...—прибавилъ онъ веселую, циничную фразу.

Лицо солдата совсѣмъ расплылось въ глупой и радостной улыбкѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!—крикнулъ онъ еще громче.—Такъ что у себя въ деревнѣ занимался кузнечнымъ мастерствомъ, Ковалемъ былъ.

— А, вотъ видишь!—генералъ дружелюбно кивнулъ

головой. Онъ гордился своимъ знаніемъ солдата.—Что, капитанъ, онъ у васъ хорошій солдатъ?

— Очень хорошій. У меня всѣ они хороши,—отвѣтилъ Стельковскій своимъ обычнымъ, самоувѣреннымъ тономъ.

Брови генерала сердито дрогнули, но губы улыбнулись, и отъ этого все его лицо стало добрымъ и старчески-милымъ.

— Ну, это вы, капитанъ, кажется, того... Есть же штрафованные?

— Ни одного, ваше превосходительство. Пятый годъ ни одного.

Генералъ грузно нагнулся на сѣдлѣ и протянулъ Стельковскому свою пухлую руку въ бѣлой незастегнутой перчаткѣ.

— Спасибо вамъ великое, родной мой,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и его глаза вдругъ заблестѣли слезами. Онъ, какъ и многіе чудаковатые боевые генералы, любилъ иногда поплакать. — Спасибо, утѣшили старика. Спасибо, богатыри!—энергично крикнулъ онъ ротѣ.

Благодаря хорошему впечатлѣнію, оставленному Стельковскимъ, смотрѣ и шестой роты прошелъ сравнительно благополучно. Генералъ не хвалилъ, но и не бранился. Однако и шестая рота осрамилась, когда солдаты стали колоть соломенные чучела, вшитыя въ деревянные рамы.

— Не такъ, не такъ, не такъ, не такъ!—горячился корпусный командиръ, дергаясь на сѣдлѣ.—Совсѣмъ не такъ! Братцы, слушай меня. Коли отъ сердца, въ самую середку, штыкъ до трубки. Разсердись! Ты не хлѣбы въ печку сажаешь, а врага колешь...

Прочія роты проваливались одна за другой. Корпусный командиръ даже пересталъ волноваться и дѣлать свои характерныя, хлесткія замѣчанія и сидѣлъ на лошади молчаливый, сторбленный, со скучающимъ лицомъ.

Пятнадцатую и шестнадцатую роты онъ и совсѣмъ не сталъ смотрѣть, а только сказалъ съ отвращеніемъ, устало махнувъ рукою:

— Ну, это... недоноски какіе-то.

Оставался церемоніальный маршъ. Весь полкъ свели въ тѣсную, сомкнутую колонну, пополуротно. Опять выскочили впередъ желонеры и вытянулись противъ праваго фланга, обозначая линію движенія. Становилось невыносимо жарко. Люди изнемогали отъ духоты и отъ тяжелыхъ испареній собственныхъ тѣлъ, скученныхъ въ маломъ пространствѣ, отъ запаха сапогъ, махорки, грязной человѣческой кожи и перевареннаго желудкомъ чернаго хлѣба.

Но передъ церемоніальнымъ маршемъ всѣ ободрились. Офицеры почти упрашивали солдатъ: «Братцы, вы ужъ постарайтесь пройти молодцами передъ корпуснымъ. Не осрамите». И въ этомъ обращеніи начальниковъ съ подчиненными проскальзывало теперь что-то заискивающее, неувѣренное и виноватое. Какъ будто гнѣвъ такой недосягаемо-высокой особы, какъ корпусный командиръ, вдругъ придавилъ общей тяжестью и офицера и солдата, обезличилъ и уравнилъ ихъ, и сдѣлалъ въ одинаковой степени испуганными, растерянными и жалкими.

— Полкъ, смиррна-а... Музыканты, на линію-у!— до-неслась издали команда Шульговича.

И всѣ полторы тысячи человѣкъ на секунду зашевелились, съ глухимъ, торопливымъ ропотомъ, и вдругъ неподвижно затихли, нервно и сторожко вытянувшись.

Шульговича не было видно. Опять докатился его зычный, разливающійся голосъ:

— Полкъ, на плечо-о-о!...

Четверо батальонныхъ командировъ, повернувшись на лошадяхъ къ своимъ частямъ, скомандовали вразбродъ:

— Батальонъ, на пле...

и напряженно впились глазами въ полкового командира.

Гдѣ-то далеко впереди полка сверкнула въ воздухѣ и опустилась внизъ шашка. Это былъ сигналъ для общей команды, и четверо батальонныхъ командировъ разомъ вскрикнули:

— ...чо!

Полкъ съ глухимъ дребезгомъ нестройно вскинулъ ружья. Гдѣ-то залязгали штыки.

Тогда Шульговичъ, преувеличенно растягивая слова, торжественно, сурово, радостно и громко, во всю мочь своихъ огромныхъ легкихъ, скомандовалъ:

— Къ це-ре-мо-ні-аль-но-му маршу-у!..

Теперь уже всѣ шестнадцать ротныхъ командировъ не впопадъ и фальшиво разными голосами запѣли:

— Къ церемоніальному маршу!

И гдѣ-то, въ хвостѣ колонны, одинъ отставшій ротный крикнулъ, уже послѣ другихъ, заплетающимся и стыдливимъ голосомъ, не договаривая команды:

— Къ церіальному...—и тотчасъ же робко оборвался.

— Пополуротна-а!—раскатился Шульговичъ.

— Пополуротно!—тотчасъ же подхватили ротные.

— На двух-взво-одную дистанцію!—заливался Шульговичъ.

— На двухвзводную дистанцію!..

— Ра-вненіе на-права-а!

— Равненіе направо! — повторило многоголосое пестрое эхо.

Шульговичъ выждалъ двѣ-три секунды и отрывисто бросилъ:

— Первая полурота—шагомъ!

Глухо доносясь сквозь плотные ряды, низко стелясь по самой землѣ, раздавалась впереди густая команда Осадчаго:

— Пер-рвая полурота. Равненіе направо. Шагомъ... аршъ!

Дружно загрохотали впереди полковые барабанщики.

Видно было сзади, какъ отъ наклоннаго лѣса штыковъ отдѣлилась правильная длинная линія и равномерно закачалась въ воздухѣ.

— Вторая полурота, прямо!—услыхалъ Ромашовъ высокій, бабій голосъ Арчаковского.

И другая линія штыковъ, уходя, заколебалась. Звукъ барабановъ становился все тупѣе и тише, точно онъ опускался внизъ, подъ землю, и вдругъ на него налетѣла, смявъ и поваливъ его, веселая, сіяющая, рѣзко красивая волна оркестра. Это подхватила темпъ полковая музыка, и весь полкъ сразу ожилъ и подтянулся: головы поднялись выше, выпрямились стройнѣе тѣла, прояснились сѣрыя, усталыя лица.

Одна за другой отходили полуроты; и съ каждымъ разомъ все ярче, возбужденнѣй и радостнѣй становились звуки полкового марша. Вотъ отхлынула послѣдняя полурота перваго батальона. Подполковникъ Лехъ двинулся впередъ на костлявой вороной лошади, въ сопровожденіи Олизара. У обоихъ шашки «подвысь» съ кистью руки на уровнѣ лица. Слышна спокойная и, какъ всегда, небрежная команда Стельковского. Высоко надъ штыками плавно заходило древко знамени. Капитанъ Слива вышелъ впередъ—сгорбленный, обрюзгшій, оглядывая строй водянистыми выпученными глазами, длиннорукій, похожій на большую, старую, скучную обезьяну.

— П-первая полурота... п-прямо!

Легкимъ и лихимъ шагомъ выходитъ Ромашовъ передъ серединой своей полуроты. Что-то блаженное, красивое и гордое растетъ въ его душѣ. Быстро скользятъ онъ глазами по лицамъ первой шеренги: «Старый рубака обвелъ своихъ ветерановъ соколинымъ взоромъ», — мелькаетъ.

у него въ головѣ пышная фраза, въ то время, когда онъ самъ тянетъ лихо, нараспѣвъ:

— Втор-ая полуро-ота-а...

«Разъ, два!»—считаетъ Ромашовъ мысленно и держитъ тактъ одними носками сапогъ. «Нужно подъ лѣвую ногу. Лѣвой, правой». И съ счастливымъ лицомъ, забросивъ назадъ голову, онъ выкрикиваетъ высокимъ, звенящимъ на все поле теноромъ:

— Пряма!

И, уже повернувшись, точно на пружинѣ, на одной ногѣ, онъ, не оборачиваясь назадъ, добавляетъ пѣвуче и двумя тонами ниже:

— Ра-авне-ніе направа-а!

Красота момента опьяняетъ его. На секунду ему кажется, что это музыка обдаетъ его волнами такого жгучаго, ослѣпительнаго свѣта, и что мѣдныя, ликующіе крики падаютъ сверху, съ неба, изъ солнца. Какъ и давеча, при встрѣчѣ,—сладкій, дрожащій холодъ бѣжитъ по его тѣлу, и дѣлаетъ кожу жесткой, и приподымаетъ и шевелитъ волосы на головѣ.

Дружно, въ тактъ музыкѣ, закричала пятая рота, отвѣчая на похвалу генерала. Освобожденные отъ живой преграды изъ человѣческихъ тѣлъ, точно радуясь свободѣ, громче и веселѣе побѣжали навстрѣчу Ромашову яркіе звуки марша. Теперь подпоручикъ совсѣмъ отчетливо видитъ впереди и справа отъ себя грузную фигуру генерала на сѣрой лошади, неподвижную свиту сзади него, а еще дальше разноцвѣтную группу дамскихъ платьевъ, которыя въ ослѣпительномъ полуденномъ свѣтѣ кажутся какими-то сказочными, горящими цвѣтами. А слѣва блестятъ золотыя поющія трубы оркестра, и Ромашовъ чувствуетъ, что между генераломъ и музыкой протянулась невидимая волшебная нить, которую и радостно и жутко перейти.

Но первая полурота уже вступила въ эту черту.

— Хорошо, ребята!—слышится довольный голосъ корпуснаго командира.—А-а-а-а!—подхватываютъ солдаты высокими, счастливыми голосами. Еще громче вырываются впередъ звуки музыки. «О, милый! — съ умиленіемъ думаетъ Ромашовъ о генералѣ.—Умница!»

Теперь Ромашовъ одинъ. Плавно и упруго, едва касаясь ногами земли, приближается онъ къ завѣтной чертѣ. Голова его дерзко закинута назадъ и съ гордымъ вызовомъ обращена влѣво. Во всемъ тѣлѣ у него такое ощущение легкости и свободы, точно онъ получилъ неожиданную способность летать. И, сознавая себя предметомъ общаго восхищенія, прекраснымъ центромъ всего міра, онъ говоритъ самъ себѣ въ какомъ-то радужномъ, восторженномъ снѣ:

«Посмотрите, посмотрите,—это идетъ Ромашовъ». «Глаза дамъ сверкали восторгомъ». Разъ, два, лѣвой!.. «Впереди полуроты граціозной походкой шелъ красивый молодой подпоручикъ». Лѣвой, правой!.. «Полковникъ Шульговичъ, вашъ Ромашовъ одна прелесть,—сказалъ корпусный командиръ:—я бы хотѣлъ имѣть его своимъ адъютантомъ». Лѣвой!..

Еще секунда, еще мгновение—и Ромашовъ пересѣкаетъ очарованную нить. Музыка звучитъ безумнымъ, героическимъ, огненнымъ торжествомъ. «Сейчасъ похвалить»,—думаетъ Ромашовъ, и душа его полна праздничнымъ сіяніемъ. Слышенъ голосъ корпуснаго командира, вотъ голосъ Шульговича, еще чьи-то голоса... «Конечно, генералъ похвалилъ, но отчего же солдаты не отвѣчали? Кто-то кричитъ сзади, изъ рядовъ... Что случилось?»

Ромашовъ обернулся назадъ и поблѣднѣлъ. Вся его полурота вмѣсто двухъ прямыхъ, стройныхъ линій представляла изъ себя безобразную, изломанную по всѣмъ направленіямъ, стѣснившуюся, какъ овечье стадо, толпу.

Это случилось отъ того, что подпоручикъ, упоенный своимъ восторгомъ и своими пылкими мечтами, самъ не замѣтилъ того, какъ шагъ за шагомъ передвигался отъ середины вправо, насѣдая въ то же время на полуроту, и наконецъ очутился на ея правомъ флангѣ, смявъ и разстроивъ общее движеніе. Все это Ромашовъ увидѣлъ и понялъ въ одно короткое, какъ мысль, мгновеніе, такъ же, какъ увидѣлъ и рядового Хлѣбникова, который ковылялъ одинъ, шагахъ въ двадцати за строемъ, какъ разъ на глазахъ генерала. Онъ упалъ на ходу и теперь, весь въ пыли, догонялъ свою полуроту, низко согнувшись подъ тяжестью амуниціи, точно бѣжа на четверенькахъ, держа въ одной рукѣ ружье за середину, а другой рукой безпомощно вытирая носъ.

Ромашову вдругъ показалось, что сіяющій майскій день сразу потемнѣлъ, что на его плечи легла мертвая, чужая тяжесть, похожая на песчаную гору, и что музыка заиграла скучно и глухо. И самъ онъ почувствовалъ себя маленькимъ, слабымъ, некрасивымъ, съ вялыми движеніями, съ грузными, неловкими, заплетающимися ногами.

Къ нему уже летѣлъ карьеромъ полковой адъютантъ. Лицо Федоровскаго было красно и перекошено злостью, нижняя челюсть прыгала. Онъ задыхался отъ гнѣва и отъ быстрой скачки. Еще издали онъ началъ яростно кричать, захлебываясь и давясь словами:

— Подпоручикъ... Ромашовъ... Командиръ полка объявляетъ вамъ... стройжайшій выговоръ... На семь дней... на гауптвахту... въ штабъ дивизіи... Безобразіе, скандалъ... Весь полкъ о и!.. Мальчишка!

Ромашовъ не отвѣчалъ ему, даже не повернулъ къ нему головы. Что жъ, конечно, онъ имѣетъ право браниться! Вотъ и солдаты слышали, какъ адъютантъ кричалъ на него. «Ну, что жъ, и пускай слышали, такъ мнѣ и надо, и пускай,—съ острой ненавистью къ самому

себѣ подумалъ Ромашовъ.—Все теперь пропало для меня. Я застрѣлюсь. Я опозоренъ навѣки. Все, все пропало для меня. Я смѣшной, я маленькій, у меня блѣдное, некрасивое лицо, какое-то нелѣпое лицо, противнѣе всѣхъ лицъ на свѣтѣ. Все пропало! Солдаты идутъ сзади меня, смотрятъ мнѣ въ спину и смѣются, и подталкиваютъ другъ друга локтями. А можетъ-быть, жалѣютъ меня? Нѣтъ, я непременно, непременно застрѣлюсь!»

Полуроты, отходя довольно далеко отъ корпуснаго командира, одна за другой заворачивали лѣвымъ плечомъ и возвращались на прежнее мѣсто, откуда онѣ начали движеніе. Тутъ ихъ перестраивали въ развернутый ротный строй. Пока подходили заднія части, людямъ позволили стоять вольно, а офицеры сошли съ своихъ мѣстъ, чтобы размяться и покурить изъ рукава. Одинъ Ромашовъ оставался въ серединѣ фронта, на правомъ флангѣ своей полуроты. Концомъ обнаженной шашки онъ сосредоточенно ковырялъ землю у своихъ ногъ и хотя не подымалъ опущенной головы, но чувствовалъ, что со всѣхъ сторонъ на него устремлены любопытные, насмѣшливые и презрительные взгляды.

Капитанъ Слива прошелъ мимо Ромашова и, не останавливаясь, не глядя на него, точно разговаривая самъ съ собою, проворчалъ хрипло, со сдержанной злобой, сквозь сжатые зубы:

— С-сегодня же из-звольте подать рапортъ о п-переводѣ въ другую роту.

Потомъ подошелъ Вѣткинъ. Въ его свѣтлыхъ, добрыхъ глазахъ и въ углахъ опустившихся губъ Ромашовъ прочелъ то безгливое и жалостное выраженіе, съ какимъ люди смотрятъ на раздавленную поѣздомъ собаку. И въ то же время самъ Ромашовъ, съ отвращеніемъ почувствовалъ у себя на лицѣ какую-то бессмысленную, тусклую улыбку.

— Пойдемъ, покуримъ, Юрій Алексѣичъ, — сказалъ Вѣткинъ.

И, чмокнувъ языкомъ и качнувъ головой, онъ прибавилъ съ досадою:

— Эхъ, голубчикъ!..

У Ромашова затрясся подбородокъ, а въ гортани стало горько и тѣсно. Едва удерживаясь отъ рыданій, онъ отвѣтилъ обрывающимся, задушеннымъ голосомъ обиженнаго ребенка:

— Нѣтъ ужъ... что ужъ тутъ... я не хочу...

Вѣткинъ отошелъ въ сторону. «Вотъ возьму сейчасъ, подойду и ударю Сливу по щекѣ, — мелькнула у Ромашова ни съ того ни съ сего отчаянная мысль. — Или подойду къ корпусному и скажу: «Стыдно тебѣ, старому человѣку, играть въ солдатики и мучить людей. Отпусти ихъ отдохнуть. Изъ-за тебя двѣ недѣли били солдатъ».

Но вдругъ ему вспомнились его недавнія горделивыя мечты о стройномъ красавцѣ-подпоручикѣ, о дамскомъ восторгѣ, объ удовольствіи въ глазахъ боевого генерала, — и ему стало такъ стыдно, что онъ мгновенно покраснѣлъ не только лицомъ, но даже грудью и спиной.

«Ты смѣшной, презрѣнный, гадкій человѣкъ! — крикнулъ онъ самому себѣ мысленно. — Знайте же всѣ, что я сегодня застрѣлюсь!»

Смотръ кончался. Роты еще нѣсколько разъ продефилировали передъ корпуснымъ командиромъ: сначала поротно шагомъ, потомъ бѣгомъ, затѣмъ сомкнутой колонной съ ружьями на перевѣсѣ. Генераль какъ будто смягчился немного и нѣсколько разъ похвалилъ солдатъ. Было уже около четырехъ часовъ. Наконецъ полкъ остановился, и приказали людямъ стоять вольно. Штабъ-горнистъ затрубилъ «вызовъ начальниковъ».

— Господа офицеры, къ корпусному командиру! — пронеслось по рядамъ.

Офицеры вышли изъ строя и сплошнымъ кольцомъ окружили корпуснаго командира. Онъ сидѣлъ на лошади, сгорбившись, опустившись, повидимому, сильно утомленный, но его умные, прищуренные, опухшіе глаза живо и насмѣшливо глядѣли сквозь золотыя очки.

— Буду кратокъ, — заговорилъ онъ отрывисто и вѣско. — Полкъ никуда не годенъ. Солдатъ не браню, обвиняю начальниковъ. Кучеръ плохъ — и лошади не везутъ. Не вижу въ васъ сердца, разумнаго пониманія заботы о людяхъ. Помните твердо: «Блаженъ, иже душу свою положитъ за други своя». А у васъ одна мысль — лишь бы угодить на смотру начальству. Людей завертѣли, какъ извозчичьихъ лошадей. Офицеры имѣютъ запущенный и дикій видъ, какіе-то дьячки въ мундирахъ. Впрочемъ, объ этомъ прочтете въ моемъ приказѣ. Одинъ прапорщикъ, кажется, шестой или седьмой роты, потерялъ равненіе и сдѣлалъ изъ роты кашу. Стыдно! Не требую шагистики въ три темпа, но глазомѣръ и спокойствіе прежде всего.

«Обо мнѣ!» — съ ужасомъ подумалъ Ромашовъ, и ему показалось, что всѣ стоящіе здѣсь одновременно обернулись на него. Но никто не пошевелился. Всѣ стояли молчаливые, понурые и неподвижные, не сводя глазъ съ лица генерала.

— Командиру пятой роты мое горячее спасибо! — продолжалъ корпусный командиръ. — Гдѣ вы, капитанъ? А, вотъ! — генералъ нѣсколько театрально, двумя руками поднял надъ головой фуражку, обнажилъ лысый мощный черепъ, сходящійся шишкой надъ лбомъ, и низко поклонился Стельковскому. — Еще разъ благодарю васъ и съ удовольствіемъ жму вашу руку. Если приведетъ Богъ драться моему корпусу подъ моимъ начальствомъ, — глаза генерала заморгали и засвѣтились слезами: — то помните, капитанъ, первое опасное дѣло поручу вамъ. А теперь,

господа, мое почтеніе-съ. Вы свободны, радъ буду видѣть васъ въ другой разъ, но въ другомъ порядкѣ. Позвольте-ка дорогу коню.

— Ваше превосходительство, — выступилъ впередъ Шульговичъ:—осмѣлюсь предложить отъ имени общества господъ офицеровъ отобѣдать въ нашемъ собраніи. Мы будемъ...

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ!—сухо оборвалъ его генералъ.—Премного благодаренъ, я приглашенъ сегодня къ графу Ледоховскому.

Сквозь широкую дорогу, очищенную офицерами, онъ галопомъ поскакалъ къ полку. Люди сами, безъ приказанія, встрепенулись, вытянулись и затихли.

— Спасибо, Н—цы!—твердо и привѣтливо крикнулъ генералъ.—Даю вамъ два дня отдыха. А теперь... — онъ весело возвысилъ голосъ:—по палаткамъ бѣгомъ маршъ! Ура!

Казалось, онъ этимъ короткимъ крикомъ сразу толкнулъ весь полкъ. Съ оглушительнымъ радостнымъ ревомъ кинулись полторы тысячи людей въ разныя стороны, и земля затряслась и загудѣла подъ ихъ ногами.

Ромашовъ отдѣлился отъ офицеровъ, толпою возвращавшихся въ городъ, и пошелъ дальней дорогой, черезъ лагерь. Онъ чувствовалъ себя въ эти минуты какимъ-то жалкимъ отщепенцемъ, выброшеннымъ изъ полковой семьи, какимъ-то непріятнымъ, чуждымъ для всѣхъ человѣкомъ, и даже не взрослымъ человѣкомъ, а противнымъ, порочнымъ и уродливымъ мальчишкой.

Когда онъ проходилъ сзади палатокъ своей роты, по офицерской линіи, то чей-то сдавленный, но гнѣвный крикъ привлекъ его вниманіе. Онъ остановился на минутку и въ просвѣтѣ между палатками увидѣлъ своего фельдфебеля Рынду, маленькаго, краснолицаго, апопле-

ктическаго крѣпыша, который, неистово и скверно ругаясь, билъ кулаками по лицу Хлѣбникова. У Хлѣбникова было темное, глупое, растерянное лицо, а въ безсмысленныхъ глазахъ свѣтился животный ужасъ. Голова его жалко моталась изъ одной стороны въ другую, и слышно было, какъ при каждомъ ударѣ громко клцали другъ о друга его челюсти.

Ромашовъ торопливо, почти бѣгомъ, прошелъ мимо. У него не было силъ заступиться за Хлѣбникова. И въ то же время онъ болѣзненно почувствовалъ, что его собственная судьба и судьба этого несчастнаго, забитаго, замученнаго солдата какъ-то странно, родственно-близко и противно сплелись за нынѣшній день. Точно они были двое калѣкъ, страдающихъ одной и той же болѣзью и возбуждающихъ въ людяхъ одну и ту же брезгливость. И хотя это сознание одинаковости положеній и внушало Ромашову колючій стыдъ и отвращеніе, но въ немъ было также что-то необычайное, глубокое, истинно-человѣческое.

XVI.

Изъ лагеря въ городъ вела только одна дорога—черезъ полотно желѣзной дороги, которое въ этомъ мѣстѣ проходило въ крутой и глубокой выемкѣ. Ромашовъ по узкой, плотно утопанной, почти отвѣсной тропинкѣ быстро сбѣжалъ внизъ и сталъ съ трудомъ взбираться по другому откосу. Еще съ середины подъема онъ замѣтилъ, что кто-то стоитъ наверху въ кителѣ и въ шинели въ накидку. Остановившись на нѣсколько секундъ и прищурившись, онъ узналъ Николаева.

«Сейчасъ будетъ самое непріятное!»—подумалъ Ромашовъ. Сердце у него тоскливо заныло отъ тревожнаго предчувствія. Но онъ все-таки покорно подымался кверху.

Офицеры не видались около пяти дней, но теперь они почему-то не поздоровались при встрѣчѣ, и почему-то Ромашовъ не нашелъ въ этомъ ничего необыкновеннаго, точно иначе и не могло случиться въ этотъ тяжелый, несчастный день. Ни одинъ изъ нихъ даже не прикоснулся рукой къ фуражкѣ.

— Я нарочно ждалъ васъ здѣсь, Юрій Алексѣичъ, — сказалъ Николаевъ, глядя куда-то въ даль, на лагерь, черезъ плечо Ромашова.

— Къ вашимъ услугамъ, Владимиръ Ефимычъ, — отвѣтилъ Ромашовъ съ фальшивой развязностью, но дрогнувшимъ голосомъ. Онъ нагнулся, сорвалъ прошлогоднюю, сухую, коричневую былинку и сталъ разсѣяннo ее жевать. Въ то же время онъ пристально глядѣлъ, какъ въ пуговицахъ на пальто Николаева отражалась его собственная фигура, съ узкой, маленькой головкой и крошечными ножками, но безобразно раздутая въ бокахъ.

— Я васъ не задержу, мнѣ только два слова, — сказалъ Николаевъ.

Онъ произносилъ слова особенно мягко, съ усиленной вѣжливостью вспыльчиваго и разсерженнаго чело-вѣка, рѣшившагося быть сдержаннымъ. Но такъ какъ разговаривать, избѣгая другъ друга глазами, становилось съ каждой секундой все болѣе неловко, то Ромашовъ предложилъ вопросительно:

— Такъ пойдѣмте?

Извилистая стежка, протоптанная пѣшеходами, пересѣкала большое свекловичное поле. Вдали виднѣлись бѣлые домики и красныя черепичныя крыши города. Офицеры пошли рядомъ, сторонясь другъ отъ друга и ступая по мясистой, густой, хрустѣвшей подъ ногами зелени. Нѣкоторое время оба молчали. Наконецъ Николаевъ, переведя широко и громко, съ видимымъ трудомъ, дыханіе, заговорилъ первый:

— Я прежде всего долженъ поставить вопросъ: относитесь ли вы съ должнымъ уваженіемъ къ моей женѣ... къ Александрѣ Петровнѣ?

— Я не понимаю, Владимиръ Ефимовичъ...—возразилъ Ромашовъ.—Я, съ своей стороны, тоже долженъ спросить васъ...

— Позвольте!—вдругъ загорячился Николаевъ. — Будемъ спрашивать поочередно, сначала я, а потомъ вы. А иначе мы не столкнемся. Будемте говорить прямо и откровенно. Отвѣтите мнѣ прежде всего: интересуется васъ хоть сколько-нибудь то, что о ней говорятъ и сплетничаютъ? Ну, словомъ... чортъ!.. ея репутація? Нѣтъ, нѣтъ, подождите, не перебивайте меня... Вѣдь вы, надеюсь, не будете отрицать того, что вы отъ нея и отъ меня не видѣли ничего, кромѣ хорошаго, и что вы были въ нашемъ домѣ приняты, какъ близкій, свой человѣкъ, почти какъ родной.

Ромашовъ оступился въ рыхлую землю, неуклюже споткнулся и пробормоталъ стыдливо:

— Повѣрьте, я всегда буду благодаренъ вамъ и Александрѣ Петровнѣ...

— Ахъ, нѣтъ, вовсе не въ этомъ дѣло, вовсе не въ этомъ. Я не ищу вашей благодарности, — разсердился Николаевъ.—Я хочу сказать только то, что моей жены коснулась грязная, лживая сплетня, которая... ну, то есть, въ которую...—Николаевъ часто задышалъ и вытеръ лицо платкомъ.—Ну, словомъ, здѣсь замѣшаны и вы. Мы оба—я и она—мы получаемъ чуть ли не каждый день какія-то подлые, хамскія анонимныя письма. Не стану вамъ ихъ показывать... мнѣ омерзительно это. И вотъ въ этихъ письмахъ говорится...—Николаевъ замялся на секунду.—Ну, да, чортъ!.. говорится о томъ, что вы—любовникъ Александры Петровны, и что... ухъ, какая подлость!.. Ну, и такъ далѣе... что у васъ еже-

дневно происходят какія-то тайныя свиданія, и будто бы весь полкъ объ этомъ знаетъ. Мерзость!

Онъ злобно заскрипѣлъ зубами и сплюнулъ.

— Я знаю, кто писалъ, — тихо сказалъ Ромашовъ, отворачиваясь въ сторону.

— Знаете?

Николаевъ остановился и грубо схватилъ Ромашова за рукавъ. Видно было, что внезапный порывъ гнѣва сразу разбилъ его искусственную сдержанность. Его воловьи глаза расширились, лицо налилось кровью, въ углахъ задрожавшихъ губъ выступила густая слюна. Онъ яростно закричалъ, весь наклоняясь впередъ и приближая свое лицо въ упоръ къ лицу Ромашова:

— Такъ какъ же вы смѣете молчать, если знаете! Въ вашемъ положеніи долгъ cadaго мало-мальски порядочнаго человѣка — заткнуть ротъ всякой сволочи. Слышите вы... армейскій донъ-жуанъ! Если вы честный человѣкъ, а не какая-нибудь...

Ромашовъ, блѣднѣя, посмотрѣлъ съ ненавистью въ глаза Николаеву. Ноги и руки у него вдругъ страшно отяжелѣли, голова сдѣлалась легкой и точно пустой, а сердце упало куда-то глубоко внизъ и билось тамъ огромными, болѣзненными толчками, сотрясая все тѣло.

— Я попрошу васъ не кричать на меня, — глухо и протяжно произнесъ Ромашовъ. — Говорите приличнѣе, я не позволю вамъ кричать.

— Я вовсе на васъ и не кричу, — все еще грубо, но понижая тонъ, возразилъ Николаевъ. — Я васъ только убѣждаю, хотя имѣю право требовать. Наши прежнія отношенія даютъ мнѣ это право. Если вы хоть сколько-нибудь дорожите чистымъ, незапятнаннымъ именемъ Александры Петровны, то вы должны прекратить эту травлю.

— Хорошо, я сдѣлаю все, что могу, — сухо отвѣтилъ Ромашовъ.

Онъ повернулся и пошелъ впередъ, по срединѣ тропинки. Николаевъ тотчасъ же догналъ его.

— И потомъ... только вы, пожалуйста, не сердитесь...— заговорилъ Николаевъ смягченно, съ оттѣнкомъ замѣшательства.— Ужъ разъ мы начали говорить, то лучше говорить все до конца... Не правда ли?

— Да?—полувопросительно произнесъ Ромашовъ.

— Вы сами видѣли, съ какимъ чувствомъ симпатіи мы къ вамъ относились, то-есть я и Александра Петровна. И если я теперь вынужденъ... Ахъ, да вы сами знаете, что въ этомъ паршивомъ городишкѣ нѣтъ ничего страшнѣе сплетни!

— Хорошо,—грустно отвѣтилъ Ромашовъ.—Я перестану у васъ бывать. Вѣдь вы объ этомъ хотѣли просить меня? Ну, хорошо. Впрочемъ, я и самъ рѣшилъ прекратить мои посѣщенія. Нѣсколько дней тому назадъ я зашелъ всего на пять минутъ, возвратилъ Александрѣ Петровнѣ ея книги, и, смѣю увѣрить васъ, это въ послѣдній разъ.

— Да... такъ вотъ...—сказалъ неопредѣленно Николаевъ и смущенно замолчалъ.

Офицеры въ эту минуту свернули съ тропинки на шоссе. До города оставалось еще шаговъ триста, и такъ какъ говорить было больше не о чемъ, то оба шли рядомъ, молча и не глядя другъ на друга. Ни одинъ не рѣшался—ни остановиться ни повернуть назадъ. Положеніе становилось съ каждой минутой все болѣе фальшивымъ и натянутымъ.

Наконецъ около первыхъ домовъ города имъ попался навстрѣчу извозчикъ. Николаевъ окликнулъ его.

— Да... такъ вотъ...—опять нелѣпо промолвилъ онъ, обращаясь къ Ромашову.—Итакъ, до свиданія, Юрій Алексѣевичъ.

Они не подали другъ другу рукъ, а только притро-

нулись къ козырькамъ. Но когда Ромашовъ глядѣлъ на удаляющійся въ пыли бѣлый, крѣпкій затылокъ Николаева, онъ вдругъ почувствовалъ себя такимъ оставленнымъ всѣмъ міромъ и такимъ внезапно одинокимъ, какъ будто ютъ его жизни только-что отрѣзали что-то самое большее, самое главное.

Онъ медленно пошелъ домой. Гайнанъ встрѣтилъ его на дворѣ, еще издали дружелюбно и весело скаля зубы. Снимая съ подпоручика пальто, онъ все время улыбался отъ удовольствія и, по своему обыкновенію, приплясывалъ на мѣстѣ.

— Твоя не обѣдалъ?—спрашивалъ онъ съ участливой фамиллярностью.—Небось, голодный? Сейчасъ побѣжу въ собранію, принесу тебѣ обѣдъ.

— Убирайся къ чорту!—визгливо закричалъ на него Ромашовъ.—Убирайся, убирайся, и не смѣй заходить ко мнѣ въ комнату. И, кто бы ни спрашивалъ—меня нѣтъ дома. Хоть бы самъ государь императоръ пришелъ.

Онъ легъ на постель и зарылся головой въ подушку, вцѣпившись въ нее зубами. У него горѣли глаза, что-то колючее, постороннее распирало и въ то же время сжимало горло, и хотѣлось плакать. Онъ жадно искалъ этихъ горячихъ и сладостныхъ слезъ, этихъ долгихъ, горькихъ, облегчающихъ рыданій. И онъ снова и снова нарочно вызывалъ въ воображеніи прошедшій день, сгущая всѣ нынѣшнія обидныя и позорныя происшествія, представляя себѣ самого себя, точно со стороны, оскорбленнымъ, несчастнымъ, слабымъ и заброшеннымъ, и жалостно умиляясь надъ собой. Но слезы не приходили.

Потомъ случилось что-то странное. Ромашову показалось, что онъ вовсе не спалъ, даже не задремалъ ни на секунду, а просто въ теченіе одного только момента лежалъ безъ мыслей, закрывъ глаза. И вдругъ онъ неожиданно засталъ себя бодрствующимъ, съ прежней то-

ской на душѣ. Но въ комнатѣ уже было темно. Оказалось, что въ этомъ непонятномъ состояніи умственного оцѣпенѣнія прошло болѣе пяти часовъ.

Ему захотѣлось ѣсть. Онъ всталъ, прицѣпилъ шашку, накинулъ шинель на плечи и пошелъ въ собраніе. Это было недалеко, всего шаговъ двѣсти, и туда Ромашовъ всегда ходилъ не съ улицы, а черезъ черный ходъ, какими-то пустырями, огородами и перелазами.

Въ столовой, въ бильярдной и на кухнѣ свѣтло горѣли лампы, и отъ того грязный, загроможденный дворъ офицерскаго собранія казался чернымъ, точно залитымъ чернилами. Окна были всюду раскрыты настежь. Слышался говоръ, смѣхъ, пѣніе, рѣзкіе удары бильярдныхъ шаровъ.

Ромашовъ уже взошелъ на заднее крыльцо, но вдругъ остановился, уловивъ въ столовой раздраженный и насмѣшливый голосъ капитана Сливы. Окно было въ двухъ шагахъ, и, осторожно заглянувъ въ него, Ромашовъ увидѣлъ сутуловатую спину своего ротнаго командира.

— В-вся рота идетъ, к-какъ одинъ ч-человѣкъ — ать! ать! ать! — говорилъ Слива, плавно подымая и опускаая протянутую ладонь: — а оно одно, точно насмѣхъ, — о! о! — якъ тотъ козель. — Онъ суетливо и безобразно ткнулъ нѣсколько разъ указательнымъ пальцемъ вверхъ. — Я ему п-прямо сказалъ б-безъ церемоніи: уходите-ка, п-почтеннѣйшій, въ друг-гую роту. А лучше бы вамъ и вовсе изъ п-полка уйти. Какой изъ васъ къ чорту офицеръ? Такъ, м-междометіе какое-то...

Ромашовъ зажмурилъ глаза и съежился. Ему казалось, что если онъ сейчасъ пошевелится, то всѣ сидящіе въ столовой замѣтятъ это и высунутся изъ окнѣ. Такъ простоялъ онъ минуту или двѣ. Потомъ, стараясь дышать какъ можно тише, сторбившись и спрятавъ голову въ плечи, онъ на цыпочкахъ двинулся вдоль стѣны, про-

шелъ, все ускоряя шагъ, до воротъ и, быстро перебѣжавъ освѣщенную лунной улицю, скрылся въ густой тѣни противоположнаго забора.

Ромашовъ долго кружилъ въ этотъ вечеръ по городу, держась все время тѣневыхъ сторонъ, но почти не сознавая, по какимъ улицамъ онъ идетъ. Разъ онъ остановился противъ дома Николаевыхъ, который ярко бѣлѣлъ въ лунномъ свѣтѣ, холодно, глянцеовито и странно сіяя своей зеленой металлической крышей. Улица была мертвенно-тиха, безлюдна и казалась незнакомой. Прямые четкія тѣни отъ домовъ и заборовъ рѣзко дѣлили мостовую пополамъ—одна половина была совсѣмъ черная, а другая масляно блестѣла гладкимъ, круглымъ булыжникомъ.

За темно-красными плотными занавѣсками большимъ теплымъ пятномъ просвѣчивалъ свѣтъ лампы.—«Милая, неужели ты не чувствуешь, какъ мнѣ грустно, какъ я страдаю, какъ я люблю тебя!»—прошепталъ Ромашовъ, дѣлая плачущее лицо и крѣпко прижимая обѣ руки къ груди.

Ему вдругъ пришло въ голову заставить Шурочку, чтобы она услышала и поняла его на разстояніи, сквозь стѣны комнаты. Тогда, сжавъ кулаки такъ сильно, что подъ ногтями сдѣлалось больно, сцѣпивъ судорожно челюсти, съ ощущеніемъ холодныхъ мурашекъ по всему тѣлу, онъ сталъ твердить въ умѣ, страстно напрягая всю свою волю:

«Посмотри въ окно... Подойди къ занавѣскѣ. Встань съ дивана и подойди къ занавѣскѣ. Выгляни, выгляни, выгляни. Слышишь, я тебѣ приказываю, сейчасъ же подойди къ окну!»

Занавѣски оставались неподвижными.—«Ты не слышишь меня!—съ горькимъ упрекомъ прошепталъ Ромашовъ.—Ты сидишь теперь съ нимъ рядомъ, около лампы, спокой-

ная, равнодушная, красивая. Ахъ, Боже мой, Боже, какъ я несчастливъ!»

Онъ вздохнулъ и утомленной походкой, низко опустивъ голову, побрелъ дальше.

Онъ проходилъ и мимо квартиры Назанскаго, но тамъ было темно. Ромашову, правда, почудилось, что кто-то бѣлый мелькалъ по неосвѣщенной комнатѣ мимо оконъ, но ему стало почему-то страшно, и онъ не рѣшился окликнуть Назанскаго.

Спустя нѣсколько дней Ромашовъ вспоминалъ, точно далекое, никогда не забываемое сновидѣніе, эту фантастическую, почти бредовую прогулку. Онъ самъ не могъ бы сказать, какимъ образомъ очутился онъ около еврейскаго кладбища. Оно находилось за чертой города и взбиралось на гору, обнесенное низкой бѣлой стѣной, тихое и таинственное. Изъ свѣтлой спящей травы печально подымались кверху голые, однообразные, холодные камни, бросавшіе отъ себя одинаковыя, тонкія тѣни. А надъ кладбищемъ безмолвно и строго царствовала торжественная простота уединенія.

Потомъ онъ видѣлъ себя на другомъ концѣ города. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ было во снѣ? Онъ стоялъ на серединѣ длинной, укатанной, блестящей плотины, широко пересѣкающей Бугъ. Сонная вода густо и лѣниво колыхалась подъ его ногами, мелодично хлюпая о землю, а мѣсяцъ отражался въ ея зыбкой поверхности дрожащимъ столбомъ, и казалось, что это милліоны серебряныхъ рыбокъ плещутся на водѣ, уходя узкой дорожкой къ дальнему берегу, темному, молчаливому и пустынному. И еще запомнилъ Ромашовъ, что повсюду—и на улицахъ и за городомъ—шелъ за нимъ сладкій, нѣжно-вкрадчивый ароматъ цвѣтущей бѣлой акаціи.

Странныя мысли приходили ему въ голову въ эту ночь—одинокія мысли, то печальныя, то жуткія, то ме-

лочно, по-дѣтски, смѣшныя. Чаще же всего ему, точно неопытному игроку, проигравшему въ одинъ вечеръ все состояніе, вдругъ представлялось съ соблазнительной ясностью, что вовсе ничего не было неприятнаго, что красивый подпоручикъ Ромашовъ отлично прошелся въ церемоніальномъ маршѣ передъ генераломъ, заслужилъ общія похвалы, и что онъ самъ теперь сидитъ вмѣстѣ съ товарищами въ свѣтлой столовой офицерскаго собранія и хохочетъ, и пьетъ красное вино. Но каждый разъ эти мечты обрывались воспоминаніями о брани Федоровскаго, о язвительныхъ словахъ ротнаго командира, о разговорѣ съ Николаевымъ, и Ромашовъ снова чувствовалъ себя непоправимо опозореннымъ и несчастнымъ.

Тайный, внутренній инстинктъ привелъ его на то мѣсто, гдѣ онъ разошелся сегодня съ Николаевымъ. Ромашовъ въ это время думалъ о самоубійствѣ, но думалъ безъ рѣшимости и безъ страха, съ какимъ-то скрытымъ, пріятно-самолюбивымъ чувствомъ. Обычная, неутомная фантазія растворила весь ужасъ этой мысли, украсивъ и расцвѣтивъ ее яркими картинами.

«Вотъ Гайнанъ выскочилъ изъ комнаты Ромашова. Лицо искажено испугомъ. Блѣдный, трясущійся, вбѣгаетъ онъ въ офицерскую столовую, которая полна народомъ. Всѣ невольно поднимаются съ мѣстъ при его появленіи. «Ваше высокоблагородіе... подпоручикъ... застрѣлился!..»—съ трудомъ произноситъ Гайнанъ. Общее смятеніе. Лица блѣднѣютъ. Въ глазахъ отражается ужасъ. «Кто застрѣлился? Гдѣ? Какой подпоручикъ?»—«Господа, да вѣдь это денщикъ Ромашова! — узнаетъ кто-то Гайнана. — Это его черемисъ». Всѣ бѣгутъ на квартиру, нѣкоторые безъ шапокъ. Ромашовъ лежитъ на кровати. Лужа крови на полу, и въ ней валяется револьверъ Смита и Вессона, казеннаго образца... Сквозь толпу офицеровъ, наполнившихъ маленькую комнату, съ трудомъ пробирается пол-

ковой докторъ Знойко. «Въ високъ!—произноситъ онъ тихо, среди общаго молчанія.—Все кончено». Кто-то замѣчаетъ вполголоса: «Господа, снимите же шапки!». Многіе крестятся. Вѣткинъ находитъ на столѣ записку, твердо написанную карандашомъ, и читаетъ ее вслухъ: «Прощаю всѣхъ, умираю по доброй волѣ, жизнь такъ тяжела и печальна! Сообщите поосторожнѣе матери о моей смерти. Георгій Ромашовъ». Всѣ переглядываются, и всѣ читаютъ въ глазахъ другъ у друга одну и ту же безпокойную, невысказанную мысль: «Это мы его убійцы!»

«Мѣрно покачивается гробъ подъ золотымъ парчевымъ покровомъ на рукахъ восьми товарищей. Всѣ офицеры идутъ слѣдомъ. Позади ихъ—шестая рота. Капитанъ Слива сурово хмурится. Доброе лицо Вѣткина распухло отъ слезъ, но теперь, на улицѣ, онъ сдерживаетъ себя. Лбовъ плачетъ навзрыдъ, не скрывая и не стыдясь своего горя,—милый, добрый мальчикъ! Глубокими, скорбными рыданіями несутся въ весеннемъ воздухѣ звуки похороннаго марша. Тутъ же и всѣ полковныя дамы и Шурочка. «Я его цѣловала!—думаетъ она съ отчаяніемъ.—Я его любила! Я могла бы его удержать, спасти!»—«Слишкомъ поздно!»—думаетъ въ отвѣтъ ей съ горькой улыбкой Ромашовъ.

«Тихо разговариваютъ между собой офицеры, идущіе за гробомъ. «Эхъ, какъ жаль бѣднягу! Вѣдь какой славный былъ товарищъ, какой прекрасный, способный офицеръ!.. Да... не понимали мы его!» Сильнѣе рыдаетъ похоронный маршъ: это—музыка Бетховена «На смерть героя». А Ромашовъ лежитъ въ гробу, неподвижный, холодный, съ вѣчной улыбкой на губахъ. На груди у него скромный букетъ фіалокъ,—никто не знаетъ, чья рука положила эти цвѣты. Онъ всѣхъ простилъ: и Шурочку, и Сливу, и Федоровскаго, и корпуснаго командира. Пусть

же не плачутъ о немъ. Онъ былъ слишкомъ чистъ и прекрасенъ для этой жизни! Ему будетъ лучше тамъ!»

Слезы выступили на глаза, но Ромашовъ не вытиралъ ихъ. Было такъ отрадно вообразать себя оплакиваемымъ, несправедливо обиженнымъ!

Онъ шелъ теперь вдоль свекловичнаго поля. Низкая толстая ботва пестрѣла путанными бѣлыми и черными пятнами подъ ногами. Просторъ поля, освѣщеннаго луной, точно давилъ Ромашова. Подпоручикъ взобрался на небольшой земляной валикъ и остановился надъ желѣзнодорожной выемкой.

Эта сторона была вся въ черной тѣни, а на другую падалъ ярко-блѣдный свѣтъ, и, казалось, на ней можно было рассмотреть каждую травку. Выемка уходила внизъ, какъ темная пропасть; на днѣ ея слабо блестѣли отполированные рельсы. Далеко за выемкой бѣлѣли среди поля правильные ряды остроконечныхъ палатокъ.

Немного ниже гребня выемки, вдоль полотна, шелъ неширокій уступъ. Ромашовъ спустился къ нему и сѣлъ на траву. Отъ голода и усталости онъ чувствовалъ тошноту, вмѣстѣ съ ощущеніемъ дрожи и слабости въ ногахъ. Большое пустынное поле, внизу выемка — на половину въ тѣни, наполовину въ свѣтъ, смутно-прозрачный воздухъ, росистая трава, — все было погружено въ чуткую, крадущуюся тишину, отъ которой гулко шумѣло въ ушахъ. Лишь изрѣдка на станціи вскрикивали маневрирующіе паровозы, и въ молчаніи этой странной ночи ихъ отрывистые свистки принимали живое, тревожное и угрожающее выраженіе.

Ромашовъ легъ на спину. Бѣлая, легкія облака стояли неподвижно, и надъ нами быстро катился круглый мѣсяць. Пусто, громадно и холодно было наверху, и казалось, что все пространство отъ земли до неба наполнено вѣчнымъ ужасомъ и вѣчной тоской. «Тамъ —

Богъ!»—подумалъ Ромашовъ, и вдругъ, съ найвнымъ порывомъ скорби, обиды и жалости къ самому себѣ, онъ заговорилъ страстнымъ и горькимъ шопотомъ:

— Богъ! Зачѣмъ Ты отвернулся отъ меня? Я—маленькій, я—слабый, я—песчинка, что я сдѣлалъ Тебѣ дурного, Богъ? Ты вѣдь все можешь, Ты добрый, Ты все видишь,—зачѣмъ же Ты несправедливъ ко мнѣ, Богъ?

Но ему стало страшно, и онъ зашепталъ поспѣшно и горячо:

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый, милый, прости меня, прости меня! Я не стану больше.—И онъ прибавилъ съ кроткой, обезоруживающей покорностью.— Дѣлай со мной все, что Тебѣ угодно. Я всему повинуюсь съ благодарностью.

Такъ онъ говорилъ, и въ то же время у него въ самыхъ тайникахъ души шевелилась лукаво-невинная мысль, что его терпѣливая покорность растрогаетъ и смягчитъ всевидящаго Бога, и тогда вдругъ случится чудо, отъ котораго все сегодняшнее—тягостное и непріятное—окажется лишь дурнымъ сномъ.

«Гдѣ ты ту-уть?»—сердито и торопливо закричалъ паровозъ.

А другой подхватилъ низкимъ тономъ, протяжно и съ угрозой:

«Я—ва-асъ!»

Что-то зашуршало и мелькнуло на той сторонѣ выемки, на самомъ верху освѣщеннаго откоса. Ромашовъ слегка приподнялъ голову, чтобы лучше видѣть. Что-то сѣрое, безформенное, мало похожее на человѣка, спускалось сверху внизъ, едва выдѣляясь отъ травы въ призрачно-мутномъ свѣтѣ мѣсяца. Только по движенію тѣни да по легкому шороху осыпавшейся земли можно было услѣдить за нимъ.

Вотъ оно перешло черезъ рельсы. «Кажется—сол-

дать?—мелькнула у Ромашова безпокойная догадка.—Во всякомъ случаѣ, это человѣкъ. Но такъ странно итти можетъ только лунатикъ или пьяный. Кто это?»

Сѣрый человѣкъ пересѣкъ рельсы и вошелъ въ тѣнь. Теперь стало совсѣмъ ясно видно, что это солдатъ. Онъ медленно и неуклюже взбирался наверхъ, скрывшись на нѣкоторое время изъ поля зрѣнія Ромашова. Но прошло двѣ-три минуты, и снизу начала медленно подыматься круглая стриженная голова безъ шапки.

Мутный свѣтъ прямо падалъ на лицо этого человѣка, и Ромашовъ узналъ лѣвофланговаго солдата своей полуроты—Хлѣбникова. Онъ шелъ съ обнаженной головой, держа шапку въ рукѣ, со взглядомъ, безжизненно устремленнымъ впередъ. Казалось, онъ двигался подъ вліяніемъ какой-то чужой, внутренней, таинственной силы. Онъ прошелъ такъ близко около офицера, что почти коснулся его полой своей шинели. Въ зрачкахъ его глазъ яркими, острыми точками отражался лунный свѣтъ.

— Хлѣбниковъ! Ты?—окликнулъ его Ромашовъ.

— Ахъ!—вскрикнулъ солдатъ и вдругъ, остановившись, весь затрепеталъ на одномъ мѣстѣ отъ испуга.

Ромашовъ быстро поднялся. Онъ увидѣлъ передъ собой мертвое, истерзанное лицо, съ разбитыми, опухшими, окровавленными губами, съ заплывшимъ отъ синяка глазомъ. При ночномъ невѣрномъ свѣтѣ слѣды побоевъ имѣли зловѣщій, преувеличенный видъ. И, глядя на Хлѣбникова, Ромашовъ подумалъ: «Вотъ этотъ самый человѣкъ вмѣстѣ со мной принесъ сегодня неудачу всему полку. Мы одинаково несчастны».

— Куда ты, голубчикъ? Что съ тобой?—спросилъ ласково Ромашовъ и, самъ не зная зачѣмъ, положилъ обѣ руки на плечи солдату.

Хлѣбниковъ поглядѣлъ на него растеряннымъ, дикимъ взоромъ, но тотчасъ же отвернулся. Губы его чмокнули,

медленно раскрылись, и изъ нихъ вырвалось короткое, бессмысленное хрипѣніе. Тупое, раздражающее ощущеніе, похожее на то, которое предшествуетъ обмороку, похожее на приторную щекотку, тягуче заняло въ груди и въ животѣ у Ромашова.

— Тебя били? Да? Ну, скажи же. Да? Сядь здѣсь, сядь со мною.

Онъ потянулъ Хлѣбникова за рукавъ внизъ. Солдатъ, точно складной манекенъ, какъ-то нелѣпо-легко и послушно упалъ на мокрую траву, рядомъ съ подпоручикомъ.

— Куда ты шелъ?—спросилъ Ромашовъ.

Хлѣбниковъ молчалъ, сидя въ неловкой позѣ съ неестественно выпрямленными ногами. Ромашовъ видѣлъ, какъ его голова постепенно, едва замѣтными толчками опускалась на грудь. Опять послышался подпоручику короткій хриплый звукъ, и въ душѣ у него шевельнулась жуткая жалость.

— Ты хотѣлъ убѣжать? Надѣнь же шапку. Послушай, Хлѣбниковъ, я теперь тебѣ не начальникъ, я самъ—несчастный, одинокій, убитый человекъ. Тебѣ тяжело? Больно? Поговори же со мной откровенно. Можетъ-быть, ты хотѣлъ убить себя?—спрашивалъ Ромашовъ безсвязнымъ шопотомъ.

Что-то щелкнуло и забурчало въ горлѣ у Хлѣбникова, но онъ продолжалъ молчать. Въ то же время Ромашовъ замѣтилъ, что солдатъ дрожить частой, мелкой дрожью: дрожала его голова, дрожали съ тихимъ стукомъ челюсти. На секунду офицеру сдѣлалось страшно. Эта бессонная лихорадочная ночь, чувство одиночества, ровный, матовый, неживой свѣтъ луны, чернѣющая глубина выемки подъ ногами, и рядомъ съ нимъ молчаливый, обезумѣвшій отъ побоевъ солдатъ — все, все представилось ему какимъ-то нелѣпымъ, мучительнымъ сновидѣ-

ніемъ, въ родѣ тѣхъ сновъ, которые, должно-быть, будутъ сниться людямъ въ самые послѣдніе дни міра. Но вдругъ приливъ теплаго, самозабвеннаго, безконечнаго состраданія охватилъ его душу. И, чувствуя свое личное горе маленькимъ и пустячнымъ, чувствуя себя взрослымъ и умнымъ въ сравненіи съ этимъ забитымъ, затравленнымъ человекомъ, онъ нѣжно и крѣпко обнялъ Хлѣбникова за шею, притянулъ къ себѣ и заговорилъ горячо, со страстной убѣдительностью:

— Хлѣбниковъ, тебѣ плохо? И мнѣ нехорошо, голубчикъ, мнѣ тоже нехорошо, повѣрь мнѣ. Я ничего не понимаю изъ того, что дѣлается на свѣтѣ. Все—какая-то дикая, бессмысленная, жестокая чепуха! Но надо терпѣть, мой милый, надо терпѣть... Это надо.

Низко склоненная голова Хлѣбникова вдругъ упала на колѣни Ромашову. И солдатъ, цѣпко обвивъ руками ноги офицера, прижавшись къ нимъ лицомъ, затрясся всѣмъ тѣломъ, задыхаясь и корчась отъ подавляемыхъ рыданій.

— Не могу больше... — лепеталъ Хлѣбниковъ безсвязно:—не могу я, баринъ, больше... Охъ, Господи... Бьютъ, смѣются... взводный денегъ просить, отдѣленный кричитъ... Гдѣ взять? Животъ у меня надорванный... еще мальчонкомъ надорвалъ... Кила у меня, баринъ. Охъ, Господи, Господи!

Ромашовъ близко нагнулся надъ головой, которая иступленно моталась у него на колѣняхъ. Онъ услышалъ запахъ грязнаго, нездороваго тѣла и немыхъ волосъ и прокислый запахъ шинели, которой покрывались во время сна. Безконечная скорбь, ужасъ, непониманіе и глубокая, виноватая жалость переполнили сердце офицера и до боли сжали и стѣснили его. И, тихо склоняясь къ стриженной, колючей, грязной головѣ, онъ прошепталъ чуть слышно:

— Братъ мой!

Хлѣбниковъ схватилъ руку офицера, и Ромашовъ почувствовалъ на ней, вмѣстѣ съ теплыми каплями слезъ, холодное и липкое прикосновеніе чужихъ губъ. Но онъ не отнималъ своей руки и говорилъ простыя, трогательныя, успокоительныя слова, какія говоритъ взрослый обиженному ребенку.

Потомъ онъ самъ отвелъ Хлѣбникова въ лагерь. Пришлось вызывать дежурнаго по ротѣ унтеръ-офицера Шаповаленку. Тотъ вышелъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, зѣвая, щурясь и почесывая себѣ то спину, то животъ.

Ромашовъ приказалъ ему сейчасъ же смѣнить Хлѣбникова съ дневальства. Шаповаленко пробовалъ-было возражать:

— Такъ что, ваше благородіе, имъ еще не подошла смѣна!..

— Не разговаривать!—крикнулъ на него Ромашовъ.— Скажешь завтра ротному командиру, что я такъ приказалъ... Такъ ты придешь завтра ко мнѣ?—спросилъ онъ Хлѣбникова, и тотъ молча отвѣтилъ ему робкимъ, благодарнымъ взглядомъ.

Медленно шелъ Ромашовъ вдоль лагеря, возвращаясь домой. Шопотъ въ одной изъ палатокъ заставилъ его остановиться и прислушаться. Кто-то полузадушеннымъ тягучимъ голосомъ рассказывалъ сказку:

— Во-отъ посылаетъ той самый чортъ до того солдата самага свово главнаго вовшебника. Вотъ приходитъ той вовшебникъ и говѣритъ: «Солдаты, а солдаты, я тебя зѣмъ!» А солдатъ ему отвѣчаетъ и повѣритъ: «Ни, ты меня не можешь зѣсть, такъ что я и самъ вовшебникъ!»

Ромашовъ опять подошелъ къ выемкѣ. Чувство нелѣпости, сумбурности, непонятности жизни угнетало его. Остановившись на откосѣ, онъ поднялъ глаза вверхъ,

къ небу. Тамъ попрежнему былъ холодный просторъ и безконечный ужасъ. И почти неожиданно для самого себя, поднявъ кулаки надъ головою и потрясая ими, Ромашовъ закричалъ бѣшено:

— Ты! Старый обманщикъ! Если ты что-нибудь можешь и смѣешь, то... ну, вотъ: сдѣлай такъ, чтобы я сейчасъ сломалъ себѣ ногу.

Онъ стремглавъ, закрывши глаза, бросился внизъ съ крутого откоса, двумя скачками перепрыгнулъ рельсы и, не останавливаясь, однимъ духомъ взобрался наверхъ. Ноздри у него раздулись, грудь порывисто дышала. Но въ душѣ у него вдругъ вспыхнула гордая, дерзкая и злая отвага.

XVII.

Съ этой ночи въ Ромашовѣ произошелъ глубокой душевный надломъ. Онъ сталъ уединяться отъ общества офицеровъ, обѣдалъ большею частью дома, совсѣмъ не ходилъ на танцевальныя вечера въ собраніе и пересталъ пить. Онъ точно созрѣлъ, сдѣлался старше и серьезнѣе за послѣдніе дни, и самъ замѣчалъ это по тому грустному и ровному спокойствію, съ которымъ онъ теперь относился къ людямъ и явленіямъ. Нерѣдко по этому поводу вспоминались ему чьи-то давнымъ-давно слышанныя или читанныя имъ смѣшныя слова, что человѣческая жизнь раздѣляется на какіе-то «люстры»—въ каждомъ люстрѣ по семи лѣтъ—и что въ теченіе одного люстра совершенно мѣняется у человѣка составъ его крови и тѣла, его мысли, чувства и характеръ. А Ромашову недавно окончился 21-й годъ.

Солдатъ Хлѣбниковъ зашелъ къ нему, но лишь по второму напоминанію. Потомъ онъ сталъ заходить чаще. Первое время онъ напоминалъ своимъ видомъ голод-

ную, спаршившую, много битую собаку, пугливо отскакивающую отъ руки, протянутой съ лаской. Но вниманіе и доброта офицера понемногу согрѣли и оттаяли его сердце. Съ совѣстливой и виноватой жалостью узнавалъ Ромашовъ подробности о его жизни. Дома—мать съ пьяницей-отцомъ, съ полудиотомъ-сыномъ и съ четырьмя малолѣтними дѣвчонками; землю у нихъ насильно и несправедливо отобралъ міръ; всѣ ютятся гдѣ-то въ выморочной избѣ изъ милости того же міра; старшіе работаютъ у чужихъ людей, младшіе ходятъ побираться. Денегъ изъ дома Хлѣбниковъ не получаетъ, а на вольныя работы его не берутъ по слабосилію. Безъ денегъ же, хоть самыхъ маленькихъ, тяжело живется въ солдатахъ: нѣтъ ни чаю ни сахару, не на что купить даже мыла, необходимо время отъ времени угощать взводнаго и отдѣленнаго водкой въ солдатскомъ буфетѣ, все солдатское жалованье — 22¹/₂ к. въ мѣсяць—идеть на подарки этому начальству. Бьютъ его каждый день, смѣются надъ нимъ, издѣваются, назначаютъ не въ очередь на самыя тяжелыя и непріятныя работы.

Съ удивленіемъ, съ тоской и ужасомъ начиналъ Ромашовъ понимать, что судьба ежедневно и тѣсно сталкиваетъ его съ сотнями этихъ сѣрыхъ Хлѣбниковыхъ, изъ которыхъ каждый болѣетъ своимъ горемъ и радуется своимъ радостямъ, но что всѣ они обезличены и придавлены собственнымъ невѣжествомъ, общимъ рабствомъ, начальническимъ равнодушіемъ, произволомъ и насиліемъ. И ужаснѣе всего была мысль, что ни одинъ изъ офицеровъ, какъ до сихъ поръ и самъ Ромашовъ, даже и не подозрѣваетъ, что сѣрые Хлѣбниковы съ ихъ однообразно-покорными и обезсмысленными лицами—на самомъ дѣлѣ живые люди, а не механическія величины, называемыя ротой, батальономъ, полкомъ...

Ромашовъ кое-что сдѣлалъ для Хлѣбникова, чтобы

доставить ему маленькій заработокъ. Въ ротъ замѣтили это необычайное покровительство офицера солдату. Часто Ромашовъ замѣчалъ, что въ его присутствіи унтеръ-офицеры обращались къ Хлѣбникову съ преувеличенной, насмѣшливой вѣжливостью и говорили съ нимъ нарочно слащавыми голосами. Кажется, объ этомъ зналъ и капитанъ Слива. По крайней мѣрѣ онъ иногда ворчалъ, обращаясь въ пространство:

— От-тъ из-звольте. Либералы п-пошли. Развращаютъ роту. Ихъ д-драть, подлецовъ, надо, а они с-сюсюкаютъ съ ними.

Теперь, когда у Ромашова оставалось больше свободы и уединенія, все чаще и чаще приходили ему въ голову непривычныя, странныя и сложныя мысли, въ родѣ тѣхъ, которыя такъ потрясли его мѣсяць тому назадъ, въ день его ареста. Случалось это обыкновенно послѣ службы, въ сумерки, когда онъ тихо бродилъ въ саду, подъ густыми засыпающими деревьями, и, одинокій, тоскующій; прислушивался къ гудѣнію вечернихъ жуковъ и глядѣлъ на спокойное, розовое, темнѣющее небо.

Эта новая внутренняя жизнь поражала его своей многообразностью. Раньше онъ не смѣлъ и подозрѣвать, какія радости, какая мощь и какой глубокій интересъ скрываются въ такой простой, обыкновенной вещи, какъ человѣческая мысль.

Онъ уже зналъ теперь твердо, что не останется служить въ арміи и непременно уйдетъ въ запасъ, какъ только минуютъ три обязательныхъ года, которые ему надлежало отбыть за образованіе въ военномъ училищѣ. Но онъ никакъ не могъ себѣ представить, что онъ будетъ дѣлать, ставши штатскимъ. Поочередно онъ перебиралъ: акцизъ, желѣзную дорогу, коммерцію, думалъ быть управляющимъ имѣніемъ, поступить въ департаментъ. И тутъ впервые онъ съ изумленіемъ представилъ

себѣ все разнообразіе занятій и профессій, которымъ отдаются люди. «Откуда берутся,—думалъ онъ:—разныя смѣшныя, чудовищныя, нелѣпыя и грязныя специальности? Какимъ, на примѣръ, путемъ вырабатываетъ жизнь тюремщиковъ, акробатовъ, мозольныхъ операторовъ, палачей, золотарей, собачьихъ цирюльниковъ, жандармовъ, фокусниковъ, проститутокъ, банщиковъ, коноваловъ, могильщиковъ, педелей? Или, можетъ-быть, нѣтъ ни одной даже самой пустой, случайной, капризной, насильственной или порочной человѣческой выдумки, которая не нашла бы тотчасъ же исполнителя и слуги?»

Также поражало его,—когда онъ вдумывался поглубже,—то, что огромное большинство интеллигентныхъ профессій основано исключительно на недоверіи къ человѣческой честности и такимъ образомъ обслуживаетъ человѣческіе пороки и недостатки. Иначе къ чему были бы повсюду необходимы конторщики, бухгалтеры, чиновники, полиція, таможня, контролеры, инспекторы и надсмотрщики—если бы человечество было совершенно?

Онъ думалъ также о священникахъ, докторахъ, педагогахъ, адвокатахъ и судьяхъ—обо всѣхъ этихъ людяхъ, которымъ, по роду ихъ занятій, приходится постоянно соприкасаться съ душами, мыслями и страданіями другихъ людей. И Ромашовъ съ недоумѣніемъ приходилъ къ выводу, что люди этой категоріи скорѣе другихъ черствѣютъ и опускаются, погружаясь въ халатность, въ холодную и мертвую формалистику, въ привычное и постыдное равнодушіе. Онъ зналъ, что существуетъ и еще одна категорія—устроителей внѣшняго, земного благополучія: инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, фабриканты, заводчики. Но они, которые могли бы общими усиліями сдѣлать человѣческую жизнь изумительно прекрасной и удобной,—они служатъ только богатству. Надъ всѣми ими тяготѣетъ страхъ за свою шкуру, животная любовь

къ своимъ дѣтенышамъ и къ своему логовищу, боязнь жизни и отсюда трусливая привязанность къ деньгамъ. Кто же наконецъ устроить судьбу забитаго Хлѣбникова, накормить, выучить его и скажетъ ему: «Дай мнѣ твою руку, братъ».

Такимъ образомъ Ромашовъ неувѣренно, чрезвычайно медленно, но все глубже и глубже вдумывался въ жизненные явленія. Прежде все казалось такимъ простымъ. Миръ раздѣлялся на двѣ неравныя части: одна—меньшая—офицерство, которое окружаетъ честь, сила, власть, волшебное достоинство мундира и вмѣстѣ съ мундиромъ почему-то и патентованная храбрость, и физическая сила, и высокомерная гордость; другая—огромная и безличная—штатскіе, иначе—шпаки, штафирки и рябчики; ихъ презирали; считалось молодечествомъ изругать или побить ни съ того ни съ сего штатскаго человѣка, потушить объ его носѣ зажженную папироску, надвинуть ему на уши цилиндръ; о такимъ подвигахъ еще въ училищѣ рассказывали другъ другу съ восторгомъ желторотые юнкера. И вотъ теперь, отходя какъ будто въ сторону отъ дѣйствительности, глядя на нее откуда-то, точно изъ потайного угла, изъ щелочки, Ромашовъ начиналъ понемногу понимать, что вся военная служба, съ ея прозрачной доблестью, создана жестокимъ, позорнымъ всечеловѣческимъ недоразумѣніемъ. «Какимъ образомъ можетъ существовать сословіе,—спрашивалъ самъ себя Ромашовъ:—которое въ мирное время, не принося ни одной крошечки пользы, поѣдаетъ чужой хлѣбъ и чужое мясо, одѣвается въ чужія одежды, живетъ въ чужихъ домахъ, а въ военное время—идетъ безсмысленно убивать и калѣчить такихъ же людей, какъ они сами?»

И все яснѣй и яснѣй становилась для него мысль, что существуютъ только три гордыхъ призванія человѣка: наука, искусство и свободный физическій трудъ. Съ но-

вой силой возобновились мечты о литературной работѣ. Иногда, когда ему приходилось читать хорошую книгу, проникнутую истиннымъ вдохновеніемъ, онъ мучительно думалъ: «Боже мой, вѣдь это такъ просто, я самъ это думалъ и чувствовалъ. Вѣдь и я могъ бы сдѣлать то же самое!» Его тянуло написать повѣсть или большой романъ, канвой къ которому послужили бы ужасъ и скука военной жизни. Въ умѣ все складывалось отлично, — картины выходили яркія, фігуры живыя, фабула развивалась и укладывалась въ прихотливо-правильный узоръ, и было необычайно весело и занимательно думать объ этомъ. Но, когда онъ принимался писать, выходило блѣдно, по-дѣтски вяло, неуклюже, напыщенно или шаблонно. Пока онъ писалъ, — горячо и быстро, — онъ самъ не замѣчалъ этихъ недостатковъ, но стоило ему рядомъ съ своими страницами прочитать хоть маленькій отрывокъ изъ великихъ русскихъ творцовъ, какъ имъ овладѣвали бессильное отчаяніе, стыдъ и отвращеніе къ своему искусству.

Съ такими мыслями онъ часто бродилъ теперь по городу въ теплыя ночи конца мая. Незамѣтно для самого себя онъ избиралъ все одну и ту же дорогу — отъ еврейскаго кладбища до плотины и затѣмъ къ желѣзнодорожной насыпи. Иногда случалось, что, увлеченный этой новой для него страстной головной работой, онъ не замѣчалъ пройденнаго пути, и вдругъ, приходя въ себя и точно просыпаясь, онъ съ удивленіемъ видѣлъ, что находится на другомъ концѣ города.

И каждую ночь онъ проходилъ мимо оконъ Шурочки, проходилъ по другой сторонѣ улицы, крадучись, сдерживая дыханіе, съ бьющимся сердцемъ, чувствуя себя такъ, какъ будто онъ совершаетъ какое-то тайное, постыдное воровское дѣло. Когда въ гостиной у Николаевыхъ тушили лампу, и тускло блестѣли отъ мѣсяца чер-

ныя стекла оконъ, онъ притаивался около забора, прижималъ крѣпко къ груди руки и говорилъ умоляющимъ шопотомъ:
— Спи, моя прекрасная, спи, любовь моя. Я—возлѣ, я стерегу тебя!

Въ эти минуты онъ чувствовалъ у себя на глазахъ слезы, но въ душѣ его, вмѣстѣ съ нѣжностью, съ умиле-ніемъ и съ самоотверженной преданностью, вращалась слѣпая животная ревность созрѣвшаго самца.

Однажды Николаевъ былъ приглашенъ къ командиру полка на винтъ. Ромашовъ зналъ это. Ночью, идя по улицѣ, онъ услышалъ за чьимъ-то заборомъ, изъ сада-садника, пряный и страстный запахъ нарциссовъ. Онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ и въ темнотѣ нарвалъ съ грядки, перепачкавъ руки въ сырой землѣ, цѣлую охапку этихъ бѣлыхъ, нѣжныхъ, мокрыхъ цвѣтовъ.

Окно въ Шурочкиной спальнѣ было открыто; оно выходило во дворъ и было не освѣщено. Со смѣлостью, которой онъ самъ отъ себя не ожидалъ, Ромашовъ проскользнулъ въ скрипучую калитку, подошелъ къ стѣнѣ и бросилъ цвѣты въ окно. Ничто не шелохнулось въ комнатѣ. Минуты три Ромашовъ стоялъ и ждалъ, и бѣшеніе его сердца наполняло стукомъ всю улицу. Потомъ, съежившись, краснѣя отъ стыда, онъ на цыпочкахъ вышелъ на улицу.

На другой день онъ получилъ отъ Шурочки короткую сердитую записку:

«Не смѣйте никогда больше этого дѣлать. Нѣжности во вкусѣ Ромео и Джульетты смѣшны, особенно если онѣ происходятъ въ нѣхотномъ армейскомъ полку».

Днемъ Ромашовъ старался, хоть издали, увидать ее на улицѣ, но этого почему-то не случалось. Часто, увидавъ издали женщину, которая фигурой, походкой, шляпкой напоминала ему Шурочку, онъ бѣжалъ за ней со стѣсненнымъ сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ,

чувствуя, какъ у него руки отъ волненія дѣлаются холодными и влажными. И каждый разъ, замѣтивъ свою ошибку, онъ ощущалъ въ душѣ скуку, одиночество и какую-то мертвую пустоту.

XVIII.

Въ самомъ концѣ мая въ ротѣ капитана Осадчаго повѣсился молодой солдатъ и, по странному расположенію судьбы, повѣсился въ то же самое число, въ которое въ прошломъ году произошелъ въ этой ротѣ такой же случай. Когда его вскрывали, Ромашовъ былъ помощникомъ дежурнаго по полку и поневолѣ вынужденъ былъ присутствовать при вскрытіи. Солдатъ еще не успѣлъ разложиться. Ромашовъ слышалъ, какъ изъ его развороченнаго на куски тѣла шелъ густой запахъ сырого мяса, точно отъ тушъ, которыя выставляютъ при входѣ въ мясныя лавки. Онъ видѣлъ его сѣрыя и синія ослизлыя глянцовитыя внутренности, видѣлъ содержимое его желудка, видѣлъ его мозгъ—сѣро-желтый, весь въ извилинахъ, вздрагивавшій на столѣ отъ шаговъ, какъ желе, перевернутое изъ формы. Все это было ново, страшно и противно и въ то же время вселяло въ него какое-то безгливое неуваженіе къ человѣку.

Изрѣдка, время отъ времени, въ полку наступали дни какого-то общаго, повальнаго, безобразнаго кутежа. Можетъ-быть, это случалось въ тѣ странные моменты, когда люди, случайно между собой связанные, но всѣ вмѣстѣ осужденные на скучную бездѣятельность и бессмысленную жестокость, вдругъ прозрѣвали въ глазахъ другъ у друга, тамъ, далеко, въ запутанномъ и угнетенномъ сознаніи, какую-то таинственную искру ужаса, тоски и безумія. И тогда спокойная, сытая, какъ у племенныхъ быковъ, жизнь точно выбрасывалась изъ своего русла.

Такъ случилось и послѣ этого самоубійства. Первымъ началъ Осадчій. Какъ разъ подошло нѣсколько дней праздниковъ подъ рядъ, и онъ въ теченіе ихъ велъ въ собраніи отчаянную игру и страшно много пилъ. Странно: огромная воля этого большого, сильнаго и хищнаго, какъ звѣрь, человѣка увлекла за собой весь полкъ въ какую-то вертящуюся книзу воронку, и во все время этого стихійнаго, припадочнаго кутежа Осадчій съ цинизмомъ, съ наглымъ вызовомъ, точно ища отпора и возраженія, поносилъ скверными словами имя самоубійцы.

Было шесть часовъ вечера. Ромашовъ сидѣлъ съ ногами на подоконникѣ и тихо насвистывалъ вальсъ изъ «Фауста». Въ саду кричали воробьи и стрекотали сороки. Вечеръ еще не наступилъ, но между деревьями уже бродили легкія задумчивыя тѣни.

Вдругъ у крыльца его дома чей-то голосъ запѣлъ громко, съ воодушевленіемъ, но фальшиво:

Бѣсятся кони, бречать мундштуками,
Пѣняются, рвутся, храпя-а-ать...

Съ грохотомъ распахнулись обѣ входныя двери, и въ комнату ввалился Вѣткинъ. Съ трудомъ удерживая равновѣсіе, онъ продолжалъ пѣть:

Барыни, барышни взоромъ отчаяннымъ
Вслѣдъ уходящимъ глядятъ.

Онъ былъ пьянъ, тяжело, угарно, со вчерашняго. Вѣчки глазъ отъ безсонной ночи у него покраснѣли и набрякли. Шапка сидѣла на затылкѣ. Усы, еще мокрые, потемнѣли и висѣли внизъ двумя густыми сосульками, точно у моржа.

— Р-ромуальдъ! Анахоретъ сирійскій, дай я тебя лобзну!—завопилъ онъ на всю комнату.—Ну, чего ты киснешь? Пойдемъ, братъ. Тамъ весело: играютъ, поютъ. Пойдемъ!

Онъ крѣпко и продолжительно поцѣловалъ Ромашова въ губы, смочивъ его лицо своими усами.

— Ну, будетъ, будетъ, Павелъ Павловичъ, — слабо сопротивлялся Ромашовъ: — къ чему телячьи восторги?

— Другъ, руку твою! Институтка. Люблю въ тебѣ я прошлое страданье и юность улетѣвшую мою. Сейчасъ Осадчій такую вѣчную память вывелъ, что стекла задребезжали. Ромашевичъ, люблю я, братецъ, тебя! Дай я тебя поцѣлую, по-настоящему, по-русски, въ самыя губы.

Ромашову было противно опухшее лицо Вѣткина съ остеклянѣвшими глазами, былъ гадокъ запахъ, шедшій изъ его рта, прикосновеніе его мокрыхъ губъ и усовъ. Но онъ былъ всегда въ этихъ случаяхъ беззащитенъ и теперь только дѣлanno и вяло улыбался.

— Постой, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ?.. — кричалъ Вѣткинъ, икая и пошатываясь. — Что-то было важное... А, вотъ зачѣмъ. Ну, братъ, и выставилъ же я Бобетинскаго. Понимаешь — все до тла, до копеечки. Дошло до того, что онъ проситъ играть на запись! Ну, ужъ я тутъ ему говорю: «Нѣтъ ужъ, батенька, это атанде-съ, не хотите ли чего-нибудь помягче-съ?» Тутъ онъ ставитъ револьверъ. На-ка вотъ, Ромашенко, погляди. — Вѣткинъ вытацилъ изъ брюкъ, выворотивъ при этомъ карманъ наружу, маленькій изящный револьверъ въ сѣромъ замшевомъ чехлѣ. — Это, братъ, системы Мервина. Я спрашиваю: во сколько ставишь? — Двадцать пять. — Десять! — Пятнадцать. — Ну, чортъ съ тобой! Поставилъ онъ рубль въ цвѣтъ и въ масть въ круглую. Баць, баць, баць, баць! — На пятомъ абцугѣ я его даму — чикъ! Здравствуйте, сто гусей. За нимъ еще что-то осталось. Великолѣпный револьверъ и патроны къ нему. На тебѣ, Ромашевичъ. Въ знакъ памяти и дружбы нѣжной дарю тебѣ сей револьверъ, и помни всегда прилежно, какой Вѣткинъ — храбрый офицеръ. На! Это стихи.

— Зачѣмъ это, Павелъ Павловичъ? Спрячьте.

— Что, ты думаешь, плохой револьверъ? Слона можно убить. Постой, мы сейчасъ попробуемъ. Гдѣ у тебя помѣщается твой рабъ? Я пойду, спрошу у него какую-нибудь доску. Эй, р-р-рабъ! Оруженосецъ!

Колеблющимися шагами онъ вышелъ въ сѣни, гдѣ обыкновенно помѣщался Гайнàнъ, повозился тамъ немного и черезъ минуту вернулся, держа подъ правымъ локтемъ за голову бюсть Пушкина.

— Будетъ, Павелъ Павловичъ, не стòить, — слабо останавливалъ его Ромашовъ.

— Э, чепуха! Какой-то шпакъ. Вотъ мы его сейчасъ поставимъ на табуретку. Стой смирно, каналья! — погрозился Вѣткинъ пальцемъ на бюсть. — Слышишь? Я тебѣ задамъ!

Онъ отошелъ въ сторону, прилонился къ подоконнику рядомъ съ Ромашовымъ и взвелъ курокъ. Но при этомъ онъ такъ нелѣпо, такими пьяными движеніями размахивалъ револьверомъ въ воздухъ, что Ромашовъ только испуганно морщился и часто моргалъ глазами, ожидая нечаяннаго выстрѣла.

Разстояніе было не болѣе восьми шаговъ. Вѣткинъ долго цѣлился, кружа дуломъ въ разныя стороны. Наконецъ онъ выстрѣлилъ, и на бюстѣ, на правой щекѣ, образовалась большая, неправильная черная дыра. Въ ушахъ у Ромашова зазвенѣло отъ выстрѣла.

— Видалъ миндаль? — закричалъ Вѣткинъ. — Ну, такъ вотъ, нà тебѣ, береги на память и помни мою любовь. А теперь надѣвай китель и айда въ собраніе. Дернемъ во славу русскаго оружія.

— Павелъ Павловичъ, право жъ, не стòить, право же, лучше не нужно, — бессильно умолялъ его Ромашовъ.

Но онъ не сумѣлъ отказаться: не находилъ для этого ни рѣшительныхъ словъ, ни крѣпкихъ интонацій въ го-

лосѣ. И, мысленно браня себя за тряпичное безволие, онъ вяло поплелся за Вѣткинымъ, который нетвердо, зигзагами шагаль вдоль огородныхъ грядокъ, по огурцамъ и капустѣ.

Это былъ беспорядочный, шумный, угарный—поистинѣ сумасшедшій вечеръ. Сначала пили въ собраніи, потомъ поѣхали на вокзалъ пить гинтвейнъ, потомъ опять вернулись въ собраніе. Сначала Ромашовъ стѣснялся, догадывалъ на самого себя за уступчивость и испытывалъ то нудное чувство брезгливости и неловкости, которое ощущаетъ всякій свѣжій человекъ въ обществѣ пьяныхъ. Смѣхъ казался ему неестественнымъ, остроты—плоскими, пѣніе—фальшивымъ. Но красное горячее вино, выпитое имъ на вокзалѣ, вдругъ закружило его голову и наполнило ее шумнымъ и какимъ-то судорожнымъ весельемъ. Передъ глазами стала сѣрая завѣса изъ миллионовъ дрожащихъ песчинокъ, и все сдѣлалось удобно, смѣшно и понятно.

Часъ за часомъ пробѣгали какъ секунды, и только по тому, что въ столовой зажгли лампы, Ромашовъ смутно понималъ, что прошло много времени и наступила ночь.

— Господа, поѣдемте къ дѣвочкамъ, — предложилъ кто-то.—Поѣдемте всѣ къ Шлейфершѣ.

— Къ Шлейфершѣ, къ Шлейфершѣ. Ура!

И всѣ засуетились, загрохотали стульями, засмѣялись. Въ этотъ вечеръ все дѣлалось какъ-то само собой. У воротъ собранія уже стояли пароконные фаэтоны, но никто не зналъ, откуда они взялись. Въ сознаніи Ромашова уже давно появились черные сонные провалы, чередовавшіеся съ моментами особенно яркаго обостреннаго пониманія. Онъ вдругъ увидѣлъ себя сидящимъ въ экипажѣ рядомъ съ Вѣткинымъ. Впереди на скамейкѣ помещался кто-то третій, но лица его Ромашовъ никакъ не

могъ ночью разсмотрѣть, хотя и наклонялся къ нему, безсильно мотаясь туловищемъ влѣво и вправо. Лицо это казалось темнымъ и то суживалось въ кулачокъ, то растягивалось въ косомъ направленіи и было удивительно знакомо. Ромашовъ вдругъ засмѣялся и самъ точно со стороны услыхалъ свой тупой, деревянный смѣхъ.

— Врешь, Вѣткинъ, я знаю, братъ, куда мы ѣдемъ,— сказалъ онъ съ пьянымъ лукавствомъ.— Ты, братъ, меня везешь къ женщинамъ. Я, братъ, знаю.

Ихъ перегналъ, оглушительно стуча по камнямъ, другой экипажъ. Быстро и сумбурно промелькнули въ свѣтѣ фонарей гнѣдая лошади, скакавшія нестройнымъ карьеромъ, кучеръ, неистово вертѣвшій надъ головой клутомъ, и четыре офицера, которые съ крикомъ и свистомъ качались на своихъ сидѣньяхъ.

Сознаніе на минуту съ необыкновенной яркостью и точностью вернулось къ Ромашову. Да, вотъ онъ ѣдетъ въ то мѣсто, гдѣ нѣсколько женщинъ отдаютъ кому угодно свое тѣло, свои ласки и великую тайну своей любви. За деньги? На минуту? Ахъ, не все ли равно! Женщины! Женщины!—кричалъ внутри Ромашова какой-то дикій и сладкій, нетерпѣливый голосъ. Примѣшивалась къ нему, какъ отдаленный, чуть слышный звукъ, мысль о Шурочкѣ, но въ этомъ совпаденіи не было ничего низкаго, оскорбительнаго, а, наоборотъ, было что-то отрадное, ожидаемое, волнующее, отъ чего тихо и пріятно щеко-тало въ сердцѣ.

Вотъ онъ сейчасъ пріѣдетъ къ нимъ, еще неизвѣстнымъ, еще ни разу невиданнымъ, къ этимъ страннымъ, таинственнымъ, плѣнительнымъ существамъ—къ женщинамъ! И сокровенная мечта сразу станетъ явью, и онъ будетъ смотрѣть на нихъ, брать ихъ за руки, слушать ихъ нѣжный смѣхъ и пѣніе, и это будетъ непонятнымъ, но радостнымъ утѣшеніемъ въ той страстной жаждѣ, съ

которой онъ стремится къ одной женщинѣ въ мірѣ, къ ней, къ Шурочкѣ! Но въ мысляхъ его не было никакой опредѣленно-чувственной цѣли, — его, отвергнутаго одной женщиной, властно, стихійно тянуло въ сферу этой неприкрытой, откровенной, упрощенной любви, какъ тянетъ въ холодную ночь на огонь маяка усталыхъ и иззябшихъ перелетныхъ птицъ. И больше ничего.

Лошади повернули направо. Сразу прекратился стукъ колесъ и дребезжаніе гаекъ. Экипажъ сильно и мягко заколебался на колеяхъ и выбоинахъ, круто спускаясь подъ горку. Ромашовъ открылъ глаза. Глубоко внизу подъ его ногами, широко и въ безпорядкѣ разбросались маленькіе огоньки. Они то ныряли за деревья и невидимые дома, то опять выскакивали наружу, и казалось, что тамъ, по долину, бродитъ большая, разбившаяся толпа, какая-то фантастическая процессія съ фонарями въ рукахъ. На мигъ откуда-то пахнуло тепломъ и запахомъ полыни, большая темная вѣтка зашелестѣла по головамъ, и тотчасъ же потянуло сырымъ холодомъ, точно дыханіемъ стараго погреба.

— Куда мы ѣдемъ? — спросилъ опять Ромашовъ.

— Въ Завалье! — крикнулъ сидѣвшій впереди, и Ромашовъ съ удивленіемъ подумалъ: «Ахъ, да, вѣдь это поручикъ Епифановъ. Мы ѣдемъ къ Шлейфершѣ».

— Неужели вы ни разу не были? — спросилъ Вѣткинъ.

— Убирайтесь вы оба къ чорту! — крикнулъ Ромашовъ. Но Епифановъ смѣялся и говорилъ:

— Послушайте, Юрій Алексѣичъ, хотите, мы шепнемъ, что вы въ первый разъ въ жизни? А? Ну, миленькій, ну, душечка. Онѣ это любятъ. Чтò вамъ стòить?

Опять сознаніе Ромашова заволочлось плотнымъ, непроницаемымъ мракомъ. Сразу, точно безъ малѣйшаго перерыва, онъ увидѣлъ себя въ большой залѣ съ паркетнымъ поломъ и съ вѣнскими стульями вдоль всѣхъ стѣнъ.

Надъ входной дверью и надъ тремя другими дверьми, ведущими въ темныя каморки, висѣли длинныя ситцевыя портьеры, красныя, въ желтыхъ букетахъ. Такія же занавѣски слабо надувались и колыхались надъ окнами, отворенными въ черную тьму двора. На стѣнахъ горѣли лампы. Было свѣтло, дымно, и пахло острой еврейской кухней, но по временамъ изъ оконъ доносился свѣжій запахъ мокрой зелени, цвѣтущей бѣлой акаціи и весенняго воздуха.

Офицеровъ пріѣхало около десяти. Казалось, что каждый изъ нихъ одновременно и пѣлъ, и кричалъ, и смѣялся. Ромашовъ, блаженно и наивно улыбаясь, бродилъ отъ одного къ другому, узнавая, точно въ первый разъ, съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ: Бекъ-Агамалова, Лбова, Вѣткина, Епифанова, Арчаковского, Олизара и другихъ. Тутъ же былъ и штабсъ-капитанъ Лещенко; онъ сидѣлъ у окна со своимъ всегдашнимъ покорнымъ и унылымъ видомъ. На столѣ, точно сами собой, какъ и все было въ этотъ вечеръ, появились бутылки съ пивомъ и съ густой вишневою наливкой. Ромашовъ пилъ съ кѣмъ-то, чокался и цѣловался, и чувствовалъ, что руки и губы у него стали липкими и сладкими.

Тутъ было пять или шесть женщинъ. Одна изъ нихъ, по виду дѣвочка лѣтъ четырнадцати, одѣтая пажомъ, съ ногами въ розовомъ трико, сидѣла на колѣняхъ у Бекъ-Агамалова и играла шнурами его аксельбантовъ. Другая, крупная блондинка, въ красной шелковой кофтѣ и темной юбкѣ, съ большимъ, красивымъ, напудреннымъ лицомъ и круглыми, черными, широкими бровями, подошла къ Ромашову.

— Мужчина, что вы такой скучный? Пойдемте въ комнату, — сказала она низкимъ голосомъ.

Она бокомъ, развязно, сѣла на столъ, положивъ ногу на ногу. Ромашовъ увидѣлъ, какъ подъ платьемъ гладко

опредѣлилась ея круглая и мощная ляжка. У него задрожали руки и стало холодно во рту. Онъ спросилъ робко:

— Какъ васъ зовутъ?

— Меня? Мальвиной. — Она равнодушно отвернулась отъ офицера и заболтала ногами. — Угостите папирочкой.

Откуда-то появились два музыканта-еврея: одинъ—со скрипкой, другой—съ бубномъ. Подъ докучный фальшивый мотивъ польки, сопровождаемый глухими дребезжащими ударами, Олизаръ и Арчаковскій стали плясать канканъ. Они скакали другъ передъ другомъ то на одной, то на другой ногѣ, прищелкивая пальцами вытянутыхъ рукъ, пятились назадъ, раскорячивъ согнутыя колѣни и заложивъ большіе пальцы подъ мышки, и съ грубо-циничными жестами вихляли бедрами, безобразно поклоняя туловище то впередъ, то назадъ. Вдругъ Бекъ-Агамаловъ вскочилъ со стула и закричалъ рѣзкимъ, высокимъ, изступленнымъ голосомъ:

— Къ чорту шпаковъ! Сейчасъ же вонъ! Фить!

Въ дверяхъ стояло двое штатскихъ—ихъ знали всѣ офицеры въ полку, такъ какъ они бывали на вечерахъ въ собраніи: одинъ—чиновникъ казначейства, а другой—братъ судебного пристава, мелкій помѣщикъ,—оба очень приличные молодые люди.

У чиновника была на лицѣ блѣдная насильственная улыбка, и онъ говорилъ искательнымъ тономъ, но стараясь держать себя развязно:

— Позвольте, господа... раздѣлить компанію. Вы же меня знаете, господа... Я же Дубецкій, господа... Мы, господа, вамъ не помѣшаемъ.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,—сказалъ братъ судебного пристава и захохоталъ напряженно.

— Во-онъ!—закричалъ Бекъ-Агамаловъ.—Маршъ!

— Господа, выставяйте шпаковъ!—захохоталъ Арчаковскій.

Поднялась суматоха.. Все въ комнатѣ заvertѣлось клубкомъ, застонало, засмѣялось, затопало. Запрыгали вверхъ, коптя, огненные язычки лампъ. Прохладный ночной воздухъ ворвался изъ оконъ и трепетно дохнулъ на лица. Голоса штатскихъ, уже на дворѣ, кричали съ безсильнымъ и злымъ испугомъ, жалобно, громко и слезливо:

— Я этого такъ тебѣ не оставлю! Мы командиру полка будемъ жаловаться. Я губернатору напишу. Опричники!

— У-лю-лю-лю-лю! Ату ихъ! — вошилъ тонкимъ фальцетомъ Вѣткинъ, высунувшись изъ окна.

Ромашову казалось, что всѣ сегодняшнія происшествія слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерыва и безъ всякой связи, точно передъ нимъ разматывалась крикливая и пестрая лента съ уродливыми, нелѣпыми, кошмарными картинами. Опять однообразно завизжала скрипка, загудѣлъ и задрожалъ бубенъ. Кто-то безъ мундира, въ одной бѣлой рубашкѣ, плясалъ въ присядку посрединѣ комнаты, ежеминутно падая назадъ и упираясь рукой въ полъ. Худенькая красивая женщина, — ея раньше Ромашовъ не замѣтилъ, — съ распущенными черными волосами и съ торчащими ключицами на открытой шеѣ, обнимала голыми руками печальнаго Лещенку за шею и, стараясь перекричать музыку и гомонъ, визгливо пѣла ему въ самое ухо:

Когда заболѣешь чахоткой навсегда,
Станешь блѣдный, какъ эта стѣна, —
Кругомъ тебя доктора.

Бобетинскій плескалъ пивомъ изъ стакана черезъ перегородку въ одну изъ темныхъ отдѣльныхъ каморокъ, а оттуда недовольный, густой, заспанный голосъ говорилъ ворчливо:

— Да, господа... да будетъ же. Кто это тамъ? Что за свинство!

— Послушайте, давно ли вы здѣсь?—спросилъ Ромашовъ женщину въ красной кофтѣ и воровато, какъ будто незамѣтно для себя, положилъ ладонь на ея крѣпкую, теплую ногу.

Она что-то отвѣтила, чего онъ не разслышалъ. Его вниманіе привлекла дикая сцена. Подпрапорщикъ Лбовъ гонялся по комнатѣ за однимъ изъ музыкантовъ и изо всей силы колотилъ его бубномъ по головѣ. Еврей кричалъ быстро и непонятно и, озираясь назадъ съ испугомъ, метался изъ угла въ уголъ, подбирая длинныя фалды сюртука. Всѣ смѣялись. Арчаковскій отъ хохота упалъ на полъ и со слезами на глазахъ катался во всѣ стороны. Потомъ послышался пронзительный вопль другого музыканта. Кто-то выхватилъ у него изъ рукъ скрипку и со страшной силой ударилъ ее объ землю. Дека ея разбилась въ дребезги, съ пѣвучимъ трескомъ, который странно слился съ отчаяннымъ крикомъ еврея. Потомъ для Ромашова настало нѣсколько минутъ темнаго забвенія. И вдругъ опять онъ увидѣлъ, точно въ горячемъ снѣ, что всѣ, кто были въ комнатѣ, сразу закричали, забѣгали, замахали руками. Вокругъ Бекъ-Агамалова быстро и тѣсно сомкнулись люди, но тотчасъ же они широко раздались, разбѣжались по всей комнатѣ.

— Всѣ вонъ отсюда! Никого не хочу!—бѣшено кричалъ Бекъ-Агамаловъ.

Онъ скрежеталъ, потрясалъ предъ собой кулаками и топалъ ногами. Лицо у него сдѣлалось малиновымъ, на лбу вздулись, какъ шнурки, двѣ жилы, сходящіяся къ носу, голова была низко и грозно опущена, а въ выкатившихся глазахъ страшно сверкали обнажившіеся круглые бѣлки.

Онъ точно потерялъ человѣческія слова и ревѣлъ, какъ взбѣсившійся звѣрь, ужаснымъ вибрирующимъ голосомъ:

— А-а-а-а!

Вдругъ онъ, быстро и неожиданно-ловко изогнувшись тѣломъ влѣво, выхватилъ изъ ножекъ шашку. Она лязгнула и съ рѣзкимъ свистомъ сверкнула у него надъ головой. И сразу всѣ, кто были въ комнатѣ, ринулись къ окнамъ и къ дверямъ. Женщины истерически визжали. Мужчины отталкивали другъ друга. Ромашова стремительно увлекли къ дверямъ, и кто-то, протѣсняясь мимо него, больно, до крови, черкнулъ его концомъ погоня или пуговицей по щекѣ. И тотчасъ же на дворѣ закричали, перебывая другъ друга, взволнованные, торопливые голоса. Ромашовъ остался одинъ въ дверяхъ. Сердце у него часто и крѣпко билось, но вмѣстѣ съ ужасомъ онъ испытывалъ какое-то сладкое, буйное и веселое предчувствіе.

— Зарублю-у-у-у! — кричалъ Бекъ-Агамаловъ, скрипя зубами.

Видъ общаго страха совсѣмъ опьянилъ его. Онъ съ принадочной силой въ нѣсколько ударовъ расщепилъ столъ, потомъ яростно хватилъ шашкой по зеркалу, и осколки отъ него сверкающимъ радужнымъ дождемъ брызнули во всѣ стороны. Съ другого стола онъ однимъ ударомъ сбиль всѣ стоявшіе на немъ бутылки и стаканы.

Но вдругъ раздался чей-то пронзительный, неестественно-наглый крикъ:

— Дуракъ! Хамъ!

Это кричала та самая простоволосая женщина съ голыми руками, которая только-что обнимала Лещенку. Ромашовъ раньше не видѣлъ ея. Она стояла въ нишѣ за печкой и, упираясь кулаками въ бедра, вся наклоняясь впередъ, кричала безъ перерыва крикомъ обсчитанной рыночной торговки:

— Дуракъ! Хамъ! Холуй! И никто тебя не боится! Дуракъ, дуракъ, дуракъ, дуракъ!..

Бекъ-Агамаловъ нахмурилъ брови и, точно растеря-

вись, опустилъ внизъ шашку. Ромашовъ видѣлъ, какъ постепенно блѣднѣло его лицо, и какъ въ глазахъ его разгорался зловѣщій желтый блескъ. И въ то же время онъ все ниже и ниже сгибалъ ноги, весь съеживался и вбиралъ въ себя шею, какъ звѣрь, готовый сдѣлать прыжокъ.

— Замолчи!—бросилъ онъ хрипло, точно выплюнулъ.

— Дуракъ! Болванъ! Армяшка! Не замолчу! Дуракъ! Дуракъ!—выкрикивала женщина, содрогаясь всѣмъ тѣломъ при каждомъ крикѣ.

Ромашовъ зналъ, что и самъ онъ блѣднѣетъ съ каждымъ мгновениемъ. Въ головѣ у него сдѣлалось знакомое чувство невѣсомости, пустоты и свободы. Странная смѣсь ужаса и веселья подняла вдругъ его душу кверху, точно легкую пьяную пѣну. Онъ увидѣлъ, что Бекъ-Агамаловъ, не сводя глазъ съ женщины, медленно поднимаетъ надъ головой шашку. И вдругъ пламенный потокъ безумнаго восторга, ужаса, физическаго холода, смѣха и отваги нахлынулъ на Ромашова. Бросаясь впередъ, онъ еще успѣлъ разслышать, какъ Бекъ-Агамаловъ прохрипѣлъ яростно:

— Ты не замолчишь? Я тебя въ послѣдній...

Ромашовъ крѣпко, съ силой, которой онъ самъ отъ себя не ожидалъ, схватилъ Бекъ-Агамалова за кисть руки. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ оба офицера, не моргая, пристально глядѣли другъ на друга, на разстояніи пяти или шести вершковъ. Ромашовъ слышалъ частое, фыркающее, какъ у лошади, дыханіе Бекъ-Агамалова, видѣлъ его страшные бѣлки и остро-блестящіе зрачки глазъ и бѣлыя, скрипящія, движущіяся челюсти, но онъ уже чувствовалъ, что безумный огонь съ каждымъ мгновениемъ потухаетъ въ этомъ искаженномъ лицѣ. И было ему жутко и невыразимо радостно стоять такъ, между жизнью и смертью, и уже знать, что онъ выходитъ побѣдителемъ

въ этой игрѣ. Должно-быть, всѣ тѣ, кто наблюдали эту сцену извнѣ, поняли ея опасное значеніе. На дворѣ за окнами стало тихо, — такъ тихо, что гдѣ-то въ двухъ шагахъ, въ темнотѣ, соловей вдругъ залился громкой, беззаботной трелью.

— Пусти! — хрипло выдавилъ изъ себя Бекъ-Агамаловъ.

— Бекъ, ты не ударишь женщину, — сказалъ Ромашовъ спокойно. — Бекъ, тебѣ будетъ на всю жизнь стыдно. Ты не ударишь.

Послѣднія искры безумія угасли въ глазахъ Бекъ-Агамалова. Ромашовъ быстро замигалъ вѣками и глубоко вздохнулъ, точно послѣ обморока. Сердце его забилося быстро и беспорядочно, какъ во время испуга, а голова опять сдѣлалась тяжелой и теплой.

— Пусти! — еще разъ крикнулъ Бекъ-Агамаловъ съ ненавистью и рванулъ руку.

Теперь Ромашовъ чувствовалъ, что онъ уже не въ силахъ сопротивляться ему, но онъ уже не боялся его и говорилъ жалостливо и ласково, притрогиваясь чуть слышно къ плечу товарища:

— Простите меня... Но вѣдь вы сами потомъ скажете мнѣ спасибо.

Бекъ-Агамаловъ рѣзко, со стукомъ вбросилъ шашку въ ножны.

— Ладно! Къ чорту! — крикнулъ онъ сердито, но уже съ долей притворства и смущенія. — Мы съ вами еще раздѣлаемся. Вы не имѣете права!..

Всѣ, глядѣвшіе на эту сцену со двора, поняли, что самое страшное пронеслось. Съ преувеличеннымъ, напряженнымъ хохотомъ, толпой ввалились они въ двери. Теперь всѣ они принялись съ фамиллярной и дружеской развязностью успокаивать и уговаривать Бекъ-Агамалова. Но онъ уже погасъ, обезсилѣлъ, и его сразу потемнѣвшее лицо имѣло усталое и брезгливое выраженіе.

Прибѣжала Шлейферша, толстая дама съ засаленными грудями, съ жесткимъ выраженіемъ глазъ, окруженныхъ темными мѣшками, безъ рѣсницъ. Она кидалась то къ одному, то къ другому офицеру, трогала ихъ за рукава и за пуговицы и кричала плачевно:

— Ну, господа, ну, кто мнѣ заплатитъ за все: за зеркало, за столъ, за напитки и за дѣвочекъ?

И опять кто-то невѣдомый остался объясняться съ ней. Прочіе офицеры вышли гурьбой наружу. Чистый, нѣжный воздухъ майской ночи легко и пріятно вторгся въ грудь Ромашова и наполнилъ все его тѣло свѣжимъ, радостнымъ трепетомъ. Ему казалось, что слѣды сегодняшняго пьянства сразу стерлись въ его мозгу, точно отъ прикосновенія мокрой губки.

Къ нему подошелъ Бекъ-Агамаловъ и взялъ его подъ руку.

— Ромашовъ, садитесь со мной, — предложилъ онъ: — хорошо?

И когда они уже сидѣли рядомъ, и Ромашовъ, наклоняясь вправо, глядѣлъ, какъ лошади нестройнымъ галопомъ, вскидывая широкими задами, вывозили экипажъ на гору, Бекъ-Агамаловъ ощупью нашелъ его руку и крѣпко, больно и долго сжалъ ее. Больше между ними ничего не было сказано.

XIX.

Но волненіе, которое было только-что пережито всѣми, сказалось въ общей нервной, беспорядочной взвинченности. По дорогѣ въ собраніе офицеры много безобразничали. Остановливали проходящаго еврея, подзывали его и, сорвавъ съ него шапку, гнали извозчика впередъ; потомъ бросали эту шапку куда-нибудь за заборъ, на дерево. Бобетинскій избилъ извозчика. Остальные громко

пѣли и безтолково кричали. Только Бекъ-Агамаловъ, сидѣвшій рядомъ съ Ромашовымъ, молчалъ всю дорогу, сердито и сдержанно посапывая.

Собраніе, несмотря на поздній часъ, было ярко освѣщено и полно народомъ. Въ карточной, въ столовой, въ буфетѣ и въ бильярдной безпомощно толклись ошалѣвшіе отъ вина, отъ табаку и отъ азартной игры люди въ разстегнутыхъ кителяхъ, съ неподвижными кислыми глазами и вялыми движеніями. Ромашовъ, здороваясь съ нѣкоторыми офицерами, вдругъ замѣтилъ среди нихъ, къ своему удивленію, Николаева. Онъ сидѣлъ около Осадчаго и былъ пьянъ и красенъ, но держался твердо. Когда Ромашовъ, обходя столъ, приблизился къ нему, Николаевъ быстро взглянулъ на него и тотчасъ же отвернулся, чтобы не подать руки, и съ преувеличеннымъ интересомъ заговорилъ съ своимъ сосѣдомъ.

— Вѣткинъ, идите пѣть!—крикнулъ Осадчій черезъ головы товарищей.

— Сп-о-ем-те что-ни-и-будь! — запѣлъ Вѣткинъ на мотивъ церковнаго антифона.

— Спо-ем-те что-ни-будь. Споемте что-о-ни-и-будь!—подхватили громко остальные.

— За поповымъ перелазомъ подралися трое разомъ,—зачастилъ Вѣткинъ церковной скороговоркой: — попъ, дьякъ, понамарь та ще губернской секретарь. Совайся, Ничипоре, со-вайся.

— Совайся, Ничи-поре, со-о-вай-ся, — тихо, полными аккордами отвѣтилъ ему хоръ, весь сдержанный и точно согрѣтый мягкой октавой Осадчаго.

Вѣткинъ дирижировалъ пѣніемъ, стоя посреди стола и распростирая надъ поющими руки. Онъ дѣлалъ то страшные, то ласковые и одобрительные глаза, шипѣлъ на тѣхъ, кто пѣлъ невѣрно, и едва замѣтнымъ трепетаніемъ протянутой ладони сдерживалъ увлекающихся.

— Штабсъ-капитанъ 'лещенко, вы фальшивите! Вамъ медвѣдь на ухо пастушилъ. Замолчите! — крикнулъ Осадчій.—Господа, да замолчите же кругомъ! Не галдите, когда поютъ.

— Какъ бога-тый мужикъ ѣсть пушъ гля-се...—продолжалъ вычитывать Вѣткинъ.

Отъ табачнаго дыма рѣзало въ глазахъ. Клеенка на столѣ была липкая, и Ромашовъ вспомнилъ, что онъ не мылъ сегодня вечеромъ рукъ. Онъ пошелъ черезъ дворъ въ комнату, которая называлась «офицерскими номерами»,—тамъ всегда стоялъ умывальникъ. Это была пустая холодная каморка въ одно окно. Вдоль стѣнъ стояли раздѣленные шкапчикомъ, на больничный манеръ, двѣ кровати. Бѣлья на нихъ никогда не мѣняли, такъ же, какъ никогда не подметали полъ въ этой комнатѣ и не провѣтривали воздухъ. Отъ этого въ померахъ всегда стоялъ затхлый, грязный запахъ заношеннаго бѣлья, застарѣлаго табачнаго дыма и смазныхъ сапогъ. Комната эта предназначалась для временнаго жилья офицерамъ, приѣзжавшимъ изъ дальнихъ отдѣльныхъ стоянокъ въ штабъ полка. Но въ нее обыкновенно складывали во время вечеровъ, по-двое и даже по-трое на одну кровать, особенно пьяныхъ офицеровъ. Поэтому она также получила названіе «мертвецкой комнаты», «трупарни» и «морга». Въ этихъ названіяхъ крылась безсознательная, но страшная жизненная иронія, потому что съ того времени, какъ полкъ стоялъ въ городѣ,—въ офицерскихъ номерахъ, именно на этихъ самыхъ двухъ кроватяхъ, уже застрѣлилось нѣсколько офицеровъ и одинъ денщикъ. Впрочемъ, не было года, чтобы въ N—скомъ полку не застрѣлился кто-нибудь изъ офицеровъ.

Когда Ромашовъ вошелъ въ мертвецкую, два человека сидѣли на кроватяхъ у изголовій, около окна. Они сидѣли безъ огня, въ темнотѣ, и только по едва слышной

вознѣ Ромашовъ замѣтилъ ихъ присутствіе и съ трудомъ узналъ ихъ, подойдя вплотную и нагнувшись надъ ними. Это были штабсъ-капитанъ Клодтъ, алкоголикъ и воръ, отчисленный отъ командованія ротой, и подпрапорщикъ Золотухинъ, долговязый, пожилой, уже плѣшивый, игрокъ, скандалистъ, сквернословъ и тоже пьяница, изъ типа вѣчныхъ подпрапорщиковъ. Между обоими тускло поблескивала на столѣ четвертая бутылъ водки, стояла пустая тарелка съ какой-то жижей и два полныхъ стакана. Не было видно никакихъ слѣдовъ закуски. Событыльники молчали, точно притаившись отъ вошедшаго товарища, и, когда онъ нагибался надъ ними, они, хитро улыбаясь въ темнотѣ, глядѣли куда-то внизъ.

— Боже мой, что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ Ромашовъ испуганно.

— Т-ссс! — Золотухинъ таинственно, съ предостерегающимъ видомъ поднялъ палецъ кверху. — Подождите. Не мѣшайте.

— Тихо! — короткимъ шопотомъ сказалъ Клодтъ.

Вдругъ гдѣ-то вдалекѣ загрохотала телѣга. Тогда оба торопливо подняли стаканы, стукнулись ими и одновременно выпили.

— Да что же это такое, наконецъ?! — воскликнулъ въ тревогѣ Ромашовъ.

— А это, родной мой, — многозначительнымъ шопотомъ отвѣтилъ Клодтъ: — это у насъ такая закуска. Подъ стукъ телѣги. Фендрикъ, — обратился онъ къ Золотухину. — Ну, теперь подо что выпьемъ? Хочешь подъ свѣтъ луны?

— Пили ужъ, — серьезно возразилъ Золотухинъ и поглядѣлъ въ окно на узкій серпъ мѣсяца, который низко и скучно стоялъ надъ городомъ. — Подождемъ. Вотъ, можетъ-быть, собака залаетъ. Помолчи.

Такъ они шептались, наклоняясь другъ къ другу, охва-

ченныя мрачною шутливостію пьянаго безумія. А изъ столовой въ это время доносились смягченныя, заглушенныя стѣнами и оттого гармонично-печальныя звуки церковнаго напѣва, похожаго на отдаленное погребальное пѣніе.

Ромашовъ всплеснулъ руками и схватился за голову.

— Господи, ради Бога, оставьте: это страшно,—сказалъ онъ съ тоскою.

— Убирайся къ дьяволу! — заоралъ вдругъ Золотухинъ.—Нѣтъ, стой, братъ! Куда? Раньше выпейте съ порядочными господами. Нѣ-ѣтъ, не перехитришь, братъ. Держите его, штабсъ-капитанъ, а я запру дверь.

Они оба вскочили съ кровати и принялись съ сумасшедшимъ лукавымъ смѣхомъ ловить Ромашова. И все это вмѣстѣ — эта темная вонючая комната, это тайное фантастическое пьянство среди ночи, безъ огня, эти два обезумѣвшихъ человека—все вдругъ повѣяло на Ромашова нестерпимымъ ужасомъ смерти и сумасшествія. Онъ съ пронзительнымъ крикомъ оттолкнулъ Золотухина далеко въ сторону и, весь содрогаясь, выскочилъ изъ мертвецкой.

Умомъ онъ зналъ, что ему нужно итти домой, но по какому-то непонятному влеченію онъ вернулся въ столовую. Тамъ уже многіе дремали, сидя на стульяхъ и подоконникахъ. Было невыносимо жарко, и, несмотря на открытыя окна, лампы и свѣчи горѣли, не мигая. Утомленная, сбившаяся съ ногъ прислуга и солдаты-буфетчики дремали стоя и ежеминутно зѣвали, не разжимая челюстей, однѣми ноздрями. Но повальное, тяжелое, общее пьянство не прекращалось.

Вѣткинъ стоялъ уже на столѣ и пѣлъ высокимъ, чувствительнымъ теноромъ:

Бы-ы-стры, какъ волны-ы,
Дни-и нашей жизни...

Въ полку было много офицеровъ изъ духовныхъ, и потому пѣли хорошо даже въ пьяные часы. Простой, печальный, трогательный мотивъ облагораживалъ пошлыя слова. И всѣмъ на минуту стало тоскливо и тѣсно подъ этимъ низкимъ потолкомъ въ затхлой комнатѣ, среди узкой, глухой и слѣпой жизни.

Умрешь, похоронять,
Какъ не жить на свѣтѣ...—

пѣль выразительно Вѣткинъ, и отъ звуковъ собственнаго высокаго и растроганнаго голоса и отъ физическаго чувства общей гармоніи хора—въ его добрыхъ, глуповатыхъ глазахъ стояли слезы. Арчаковскій бережно вторилъ ему. Для того, чтобы заставить свой голосъ вибрировать, онъ двумя пальцами трясъ себя за кадыкъ. Осадчій густыми, тягучими нотами аккомпанировалъ хору, и казалось, что всѣ остальные голоса плавали, точно въ темныхъ волнахъ, въ этихъ низкихъ органныхъ звукахъ.

Пропѣли эту пѣсню, помолчали немного. На всѣхъ нашла сквозь пьяный угаръ тихая, задумчивая минута. Вдругъ Осадчій, глядя внизъ на столъ опущенными глазами, началъ вполголоса:

«Въ путь узкій ходшіе прискорбный вси—житіе, яко яремъ, вземшіе...»

— Да будетъ вамъ!—замѣтилъ кто-то скучающимъ тономъ.—Вотъ прицѣпились вы къ этой панихидѣ. Въ десятый разъ.

Но другіе уже подхватили похоронный напѣвъ, и вотъ въ загаженной, заплеванной, прокуренной столовой понесли чистые, ясные аккорды панихиды Іоанна Дамаскина, проникнутые такой горячей, такой чувственной печалью, такой страстной тоской по уходящей жизни:

«И мнѣ послѣдовавшіе вѣрою приидите, насладитесь,

яже уготовахъ вамъ почестей и вѣнцовъ небесныхъ»...

И тотчасъ же Арчаковскій, знавшій службу не хуже любого дьякона, подхватилъ возгласъ:

— Рцемъ вси отъ всея души...

Такъ они и прослужили всю панихиду. А когда очередь дошла до послѣдняго воззванія, то Осадчій, наклонивъ внизъ голову, напруживъ шею, со странными и страшными, печальными и злыми глазами заговорилъ нараспѣвъ низкимъ голосомъ, рокочущимъ, какъ струны контрабаса:

«Во блаженномъ успеніи животь и вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу твоему Никифору... — Осадчій вдругъ выпустилъ ужасное, циничное ругательство: — и сотвори ему вѣ-ѣ-ѣчнуюю»....

Ромашовъ вскочилъ и бѣшено, изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

— Не позволю! Молчите! — закричалъ онъ пронзительнымъ, страдальческимъ голосомъ. — Зачѣмъ смѣяться? Капитанъ Осадчій, вамъ вовсе не смѣшно, а вамъ больно и страшно! Я вижу! Я знаю, что вы чувствуете въ душѣ!

Среди общаго мгновеннаго молчанія только одинъ чей-то голосъ промолвилъ съ недоумѣніемъ:

— Онъ пьянъ?

Но тотчасъ же, какъ и давеча, у Шлейферши, все загудѣло, застонало, вскочило съ мѣста и свернулось въ какой-то пестрый, движущійся, крикливый клубокъ. Вѣткинъ, прыгая со стола, задѣлъ головой висячую лампу; она закачалась огромными плавными зигзагами, и тѣни отъ бѣснующихся людей, то вырастая, какъ великаны, то исчезая подъ полъ, зловѣще спутались и заметались по бѣлымъ стѣнамъ и по потолку.

Все, что теперь происходило въ собраніи съ этими развинченными, возбужденными, пьяными и несчастными

людьми, — совершалось быстро, нелѣпо и непоправимо. Точно какой-то злой, сумбурный, глупый, яростно-насмѣшливый демонъ овладѣлъ людьми и заставлялъ ихъ говорить скверныя слова и дѣлать безобразныя, нестройныя движенія.

Среди этого чада Ромашовъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ близко около себя чье-то лицо, съ искривленнымъ кричащимъ ртомъ, которое онъ сразу даже не узналъ — такъ оно было перековеркано и обезображено злобой. Это Николаевъ кричалъ ему, брызжа слюной и нервно дергая мускулами лѣвой щеки подъ глазомъ:

— Сами позорите полкъ! Не смѣйте ничего говорить. Вы—и разные Назанскіе! Безъ году недѣля!..

Кто-то осторожно тянулъ Ромашова назадъ. Онъ обернулся и узналъ Бекъ-Агамалова, но, тотчасъ же отвернувшись, забылъ о немъ. Блѣднѣя отъ того, что сію минуту произойдетъ, онъ сказалъ тихо и хрипло, съ измученной, жалкой улыбкой:

— А при чемъ же здѣсь Назанскій? Или у васъ есть особыя таинственныя причины быть имъ недовольнымъ?

— Я вамъ въ морду дамъ! Подлецъ, сволочь! — закричалъ Николаевъ высокимъ, лающимъ голосомъ. — Хамъ!

Онъ рѣзко замахнулся на Ромашова кулакомъ и сдѣлалъ грозные глаза, но ударить не рѣшался. У Ромашова въ груди и въ животѣ сдѣлалось тоскливое, противное обморочное замираніе. До сихъ поръ онъ совсѣмъ не замѣчалъ, точно забылъ, что въ правой рукѣ у него все время находится какой-то посторонній предметъ. И вдругъ быстрымъ, короткимъ движеніемъ онъ вышлеснулъ въ лицо Николаеву остатки пива изъ своего стакана.

Въ то же время, вмѣстѣ съ мгновенной тупой болью, бѣлая яркія молніи брызнули изъ его лѣваго глаза. Съ протяжнымъ, звѣринымъ воемъ кинулся онъ на Ни-

колаева, и они оба грохнулись внизъ, сплелись руками и ногами и покатались по полу, роняя стулья и глотая грязную, вонючую пыль. Они рвали, комкали и тискали другъ друга, рыча и задыхаясь. Ромашовъ помнилъ, какъ случайно его пальцы попали въ ротъ Николаеву за щеку, и какъ онъ старался разорвать ему этотъ скользкій, противный, горячій ротъ... И онъ уже не чувствовалъ никакой боли, когда бился головой и локтями объ полъ въ этой безумной борьбѣ.

Онъ не зналъ также, какъ все это окончилось. Онъ засталъ себя стоящимъ въ углу, куда его оттѣснили, оторвавъ отъ Николаева. Бекъ-Агамаловъ поилъ его водой, но зубы у Ромашова судорожно стучали о края стакана, и онъ боялся, какъ бы не откусить кусокъ стекла. Китель на немъ былъ разорванъ подъ мышками и на спинѣ, а одинъ погонъ, оторванный, болтался на тесемочкѣ. Голоса у Ромашова не было, и онъ кричалъ беззвучно, одними губами:

— Я ему... еще покажу!.. Вызываю его!..

Старый Лехъ, до сихъ поръ сладко дремавшій на концѣ стола, а теперь совсѣмъ очнувшійся, трезвый и серьезный, говорилъ съ непривычной суровой повелительностью:

— Какъ старшій, приказываю вамъ, господа, немедленно разойтись. Слышите, господа, сейчасъ же. Обо всемъ будетъ мною утромъ поданъ рапортъ командиру полка.

И всѣ расходились смущенные, подавленные, избѣгая глядѣть другъ на друга. Каждый боялся прочесть въ чужихъ глазахъ свой собственный ужасъ, свою рабскую, виноватую тоску — ужасъ и тоску маленькихъ, злыхъ и грязныхъ животныхъ, темный разумъ которыхъ вдругъ освѣтился яркимъ человѣческимъ сознаниемъ.

Былъ разсвѣтъ, съ яснымъ, дѣтски-чистымъ небомъ.

и неподвижнымъ прохладнымъ воздухомъ. Деревья, влажные, окутанныя чуть виднымъ паромъ, молчаливо просыпались отъ своихъ темныхъ, загадочныхъ ночныхъ сновъ. И когда Ромашовъ, идя домой, глядѣлъ на нихъ и на небо, и на мокрую, сѣдую отъ росы траву, то онъ чувствовалъ себя низенькимъ, гадкимъ, уродливымъ и безконечно чужимъ среди этой невинной прелести утра, улыбавагося спросонокъ.

XX.

Въ тотъ же день—это было въ среду—Ромашовъ получилъ короткую официальную записку:

«Судъ общества офицеровъ N—скаго пѣхотнаго полка приглашаетъ подпоручика Ромашова явиться къ шести часамъ въ залъ офицерскаго собранія. Форма одежды обыкновенная.

«Предсѣдатель суда подполковникъ Мигуновъ».

Ромашовъ не могъ удержаться отъ невольной грустной улыбки: эта «форма одежды обыкновенная»—мундиръ съ погонами и цвѣтнымъ кушакомъ—надѣвается именно въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ: на судѣ, при публичныхъ выговорахъ и во время всякихъ непріятныхъ явокъ по начальству.

Къ шести часамъ онъ пришелъ въ собраніе и приказалъ вѣстовому доложить о себѣ предсѣдателю суда. Его попросили подождать. Онъ сѣлъ въ столовой у открытаго окна, взялъ газету и сталъ читать ее, не понимая словъ, безъ всякаго интереса, механически пробѣгая глазами буквы. Трое офицеровъ, бывшихъ въ столовой, поздоровались съ нимъ сухо и заговорили между собой вполголоса, такъ, чтобъ онъ не слышалъ. Только одинъ подпоручикъ Михинъ долго и крѣпко, съ мокрыми глазами, жалъ ему руку, но ничего не сказалъ, покраснѣлъ, торопливо и неловко одѣлся и ушелъ.

Вскорѣ въ столовую черезъ буфетъ вышелъ Николаевъ. Онъ былъ блѣденъ, вѣки его глазъ потемнѣли, лѣвая щека все время судорожно дергалась, а надъ ней ниже виска синѣло большое пухлое пятно. Ромашовъ ярко и мучительно вспомнилъ вчерашнюю драку и, весь сгорбившись, сморщивъ лицо, чувствуя себя расплюснутымъ невыносимой тяжестью этихъ позорныхъ воспоминаій, спрятался за газету и даже плотно зажмурилъ глаза.

Онъ слышалъ, какъ Николаевъ спросилъ въ буфетѣ рюмку коньяку и какъ онъ прощался съ кѣмъ-то. Потомъ почувствовалъ мимо себя шаги Николаева. Хлопнула на блокъ дверь. И вдругъ черезъ нѣсколько секундъ онъ услышалъ со двора за своей спиной осторожный шопоть:

— Не оглядывайтесь назадъ! Сидите спокойно. Слушайте.

Это говорилъ Николаевъ. Газета задрожала въ рукахъ Ромашова.

— Я, собственно, не имѣю права разговаривать съ вами. Но къ чорту эти французскія тонкости. Что случилось, того не поправишь. Но я васъ все-таки считаю человѣкомъ порядочнымъ. Прошу васъ, слышите ли, я прошу васъ: ни слова о женѣ и объ анонимныхъ нисѣмахъ. Вы меня поняли?

Ромашовъ, закрываясь газетой отъ товарищей, медленно наклонилъ голову. Песокъ захрустѣлъ на дворѣ подъ ногами. Только спустя пять минутъ Ромашовъ обернулся и поглядѣлъ на дворъ. Николаева уже не было.

— Ваше благородіе, — выросъ вдругъ передъ нимъ вѣстовой. — Ихъ высокоблагородіе просятъ васъ пожаловать

Въ залѣ, вдоль дальней узкой стѣны, были составлены нѣсколько ломберныхъ столовъ и покрыты зеленымъ сукномъ. За ними помѣщались судьи, спинами къ окнамъ;

отъ этого ихъ лица были темными. Посрединѣ въ креслѣ сидѣлъ предсѣдатель, подполковникъ Мигуновъ—толстый, надменный чловѣкъ, безъ шеи, съ поднятыми вверхъ круглыми плечами; по бокамъ отъ него — подполковники: Рафальскій и Лехъ, дальше съ правой стороны—капитаны: Осадчій и Петерсонъ, а съ лѣвой—капитанъ Дювернуа и штабсъ-капитанъ Дорошенко, полковой казначей. Столъ былъ совершенно пустъ, только передъ Дорошенкой, дѣлопроизводителемъ суда, лежала стопочка бумаги. Въ большой, пустой залѣ было прохладно и темновато, несмотря на то, что на дворѣ стоялъ жаркій, сіяющій день. Пахло старымъ деревомъ, плѣсенью и ветхой мебельной обивкой.

Предсѣдатель положилъ обѣ большія, бѣлыя, полныя руки ладонями вверхъ на сукно стола и, разглядывая ихъ поочередно, началъ деревяннымъ тономъ:

— Подпоручикъ Ромашовъ, судъ общества офицеровъ, собравшійся по распоряженію командира полка, долженъ выяснитъ обстоятельства того печальнаго и недопустимаго въ офицерскомъ обществѣ столкновенія, которое имѣло мѣсто вчера между вами и поручикомъ Николаевымъ. Прошу васъ разказать объ этомъ со всевозможными подробностями.

Ромашовъ стоялъ передъ ними, опустивъ руки внизъ и теребя околышъ шапки. Онъ чувствовалъ себя такимъ затравленнымъ, неловкимъ и растеряннымъ, какъ бывало съ нимъ только въ ученическіе годы на экзаменахъ, когда онъ проваливался. Обрывающимся голосомъ, запутанными и несвязными фразами, постоянно мыча и прибавляя нелѣпыя междометія, онъ сталъ давать показаніе. Въ то же время, переводя глаза съ одного изъ судей на другого, онъ мысленно оцѣнивалъ ихъ отношенія къ нему. «Мигуновъ — равнодушенъ, онъ точно каменный, но ему льститъ непривычная роль главнаго судьи и та страшная

власть и отвѣтственность, которыя сопряжены съ нею. Подполковникъ Бремъ глядитъ жалостными и какими-то женскими глазами, — ахъ, мой милый Бремъ, помнишь ли ты, какъ я бралъ у тебя десять рублей займы? Старый Лехъ серьезничаетъ. Онъ сегодня трезвъ, и у него подъ глазами мѣшки, точно глубокие шрамы. Онъ не врагъ мнѣ, но онъ самъ такъ много набезобразничалъ въ собраніи въ разные времена, что теперь ему будетъ выгодна роль суроваго и непреклоннаго ревнителя офицерской чести. А Осадчій и Петерсонъ — это уже настоящіе враги. По закону я, конечно, могъ бы отвести Осадчаго, — вся ссора началась изъ-за его панихиды, — а впрочемъ, не все ли равно? Петерсонъ чуть-чуть улыбается однимъ угломъ рта — что-то скверное, изменное, змѣиное въ улыбкѣ. Неужели онъ зналъ объ анонимныхъ письмахъ? У Дювернуа — сонное лицо, а глаза — какъ большіе мутные шары. Дювернуа меня не любитъ. Да и Дорошенко тоже. Подпоручикъ, который только расписывается въ полученіи жалованья и никогда не получаетъ его. Плохи ваши дѣла, дорогой мой Юрій Алексѣевичъ».

— Виновать, на минутку, — вдругъ прервалъ его Осадчій. — Господинъ полковникъ, вы позволите мнѣ предложить вопросъ?

— Пожалуйста, — важно кивнулъ головой Мигуновъ.

— Скажите намъ, подпоручикъ Ромашовъ, — началъ Осадчій вѣско, съ растяжкой: — гдѣ вы изволили быть до того, какъ пріѣхали въ собраніе въ такомъ невозможномъ видѣ?

Ромашовъ покраснѣлъ и почувствовалъ, какъ его лобъ сразу покрылся частыми каплями пота.

— Я былъ... я былъ... ну, въ одномъ мѣстѣ, — и онъ добавилъ почти шопотомъ: — былъ въ публичномъ домѣ.

— Ага, вы были въ публичномъ домѣ? — нарочно

громко, съ жестокой четкостью подхватилъ Осадчій. — И, вѣроятно, вы что-нибудь пили въ этомъ учрежденіи?

— Д-да, пилъ, — отрывисто отвѣтилъ Ромашовъ.

— Такъ-съ. Больше вопросовъ не имѣю, — повернулся Осадчій къ предсѣдателю.

— Прошу продолжать показаніе, — сказалъ Мигуновъ. — Итакъ, вы остановились на томъ, что плеснули пивомъ въ лицо поручику Николаеву... Дальше?

Ромашовъ несвязно, но искренно и подробно разсказалъ о вчерашней исторіи. Онъ уже началъ-было угловато и стыдливо говорить о томъ раскаяніи, которое онъ испытываетъ за свое вчерашнее поведеніе, но его прервалъ капитанъ Петерсонъ. Потирая, точно придумывающій, свои желтыя костлявыя руки съ длинными мертвыми пальцами и синими ногтями, онъ сказалъ усиленно-вѣжливо, почти ласково, тонкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:

— Ну да, все это, конечно, такъ и дѣлаетъ честь вашимъ прекраснымъ чувствамъ. Но скажите намъ, подпоручикъ Ромашовъ... вы до этой злополучной и при-скорбной исторіи не бывали въ домъ поручика Николаева?

Ромашовъ насторожился и, глядя не на Петерсона, а на предсѣдателя, отвѣтилъ грубовато:

— Да, бывалъ, но я не понимаю, какое это отношеніе имѣетъ къ дѣлу.

— Подождите. Прошу отвѣчать только на вопросы, — остановилъ его Петерсонъ. — Я хочу сказать, не было ли у васъ съ поручикомъ Николаевымъ какихъ-нибудь особенныхъ поводовъ ко взаимной враждѣ, поводовъ, характера не служебнаго, а домашняго, такъ сказать, семейнаго?

Ромашовъ выпрямился и прямо, съ открытой ненавистью посмотрѣлъ въ темные чахоточные глаза Петерсона.

— Я бывалъ у Николаевыхъ не чаще, чѣмъ у другихъ моихъ знакомыхъ, — сказалъ онъ громко и рѣзко. — И съ

нимъ прежде у меня никакой вражды не было. Все произошло случайно и неожиданно, потому что мы оба были нетрезвы.

— Хе-хе-хе, это уже мы слышали о вашей нетрезвости, — опять прервалъ его Петерсонъ: — но я хочу только спросить, не было ли у васъ съ нимъ раньше этакое какого-нибудь столкновенія? Нѣтъ, не ссоры, поймите вы меня, а просто этакое недоразумѣнiя, натянутости, что ли, на какой-нибудь частной почвѣ. Ну, скажемъ, несогласіе въ убѣжденiяхъ, или тамъ: какая-нибудь интрижка. А?

— Господинъ предсѣдатель, могу я не отвѣчать на нѣкоторые изъ предлагаемыхъ мнѣ вопросовъ? — спросилъ вдругъ Ромашовъ.

— Да, это вы можете, — отвѣтилъ холодно Мигуновъ. — Вы можете, если хотите, вовсе не давать показаній или давать ихъ письменно. Это ваше право.

— Въ такомъ случаѣ заявляю, что ни на одинъ изъ вопросовъ капитана Петерсона я отвѣчать не буду, — сказалъ Ромашовъ. — Это будетъ лучше для него и для меня.

Его спросили еще о нѣсколькихъ незначительныхъ подробностяхъ, и затѣмъ предсѣдатель объявилъ ему, что онъ свободенъ. Однако его еще два раза вызывали для дачи дополнительныхъ показаній, одинъ разъ въ тотъ же день вечеромъ, другой разъ въ четвертъ утромъ. Даже такой неопытный въ практическомъ отношеніи человекъ, какъ Ромашовъ, понималъ, что судъ ведетъ дѣло халатно, неумѣло и до-нельзя небрежно; допуская множество ошибокъ и безтактностей. И самымъ большимъ промахомъ было то, что, вопреки точному и ясному смыслу статьи 149 дисциплинарнаго устава, строго воспрещающей разглашеніе происходящаго на судѣ, члены суда чести не воздержались отъ праздно болтовни. Они рассказали о результатахъ засѣданій своимъ женамъ, жены—

знакомымъ городскимъ дамамъ, а тѣ—портнихамъ, акушеркамъ и даже прислугѣ. За однѣ сутки Ромашовъ сдѣлался сказкой города и героемъ дня. Когда онъ проходилъ по улицѣ, на него глядѣли изъ оконъ, изъ калитокъ, изъ палисадниковъ, изъ щелей въ заборахъ. Женщины издали показывали на него пальцами, и онъ постоянно слышалъ у себя за спиной свою фамилію, произносимую быстрымъ шопотомъ. Никто въ городѣ не сомнѣвался, что между нимъ и Николаевымъ произойдетъ дуэль. Держали даже пари объ ея исходѣ.

Утромъ въ четвергъ, идя въ собраніе мимо дома Лыкачевыхъ, онъ вдругъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени.

— Юрій Алексѣевичъ, Юрій Алексѣевичъ, подите сюда!

Онъ остановился и поднялъ голову кверху. Катя Лыкачева стояла по ту сторону забора на садовой скамеечкѣ. Она была въ утреннемъ легкомъ японскомъ халатикѣ, треугольный вырѣзъ котораго оставлялъ голою ея тоненькую, прелестную дѣвичью шею. И вся она была такая розовая, свѣжая, вкусная, что Ромашову на минутку стало весело.

Она перегнулась черезъ заборъ, чтобы подать ему руку, еще холодную и влажную отъ умыванья. И въ то же время она тараторила картаво:

— Отчего у насъ не бываете? стыдно дюзей забывать. Зьой, зьой, зьой... Т-ссс, я все, я все, все знаю!— Она вдругъ сдѣлала большіе, испуганные глаза.— Возьмите себѣ вотъ это и надѣньте на шею, непьемѣнно, непьемѣнно надѣньте.

Она вынула изъ-за своего керимона, прямо съ груди, какую-то ладанку изъ синяго шелка на шнурѣ и торопливо сунула ему въ руку. Ладанка была еще теплая отъ ея тѣла.

— Помогаетъ? — спросилъ Ромашовъ шутливо. — Что это такое?

— Это тайна, не смѣйте смѣяться. Безбожникъ. Зьбой.

«Однако я нынче въ модѣ. Славная дѣвочка», — подумалъ Ромашовъ, простившись съ Катей. Но онъ не могъ удержаться, чтобы и здѣсь въ послѣдній разъ не подумать о себѣ въ третьемъ лицѣ красивой фразой:

«Добродушная улыбка скользнула по суровому лицу стараго бретера».

Вечеромъ въ этотъ день его опять вызвали въ судъ, но уже вмѣстѣ съ Николаевымъ. Оба врага стояли передъ столомъ почти рядомъ. Они ни разу не взглянули другъ на друга, но каждый изъ нихъ чувствовалъ на разстояніи настроеніе другого и напряженно волновался этимъ. Оба они упорно и неподвижно смотрѣли на предсѣдателя, когда онъ читалъ имъ рѣшеніе суда:

«Судъ общества офицеровъ N—скаго пѣхотнаго полка, въ составѣ — слѣдовали чины и фамиліи судей — подъ предсѣдательствомъ подполковника Мигунова, разсмотрѣвъ дѣло о столкновеніи въ помѣщеніи офицерскаго собранія поручика Николаева и подпоручика Ромашова, нашель, что, въ виду тяжести взаимныхъ оскорбленій, ссора этихъ оберъ-офицеровъ не можетъ быть окончена примиреніемъ, и что поединокъ между ними является единственнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести и офицерскаго достоинства. Мнѣніе суда утверждено командиромъ полка».

Окончивъ чтеніе, подполковникъ Мигуновъ снялъ очки и спряталъ ихъ въ футляръ.

— Вамъ остается, господа, — сказалъ онъ съ каменной торжественностью: — выбрать себѣ секундантовъ, по два съ каждой стороны, и прислать ихъ къ девяти часамъ вечера сюда, въ собраніе, гдѣ они совмѣстно съ нами выработаютъ условія поединка. Впрочемъ, — приба-

вилъ онъ, вставая и пряча очечникъ въ задній карманъ:— впрочемъ, прочитанное сейчасъ постановленіе суда не имѣетъ для васъ обязательной силы. За каждымъ изъ васъ сохраняется полная свобода драться на дуэли, или...—онъ развелъ руками и сдѣлалъ паузу:—или оставить службу. Затѣмъ... вы свободны, господа... Еще два слова. Ужъ не какъ предсѣдатель суда, а какъ старшій товарищъ, совѣтовалъ бы вамъ, господа офицеры, воздержаться до поединка отъ посѣщенія собранія. Это можетъ повести къ осложненіямъ... До свиданья.

Николаевъ круто повернулся и быстрыми шагами вышелъ изъ залы. Медленно двинулся за нимъ и Ромашовъ. Ему не было страшно, но онъ вдругъ почувствовалъ себя исключительно одинокимъ, странно обособленнымъ, точно отрѣзаннымъ отъ всего міра. Выйдя на крыльцо собранія, онъ съ долгимъ, спокойнымъ удивленіемъ глядѣлъ на небо, на деревья, на корову у забора напротивъ, на воробьевъ, купавшихся въ пыли среди дороги, и думалъ: «Вотъ — все живетъ, хлопочетъ, суетится, растетъ и сіяетъ, а мнѣ уже больше ничто не нужно и не интересно. Я приговоренъ. Я одинъ».

Вяло, почти со скукой пошелъ онъ разыскивать Бекъ-Агамалова и Вѣткина, которыхъ онъ рѣшилъ просить въ секунданты. Оба охотно согласились—Бекъ-Агамаловъ съ мрачной сдержанностью, Вѣткинъ съ ласковыми и многозначительными рукопожатіями.

Итти домой Ромашову не хотѣлось, тамъ было жутко и скучно. Въ эти тяжелыя минуты душевнаго безсилія, одиночества и вялаго непониманія жизни ему нужно было видѣть близкаго; участливаго друга и въ то же время тонкаго, понимающаго, нѣжнаго сердцемъ человѣка.

И вдругъ онъ вспомнилъ о Назанскомъ.

XXI.

Назанскій былъ, по обыкновенію, дома. Онъ только-что проснулся отъ тяжелаго хмельнаго сна и теперь лежалъ на кровати въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, заложивъ руки подъ голову. Въ его глазахъ была равнодушная, усталая муть. Его лицо совсѣмъ не измѣнило своего соннаго выраженія, когда Ромашовъ, наклоняясь надъ нимъ, говорилъ неувѣренно и тревожно:

— Здравствуйте, Василій Нилычъ, не помѣшалъ я вамъ?

— Здравствуйте, — отвѣтилъ Назанскій слабымъ, слабымъ голосомъ. — Что хорошенькаго? Садитесь.

Онъ протянулъ Ромашову горячую, влажную руку, но глядѣлъ на него такъ, точно передъ нимъ былъ не его любимый, интересный товарищъ, а привычное видѣніе изъ давнишняго скучнаго сна.

— Вамъ нездоровится? — спросилъ робко Ромашовъ, садясь въ его ноги на кровать. — Такъ я не буду вамъ мѣшать. Я уйду.

Назанскій немного приподнялъ голову съ подушки и, весь сморщившись, съ усиліемъ посмотрѣлъ на Ромашова.

— Нѣтъ... Подождите. Ахъ, какъ голова болитъ! Послушайте, Георгій-Алексѣичъ... у васъ что-то есть... есть... что-то необыкновенное. Постойте, я не могу собрать мыслей. Что такое съ вами?

Ромашовъ глядѣлъ на него съ молчаливымъ состраданіемъ. Все лицо Назанскаго странно измѣнилось за то время, какъ оба офицера не видѣлись. Глаза глубоко ввалились и почернѣли вокругъ, виски пожелтѣли, а щеки съ неровной грязной кожей опустились и оплыли книзу и некрасиво обросли жидкими курчавыми волосами.

— Ничего особеннаго, просто мнѣ захотѣлось видѣться съ вами, — сказалъ небрежно Ромашовъ. — Завтра я де-

русь на дуэли съ Николаевымъ. Мнѣ противно итти домой. Да это, впрочемъ, все равно. До свиданья. Мнѣ, видите ли, просто не съ кѣмъ было поговорить... Тяжело на душѣ.

Назанскій закрылъ глаза, и лицо его мучительно исказилось. Видно было, что онъ неестественнымъ напряженіемъ воли возвращаетъ къ себѣ сознаніе. Когда же онъ открылъ глаза, то въ нихъ уже свѣтились внимательныя теплыя искры.

— Нѣтъ, подождите... мы сдѣлаемъ вотъ что. — Назанскій съ трудомъ переверотился на бокъ и поднялся на локтѣ. — Достаньте тамъ, изъ шкапчика... вы знаете... Нѣтъ, не надо яблока... Тамъ есть мятныя лепешки. Спасибо, родной. Мы вотъ что сдѣлаемъ... Фу, какая гадость!.. Повезите меня куда-нибудь на воздухъ — здѣсь омерзительно, и я здѣсь боюсь... Постоянно такія страшныя галлюцинаціи. Поѣдемъ, покатаемся на лодкѣ и поговоримъ. Хотите?

Онъ, морщась, съ видомъ крайняго отвращенія пилъ рюмку за рюмкой, и Ромашовъ видѣлъ, какъ понемногу загорались жизнью и блескомъ и вновь становились прекрасными его голубые глаза.

Выйдя изъ дому, они взяли извозчика и поѣхали на конецъ города, къ рѣкѣ. Тамъ, на одной сторонѣ плотины, стояла еврейская турбинная мукомольня — огромное красное зданіе, а на другой — были расположены купальни, и тамъ же отдавались напрокатъ лодки. Ромашовъ сѣлъ на весла, а Назанскій полулегъ на кормѣ, прикрывшись шинелью.

Рѣка, задержанная плотиною, была широка и неподвижна, какъ большой прудъ. По обѣимъ ея сторонамъ берега уходили плоско и ровно вверхъ. На нихъ трава была такъ ровна, ярка и сочна, что издали хотѣлось ее потрогать рукой. Подъ берегами въ водѣ зеленѣлъ

камышъ, и среди густой, темной, круглой листвы бѣлѣли большія головки кувшинокъ.

Ромашовъ разсказалъ подробно исторію своего столкновенія съ Николаевымъ. Назанскій задумчиво слушалъ его, наклонивъ голову и глядя внизъ на воду, которая лѣнивыми, густыми струйками, переливавшимися, какъ жидкое стекло, раздавалась вдаль и вширь отъ носа лодки.

— Скажите правду, вы не боитесь, Ромашовъ? — спросилъ Назанскій тихо.

— Дуэли? Нѣтъ, не боюсь, — быстро отвѣтилъ Ромашовъ. Но тотчасъ же онъ примолкъ и въ одну секунду живо представилъ себѣ, какъ онъ будетъ стоять совсѣмъ близко противъ Николаева и видѣть въ его протянутой рукѣ опускающееся черное дуло револьвера. — Нѣтъ, нѣтъ, — прибавилъ Ромашовъ поспѣшно: — я не буду лгать, что не боюсь. Конечно, страшно. Но я знаю, что я не струшу, не убѣгу, не попрошу прощенья.

Назанскій опустилъ концы пальцевъ въ теплую, вечернюю, чуть-чуть ропщущую воду и заговорилъ медленно, слабымъ голосомъ, поминутно откашливаясь:

— Ахъ, милый мой, милый Ромашовъ, зачѣмъ вы хотите это дѣлать? Подумайте: если вы знаете твердо, что не струсите, — если совсѣмъ твердо знаете, — то вѣдь во сколько разъ тогда будетъ смѣлѣе взять и отказаться.

— Онъ меня ударилъ... въ лицо! — сказалъ упрямо Ромашовъ, и вновь жгучая злоба тяжело колыхнулась въ немъ.

— Ну, такъ, ну, ударилъ, — возразилъ ласково Назанскій и грустными, нѣжными глазами поглядѣлъ на Ромашова. — Да развѣ въ этомъ дѣло? Все на свѣтѣ проходитъ, пройдетъ и ваша боль, и ваша ненависть. И вы сами забудете объ этомъ. Но о человѣкѣ, котораго вы убили, вы никогда не забудете. Онъ будетъ съ вами въ постели, за столомъ, въ одиночествѣ и въ толпѣ. Пусто-

звоны, фильтрованные дураки, мѣдные лбы, разноцвѣтные попугаи увѣряютъ, что убійство на дуэли — не убійство. Какая чепуха! Но они же сентиментально вѣрятъ, что разбойникамъ снятся мозги и кровь ихъ жертвъ. Нѣтъ, убійство — всегда убійство. И важна здѣсь не боль, не смерть, не насиліе, не брезгливое отвращеніе къ крови и трупу, — нѣтъ, ужаснѣе всего то, что вы отнимаете у человѣка его радость жизни. Великую радость жизни! — повторилъ вдругъ Назанскій громко, со слезами въ голосѣ. — Вѣдь никто — ни вы, ни я, ахъ, да просто-напросто никто въ мірѣ не вѣритъ ни въ какую загробную жизнь. Оттого всѣ боятся смерти, но малодушные дураки обманываютъ себя перспективами лучезарныхъ садовъ и сладкаго пѣнія кастратовъ, а сильные — молча перешагиваютъ грань необходимости. Мы — не сильные. Когда мы думаемъ, что будетъ послѣ нашей смерти, то представляемъ себѣ пустой, холодный и темный погребъ. Нѣтъ, голубчикъ, все это враки: погребъ былъ бы счастливымъ обманомъ, радостнымъ утѣшеніемъ. Но представьте себѣ весь ужасъ мысли, что совсѣмъ, совсѣмъ ничего не будетъ, ни темноты, ни пустоты, ни холоду... даже мысли объ этомъ не будетъ, даже страха не останется! Хотя бы страхъ! Подумайте!

Ромашовъ бросилъ весла вдоль бортовъ. Лодка едва подвигалась по водѣ, и это было замѣтно лишь по тому, какъ тихо плыли въ обратную сторону зеленые берега.

— Да, ничего не будетъ, — повторилъ Ромашовъ задумчиво.

— А посмотрите, нѣтъ, посмотрите только, какъ прекрасна, какъ обольстительна жизнь! — воскликнулъ Назанскій, широко простирая вокругъ себя руки. — О, радость, о, божественная красота жизни! Смотрите: голубое небо, вечернее солнце, тихая вода — вѣдь дрожишь отъ восторга, когда на нихъ смотришь — вонъ тамъ, далеко,

вѣтряныя мельницы машутъ крыльями, зеленая кроткая травка, вода у берега—розовая, розовая отъ заката. Ахъ, какъ все чудесно, какъ все нѣжно и счастливо!

Назанскій вдругъ закрылъ глаза руками и расплакался, но тотчасъ же онъ овладѣлъ собой и заговорилъ, не стыдясь своихъ слезъ, глядя на Ромашова мокрыми, сіяющими глазами:

— Нѣтъ, если я попаду подъ поѣздъ, и мнѣ перерѣжутъ животъ, и мои внутренности смѣшаются съ пескомъ и намотаются на колеса, и если въ этотъ послѣдній мигъ меня спросятъ: «Ну что, и теперь жизнь прекрасна?»—я скажу съ благодарнымъ восторгомъ: — «Ахъ какъ она прекрасна!» Сколько радости даетъ намъ одно только зрѣніе! А есть еще музыка, запахъ цвѣтовъ, сладкая женская любовь! И есть безмѣрнѣйшее наслажденіе—золотое солнце жизни, человѣческая мысль! Родной мой Юрочка!.. Простите, что я васъ такъ называлъ.—Назанскій, точно извиняясь, протянулъ къ нему издали дрожащую руку.—Положимъ, васъ посадили въ тюрьму на вѣки вѣчныя, и всю жизнь вы будете видѣть изъ щелки только два старыхъ изъѣденныхъ кирпича... нѣтъ, даже положимъ, что въ вашей тюрьмѣ нѣтъ ни одной искорки свѣта, ни единого звука—ничего! И все-таки, развѣ это можно сравнить съ чудовищнымъ ужасомъ смерти? У васъ остается мысль, воображеніе, память, творчество—вѣдь и съ этимъ можно жить. И у васъ даже могутъ быть минуты восторга отъ радости жизни

— Да, жизнь прекрасна, — сказалъ Ромашовъ.

— Прекрасна! — пылко повторилъ Назанскій. — И вотъ два человѣка изъ-за того, что одинъ ударилъ другого, или поцѣловалъ его жену, или просто, проходя мимо него и крутя усы, невѣжливо посмотрѣлъ на него, — эти два человѣка стрѣляютъ другъ въ друга, убиваютъ другъ

друга. Ахъ, нѣтъ, ихъ раны, ихъ страданія, ихъ смерть— все это къ чорту! Да развѣ онъ себя убиваетъ — жалкій движущійся комочекъ, который называется человѣкомъ? Онъ убиваетъ солнце, жаркое, милое солнце, свѣтлое небо, природу, — всю многообразную красоту жизни, убиваетъ величайшее наслажденіе и гордость — человѣческую мысль! Онъ убиваетъ то, что ужъ никогда, никогда, никогда не возвратится. Ахъ, дураки, дураки!

Назанскій печально, съ долгимъ вздохомъ покачалъ головой и опустилъ ее внизъ. Лодка вошла въ камыши. Ромашовъ опять взялся за весла. Высокіе, зеленые, жесткіе стебли, шурша о борта, важно и медленно кланялись. Тутъ было темнѣе и прохладнѣе, чѣмъ на открытой водѣ.

— Что же мнѣ дѣлать? — спросилъ Ромашовъ мрачно и грубовато. — Уходить въ запасъ? Куда я дѣнусь?

Назанскій улыбнулся кротко и нѣжно.

— Подождите, Ромашовъ. Поглядите мнѣ въ глаза. Вотъ такъ. Нѣтъ, вы не отворачивайтесь, смотрите прямо и отвѣчайте по чистой совѣсти. Развѣ вы вѣрите въ то, что вы служите интересному, хорошему, полезному дѣлу? Я васъ знаю хорошо, лучше, чѣмъ всѣхъ другихъ, и я чувствую вашу душу. Вѣдь вы совсѣмъ не вѣрите въ это.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Ромашовъ твердо. — Но куда я пойду?

— Пойдите, не торопитесь. Поглядите-ка вы на нашихъ офицеровъ. О, я не говорю про гвардейцевъ, которые танцуютъ на балахъ, говорятъ по-французски и живутъ на содержаніи у своихъ родителей и законныхъ женъ. Нѣтъ, подумайте вы о насъ, несчастныхъ армятахъ, объ армейской пѣхотѣ, объ этомъ главномъ ядрѣ славнаго и храбраго русскаго войска. Вѣдь все это заваль, рвань, отбросы. Въ лучшемъ случаѣ — сыновья искалѣченныхъ капитановъ. Въ большинствѣ же — убоявшіеся премудро-

сти гимназисты, реалисты, даже неокончившіе семинаристы. Я вамъ приведу въ примѣръ нашъ полкъ. Кто у насъ служить хорошо и долго? Бѣдняки, обремененные семьями, нищіе, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убійство, на воровство солдатскихъ копеекъ, и все это изъ-за своего горшка щей. Ему приказываютъ: стрѣлай, и онъ стрѣляетъ, — кого? за что? Можетъ-быть, понапрасну?—Ему все равно, онъ не разсуждаетъ. Онъ знаетъ, что дома пищать его замурзанныя, рахитическія дѣти, и онъ бессмысленно, какъ дятель, выпуча глаза, долбитъ одно слово: «присяга!». Все, что есть талантливаго, способнаго, — спивается. У насъ семьдесятъ пять процентовъ офицерскаго состава больны сифилисомъ. Одинъ счастливецъ—и это разъ въ пять лѣтъ—поступаетъ въ академію, его провожаютъ съ ненавистью. Болѣе прилизанные и съ протекціей неизмѣнно уходятъ въ жандармы или мечтаютъ о мѣстѣ полицейскаго пристава въ большомъ городѣ. Дворяне и тѣ, кто хотя съ маленькимъ состояніемъ, идутъ въ земскіе начальники. Положимъ, остаются люди чуткіе, съ сердцемъ, но что они дѣлаютъ? Для нихъ служба—это сплошное отвращеніе, обуза, ненавидимое ярмо. Всякій старается выдумать себѣ какой-нибудь побочный интересъ, который его поглощаетъ безъ остатка. Одинъ занимается коллекционерствомъ, многіе ждутъ не дождутся вечера, когда можно сѣсть дома, у лампы, взять иголку и вышивать по канвѣ крестиками какой-нибудь паршивенькій, непужный коверчикъ или вышивать лобзикомъ ажурную рамку для собственнаго портрета. На службѣ они мечтаютъ объ этомъ, какъ о тайной сладостной радости. Карты, хвастливый спортъ въ обладаніи женщинами — объ этомъ я ужъ не говорю. Всего гнуснѣе служебное честолюбіе, мелкое, жестокое честолюбіе. Это—Осадчій и компанія, выбивающіе зубы и глаза своимъ солдатамъ. Знаете ли, при мнѣ

Арчаковскій такъ билъ своего денщика, что я насилу отнялъ его. Потомъ кровь оказалась не только на стѣнахъ, но и на потолкѣ. А чѣмъ это кончилось, хотите ли знать? Тѣмъ, что денщикъ побѣждалъ жаловаться ротному командиру, а ротный командиръ послалъ его съ запиской къ фельдфебелю, а фельдфебель еще полчаса билъ его по синему, опухшему, кровавому лицу. Этотъ солдатъ дважды заявлялъ жалобу на инспекторскомъ смотрѣ, но безъ всякаго результата.

Назанскій замолчалъ и сталъ нервно тереть себѣ виски ладонями.

— Пойдите... Ахъ, какъ мысли бѣгаютъ... — сказалъ онъ съ безпокойствомъ. — Какъ это скверно, когда не ты ведешь мысль, а она тебя ведетъ... Да, вспомнилъ! Теперь дальше. Поглядите вы на остальныхъ офицеровъ. Ну, вотъ вамъ, для примѣра, штабсъ-капитанъ Плавскій. Пытается чортъ знаетъ чѣмъ — самъ себѣ готовить какую-то дрянъ на керосинкѣ, носить почти лохмотье, но изъ своего 48-ми-рублеваго жалованья каждый мѣсяцъ откладываетъ 25. Ого-го! У него уже лежитъ въ банкѣ около двухъ тысячъ, и онъ тайно отдастъ ихъ въ ростъ товарищамъ подъ звѣрскіе проценты. Вы думаете, здѣсь врожденная скупость? Нѣтъ, нѣтъ, это только средство уйти куда-нибудь, спрятаться отъ тяжелой и непонятной безсмыслицы военной службы... Капитанъ Стельковскій — умница, сильный, смѣлый человекъ. А что составляетъ суть его жизни? Онъ совращаетъ неопытныхъ крестьянскихъ дѣвчонокъ. Наконецъ возьмите вы подполковника Брема. Милый, славный чудакъ, добрѣйшая душа — одна прелесть, — и вотъ онъ весь ушелъ въ заботы о своемъ звѣринцѣ. Что ему служба, парады, знамя, выговоры, честь? Мелкія, ненужныя подробности въ жизни.

— Бремъ — чудный, я его люблю, — вставилъ Ромашовъ.

— Такъ-то такъ, конечно, милый, — вяло согласился

Назанскій. — А знаете ли, — заговорилъ онъ вдругъ, нахмурившись:—знаете, какую штуку однажды я видѣлъ на маневрахъ? Послѣ ночного перехода шли мы въ атаку. Сбились мы всѣ тогда съ ногъ, устали, разнервничались всѣ: и офицеры и солдаты. Бремъ велитъ горнисту играть повѣстку къ атакѣ, а тотъ, Богъ его знаетъ почему, трубитъ вызовъ резерва. И одинъ разъ, и другой, и третій. И вдругъ этотъ самый—милой, добрый, чудный Бремъ подскакиваетъ на конѣ къ горнисту, который держитъ рожокъ у рта, и изо всѣхъ силъ трахъ кулакомъ по рожку! Да. И я самъ видѣлъ, какъ горнистъ вмѣстѣ съ кровью выплюнулъ на землю раскрытые зубы.

— Ахъ, Боже мой!—съ отвращеніемъ простоналъ Ромашовъ.

— Вотъ такъ и всѣ они, даже самые лучшіе, самые нужные изъ нихъ, прекрасные отцы и внимательные мужья,—всѣ они на службѣ дѣлаются низменными, трусливыми, злыми, глупыми звѣрюшками. Вы спросите: почему? Да именно потому, что никто изъ нихъ въ службу не вѣритъ и разумной цѣли этой службы не видитъ. Вы знаете вѣдь, какъ дѣти любятъ играть въ войну? Было время кипучаго дѣтства и въ исторіи, время буйныхъ и веселыхъ молодыхъ поколѣній. Тогда люди ходили вольными шайками, и война была общей, хмельной радостью, кровавой и доблестной утѣхой. Въ начальники выбирался самый храбрый, самый сильный и хитрый, и его власть до тѣхъ поръ, пока его не убивали подчиненные, принималась всѣми истинно, какъ божеская. Но вотъ человѣчество выросло и съ каждымъ годомъ становится все болѣе мудрымъ, и вмѣсто дѣтскихъ шумныхъ игръ его мысли съ каждымъ днемъ становятся серьезнѣе и глубже. Безстрашные авантюристы сдѣлались шулерами. Солдаты не идутъ уже на военную службу, какъ

на веселое и хищное ремесло. Нѣтъ, его влекутъ на арканѣ за шею, а онъ упирается, прокликаетъ и плачетъ. И начальники изъ грозныхъ, обаятельныхъ, беспощадныхъ и обожаемыхъ атамановъ обратились въ чиновниковъ, трусливо живущихъ на свое нищенское жалованье. Ихъ доблесть—подмоченная доблесть. И воинская дисциплина—дисциплина за страхъ—соприкасается съ обоюдною ненавистью. Красивые фазаны облиняли. Только одинъ подобный примѣръ я знаю въ исторіи человѣчества. Это монашество. Начало его было смиренно, красиво и трогательно. Можетъ-быть—почемъ знать—оно было вызвано міровой необходимостью? Но прошли столѣтія, и что же мы видимъ? Сотни тысячъ бездѣльниковъ, развращенныхъ, здоровенныхъ лоботрясовъ, ненавидимыхъ даже тѣми, кто въ нихъ имѣетъ время отъ времени духовную потребность. И все это прикрито внѣшней формой, шарлатанскими знаками касты, смѣшными, вывѣтрившимися обрядами. Нѣтъ, я не напрасно заговорилъ о монахахъ, и я радъ, что мое сравненіе логично. Подумайте только, какъ много общаго. Тамъ—ряса и кадило, здѣсь—мундиръ и гремящее оружіе; тамъ—смиреніе, лицемѣрные вздохи, слащавая рѣчь, здѣсь—наигранное мужество, гордая честь, которая все время вращаетъ глазами: «А вдругъ меня кто-нибудь обидитъ?»—выпяченные груди, вывороченные локти, поднятыя плечи. Но и тѣ и другіе живутъ паразитами и знаютъ, вѣдь знаютъ это глубоко въ душѣ, но боятся познать это разумомъ и, главное, животомъ. И они подобны жирнымъ вшамъ, которыя тѣмъ сильнѣе отъѣдаются на чужомъ тѣлѣ, чѣмъ оно больше разлагается.

Назанскій злобно фыркнулъ носомъ и замолчалъ.

— Говорите, говорите, — попросилъ умоляюще Ромашовъ.

— Да, настанетъ время, и оно уже у воротъ. Время

великихъ разочарованій и страшной переоцѣнки. Помните, я говорилъ вамъ какъ-то, что существуетъ отъ вѣка незримый и безпощадный геній челоуѣчества. Законы его точны и неумолимы. И чѣмъ мудрѣе становится челоуѣчество, тѣмъ болѣе и глубже оно проникаетъ въ нихъ. И вотъ я увѣренъ, что по этимъ непреложнымъ законамъ все въ мѣрѣ рано или поздно приходитъ въ равновѣсіе. Если рабство длилось вѣка, то распаденіе его будетъ ужасно. Чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа. И я глубоко, я твердо увѣренъ, что настанетъ время, когда насъ, патентованныхъ красавцевъ, неотразимыхъ соблазнительей, великолѣпныхъ щеголей станутъ стыдиться женщины и наконецъ перестанутъ слушаться солдаты. И это будетъ не за то, что мы били въ кровь людей, лишенныхъ возможности защищаться, и не за то, что намъ, во имя чести мундира, проходило безнаказаннымъ оскорбленіе женщинъ, и не за то, что мы, опьянѣвъ, рубили въ кабакахъ въ окрошку всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Конечно, и за то и за это, но есть у насъ болѣе страшная и уже теперь непоправимая вина. Это то, что мы—слѣпы и глухи ко всему. Давно уже, гдѣ-то вдали отъ нашихъ грязныхъ, воюющихъ стоянокъ совершается огромная новая, свѣтозарная жизнь. Появились новые, смѣлые, гордые люди, загораются въ умахъ пламенные, свободныя мысли. Какъ въ послѣднемъ дѣйствіи мелодрамы, рушатся старыя башни и подземелья, и изъ-за нихъ уже видится ослѣпительное сіяніе. А мы, надувшись, какъ индѣйскіе пѣтухи, только хлопаемъ глазами и надменно болбочемъ: «Что? Гдѣ? Молчать! Бунтъ! Застрѣлю!» И вотъ этого-то индюшачьяго презрѣнія къ свободѣ челоуѣческаго духа намъ не простятъ — во вѣки вѣковъ.

Лодка выѣхала въ тихую, тайную, водяную прогалинку. Кругомъ тѣсно обступилъ ее, круглой зеленой стѣной,

высокій и неподвижный камышъ. Лодка была точно отрѣзана, укрыта отъ всего міра. Надъ пей съ крикомъ носились чайки, иногда такъ близко, почти касаясь крыльями Ромашова, что онъ чувствовалъ дуновеніе отъ ихъ сильнаго полета. Должно-быть, здѣсь, гдѣ-нибудь въ чащѣ тростника, у нихъ были гнѣзда. Назанскій легъ на корму навзничъ и долго глядѣлъ вверхъ на небо, гдѣ золотыя неподвижныя облака уже окрашивались въ розовый цвѣтъ.

Ромашовъ сказалъ робко:

— Вы не устали? Говорите еще.

И Назанскій, точно продолжая вслухъ свои мысли, тотчасъ же заговорилъ:

— Да, наступаетъ новое, чудное, великолѣпное время. Я вѣдь много прожилъ на свободѣ и много кой-чего читалъ, много испыталъ и видѣлъ. До этой поры старыя вороны и галки вбивали въ насъ съ самой школьной скамьи: «Люби ближняго, какъ самого себя, и знай, что кротость, послушаніе и трепеть суть первыя достоинства человѣка». Болѣе честные, болѣе сильные, болѣе хищные говорили намъ: «Возьмемся объ руку, пойдёмъ и погибнемъ, но будущимъ поколѣніямъ приготовимъ свѣтлую и легкую жизнь». Но я никогда не понималъ этого. Кто мнѣ докажетъ съ ясной убѣдительностью, — чѣмъ связанъ я съ этимъ — чортъ бы его побралъ! — моимъ ближнимъ, съ подлымъ рабомъ, съ зараженнымъ, съ идіотомъ? О, изъ всѣхъ легендъ я болѣе всего ненавижу — всѣмъ сердцемъ, всей способностью къ презрѣнію — легенду объ Юліанѣ Милостивомъ. Прокаженный говоритъ: «Я дрожу, лягъ со мной въ постель рядомъ. Я озябъ, приблизь твои губы къ моему смрадному рту и дыши на меня». Ухъ, ненавижу! Ненавижу прокаженныхъ и не люблю ближнихъ. А затѣмъ, какой интересъ заставить меня разбивать свою голову ради счастья лю-

дей тридцать второго столѣтія? О, я знаю этотъ курьиный бредъ о какой-то міровой душѣ, о священномъ долгѣ. Но даже тогда, когда я ему вѣрилъ умомъ, я ни разу не чувствовалъ его сердцемъ. Вы слѣдите за мной, Ромашовъ?

Ромашовъ со стыдливой благодарностью поглядѣлъ на Назанскаго.

— Я васъ вполне, вполне понимаю, — сказалъ онъ. — Когда меня не станетъ, то и весь міръ погибнетъ? Вѣдь вы это говорите?

— Это самое. И вотъ, говорю я, любовь къ чело-вѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ чело-вѣческихъ сердець. На смѣну ей идетъ новая, божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца міра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему, всесильному уму, къ безконечному богатству своихъ чувствъ. Нѣтъ, подумайте, подумайте, Ромашовъ: кто вамъ дороже и ближе себя? — Никто. Вы — царь міра, его гордость и украшеніе. Вы — богъ всего живущаго. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежитъ вамъ. Дѣлайте, что хотите. Берите все, что вамъ нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что надъ вами никого нѣтъ и никто не равенъ вамъ. Настанетъ время, и великая вѣра въ свое Я осѣнитъ, какъ огненные языки Святого Духа, головы всѣхъ людей, и тогда уже не будетъ ни рабовъ, ни господъ, ни калѣкъ, ни жалости, ни пороковъ, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станутъ богами. И подумайте, какъ осмѣлюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть чело-вѣка, въ которомъ я чувствую равнаго себѣ, свѣтлаго бога? Тогда жизнь будетъ прекрасна. По всей землѣ воздвигнутся легкія, свѣтлыя зданія, ничто вульгарное, пош-лое не оскорбитъ нашихъ глазъ, жизнь станетъ сладкимъ трудомъ, свободной наукой, дивной музыкой, ве-

сѣлымъ, вѣчнымъ и легкимъ праздникомъ. Любовь, освобожденная отъ темныхъ путъ собственности, станетъ свѣтлой религіей міра, а не тайнымъ, позорнымъ грѣхомъ въ темномъ углу, съ оглядкой, съ отвращеніемъ. И самыя тѣла наши сдѣлаются свѣтлыми, сильными и красивыми, одѣтыми въ яркія великолѣпныя одежды. Такъ же, какъ вѣрю въ это вечернее небо надо мной, — воскликнулъ Назанскій, торжественно поднявъ руку вверхъ: — такъ же твердо вѣрю я въ эту грядущую богоподобную жизнь!

Романовъ, взволнованный, потрясенный, пролепеталъ поблѣднѣвшими губами:

— Назанскій, это мечты, это фантазіи!

Назанскій тихо и снисходительно засмѣялся.

— Да, — промолвилъ онъ съ улыбкой въ голосъ: — какой-нибудь профессоръ догматическаго богословія или классической филологіи разставитъ врозь ноги, разведетъ руками и скажетъ, склонивъ на бокъ голову: лову: «Но вѣдь это проявленіе крайняго индивидуализма!». Дѣло не въ страшныхъ словахъ, мой дорогой мальчикъ, дѣло въ томъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего практичнѣе, чѣмъ тѣ фантазіи, о которыхъ теперь мечтаютъ лишь немногіе. Опѣ, эти фантазіи — вѣрнѣйшая и надежнѣйшая спайка для людей. Забудемъ, что мы — военные. Мы — шпаки. Вотъ на улицѣ стоитъ чудовище, веселое, двухголовое чудовище. Кто ни пройдетъ мимо него, оно его сейчасъ въ морду, сейчасъ въ морду. Оно меня еще не ударило, но одна мысль о томъ, что оно меня можетъ ударить, оскорбить мою любимую женщину, лишить меня по произволу свободы, — эта мысль вздергиваетъ на дыбы всю мою гордость. Одинъ я его осилить не могу. Но рядомъ со мною стоитъ такой же смѣлый и такой же гордый человекъ, какъ я, и я говорю ему: «Пойдемъ и сдѣлаемъ вдвоемъ такъ, чтобы оно ни тебя ни меня

не ударило». И мы идемъ. О, конечно, это грубый примѣръ, это схема, но въ лицѣ этого двухголоваго чудовища я вижу все, что связываетъ мой духъ, насилуетъ мою волю, унижаетъ мое уваженіе къ своей личности. И тогда-то не телячья жалость къ ближнему, а божественная любовь къ самому себѣ соединяетъ мои усилія съ усиліями другихъ, равныхъ мнѣ по духу людей!

Назанскій умолкъ. Видимо, его утомилъ непривычный нервный подъемъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ продолжалъ вяло, упавшимъ голосомъ:

— Вотъ такъ-то, дорогой мой Георгій Алексѣевичъ. Мимо насъ плыветъ огромная, сложная, вся кипящая жизнь, рождаются божественныя, пламенные мысли, разрушаются старыя позолоченныя идолица. А мы стоимъ въ нашихъ стойлахъ, упершись кулаками въ бока, и ржѣмъ: «Ахъ, вы, идіоты! Шпаки! Дррать васъ!». И этого жизнь намъ никогда не проститъ...

Онъ привсталъ, поежился подъ своимъ пальто и сказалъ устало:

— Холодно... Поѣдѣте домой...

Ромашовъ выгребъ изъ камышей. Солнце сѣло за дальними городскими крышами, и онъ черно и четко выдѣлялись въ красной полосѣ зари. Кое-гдѣ яркими отраженными огнями играли оконныя стекла. Вода въ сторону зари была розовая, гладкая и веселая, но позади лодки она уже сгустилась, посинѣла и наморщилась.

Ромашовъ сказалъ внезапно, отвѣчая на свои мысли:

— Вы правы. Я уйду въ запасъ. Не знаю самъ, какъ это сдѣлаю, но объ этомъ я и раньше думалъ.

Назанскій кутался въ пальто и вздрагивалъ отъ холода.

— Идите, идите, — сказалъ онъ съ ласковой грустью. — Въ васъ что-то есть, какой-то внутренній свѣтъ... я не знаю, какъ это назвать. Но въ нашей берлогѣ его пога-

сять. Просто плюнуть на него и потушить. Главное — не бойтесь вы, не бойтесь жизни: она веселая, занятая, чудная штука—эта жизнь. Ну, ладно, не повезетъ вамъ—падете вы, опуститесь до босячества, до пропойства. Но вѣдь, ей-Богу, родной мой, любой бродяжка живетъ въ десять тысячъ разъ полнѣе и интереснѣе, чѣмъ Адамъ Иванычъ Зегржтъ или капитанъ Слива. Ходишь по землѣ туда-сюда, видишь города, деревни, знакомишься со множествомъ странныхъ, безпечныхъ, насмѣшливыхъ людей, смотришь, нюхаешь, слышишь, спишь на росистой травѣ, мерзнешь на морозѣ, ни къ чему не привязанъ, никого не боишься, обожаешь свободную жизнь всѣми частицами души... Эхъ, какъ люди вообще мало понимаютъ! Не все ли равно: ѣсть воблу или сѣдло дикой козы съ трюфелями, папиваться водкой или шампанскимъ, умереть подъ балдахиномъ или въ полицейскомъ участкѣ. Все это детали, маленькія удобства, быстро проходящія привычки. Онѣ только затѣняютъ, обезцѣниваютъ самый главный и громадный смыслъ жизни. Вотъ часто гляжу я на пышныя похороны. Лежить въ серебряномъ ящикѣ подъ дурацкими султанами одна дохлая обезьяна, а другія живыя обезьяны идутъ за ней слѣдомъ, съ вытянутыми мордами, понавѣсивъ на себя и спереди и сзади смѣшныя звѣзды и побрякушки... А всѣ эти визиты, доклады, засѣданія... Нѣтъ, мой родной, есть только одно непреложное, прекрасное и незамѣнимое — свободная душа, а съ нею творческая мысль и веселая жажда жизни. Трюфели могутъ быть и не быть—это капризная и весьма пестрая игра случая. Кондукторъ, если онъ только не совсѣмъ глупъ, черезъ годъ выучится прилично и не безъ достоинства царствовать. Но никогда откормленная, важная и тупая обезьяна, сидящая въ каретѣ, со стекляшками на жирномъ пузѣ, не пойметъ гордой прелести свободы, не испытаетъ радости вдох-

повенія, не заплачетъ сладкими слезами восторга, глядя, какъ на вербовой вѣткѣ серебрятся пушистые ба-
рашки!

Назанскій закашлялся и кашлялъ долго. Потомъ, плю-
нувъ за бортъ, онъ продолжалъ:

— Уходите, Ромашовъ. Говорю вамъ такъ, потому что
я самъ попробовалъ воли, и если вернулся назадъ, въ
загаженную клѣтку, то виною тому... ну, да ладно...
все равно, вы понимаете. Смѣло ныряйте въ жизнь, она
васъ не обманетъ. Она похожа на огромное зданіе съ
тысячами комнатъ, въ которыхъ свѣтъ, пѣніе, чудныя
картины, умные, изящные люди, смѣхъ, танцы, лю-
бовь,—все, что есть великаго и грознаго въ искусствѣ.
А вы въ этомъ дворцѣ до сихъ поръ видѣли одинъ только
темный, тѣсный чуланчикъ, весь въ сору и въ паутинѣ,—
и вы боитесь выйти изъ него.

Ромашовъ причалилъ къ пристани и помогъ Назан-
скому выйти изъ лодки. Уже стемнѣло, когда они при-
ѣхали на квартиру Назанскаго. Ромашовъ уложилъ то-
варища въ постель и самъ накрылъ его сверху одѣяломъ
и шинелью.

Назанскій такъ сильно дрожалъ, что у него стучали
зубы. Ежась въ комокъ и зарываясь головой въ по-
душку, онъ говорилъ жалкимъ, беспомощнымъ, дѣтскимъ
голосомъ:

— О, какъ я боюсь своей комнаты... Какіе сны, ка-
кіе сны!

— Хотите, я останусь ночевать?—предложилъ Ромашовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Пошлите, пожалуйста, за
бромомъ... и.... немного водки. Я безъ денегъ...

Ромашовъ просидѣлъ у него до одиннадцати часовъ.
Понемногу Назанскаго перестало трясти. Онъ вдругъ от-
крылъ большіе, блестящіе, лихорадочные глаза и ска-
залъ рѣшительно, отрывисто:

— Теперь уходите. Прощайте.

— Прощайте, — сказалъ печально Ромашовъ.

Ему хотѣлось сказать: «Прощайте, учитель», но онъ застыдился фразы и только прибавилъ съ натянутой шуткой:

— Почему — прощайте? Почему не до свиданія?

Назанскій засмѣялся жуткимъ, бессмысленнымъ, неожиданнымъ смѣхомъ.

— А почему не досвищеція? — крикнулъ онъ дикимъ голосомъ сумасшедшаго.

И Ромашовъ почувствовалъ на всемъ своемъ тѣлѣ дрожащія волны ужаса.

XXII.

Подходя къ своему дому, Ромашовъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ маленькомъ окнѣ его комнаты, среди темлаго мрака лѣтней ночи, брезжить чуть замѣтный свѣтъ. «Что это значитъ? — подумалъ онъ тревожно и невольно ускорилъ шаги. — Можетъ-быть, это вернулись мои секунданты съ условіями дуэли?» Въ сѣняхъ онъ натолкнулся на Гайнана, не замѣтилъ его, испугался, вздрогнулъ и воскликнулъ сердито:

— Что за чортъ! Это ты, Гайнанъ? Кто тутъ?

Несмотря на темноту, онъ почувствовалъ, что Гайнанъ, по своей привычкѣ, заплясалъ на одномъ мѣстѣ.

— Тамъ тебѣ барина пришла. Сидить.

Ромашовъ отворилъ дверь. Въ лампѣ давно уже вышелъ весь керосинъ, и теперь она, потрескивая, догорала послѣдними чадными вспышками. На кровати сидѣла неподвижная женская фигура, неясно выдѣляясь въ тяжеломъ, вздрагивающемъ полумракѣ.

— Шурочка! — задыхаясь, сказалъ Ромашовъ и по-

чему-то на цыпочкахъ осторожно подошелъ къ кровати. — Шурочка, это вы?

— Тише. Садитесь, — отвѣтила она быстрымъ шопотомъ. — Потушите лампу.

Онъ дунулъ сверху въ стекло. Пугливый синій огонекъ умеръ, и сразу въ комнатѣ стало темно и тихо, и тотчасъ же торопливо и громко застучалъ на столѣ незамѣчаемый до сихъ поръ будильникъ. Ромашовъ сѣлъ рядомъ съ Александрой Петровной, сгорбившись и не глядя въ ея сторону. Странное чувство боязни, волненія и какого-то замиранія въ сердцѣ овладѣло имъ и мѣшало ему говорить.

— Кто у васъ рядомъ, за стѣной?—спросила Шурочка. — Тамъ слышно?

— Нѣтъ, тамъ пустая комната... старая мебель.... хозяинъ—столяръ. Можно говорить громко.

Но все-таки оба они продолжали говорить шопотомъ, и въ этихъ тихихъ, отрывистыхъ словахъ, среди тяжелаго, густого мрака, было много боязливаго, смущеннаго и тайно крадущагося. Они сидѣли, почти касаясь другъ друга. У Ромашова глухими толчками шумѣла въ ушахъ кровь.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы это сдѣлали?—вдругъ сказала она тихо, но со страстнымъ упрекомъ.

Она положила ему на колѣно свою руку. Ромашовъ сквозь одежду почувствовалъ ея живую, нервную теплоту и, глубоко передохнувъ, зажмурилъ глаза. И отъ этого не стало темнѣе, только передъ глазами всплыли похожіе на сказочныя озера черныя овалы, окруженные голубымъ сіяніемъ.

— Помните, я просила васъ быть съ нимъ сдержаннымъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не упрекаю. Вы не нарочно искали ссоры—я знаю это. Но неужели въ то время, когда въ васъ проснулся дикій звѣрь, вы не могли хотя

бы на минуту вспомнить обо мнѣ и остановиться. Вы никогда не любили меня!

— Я люблю васъ, — тихо произнесъ Ромашовъ и слегка прикоснулся робкими, вздрагивающими пальцами къ ея рукѣ.

Шурочка отняла ее, но не сразу, потихоньку, точно жалѣя и боясь его обидѣть.

— Да, я знаю, что ни вы ни онъ не называли моего имени, но ваше рыцарство пропало понапрасну: все равно по городу катится сплетня.

— Простите меня, я не владѣлъ собой... Меня ослѣпила ревность, — съ трудомъ произнесъ Ромашовъ.

Она засмѣялась долгимъ и злымъ смѣшкомъ.

— Ревность? Неужели вы думаете, что мой мужъ былъ такъ великодушенъ послѣ вашей драки, что удержался отъ удовольствія рассказать мнѣ, откуда вы пріѣхали тогда въ собраніе? Опъ и про Назанскаго мнѣ сказалъ.

— Простите, — повторялъ Ромашовъ. — Я тамъ ничего дурного не дѣлалъ. Простите.

Она вдругъ заговорила громче, рѣшительнымъ и суровымъ шопотомъ:

— Слушайте, Георгій Алексѣевичъ, мнѣ дорога каждая минута. Я и то ждала васъ около часа. Поэтому будемъ говорить коротко и только о дѣлѣ. Вы знаете, что такое для меня Володя. Я его не люблю, но я на него убила часть своей души. У меня больше самолюбія, чѣмъ у него. Два раза онъ проваливался, держа экзамень въ академію. Это причиняло мнѣ гораздо больше обиды и огорченія, чѣмъ ему. Вся эта мысль о генеральномъ штабѣ принадлежитъ мнѣ одной, цѣликомъ мнѣ. Я тянула мужа изо всѣхъ силъ, подхлестывала его, зублила вмѣстѣ съ нимъ, репетировала, взвинчивала его гордость, ободряла его въ минуту унынія. Это — мое соб-

ственное, любимое, больное дѣло. Я не могу оторвать отъ этой мысли своего сердца. Что бы тамъ ни было, но онъ поступить въ академію.

Ромашовъ сидѣлъ, низко склонившись головой на ладонь. Онъ вдругъ почувствовалъ, что Шурочка тихо и медленно провела рукой по его волосамъ. Онъ спросилъ съ горестнымъ недоумѣніемъ:

— Что же я могу сдѣлать?

Она обняла его за шею и нѣжно привлекла его голову къ себѣ на грудь. Она была безъ корсета. Ромашовъ почувствовалъ щекой податливую упругость ея тѣла и услышалъ его теплый, пряный, сладострастный запахъ. Когда она говорила, онъ ощущалъ ея прерывистое дыханіе на своихъ волосахъ.

— Ты помнишь, тогда... вечеромъ... на пикникѣ. Я тебѣ сказала всю правду. Я не люблю его. Но, подумай: три года, цѣлыхъ три года надеждъ, фантазій, плановъ и такой упорной, противной работы! Ты вѣдь знаешь, я ненавижу до дрожи это мѣщанское, нищенское офицерское общество. Я хочу быть всегда прекрасно одѣтой, красивой, изящной, я хочу поклоненія, власти! И вдругъ—пелѣная пьяная драка, офицерскій скандалъ—и все кончено, все разлетѣлось въ прахъ! О, какъ это ужасно! Я никогда не была матерью, но я воображаю себѣ: вотъ у меня растеть ребенокъ—любимый, лелѣемый, въ немъ всѣ надежды, въ него вложены заботы, слезы, бессонныя ночи... и вдругъ—нелѣпость, случай, дикій, стихійный случай: онъ играетъ на окнѣ, нянька отвернулась, онъ падаетъ внизъ, на камни. Милый, только съ этимъ материнскимъ отчаяніемъ я могу сравнить свое горе и злобу. Но я не виню тебя.

Ромашову было неудобно сидѣть перегнувшись и боясь сдѣлать ей тяжело. Но онъ радъ былъ бы сидѣть такъ цѣлые часы и слышать въ какомъ-то странномъ,

душномъ опьянѣніи частыя и точныя біенія ея маленькаго сердца.

— Ты слушаешь меня? — спросила она, нагибаясь къ нему.

— Да, да... Говори... Если я только могу, я сдѣлаю все, что ты хочешь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Выслушай меня до конца. Если ты его убьешь, или если его отставятъ отъ экзамена — конечно! Я въ тотъ же день, когда узнаю объ этомъ, бросаю его и ѣду—все равно куда—въ Петербургъ, въ Одессу, въ Кіевъ. Не думай, это не фальшивая фраза изъ газетнаго романа. Я не хочу пугать тебя такими дешевыми эффектами. Но я знаю, что я молода, умна, образована. Не красива. Но я сумѣю быть интереснѣе многихъ красавицъ, которыя на публичныхъ балахъ получаютъ въ видѣ преміи за красоту мельхиоровый подносъ или будильникъ съ музыкой. Я надругаюсь надъ собой, но сгорю въ одинъ мигъ и ярко, какъ фейерверкъ!

Ромашовъ глядѣлъ въ окно. Теперь его глаза, привыкшіе къ темнотѣ, различали неясный, чуть видный переплетъ рамы.

— Не говори такъ... не надо... мнѣ больно,—произнесъ онъ печально.—Ну, хочешь, я завтра откажусь отъ поединка, извинюсь передъ нимъ? Сдѣлать это?

Она помолчала немного. Будильникъ наполнялъ своей металлической болтовней всѣ углы темной комнаты. Наконецъ она произнесла еле слышно, точно въ раздумьѣ, съ выраженіемъ, котораго Ромашовъ не могъ уловить:

— Я такъ и знала, что ты это предложишь.

Онъ поднялъ голову и, хотя она удерживала его за шею рукой, выпрямился на кровати.

— Я не боюсь!—сказалъ онъ громко и глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — заговорила она горячимъ, поспѣшнымъ, умоляющимъ шопотомъ. — Ты меня не понялъ. Иди ко мнѣ ближе... какъ раньше... Иди же!..

Она обняла его обѣими руками и зашептала, щекоча его лицо своими тонкими волосами и горячо дыша ему въ щеку:

— Ты меня не понялъ. У меня совсѣмъ другое. Но мнѣ стыдно передъ тобой. Ты такой чистый, добрый, и я стѣсняюсь говорить тебѣ объ этомъ. Я расчетливая, я гадкая...

— Нѣтъ, говори все. Я тебя люблю.

— Послушай, — заговорила она, и онъ скорѣе угадывалъ ея слова, чѣмъ слышалъ ихъ. — Если ты откажешься, то вѣдь сколько обидъ, позора и страданій падеть на тебя. Нѣтъ, нѣтъ, опять не то. Ахъ, Боже мой, въ эту минуту я не стану лгать передъ тобой. Дорогой мой, я вѣдь все это давно обдумала и взвѣсила. Положимъ, ты отказался. Честь мужа реабилитирована. Но, пойми, въ дуэли, окончившейся примиреніемъ, всегда остается что-то... какъ бы сказать?.. Ну, что ли, сомнительное, что-то возбуждающее недоумѣніе и разочарованіе.... Понимаешь ли ты меня? — спросила она съ грустной нѣжностью и осторожно поцѣловала его въ волосы.

— Да. Такъ что же?

— То, что въ этомъ случаѣ мужа почти навѣрно не допустятъ къ экзаменамъ. Репутація офицера генеральнаго штаба должна быть безъ пушинки. Между тѣмъ, если бы вы на самомъ дѣлѣ стрѣлялись, то тутъ было бы нѣчто героическое, сильное. Людямъ, которые умѣютъ держать себя съ достоинствомъ подъ выстрѣломъ, многое, очень многое прощаютъ. Потомъ... послѣ дуэли... ты могъ бы, если хочешь, и извиниться... Ну, это ужъ твое дѣло.

Тѣсно обнявшись, они шептались, какъ заговорщики, касаясь лицами и руками другъ друга, слыша дыханіе другъ друга. Но Ромашовъ почувствовалъ, какъ между ними незримо проползало что-то тайное, гадкое, склизкое, отъ чего пахнуло холодомъ на его душу. Онъ опять хотѣлъ высвободиться изъ ея рукъ, но она его не пускала. Стараясь скрыть непонятное, глухое раздраженіе, онъ сказалъ сухо:

— Ради Бога, объяснись прямѣе. Я все тебѣ обѣщаю.

Тогда она повелительно заговорила около самаго его рта, и слова ея были, какъ быстрые, трепетные поцѣлуи:

— Вы непременно должны завтра стрѣляться. Но ни одинъ изъ васъ не будетъ раненъ. О, пойми же, пойми меня, не осуждай меня! Я сама презираю трусовъ, я женщина. Но ради меня сдѣлай это, Георгій! Нѣтъ, не спрашивай о мужѣ, онъ знаетъ. Я все, все, все сдѣлала.

Теперь ему удалось упрямымъ движеніемъ головы освободиться отъ ея мягкихъ и сильныхъ рукъ. Онъ всталъ съ кровати и сказалъ твердо:

— Хорошо, пусть будетъ такъ. Я согласенъ.

Она тоже встала. Въ темнотѣ, по ея движеніямъ онъ не видѣлъ, а угадывалъ, чувствовалъ, что она торопливо поправляетъ волосы на головѣ.

— Ты уходишь?—спросилъ Ромашовъ.

— Прощай, — отвѣтила она слабымъ голосомъ.— Поцѣлуй меня въ послѣдній разъ.

Сердце Ромашова дрогнуло отъ жалости и любви. Впотымахъ, оцупью, онъ нашелъ руками ея голову и сталъ цѣловать ея щеки и глаза. Все лицо Шурочки было мокро отъ тихихъ, неслышныхъ слезъ. Это взволновало и растрогало его.

— Милая... не плачь.... Саша... милая...—твердилъ онъ жалостно и мягко.

Она вдругъ быстро закинула руки ему за шею, том-

нымъ, страстнымъ и сильнымъ движеніемъ вся прильнула къ нему и, не отрывая своихъ пылающихъ губъ отъ его рта, зашептала отрывисто, вся содрогаясь и тяжело дыша:

— Я не могу такъ съ тобой проститься... Мы не увидимся больше. Такъ не будемъ ничего бояться... Я хочу, хочу этого. Одинъ разъ... возьмемъ наше счастье... Милый, иди же ко мнѣ, иди, иди...

И вотъ оба они, и вся комната, и весь міръ сразу наполнились какимъ-то нестерпимо-блаженнымъ, знойнымъ бредомъ. На секунду среди бѣлаго пятна подушки Ромашовъ со сказочной отчетливостью увидѣлъ близко-близко около себя глаза Шурочки, сіявшіе безумнымъ счастьемъ, и жадно прижался къ ея губамъ...

— Можно мнѣ проводить тебя? — спросилъ онъ, выйдя съ Шурочкой изъ дверей на дворъ.

— Нѣтъ, ради Бога, не нужно, милый... Не дѣлай этого. Я и такъ не знаю, сколько времени провела у тебя. Который часъ?

— Не знаю, у меня нѣтъ часовъ. Положительно не знаю.

Она медлила уходить и стояла, прислонившись къ двери. Въ воздухѣ пахло отъ земли и отъ камней сухимъ, страстнымъ запахомъ жаркой ночи. Было темно, но сквозь мракъ Ромашовъ видѣлъ, какъ и тогда въ роцѣ, что лицо Шурочки свѣтится страннымъ бѣлымъ свѣтомъ, точно лицо мраморной статуи.

— Ну, прощай же, мой дорогой, — сказала она наконецъ усталымъ голосомъ. — Прощай.

Они поцѣловались, и теперь ея губы были холодны и неподвижны. Она быстро пошла къ воротамъ, и сразу ее поглотила густая тьма ночи.

Ромашовъ стоялъ и слушалъ до тѣхъ поръ, пока не скрипнула калитка и не замолегли тихіе шаги Шурочки. Тогда онъ вернулся въ комнату.

Сильное, но пріятное утомленіе внезапно овладѣло имъ. Онъ едва успѣлъ раздѣться—такъ ему хотѣлось спать. И послѣднимъ живымъ впечатлѣніемъ передъ сномъ былъ легкій, сладостный запахъ, шедшій отъ подушки—запахъ волосъ Шурочки, ея духовъ и прекраснаго молодого тѣла.

XXIII.

2-го іюня 18**.
Городъ Z.

Его Высокоблагородію
командиру N — скаго пѣхотнаго полка
Штабсъ-капитана того же полка Дицъ

РАПОРТЪ.

Настоящимъ имѣю честь донести Вашему Высокоблагородію, что сего 2-го іюня, согласно условіямъ, доложеннымъ вамъ вчера, 1-го іюня, состоялся поединокъ между поручикомъ Николаевымъ и подпоручикомъ Ромашовымъ. Противники встрѣтились безъ пяти минутъ въ 6 час. утра, въ роцѣ, именуемой «Дубечная», расположенной въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города. Продолжительность поединка, включая сюда и время, употребленное на сигналы, была 1 мин. 10 сек. Мѣста, занятые дуэлянтами, были установлены жребіемъ. По командѣ «впередъ» оба противника пошли другъ другу навстрѣчу, при чемъ выстрѣломъ, произведеннымъ поручикомъ Николаевымъ, подпоручикъ Ромашовъ раненъ былъ въ правую верхнюю часть живота. Для выстрѣла поручикъ Николаевъ оставился, точно такъ же, какъ и оставался стоять, ожидая отвѣтнаго выстрѣла. По истеченіи установленной полминуты для отвѣтнаго выстрѣла, обнаружилось, что подпоручикъ Ромашовъ отвѣчать противнику не можетъ. Вслѣдствіе этого секунданы подпоручика Рома-

шова предложили считать поединокъ оконченнымъ. Съ общаго согласія, это было сдѣлано. При перенесеніи подпоручика Ромашова въ коляску, послѣдній впалъ въ тяжелое обморочное состояніе и черезъ семь минутъ скончался отъ внутренняго кровоизліянія. Секундантами со стороны поручика Николаева были: я и поручикъ Васинъ, со стороны же подпоручика Ромашова: поручики Бекъ-Агамаловъ и Вѣткинъ. Распоряженіе дуэлью, съ общаго согласія, было предоставлено мнѣ. Показаніе младшаго врача кол. ас. Знойко при семъ прилагаю.

Штабсъ-капитанъ Дицъ.

ДОЗНАНІЕ.

Подпоручикъ Козловскій задумчиво чертилъ на бѣлой клеенкѣ стола тонкій профиль женскаго лица со взбитой кверху гривкой и съ воротникомъ à la Марія Стюартъ. Лежавшее передъ нимъ предписаніе начальства коротко приказывало ему произвести немедленное дознаніе о кражѣ пары голенищъ и тридцати семи копеекъ деньгами, произведенной рядовымъ Мухаметомъ Байгузинымъ изъ запертаго сундука, принадлежащаго молодому солдату Венедикту Есипакѣ. Собранные по этому дѣлу свидѣтели: фельдфебель Остапчукъ и ефрейторъ Пискунъ, и вмѣстѣ съ ними рядовой Кучербаевъ, вызванный въ качествѣ переводчика, помѣщались въ хозяйской кухнѣ, откуда ихъ по одному впускалъ въ комнату денщикъ подпоручика, сохранявшій на лицѣ приличное случаю —степенное и даже нѣсколько высокомерное выраженіе.

Первымъ вошелъ фельдфебель, Тарасъ Гавриловичъ Остапчукъ, и тотчасъ же далъ о себѣ знать учтивымъ покашливаніемъ, для чего поднесъ ко рту фуражку. Тарасъ Гавриловичъ — «зубъ» по уставной части, непоколебимый авторитетъ для всего галуннаго начальства — пользовался въ полку весьма широкою извѣстностью. Подъ его опытнымъ руководствомъ сходили благополучно для роты смотры, парады и всякіе инспекторскіе опросы, ме-

жду тѣмъ какъ ротный командиръ проводилъ дни и ночи въ изобрѣтеніи финансовыхъ мѣръ противъ тѣхъ исполнительныхъ листовъ, которые то и дѣло представляли на него въ канцелярію полка безчисленные кредиторы изъ полковыхъ ростовщиковъ. Снаружи фельдфебель производилъ впечатлѣніе маленькаго, сильнаго крѣпыша съ наклономъ къ сытой полнотѣ, съ квадратнымъ краснымъ лицомъ, на которомъ зорко и остро глядѣли узенькіе глазки. Тарасъ Гавриловичъ былъ женатъ и въ лагерное время послѣ вечерней переклички пилъ чай съ молокомъ и горячей булкой, сидя въ полосатомъ халатѣ передъ своей палаткой. Онъ любилъ говорить съ вольноопредѣляющимися своей роты о политикѣ, при чемъ всегда оставался при особомъ мнѣніи, а несогласнаго назначалъ иногда на лишнее дежурство.

— Какъ... тебя... зовутъ? — спросилъ нерѣшительно Козловскій.

Онъ еще и года не выслужилъ въ полку и всегда заинался, если ему приходилось говорить «ты» такой заслуженной особѣ, какъ Тарасъ Гавриловичъ, у котораго на груди висѣла большая серебряная медаль «за усердіе» и лѣвый рукавъ былъ расшитъ золотыми и серебряными углами.

Опытный фельдфебель очень тонко и вѣрно оцѣнилъ замѣшательство молодого офицера и, нѣсколько польщенный имъ, назвалъ себя съ полною обстоятельностью.

— Расскажите... расскажите... кто тамъ эту кражу совершилъ? Сапоги тамъ какіе-то, что ли? Чортъ знаетъ, что такое!

Чорта онъ прибавилъ, чтобы хоть немного поддать своему тону увѣренности. Фельдфебель выслушалъ его съ видомъ усиленнаго вниманія, вытянувъ впередъ шею. Показаніе свое онъ началъ неизбѣжнымъ «такъ что».

— Такъ что, вашъ бродъ, сажу я и переписываю на-

рядъ. Внезапно прибѣгаетъ ко мнѣ дежурный, этотъ самый, значить, Пискунъ, и докладываетъ: такъ и такъ, господинъ фельдфебель, въ ротъ неблагополучно.—«Какъ такъ неблагополучно?»—«Точно такъ, говоритъ, у молодого солдата сапоги украли и тридцать копеекъ денегъ». — «А зачѣмъ онъ, спрашиваю, сундука не запералъ?» Потому что, вашъ бродъ, у нихъ, у каждаго, при сундучкѣ замѣкъ долженъ находиться.—«Точно такъ, говоритъ, онъ запералъ, только у него взломали». — «Кто взломалъ? Какъ смѣли? Эт-та что за безобразіе?»—«Не могу знать, господинъ фельдфебель». Тогда я пошелъ къ ротному командиру и доложилъ: такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, и вотъ что случилось, а только меня въ это время въ ротъ не было, потому что я ходилъ до оружейнаго мастера.

— Это все, что тебѣ извѣстно?

— Точно такъ.

— Ну, а этотъ солдатъ, Байгузинъ, хорошій онъ солдатъ? Раньше его замѣчали въ чемъ-нибудь?

Тарасъ Гавриловичъ потянулъ впередъ подбородокъ, какъ будто бы воротникъ рѣзалъ ему шею.

— Точно такъ, въ прошломъ году въ бѣгахъ былъ три недѣли. Я полагаю, что эти татары — самая несообразная нація. Потому что они на луну молятся и ничего по-нашему не понимаютъ. Я полагаю, вашъ бродъ, что ихъ больше, татаръ то-есть, ни въ одномъ государствѣ не водится...

Тарасъ Гавриловичъ любилъ поговорить съ образованнымъ человѣкомъ. Козловскій слушалъ молча и кусалъ ручку пера.

Благодаря недостатку служебнаго опыта, онъ не могъ ни собраться съ духомъ, ни найти надлежащій, твердый тонъ, чтобы осадить политичнаго фельдфебеля. Наконецъ, заикаясь, онъ спросилъ, чтобы только что-нибудь ска-

зять, и въ то же время чувствуя, что Тарасъ Гавриловичъ понимаетъ ненужность его вопроса:

— Ну, и что же теперь будутъ съ Байгузинымъ дѣлать?

Тарасъ Гавриловичъ отвѣтилъ съ самымъ благосклоннымъ видомъ:

— Надо полагать, что Байгузина, вашъ бродь, будутъ теперь пороть. Потому, ежели бы онъ въ прошломъ году не бѣгалъ, ну, тогда дѣло другого рода, а теперь я такъ полагаю, что его безпремѣнно выдерутъ. Потому, какъ опъ штрафованный.

Козловскій прочелъ ему дознаніе и далъ для подписи. Тарасъ Гавриловичъ бойко и тщательно написалъ свое званіе, имя, отчество и фамилію, потомъ перечелъ написанное, подумалъ и, неожиданно придѣлавъ подъ подписью закорючку, хитро и дружелюбно поглядѣлъ на офицера.

Затѣмъ вошелъ ефрейторъ Пискунъ. Онъ еще не доросъ до разбиранія степени авторитетности начальства и потому одинаково пучилъ на всѣхъ глаза, стараясь говорить «громко, смѣло и при томъ всегда правду». Отъ этого, уловивъ въ вопросѣ начальника намекъ на положительный отвѣтъ, онъ кричалъ: «точно такъ», а въ противномъ случаѣ—«никакъ нѣтъ».

— Ты не знаешь, кто укралъ у молодого солдата Есипаки голенища?

Пискунъ закричалъ, что онъ не можетъ знать.

— А можетъ-быть, это Байгузинъ сдѣлалъ?

— Точно такъ, ваше благородіе!—закричалъ Пискунъ радостнымъ и увѣреннымъ голосомъ.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Такъ ты, можетъ-быть, и не видалъ вовсе, какъ онъ кралъ-то?

— Никакъ нѣтъ, не видалъ. А когда солдаты пошли на ужинъ, то онъ все около наръ вертѣлся. Я его спросилъ: «Чего ты здѣсь околачиваешься?» А онъ говоритъ: «Я хлѣбъ свой ищу».

— Значить, ты самой кражи не видалъ?

— Не видалъ, ваше благородіе.

— Да, можетъ-быть, кто-нибудь еще, кромѣ Байгузина, тамъ былъ? Можетъ-быть, это вовсе и не онъ укралъ?

— Точно такъ, ваше благородіе.

Съ ефрейторомъ Козловскій чувствовалъ себя несравненно развязнѣе и потому, назвавъ его осломъ, далъ ему для подписи дознаніе.

Пискунь долго пристраивался, громко сопя и высовывая кончикъ языка отъ усердія, и наконецъ вывелъ съ громаднымъ трудомъ: ефре Спирѣдонъ Пескуну.

Теперь Козловскій понялъ, что все дѣло въ концѣ концовъ сводилось къ одному шаткому показанію дежурнаго по ротѣ—Пискуна, который видѣлъ Байгузина околачивающимся во время ужина въ казармѣ. Что же касается до молодого солдата Есипаки, то его еще раньше отправили въ госпиталь, потому что онъ заболѣлъ трахомой.

Наконецъ денщикъ впустилъ обоихъ татаръ. Они вошли робко, съ преувеличенною осторожностью ступая сапогами, съ которыхъ кусками валилась на полъ осенняя грязь, и остановились у самой двери. Козловскій приказалъ имъ подойти ближе; они сдѣлали еще по три шага, высоко поднимая ноги.

— Фамиліи! — обратился къ нимъ офицеръ.

Кучербаевъ очень бойко отчеканилъ свою фамилію, въ которую входили и «оглы», и «гирей», и «мирза».

Байгузинъ молчалъ и глядѣлъ въ землю.

— Скажи ему по-татарски, чтобы онъ назвалъ свою фамилію, — приказалъ Козловскій переводчику.

Кучербаевъ поворотился къ обвиняемому и что-то проговорилъ по-татарски ободрительнымъ тономъ.

Байгузинъ поднялъ глаза, поглядѣлъ на переводчика тѣмъ немигающимъ и печальнымъ взглядомъ, какимъ смотритъ на своего хозяина маленькая обезьянка, и проговорилъ быстро, хриплымъ и равнодушнымъ голосомъ:

— Мухаметъ Байгузинъ.

— Точно такъ, ваше благородіе, Мухаметъ Байгузинъ, — доложилъ переводчикъ.

— Спроси его, взялъ онъ у Есипаки голенища?

Подпоручикъ опять убѣдился въ своей неопытности и малодушіи, потому что изъ какого-то стыдливаго и деликатнаго чувства не могъ выговорить настоящее слово «укралъ».

Кучербаевъ снова поворотился и заговорилъ, на этотъ разъ вопросительно и какъ будто бы съ оттѣнкомъ строгости. Байгузинъ поднялъ на него глаза и опять промолчалъ. И на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ такимъ же печальнымъ молчаніемъ.

— Не хочетъ говорить, — объяснилъ переводчикъ.

Офицеръ всталъ, прошелся задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ и спросилъ:

— А по-русски-то онъ совсѣмъ ничего не понимаетъ?

— Понимаетъ, ваше благородіе. Онъ даже говорить можетъ. Эй! Харандашъ, корали мингà *); — обратился онъ опять къ Байгузину и заговорилъ по-татарски что-то длинное, на что Байгузинъ отвѣчалъ только своимъ обезьяньимъ взглядомъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не хочетъ.

Наступило молчаніе; подпоручикъ еще разъ прошелся

*) Корали мингà — значитъ по-татарски — смотри на мѣня. Харандашъ — пріятель.

изъ угла въ уголъ и вдругъ закричалъ со злостью на переводчика :

— Иди. Ты мнѣ больше не нуженъ... Ступай, ступай!

Когда Кучербаевъ ушелъ, Козловскій еще долго ходилъ изъ угла въ уголъ вдоль своей единственной комнаты. Въ трудныя минуты жизни онъ всегда прибѣгалъ къ этому испытанному средству. И каждый разъ, проходя мимо Байгузина, онъ сбоку, такъ, чтобы это было незамѣтно, разсматривалъ его. Этотъ защитникъ отечества былъ худъ и малъ, точно двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Его дѣтское лицо, коричневое, скуластое и совсѣмъ безволосое, смѣшно и жалко выглядывало изъ непомѣрно-широкой сѣрой шинели съ рукавами по колѣни, въ которой Байгузинъ болтался, какъ горошина въ стручкѣ. Глазъ его не было видно, потому что онъ ихъ все время держалъ опущенными.

— Отчего ты не хочешь отвѣчать? — спросилъ подпоручикъ, остановившись передъ солдатикомъ.

Татаринъ молчалъ, не поднимая глазъ.

— Ну, чего же ты молчишь, братецъ? Вотъ про тебя говорятъ, что ты взялъ голенища. Такъ, можетъ-быть, это и не ты вовсе? А? Ну, говори же, взялъ ты или нѣтъ? А?

Не дождавшись отвѣта, Козловскій опять принялся ходить. Осенній вечеръ быстро темнѣлъ, и все въ комнатѣ принимало скучный и сѣрый оттѣнокъ. Углы совсѣмъ потонули въ темнотѣ, и Козловскій съ трудомъ различалъ понурую, неподвижную фигуру, мимо которой онъ каждый разъ проходилъ. Подпоручикъ понималъ, что если бы онъ такъ продолжалъ ходить весь вечеръ и всю ночь, вплоть до утра, то и понурая фигура продолжала бы такъ же неподвижно и молчаливо стоять на своемъ мѣстѣ. Эта мысль была ему особенно тяжела и непріятна.

Стѣнные часы съ гирьками быстро и глухо пробили

одиннадцать часовъ, потомъ зашипѣли и, какъ будто бы въ раздумьѣ, прибавили еще три.

Козловскому стало очень жаль этого ребенка въ большой солдатской шинели. Впрочемъ, это было почти неуловимое, странное и совсѣмъ новое чувство для Козловскаго, который не умѣлъ въ немъ разобраться. Какъ будто бы въ жалкой пришибленности и беспомощности Байгузина былъ виноватъ не кто иной, какъ самъ подпоручикъ Козловскій. Въ чемъ заключалась эта вина, онъ не сумѣлъ бы отвѣтить, но ему сдѣлалось бы стыдно, если бы теперь кто-нибудь напомнилъ ему, что онъ недурень собой и ловко танцуетъ, что его считаютъ неглупымъ, что онъ выписываетъ толстый журналъ и имѣетъ связь съ хорошенькой дамой.

Стало такъ темно, что Козловскій уже не различалъ фигуры татарина. На печкѣ заиграли длинныя блѣдныя пятна отъ восходившаго молодого мѣсяца.

— Послушай, Байгузинъ, — заговорилъ Козловскій искреннимъ, дружелюбнымъ голосомъ. — Богъ вѣдь у насъ у всѣхъ одинъ. Ну, Аллахъ, что ли, по-вашему? Такъ вѣдь надо правду говорить. А? Если не скажешь теперь, все равно потомъ узнаютъ, и будетъ еще хуже. А сознаешься—все-таки не такъ. И я за тебя попрошу. Честное слово, ужъ я тебѣ говорю, что просить буду за тебя. Понимаешь, одно слово — Аллахъ.

Опять въ комнатѣ сдѣлалось тихо, и только часы стучали съ настойчивымъ и скучнымъ однообразіемъ.

— Ну, Байгузинъ, я же тебя, какъ человекъ, прошу. Ну, просто какъ человекъ, а не какъ начальникъ. Начальникъ йокъ. Понимаешь? У тебя отецъ-то есть? А? Можетъ-быть, и инай есть?—прибавилъ онъ, вспомнивъ случайно, что по-татарски мать — инай.

Татаринъ молчалъ. Козловскій прошелся по комнатѣ, перетянулъ кверху гирьки часовъ и затѣмъ, подойдя къ

окну; сталъ глядѣть съ тоскливымъ сердцемъ въ холодную темноту осенней ночи.

И вдругъ онъ вздрогнулъ, услышавъ сзади себя хриплый и тонкій голосъ:

— Инай есть.

Козловскій быстро обернулся. Онъ какъ разъ въ это время думалъ, что и у него есть инай, милая старушка инай, отъ которой онъ отдѣленъ пространствомъ въ полторы тысячи верстъ. Онъ вспомнилъ, что, въ сущности, безъ нея онъ былъ совсѣмъ одинокъ въ этомъ краѣ, гдѣ говорятъ ломанымъ русскимъ языкомъ и гдѣ онъ всегда чувствовалъ себя чужимъ; вспомнилъ ея теплую ласку и нѣжную заботу; вспомнилъ, что иногда, увлекаемый шумной, подчасъ безалаберной жизнью, онъ забывалъ въ продолженіе мѣсяцевъ отвѣчать на ея длинныя, обстоятельныя и нѣжныя письма, въ которыхъ она неизмѣнно поручала его покровительству Царицы Небесной.

Между подпоручикомъ и молчаливымъ татаринѣмъ вдругъ возникла тонкая и нѣжная связь. Козловскій рѣшительно подошелъ къ солдату и положилъ ему обѣ руки на плечи:

— Ну, послушай, голубчикъ, говори правду, укралъ ты или не укралъ эти голенища?

Байгузинъ потянулъ носомъ и повторилъ точно эхо:

— Укралъ голенища.

— И тридцать семь копеекъ укралъ?

— Тридцать семь копеекъ укралъ.

Подпоручикъ вздохнулъ и опять зашагалъ по комнатѣ. Теперь онъ уже сожалѣлъ, что началъ разговоръ про «инай» и довелъ Байгузина до признанія. Раньше, по крайней мѣрѣ, хоть не было ни одной прямой улики.

«Ну, околачивался онъ въ казармѣ, и что же изъ того, что околачивался? И никто бы ничего не могъ до-

казать. А теперь ужъ по одному чувству долга приходится его сознаніе записать. Да полно, долгъ ли это? А можетъ-быть, долгъ-то мой теперь въ томъ и состоитъ, чтобы этого сознанія не записывать? Вѣдь проникло же ему въ душу какое-то хорошее чувство и даже, вѣроятнѣе всего, раскаяніе. А его, какъ рецидивиста, ужъ непременно, непременно высѣкутъ. Развѣ это поможетъ? Вотъ и «инай» у него тоже есть. И кромѣ того долгъ, вѣдь это «тягучее понятіе», какъ говоритъ капитанъ Гребберъ. Ну, а если его еще разъ будутъ допрашивать? Не могу же я входить съ нимъ въ соглашеніе, учить его обманывать начальство. И для какого чорта только я про эту «инай» вспомнилъ! Ахъ, ты, бѣдняга, бѣдняга! Я же тебѣ своимъ сочувствіемъ бѣды надѣлалъ».

Козловскій приказалъ татарину отправиться въ казармы и прійти завтра раннимъ утромъ. До этого времени онъ надѣялся обдумать все дѣло и остановиться на какомъ-нибудь мудромъ рѣшеніи. Самымъ лучшимъ ему все-таки казалось обратиться къ кому-нибудь изъ особенно симпатичныхъ начальниковъ и объяснить всѣ подробности.

Поздно ночью, лежа въ постель, онъ спросилъ у своего денщика, что, по его мнѣнію, сдѣлаютъ съ Байгузинымъ.

— Безпремѣнно его выдерутъ, ваше благородіе, — отвѣтилъ денщикъ убѣжденнымъ тономъ. — Да какъ же его не драть, когда онъ у солдата послѣднія голенища тащить? Солдатъ — человекъ Богу обреченный... Гдѣ же это видано, чтобы у своего брата послѣднія голенища воровать? Скаж-жите, пожалуйста!..

Стояло ясное и слегка морозное осеннее утро. Трава, земля, крыши домовъ — все было покрыто тонкимъ бѣлымъ налетомъ инея; деревья казались тщательно напудренными.

Широкий казарменный дворъ, обнесенный со всѣхъ четырехъ сторонъ длинными деревянными строеніями, кишѣль, точно муравейникъ, сѣрыми солдатскими фигурами. Сначала казалось, что въ этой муравьиной суетѣ не было никакого порядка, но опытный взглядъ уже могъ замѣтить, какъ въ четырехъ концахъ двора образовались четыре кучки, и какъ постепенно каждая изъ нихъ развертывалась въ длинный правильный строй. Последніе запоздавшіе люди торопливо бѣжали, дожевывая на ходу кусокъ хлѣба и застегивая ремень съ сумками.

Черезъ нѣсколько минутъ роты одна за другой блеснули и звякнули ружьями и одна за другой вышли къ самому центру двора, гдѣ стали лицами внутрь, въ видѣ правильнаго четырехугольника, въ серединѣ котораго осталась небольшая площадь, шаговъ около сорока въ квадратѣ.

Небольшая кучка офицеровъ стояла въ сторонѣ, вокругъ батальоннаго командира. Предметомъ разговора служилъ рядовой Байгузинъ, надъ которымъ долженъ былъ сегодня приводиться въ исполненіе приговоръ полковаго суда.

Разговоромъ больше всѣхъ завладѣлъ громадный рыжий офицеръ въ толстой шинели солдатскаго сукна съ бараньимъ воротникомъ. Эта шинель имѣла свою исторію и была извѣстна въ полку подъ двумя названіями: постового тулупа и бабушкина капота. Впрочемъ, никто такъ не называлъ этой шинели при самомъ владѣльцѣ, потому что всѣ побаивались его длиннаго и грязнаго языка. Онъ говорилъ, какъ всегда, грубо, съ малорусскимъ произношеніемъ, съ широкими жестами, никогда не подходившими къ смыслу разговора, съ тѣмъ нелѣпымъ строеніемъ фразы, которое обличаетъ бывшаго семинариста.

— Вотъ у насъ въ бурсѣ такъ дѣйствительно драли.

Хочешь-не-хочешь, бывало, а въ субботу снимай штаны! Такъ и говорили: «правда твоя, миленькій, правда, — а ну-ка, ложись...» Коли виновать — въ наказаніе, а не виновать — въ поощреніе.

— Ну, этому сильно, должно-быть, достанется, — вставилъ батальонный командиръ: — солдаты воровства не прощаютъ.

Рыжій офицеръ быстро повернулся въ сторону батальоннаго съ готовымъ возраженіемъ, но раздумалъ и замолчалъ.

Къ батальонному командиру подбѣжалъ сбоку фельдфебель и вполголоса доложилъ:

— Ваше высокоблагородіе, ведутъ этого самаго татарчонка.

Всѣ обернулись назадъ. Живой четырехугольникъ вдругъ зашевелился безъ всякой команды и затихъ. Офицеры поспѣшно пошли къ ротамъ, застегивая на ходу перчатки.

Среди наступившей тишины рѣзко слышались тяжелые шаги трехъ человекъ. Байгузинъ шелъ въ серединѣ между двумя конвойными. Онъ былъ все въ той же непомѣрной шинели, заплатанной на спинѣ кусками разныхъ оттѣнковъ; рукава попережнему болтались по колѣно. Поля нахлобученной шапки опустились спереди на кокарду, а сзади высоко поднялись, что придавало татарину еще болѣе жалкій видъ. Странное производилъ впечатлѣніе этотъ маленькій, сгорбленный преступникъ, когда онъ остановился между двумя конвойными, посреди четырехсотъ вооруженныхъ людей.

Съ тѣхъ поръ, какъ подпоручикъ Козловскій прочелъ въ приказѣ о назначеніи надъ Байгузинымъ тѣлеснаго наказанія, имъ овладѣли дикія и очень смѣшанныя впечатлѣнія. Ему ничего не удалось сдѣлать для Байгузина, потому что начальство на другой же день зато-

ропило его съ дознаніемъ. Правда, помня данное татарину слово, онъ обратился къ своему ротному командиру за совѣтомъ, но потерпѣлъ полную неудачу. Ротный командиръ сначала удивился, потомъ расхохотался и наконецъ, видя возрастающее волненіе молодого офицера, заговорилъ о чемъ-то постороннемъ и отвлекъ его вниманіе. Теперь Козловскій чувствовалъ себя не то что предателемъ, но ему казалось, будто онъ обманомъ вытянулъ у Байгузина признаніе въ воровствѣ. «Вѣдь это, пожалуй, еще хуже, — думалъ онъ: — растрогать чело-вѣка воспоминаніемъ о домѣ, о матери, да потомъ сразу и прихлопнуть». Сейчасъ, слушая рыжаго офицера, онъ особенно сильно ненавидѣлъ его непріятную, грязную бороду, его тяжелую, грубую фигуру, замасленные косички его волосъ, торчавшихъ сзади изъ-подъ шапки. Этотъ чело-вѣкъ, повидимому, съ удовольствіемъ пришелъ на зрѣ-лище, виновникомъ котораго Козловскій считалъ все-таки себя.

Батальонный командиръ вышелъ на середину батальона и, повернувшись задомъ къ Байгузину, протяжно и рѣзко закричалъ командныя слова:

— Ша-ай! На кра-а...

Козловскій вытащилъ до половины изъ ноженъ шашку, вздрогнулъ, точно отъ холода, и потомъ уже все время не переставалъ дрожать мелкою нервною дрожью. Батальонный скользнулъ глазами по строю и отрывисто крикнулъ:

— ...уль!...

Четырехугольникъ шевельнулся, отчетливо бряцнулъ два раза ружьями и замеръ.

— Адъютантъ, прочтите приговоръ полкового суда, — произнесъ батальонный своимъ твердымъ, яснымъ голо-сомъ.

Адъютантъ вышелъ на середину. Онъ совсѣмъ не умѣлъ

ѣздить верхомъ, но подражалъ походкѣ кавалерійскихъ офицеровъ, раскачиваясь на ходу и наклоняясь впередъ корпусомъ при каждомъ шагѣ.

Онъ читалъ съ неправильными удареніями, неразборчиво и растягивая безъ надобности слова:

— Полковой судъ N — скаго пѣхотнаго полка въ составѣ подполковника N. и членовъ такого-то и такого-то...

Байгузинъ попрежнему, понурясь, стоялъ между двумя конвойными и лишь изрѣдка обводилъ безучастнымъ взглядомъ ряды солдатъ. Видно было, что онъ ни слова не слышалъ изъ того, что читалось, да и врядъ ли хорошо сознавалъ, за что его собираются наказывать. Одинъ разъ только онъ шевельнулся, потянулъ носомъ и утерся рукавомъ шинели.

Козловскій также не вникалъ въ смыслъ приговора и вдругъ вздрогнулъ, услышавъ свою фамилію. Это было въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о его дознаніи. Онъ сразу испыталъ такое чувство, какъ будто бы всѣ мгновенно повернули къ нему головы и тотчасъ же отвернулись. Его сердце испуганно забилось. Но это ему только показалось, потому что, кромѣ него, фамиліи никто не разслышалъ, и всѣ одинаково равнодушно слушали, какъ адъютантъ однообразно и быстро отбарабанивалъ приговоръ. Адъютантъ кончилъ на томъ, что Байгузинъ приговаривается къ наказанію розгами, въ размѣрѣ ста ударовъ.

Батальонный командиръ scomандовалъ: «къ ногѣ» и сдѣлалъ знакъ головою доктору, который боязливо и вопросительно выглядывалъ изъ-за рядовъ. Докторъ, молодой и серьезный чловѣкъ, первый разъ въ жизни присутствовалъ при экзекуціи. Теряясь и чувствуя себя точно связаннымъ подъ сотнями уставленныхъ на него глазъ, онъ неловко вышелъ на середину батальона, блѣдный, съ дрожащею нижнею челюстью. Когда Байгузину прика-

зали раздѣться, татаринъ не сразу понялъ, и только когда ему повторили еще разъ и показали знаками, что надо сдѣлать, онъ медленно, неумѣлыми движеніями, разстегнулъ шинель и мундиръ. Докторъ, избѣгая глядѣть ему въ глаза, съ выраженіемъ брезгливаго ужаса на лицѣ, выслушалъ сердце и пульсъ и пожалъ въ недоумѣніи плечами. Онъ не замѣтилъ даже малѣйшихъ слѣдовъ обычнаго въ этихъ случаяхъ волненія. Очевидно было, что или Байгузинъ не понималъ того, что съ нимъ хотятъ дѣлать, или его темный мозгъ и крѣпкіе нервы не могли проникнуться ни стыдомъ ни трусостью.

Докторъ сказалъ нѣсколько словъ на ухо батальонному командиру и быстро, тѣмъ же неловкимъ шагомъ ушелъ за строй. Откуда-то выскочили человекъ пять солдатъ и окружили Байгузина. Одинъ изъ нихъ, барабанщикъ, остался въ сторонѣ и, поднявъ кверху правую руку съ палкой, глядѣлъ выжидательно на батальоннаго командира.

Татаринъ сталъ снимать шинель, но дѣлалъ это очень медленно, такъ что выскочившіе люди принуждены были помочь ему. Нѣкоторое время онъ колебался, не зная, что дѣлать съ этой шинелью, наконецъ постлалъ ее аккуратно на землю и началъ раздѣваться. Тѣло у него было черное и до страннаго худое. У Козловскаго мелькнула мысль, что татарину, должно-быть, очень холодно, и отъ этой мысли офицеръ задрожалъ еще сильнѣе.

Татаринъ стоялъ неподвижно. Хлопотавшіе вокругъ него солдаты стали ему показывать, что надо ложиться. Онъ медленно, неловко опустился на колѣни, касаясь руками земли, и легъ на разостланную шинель. Одинъ солдатъ, присѣвъ на корточки, сталъ держать его голову, другой сѣлъ ему на ноги. Третій, унтеръ-офицеръ, сталъ въ сторонѣ, чтобы считать удары, и только въ это время Козловскій замѣтилъ, что на землѣ у ногъ остальныхъ

двухъ, которые стали по бокамъ Байгузіна, лежали связки красныхъ гибкихъ прутьевъ.

Батальонный командиръ кивнулъ головою, и барабанщикъ громко и часто забилъ дробь. Два солдата, стоявшіе по бокамъ Байгузіна, нерѣшительно глядѣли другъ на друга; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ нанести первый ударъ. Унтеръ-офицеръ подошелъ къ нимъ и что-то сказалъ... Тогда стоявшій по правую сторону, стиснувъ зубы, сдѣлалъ ожесточенное лицо, взмахнулъ быстро розгами и такъ же быстро опустилъ ихъ, нагнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ. Козловскій услышалъ отрывистый свистъ прутьевъ, глухой ударъ и голосъ унтеръ-офицера, крикнувшаго: «разъ!». Татаринъ слабо, точно удивленно, вскрикнулъ. Унтеръ-офицеръ скомандовалъ: «два!». Стоявшій слѣва солдатъ такъ же быстро взмахнулъ розгами и нагнулся. Татаринъ опять закричалъ, на этотъ разъ громче, и въ голосъ его отозвалось страданіе истязуемаго молодого тѣла.

Козловскій поглядѣлъ на стоявшихъ рядомъ съ нимъ солдатъ. Ихъ однообразныя сѣрыя лица были такъ же неподвижны и безучастны, какъ всегда они бываютъ въ строю. Ни сожалѣнія ни любопытства, — никакой мысли нельзя было прочесть на этихъ каменныхъ лицахъ. Подпоручикъ все время дрожалъ отъ холода и волненія; всего мучительнѣе было для него — не крики Байгузіна, не сознаніе своего участія въ наказаніи, а именно то, что татаринъ и вины своей, какъ видно, не понялъ, и за что его бьютъ — не знаетъ толкомъ; онъ пришелъ на службу, наслышавшись еще дома про нее всякихъ ужасовъ, уже заранѣе готовый къ строгости и несправедливости. Первымъ его движеніемъ послѣ суроваго приѣма, оказаннаго ему ротой, казармой и начальствомъ, было — бѣжать къ роднымъ белебеевскимъ нивамъ. Его поймали и засадили въ карцеръ. Потомъ онъ взялъ эти голенища. Изъ ка-

кихъ побужденій взялъ, для какой надобности, онъ не сумѣлъ бы рассказать даже самому близкому человѣку: отцу или матери. И самъ Козловскій не такъ мучился бы, если бы наказывали сознательнаго, расчетливаго вора, или даже хоть совсѣмъ невиннаго человѣка, но только бы способнаго чувствовать весь позоръ публичныхъ побоевъ. . .

Сто ударовъ были отсчитаны, барабанщикъ пересталъ бить, и вокругъ Байгузина опять закопошились тѣ же солдатики. Когда татаринъ всталъ и началъ неловко застегиваться, его глаза и глаза Козловскаго встрѣтились, и опять, какъ и во время дознанія, подпоручикъ почувствовалъ между собой и солдатомъ странную духовную связь.

Четырехугольникъ дрогнулъ, и его сѣрыя стѣны начали расходиться. Офицеры шли всѣ вмѣстѣ къ казарменнымъ воротамъ.

— Що жъ, — говорилъ рыжій офицеръ въ капотѣ, дѣлая руками широкіе, несуразные жесты:—развѣ это называется выдрать? У насъ въ бурсѣ, когда драли, такъ раньше розги въ уксусѣ выпаривали... Отъ, дали бѣ мнѣ того татарина, я бѣ ему показалъ эти голенища! А то не деруть, а щекочутъ.

У Козловскаго вдругъ что-то зашумѣло въ головѣ, а передъ глазами поплылъ красный туманъ. Онъ заступилъ дорогу рыжему офицеру и съ дрожью въ голосѣ, чувствуя себя въ эту минуту смѣшнымъ и еще больше раздражаясь отъ такого сознанія, закричалъ визгливо:

— Вы уже сказали разъ эту гадость и... и... не трудитесь повторять!.. Все, что вы говорите, безчеловѣчно и гнусно.

Рыжій офицеръ, глядя сверху внизъ на своего неожиданнаго врага, пожалъ плечами.

— Вы, вѣрно, молодой человѣкъ, нездоровы? Чего вы ко мнѣ прицѣпились?

— Чего?—закричалъ визгливо Козловскій. — Чего?.. А того, что вы... что если вы сейчасъ же не замолчите...

Его уже тянули назадъ за руки встревоженные неожиданной ссорой офицеры, и онъ, вдругъ закрывъ лицо ладонями, разразился громкими рыданіями, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ, точно плачущая женщина, и жестоко, до боли стыдясь своихъ слезъ...

НОЧЛЕГЪ.

Въ послѣднихъ числахъ августа, во время большихъ маневровъ, N — скій пѣхотный полкъ совершалъ большой сорокаверстный переходъ отъ села Большихъ Зимовецъ до деревни Нагорной. День стоялъ жаркій, палящій, томительный. На горизонтѣ, серебряномъ отъ тонкой далекой пыли, дрожали прозрачныя волнующіяся струйки нагрѣтаго воздуха. По обѣимъ сторонамъ дороги, куда только хваталъ глазъ, тянулось все одно и то же пространство сжатыхъ полей, съ торчащими на немъ желтыми, колючими остатками соломы.

Слѣдъ отряда издали обозначался длинной извилистой и узкой лентой желтоватой пыли. Солдаты шли, совершенно окутанные ею. Пыль скрипѣла во рту, садилась на вспотѣвшія лица и дѣлала ихъ черными. Только зубы да бѣлки глазъ сверкали своею бѣлизною на этихъ измученныхъ, исхудавшихъ, казавшихся суровыми лицахъ. Согнувшись подъ тяжестью ранцевъ и надѣтыхъ поверхъ ихъ, скатанныхъ въ кольца шинелей, солдаты шли молча, враздробь, едва волоча усталыя ноги. Лишь изрѣдка, когда чей-нибудь штыкъ съ лязганьемъ задѣвалъ о сосѣдній штыкъ, изъ рядовъ слышалось грубое, озлобленное ругательство. Люди не высыпались и томилась отъ зноя, усталости и жажды. Нѣкоторые вяло, безъ всякаго аппетита, чтобы только чѣмъ-нибудь сократить время длин-

наго и скучнаго перехода, жевали на ходу розданный утромъ хлѣбъ.

Офицеры шли не въ рядахъ, —вольность, на которую высшее начальство смотрѣло въ походѣ сквозь пальцы, — а обочиною, съ правой стороны дороги. Ихъ бѣлые кителя потемнѣли отъ пота на спинахъ и на плечахъ. Ротные командиры и адъютанты дремали, сторбившись и распустивъ поводья, на своихъ худыхъ, бракованныхъ лошадяхъ. Каждому хотѣлось какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало, дойти до привала и лечь въ тѣни.

Поручикъ Авиловъ, болѣзненный, молчаливый и нервный молодой человекъ, шелъ противъ перваго ряда своей 11-й роты. Новые сапоги сильно жали ему ноги, портупей оттягивала плечо, въ головѣ мягко и тяжело билась кровь. Но болѣе всего угнетала Авилова всегда овладевавшая имъ во время похода тупая скука, отъ которой онъ старался избавиться какимъ-нибудь мелкимъ занятіемъ. То онъ срывалъ съ придорожной ивы гибкій хлыстъ и отчищалъ его зубами и ногтями отъ коры, то старательно сшибалъ шашкою пунцовыя головки колючаго репейника, то, намѣтивъ вдали какой-нибудь пунктъ, старался угадать, сколько до него шаговъ, и потомъ проверялъ себя. Наконецъ, когда все это ему надоѣдало, онъ принимался «мечтать», какъ, бывало, дѣлалъ еще въ корпусѣ, за всеобщей, чтобы убить время. Онъ мысленно спрашивалъ себя: «Ну, о чемъ же теперь?» — и начиналъ перебирать въ умѣ все, что могло бы ему доставить удовольствіе, или что раньше интересовало его воображеніе въ слышанномъ и прочитанномъ. Иногда онъ представлялъ себя извѣстнымъ путешественникомъ, въ родѣ Пржевальскаго или Елисѣева. Онъ собиралъ экспедицію изъ отважныхъ, закаленныхъ въ перенесеніи трудовъ и опасностей авантюристовъ, которые трепетали передъ однимъ его взглядомъ. Онъ открывалъ неизвѣданные еще

острова и земли и водружалъ на нихъ русскій флагъ. Имя его гремѣло по всему свѣту. Когда онъ возвращался въ Россію, ему устраивали шумныя встрѣчи. Женщины бросали ему цвѣты и въ восхищеніи шептали одна другой: «Вотъ онъ, вотъ тотъ, самый знаменитый!». Иногда онъ воображалъ, что маневры уже окончились, и онъ идетъ со своей ротой на вольныя работы къ какому-нибудь помѣщику, баснословно богатому и непременно съ аристократическимъ именемъ. У помѣщика есть дочь — блѣдная, задумчивая красавица. Свѣтскіе кавалеры давно опротивѣли ей своей безцвѣтной пустотой, и она съ перваго взгляда же влюбляется въ простаго пѣхотнаго поручика, бѣднаго и гордаго, постоянно замкнутаго въ себѣ, «съ печатью разочарованія на челѣ». Лунная ночь, свиданіе въ старомъ запущенномъ саду, пламенные признанія въ любви... «Намъ необходимо разстаться, — говоритъ мрачно Авиловъ: — ты богата, а я нищій, мы не будемъ никогда счастливы». Помѣщичья дочь плачетъ у него на груди, онъ утѣшаетъ ее. Изъ-за кустовъ неожиданно появляется самъ помѣщикъ, растроганный, со слезами на глазахъ. «Дѣти мои, — говоритъ помѣщикъ: — я хочу, чтобы вы любили другъ друга. Не деньги, а истинная любовь приноситъ людямъ счастье». Съ этими словами онъ благословляетъ влюбленныхъ; всѣ трое обнимаются и плачутъ. Черезъ нѣсколько дней въ приказѣ по полку товарищи съ удивленіемъ и завистью читаютъ, что поручикъ Авиловъ, рапортомъ за № такимъ-то, проситъ разрѣшенія на вступленіе въ первый законный бракъ съ дѣвицею, княжною Зэтъ...

Порою фантазія такъ ярко рисовала ему эти сцены, что и дорога, и пыль, и сѣрые, однообразно шагающіе ряды солдатъ переставали для него существовать. Онъ шелъ съ низко опущенной головой, съ неопредѣленной улыбкой на губахъ, съ расширившимися и потемнѣвшими

неподвижными глазами. Нѣсколько верстъ уходили незамѣтно, и, когда Авиловъ просыпался отъ своихъ грезъ, передъ нимъ уже разстилалась совершенно новая мѣстность.

Вечернія тѣни удлинились. Солнце стояло надъ самой чертой земли, окрашивая пыль въ яркій пурпуровый цвѣтъ. Дорога пошла подъ гору. Далеко на горизонтѣ показались неясныя очертанія лѣса и жилыхъ строеній.

Навстрѣчу отряду тянулся безконечный крестьянскій обозъ. При приближеніи солдатъ, хохлы медленно, одинъ за другимъ, сворачивали своихъ громаднѣхъ, сѣрыхъ, круторогихъ, лѣнивыхъ воловъ съ дороги и снимали шанки. Всѣ они, какъ одинъ, были босикомъ, въ широчайшихъ холщевыхъ штанахъ, въ холщевыхъ же рубахахъ. Изъ разстегнутыхъ воротовъ рубахъ выглядывали обнаженные шеи, темно-бронзовыя отъ загара и покрытыя безчисленными мелкими морщинами.

По мѣрѣ того, какъ солдаты проходили мимо обоза, изъ рядовъ сыпались нетерпѣливые вопросы:

— Дядька, а далеко еще до Нагорной?

— Землякъ, сколько верстъ осталось до Нагорной?

— Чтò, братцы, это тамъ Нагорная видна?

Хохлы лѣниво, съ разстановкой отвѣчали, что до Нагорной «версты три, або четыре, мабудь, е, съ гакомъ». Солдаты ободрялись, поднимали выше головы и невольно прибавляли шагъ.

Черезъ четверть часа внизу, въ глубокой лощинѣ блеснула синяя широкая лента рѣки. Солнце сѣло. Западъ пылалъ цѣлымъ пожаромъ ярко-пурпуровыхъ и огненно-золотыхъ красокъ; немного выше эти горячіе тона переходили въ дымно-красные, желтые и оранжевые оттѣнки, и только извилистыя края прихотливыхъ облаковъ отливали расплавленнымъ серебромъ; еще выше смугло-розовое небо незамѣтно переходило въ нѣжный зеленоватый;

почти бирюзовый цвѣтъ. Тонкій серпъ молодого мѣсяца, блѣдный, едва замѣтный, стоялъ посреди неба; первыя звѣзды начинали робко поблескивать въ вышинѣ.

— Господа офицеры, по мѣстамъ! Барабанщики, походъ!—закричалъ въ головѣ отряда раскатистый начальнический голосъ.

Одинъ за другимъ, въ разныхъ мѣстахъ длинной колонны, глухо зарокотали барабаны. Солдаты бѣгомъ за-скакивали въ ряды, поправляя на ходу толчкомъ спины и плечъ ранецъ и подпрыгивая, чтобы попасть въ ногу. Офицеры, обнажая на ходу шашки, поспѣшно отыскивали свои мѣста.

Наклонъ дороги сдѣлался еще круче. Отъ рѣки сразу повѣяло сырой прохладой. Скоро старый, дырявый деревянный мостъ задрожалъ и заходилъ подъ тяжелымъ, дробнымъ топотомъ ногъ. Первый батальонъ уже перешелъ мостъ, взобрался на высокій крутой берегъ и шелъ съ музыкой въ деревню. Гулъ разговоровъ стоялъ въ оживившихся и выровнявшихся рядахъ.

— Федорчукъ, не пыли... Подымай, бисовъ сынъ, ноги.

— А что, Шаповаловъ, ловкая у тебя въ Зимовицахъ была хозяйка? А? Какъ она яво, братцы мои, уфатомъ!

— Не лѣзь.

— Очень просто. Потому что онъ сичасъ съ руками.

— Ужъ это безпремѣнно, ребята: какъ вечеромъ небо красное—къ завтрашнему жди вѣтра.

— Эй, третій взводъ, кто за хлѣбомъ? Смотри, черти, опять прозѣваете!

— Подержи, землякъ, ружье, я шйнель поправлю. А любезная эта самая вешшь — маневра! Куда лучше, чѣмъ, напримѣръ, ротная школа.

— Не отставай, четвертый взводъ! Дохлые!

Съ пригорка была видна вся деревня. Бѣлыя мазанная хатенки, тонущія въ вишневыхъ садкахъ, раскину-

лись широко въ огромной долинь и по ея склонамъ. За крайнія хаты высыпала пестрая толпа, большею частью бабъ и ребятишекъ, посмотрѣть на «москалей». Запѣвала 11-й роты, ефрейторъ Нога, самый голосистый во всемъ полку, не дожидаясь приказанія начальства, выскочилъ впередъ, попалъ въ тактъ, оглянулся на идущихъ сзади, сбиль шапку на затылокъ и, принявъ небрежно-хмурый видъ, преувеличенно-широко размахивая правой рукой, запѣлъ:

Зима люта-ая проходить,
Весна-красна настаеть,
Весна-красна д'настаеть,
У солдата сердце мреть.

Сто здоровыхъ голосовъ оглушительно подхватили припѣвъ, и каждый солдатъ, проходя съ притворно-равнодушнымъ видомъ передъ глазами изумленной толпы, чувствовалъ себя героемъ въ эту минуту. «Это все мужичье, развѣ они что-нибудь понимаютъ? Имъ военная служба страшнѣе самого чорта: и бьютъ, молъ, тамъ, и на ученьи морятъ, и изъ ружья стрѣляютъ, и въ походы на турковъ водятъ. А я вотъ ничего этого не боюсь, и мнѣ на все наплевать, и никакого я на васъ, мужиковъ, вниманія не обращаю, потому что мнѣ некогда, я своимъ солдатскимъ дѣломъ занятъ, самымъ важнымъ и серьезнымъ дѣломъ въ мірѣ». Эту мысль Авилонъ читалъ на всѣхъ лицахъ, начиная отъ запѣвалы и кончая послѣднимъ штрафованнымъ татаринномъ, и самъ онъ, противъ воли, проникался сознаниемъ какой-то суровой лихости и шелъ легкой, плывущей походкой, высоко поднявъ голову и выпрямивъ грудь.

Намъ ученье чижало,
Между проч-чимъ ничего! —

пѣлъ Нога, коверкая изъ молодечества слова и подкривая хору жесточайшимъ фальцетомъ. Никто не думалъ

больше о натертыхъ ногахъ и объ ранцахъ, наломившихъ спины. Люди давно уже, издали, замѣтили четырехъ «своихъ» квартирьеровъ, идущихъ ротъ навстрѣчу, чтобы сейчасъ же развести ее по заранѣе назначеннымъ дворамъ. Еще нѣсколько шаговъ, и взводы разошлись, точно растаяли, по разнымъ переулкамъ деревни, слѣдуя съ громкимъ хохотомъ и неумолкающими шутками каждый за своимъ квартирьеромъ.

Авиловъ нехотя, лѣнивыми шагами доплелся до воротъ, на которыхъ мѣломъ была сдѣлана крупная надпись: «квартира Поручика авелова». Домъ, отведенный Авилову, замѣтно отличался отъ окружающихъ его хатенокъ и размѣрами, и бѣлизною стѣнъ, и желѣзной крышей. Половина двора заросла густой, выше человѣческаго роста кукурузой и гигантскими подсолнечниками, низкогнувшимися подъ тяжестью своихъ желтыхъ шапокъ. Около оконъ, почти закрывая простѣнки между ними, подымались длинныя, тонкія мальвы со своими блѣдно-розовыми и красными цвѣтами.

Денщикъ Авилова, Никифоръ Чурбановъ—ловкій, веселый и безобразный, точно обезьяна, солдатъ—уже раздувалъ на крыльцѣ снятымъ съ ноги сапогомъ самоваръ. Увидя барина, онъ бросилъ сапогъ на землю и вытянулся.

— Сколько разъ я тебѣ повторялъ, чтобы ты не раздувалъ сапогомъ,—сказалъ брезгливо Авиловъ.—Покажи, гдѣ здѣсь пройти.

Денщикъ отворилъ дверь изъ сѣней направо. Комната была просторная и свѣтлая; на окнахъ красныя ситцевыя гардинки; диванъ и стулья, обитые тѣмъ же дешевымъ ситцемъ; на чисто побѣленныхъ стѣнахъ множество фотографическихъ карточекъ въ деревянныхъ ажурныхъ рамахъ и два олеографическихъ «приложенія»; маленькій пузатый комодъ съ висящимъ надъ нимъ квадратнымъ тусклымъ зеркаломъ и наконецъ въ углу необыкновенно

высокая двухспальная кровать съ цѣлою пирамидой подушекъ—отъ громадной, во всю ширину кровати, до крошечной думки. Пахло мятою, любисткомъ и чебрецомъ. Въ Малороссіи пучки этихъ травъ всегда втыкаются «для духу» за образа.

Авиловъ стянулъ съ себя объ спинку кровати сапоги и легъ, закинувъ руки за голову. Теперь ему стало еще скучнѣе, чѣмъ на походѣ. «Ну, вотъ и пришли, ну и что же изъ этого?—думалъ онъ, глядя въ одну точку на потолокъ.—Читать нечего, говорить не съ кѣмъ, занятія нѣтъ никакого. Пришелъ, растянулся, какъ усталое животное, выспался, а опять завтра иди, а тамъ опять спать, и опять литти, и опять, и опять... Развѣ заболѣть да отправиться въ госпиталь?»

Темнѣло. Гдѣ-то близко за стѣной торопливо тикалъ маятникъ часовъ. Со двора слышалось, какъ всей грудью и подолгу не переводя духу, раздувалъ Никифоръ уголья въ самоварѣ. Вдругъ Авилову пришла въ голову мысль искупаться.

— Никифоръ!—крикнулъ онъ громко.

Никифоръ поспѣшно вошелъ, хлопая дверьми и стуча надѣтыми уже сапогами, и остановился у порога.

— Здѣсь рѣка есть?—спросилъ Авиловъ.

— Такъ точно!

— А что, если бы выкупаться? Какъ ты думаешь?

— Такъ точно, можно, вашбродь, — немедленно согласился денщикъ.

— Да ты навѣрное говори. Можетъ-быть, грязно?

— Такъ точно, страсть — грязно, вашбродь. Такъ что—прямо болото. Даве кавалерія лошадей поила, такъ лошади пить не хотятъ.

— Ну и дуракъ! А ты вотъ что скажи мнѣ...

Авиловъ залпулся. Онъ и самъ не зналъ, что спросить. Ему просто не хотѣлось оставаться одному.

— Скажи мнѣ... Хозяйка хорошенькая?

Денщикъ засмѣялся, отеръ рукавомъ губы и съ конфузливымъ видомъ отвернулъ голову къ стѣнѣ.

— Ну?—нетерпѣливо поощрилъ Авиловъ.

— Такъ что... Не могу знать... Онѣ — ничего, вашбродь, хорошенькія... въ родѣ какъ монашки.

— А мужъ старый? Молодой?

— Не очень старый, вашбродь. Такъ точно, молодой. Онъ писаремъ здѣсь, мужъ евоный, служить.

— Писаремъ? А почему же, какъ монашка? Ты съ ней разговаривалъ?

— Такъ точно, разговаривалъ. Я говорю, смотрите, сейчасъ баринъ мой придетъ, такъ чтобы у васъ все въ порядкѣ было...

— Ну, а она?

— Она что жъ? Она повернулась, да и пошла себѣ. Сердитая.

— А мужъ ея дома?

— Дома. Только теперь его нѣтъ, — ушелъ куда-то.

— Ну, хорошо. Давай самоваръ, да пооди, скажи хозяйкѣ, что я прошу ее на чашку чаю. Понимаешь?

Черезъ нѣсколько минутъ Никифоръ внесъ самоваръ и зажегъ свѣчи. Заваривая чай, онъ произнесъ:

— Ходилъ я сейчасъ... къ хозяйкѣ-то...

— Ну и что же?

— Сказалъ.

— Ну?

— Она говоритъ: оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ. Никакого, говоритъ, мнѣ вашего чая не надо.

— И чортъ съ ней!—рѣшилъ Авиловъ, зѣвая.—Наливай чай!

Онъ молча поужиналъ холодной говядиной и яйцами и напился чаю. Никифоръ такъ же молча ему прислужи-

валъ. Когда офицеръ кончилъ чай, денщикъ унесъ самоваръ и остатки ужина къ себѣ въ сарай.

Авиловъ раздѣлся и легъ. Какъ всегда послѣ сильной усталости—ему не спалось. Изъ-за стѣны попрежнему слышалось однообразное тиканье часовъ и какой-то странный шумъ, похожій на то, какъ будто бы два человѣка разговаривали быстрымъ и сердитымъ шопотомъ. Въ окнѣ, прямо передъ глазами Авилова, на темно-синемъ небѣ отчетливо рисовался недалекій пирамидальный тополь, стройный, тонкій и темный, а рядомъ съ нимъ, сбоку, ярко-желтый мѣсяцъ. Едва Авиловъ закрывалъ вѣки, передъ нимъ тотчасъ же назойливо вставала скучная картина похода: сѣрыя, комковатая поля, желтая пыль, согнутыя подъ ранцами фигуры солдатъ. На мгновение онъ забывался, и, когда опять открывалъ глаза, ему казалось, что онъ только-что спалъ, но сколько времени—минуту или часъ—онъ не зналъ. Наконецъ ему удалось на самомъ дѣлѣ заснуть легкимъ, тревожнымъ сномъ, но и во снѣ онъ слышалъ быстрое тиканье маятника за стѣной и видѣлъ скучную дневную дорогу.

Часа черезъ полтора Авиловъ вдругъ опять почувствовалъ себя лежащимъ съ открытыми глазами и опять спрашивалъ себя: спалъ онъ, или это только была одна секунда полнаго забвенія, отсутствія мысли? Мѣсяцъ, уже не желтый, а серебряный, поднялся къ самой верхушкѣ тополя. Небо стало еще синѣе и холоднѣе. Порою на мѣсяцъ набѣгало бѣлое, легкое, какъ паутина, облачко, и вдругъ все оно освѣщалось оранжевымъ сіяніемъ. Быстрый сердитый шопоть, который Авиловъ слышалъ давеча за стѣною, перешелъ въ сдержанный, но довольно громкій разговоръ, похожій на ссору, вотъ-вотъ готовую прорваться въ озлобленныхъ крикахъ. Авиловъ прислушался. Спорили два голоса: мужской—низкій, то дребезжащій, то глухой, точно изъ бочки, какой бываетъ

только у чахоточныхъ пьяницъ, и женскій—очень нѣжный, молодой и печальный. Голосъ этотъ на мгновеніе вызвалъ въ головѣ Авилова какое-то смутное, отдаленное воспоминаніе, но такое неясное, что онъ даже и не остановился на немъ.

— Спать я тебѣ не даю?—спрашивалъ мужчина съ желчной ироніей.—Спать тебѣ хочется? А если ты меня, можетъ-быть, на цѣлую жизнь сна рѣшила? Это ничего? А? У, под-длая! Спать хочется? Да ты, дрянъ ты этакая, ты еще дышать-то смѣешь ли на бѣломъ свѣтѣ? Ты...

Мужчина внезапно раскашлялся глухимъ, задыхающимъ кашлемъ. Авиловъ долго слышалъ, какъ онъ плевалъ, хрипѣлъ и ворочался на постели. Наконецъ ему удалось справиться съ кашлемъ.

— Тебѣ спать хочется, а я, какъ овца, по твоей милости кашляю... Вотъ, погоди, ты меня и въ гробъ скоро вгонишь... Тогда выспишься, змѣя.

— Да вольно же вамъ, Иванъ Сидорычъ, водку пить,—возразилъ печальный и нѣжный женскій голосъ.—Не пили бы, и грудь бы не болѣла.

— Не пить? Не пить, ты говоришь? Да ты это что же? Я твои деньги, что ли, въ кабакѣ оставляю? А? Отвѣчай, твои?

— Свои, Иванъ Сидорычъ,—покорно и тихо отвѣтила женщина.

— Ты въ домъ принесла хоть грошъ какой-нибудь, когда я тебя бралъ-то? А? Хоть гривенникъ дырявый ты принесла?

— Да вы вѣдь сами знали, Иванъ Сидорычъ, я дѣвушка была бѣдная, взять мнѣ было неоткуда. Кабы у меня родители богатые...

Мужчина вдругъ засмѣялся злобнымъ, презрительнымъ, долгимъ хохотомъ и опять раскашлялся.

— Бѣ-ѣдная?—спросилъ опъ ядовитымъ шопотомъ,

едва переводя дыханіе.—Бѣдная? Это мнѣ все равно, что бѣдная. А ты знаешь, какое у дѣвушки богатство? Ты это знаешь?

Женщина молчала.

— Ежели она себя соблюла, вотъ ея богатство! Че-е-есть! Ты этого слова не слыхала? Чтò? Я тебя спрашиваю, ты это слово слыхала или нѣтъ? Ну?

— Слыхала, Иванъ Сидорычъ...

— Врешь, не слыхала. Кабы ты слыхала, ты сама бы честная была. А я тебя развѣ честную замужъ взялъ? Ну?

— Чтò же, Иванъ Сидорычъ, я какъ передъ Богомъ... Моя вина... Пятый годъ прошу прощенія у васъ.

Она заплакала тихо, тоненько и жалобно. Но ея слезы только еще болѣе раздражили мужа. Онъ отъ нихъ пришелъ въ ярость.

— И десять лѣтъ проси—не прощу. Никогда я тебя, развратница, не прощу. Слышишь, никогда!.. Зачѣмъ ты мнѣ не призналась? Зачѣмъ ты меня обманывала? Ага! Ты думала, я чужіе грѣхи буду покрывать? Вотъ, молъ, дуракъ, слава Богу, нашелся, за честь сочтетъ чужими объѣдками пользоваться. Да ты знаешь ли, тварь, я на купеческой дочкѣ могъ бы жениться, если бы не ты... Я бы карьеру свою теперь сдѣлалъ. Я бы..

— Да вѣдь не сама я, Иванъ Сидорычъ, — отвѣчала, всхлипывая, женщина:—не своей охотой я пошла то за васъ. Вы сами знаете, какъ меня маменька била въ то время.

Это оправданіе довело мужчину до бѣшенства. Онъ опять страшно закашлялся, и въ промежуткахъ между приступами кашля Авиловъ услышалъ цѣлый потокъ озлобленной скверной ругани. Потомъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался рѣзкій и сухой звукъ пощечины, за нимъ другой, третій, четвертый, и въ ночной тишинѣ посыпались безпощадные, рассчитанные, ожесточенные

удары. А затѣмъ какъ-то все сразу смолкло. Стало такъ тихо, что можно было слышать пискъ червяка, точившаго дерево. Авиловъ лежалъ, широко раскрывъ глаза; сердце его учащенно билось отъ какого-то жуткаго, грустнаго и жалостливаго чувства. Потомъ онъ услышалъ тихій голосъ женщины, заглушаемый сдержаннымъ плачемъ.

— Боже мой, Господи,—причитала она, рыдая, скрежеща зубами и захлебываясь отъ слезъ:—отчего Ты мнѣ не пошлешь смерти мучительной? Вѣдь пять лѣтъ... пять лѣтъ каждая ночь не обойдется безъ попрековъ. Хотя убилъ бы меня сразу, извергъ! За что ты меня терзаешь? За что? Развѣ я не слуга тебѣ? Развѣ я не твоя раба? Ну, хоть бы одну ноченьку ты изъ меня души моей не выматывалъ. Одну только ночь! Чтò же ты думаешь, я того, проклятаго, любила? Пусть его Господь покараетъ за меня позорной смертью. Если бы я встрѣтила его, задушила бы, вотъ такъ, пальцами бы своими задушила!.. Жизнь онъ мою загубилъ, негодяй! Двадцать пять лѣтъ мнѣ, я ужъ старухой стала... Моченьки моей нѣтъ!

Долго Авиловъ слушалъ эти страстные, отчаянные жалобы, все стараясь припомнить, гдѣ онъ раньше слышалъ похожій голосъ, и вдругъ неожиданно, сразу, заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, безъ всякихъ видѣній.

Подъ утро онъ опять проснулся. Мѣсяца уже не было видно. Небо изъ темно-синяго сдѣлалось свѣтло-сѣрымъ. Авиловъ съ удивленіемъ опять услышалъ за стѣнкою тѣ же голоса.

— Милая моя, дорогая,—говорилъ мужчина растроганнымъ, ослабѣвшимъ голосомъ:—если бы не это, какъ бы я тебя любилъ-то! То-есть вѣтру на тебя дохнуть не позволилъ бы. Барыней бы у меня была, вотъ чтò.

— Ахъ, Иванъ Сидорычъ, ну, простите вы меня на-

конецъ. Ну, будемъ, какъ люди, какъ всѣ... На что ужъ я вамъ послушна, а тогда вотъ, кажется, мысли бы ваши угадывала...

Наступило молчаніе, и Авиловъ услышалъ за стѣною звуки продолжительныхъ поцѣлуевъ.

— Ну хорошо, ну хорошо, — заговорилъ ласково и успокоительно мужчина. — Ну будетъ, будетъ... Ты думаешь, мнѣ самому сладко? У меня сердце кровью обливается, а не то что... Голубка моя.

И опять до ушей Авилова донесся долгій поцѣлуй.

— Да, вотъ вы говорите — хорошо, — прошептала женщина, слегка задыхаясь: — а завтра опять... Ужъ сколько разъ вы обѣщались не попрекать больше, а сами... Передъ образами божились сколько разъ...

— Ну будетъ, ну пересташь... Ты мнѣ только скажи, ты того-то, тогдашняго, не любишь вѣдь? Правда?

— Ахъ, Иванъ Сидорычъ, ну что вы спрашиваете? Да я зарѣзала бы его своими руками, если бы только встрѣтила гдѣ!..

Разговоръ за стѣной затихъ, понизился до шопота, все чаще слышались поцѣлуи и подавленный, счастливый смѣхъ Ивана Сидоровича.

Сонъ опять началъ сковывать Авилова, но онъ боролся съ нимъ и все старался припомнить, гдѣ онъ слышалъ такой же голосъ? Порою онъ уже вотъ-вотъ готовъ былъ вспомнить, но мысли его разсѣивались и путались, какъ всегда у засыпающаго человѣка... Наконецъ, совершенно засыпая, онъ вспомнилъ.

Это было лѣтъ шесть тому назадъ. Онъ — только-что произведенный тогда въ офицеры — пріѣхалъ на лѣто къ своему дядѣ въ имѣніе, въ Тульскую губернію. Скука была въ деревнѣ страшная, и Авиловъ постоянно и усиленно искалъ хоть какого-нибудь развлеченія. Охота, рыбная ловля — давно надоѣли, ѣздить верхомъ было слишкомъ жарко.

Вѣроятно, отъ скуки, онъ однажды обратилъ вниманіе на дядину горничную Харитину, высокую, сильную дѣвушку, тихую и серьезную, съ большими, синими, постоянно немного грустными глазами. Какъ-то вечеромъ, встрѣтившись съ Харитиной въ сѣняхъ, Авиловъ обнялъ ее. Дѣвушка молча отбросила его руки отъ своей груди и такъ же молча ушла. Офицеръ смутился и, озираясь, на цыпочкахъ, съ краснымъ лицомъ и бьющимся сердцемъ прошелъ въ свою комнату.

Недѣли двѣ спустя, въ жаркій, истомный іюньскій полдень Авиловъ лежалъ на краю громаднаго густого сада, на сѣнѣ, и читалъ. Вдругъ онъ услышалъ совсѣмъ близко за своею спиной легкіе шаги. Онъ обернулся и увидѣлъ Харитину, которая, повидимому, его не замѣчала.

— Ты куда собралась, Харитина?—окликнулъ ее Авиловъ.

Она сначала испугалась, потомъ сконфузилась.

— Я тутъ... вотъ.... купалась сейчасъ...

Авиловъ подошелъ къ ней, тревожно оглянулся по сторонамъ и обнялъ ее. Она молча, опустивъ глаза и покраснѣвъ, уперлась руками въ его грудь и дѣлала усилія оттолкнуть его. Офицеръ все крѣпче притягивалъ дѣвушку къ себѣ, тяжело дыша и торопливо цѣлуя ея волосы и щеки.

Харитина сопротивлялась долго, съ молчаливымъ упорствомъ и озлобленіемъ. Она была очень сильна. Авиловъ началъ изнемогать и хотѣлъ уже выпустить дѣвушку, какъ вдругъ она страшно поблѣднѣла, руки ея безсильно упали внизъ, глаза закрылись.

Очнувшись, она принялась истерично плакать. Всѣ утѣшенія и обѣщанія Авилова были напрасны. Онъ такъ и ушелъ изъ сада, оставивъ Харитину бившейся въ рыданіяхъ на травѣ.

Она объ этомъ случаѣ никому не сказала ни слова и только старательно избѣгала встрѣчъ съ Авиловымъ.

Да, впрочемъ, и самъ Авиловъ черезъ четыре дня уѣхалъ изъ деревни, по телеграммѣ матери, неожиданно заболѣвшей.

Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ Харитины, и только сейчасъ голосъ женщины за стѣною слегка ему ее напомнилъ, слегка,—потому что Авиловъ не успѣлъ еще разобратъся въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ уже опять заснулъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ.

— Вашбродь, вставайте! Вставайте, вашбродь. Ужъ ротный командиръ пошодши къ ротѣ!—будилъ Никифоръ разоспавшагося Авилова, тряся его, съ должнымъ однако почтеніемъ, за плечо.

— Мм... а самоваръ?—промычалъ Авиловъ, съ трудомъ раскрывая глаза.

— Никакъ нѣтъ! Вещи всѣ отправлены: фельдфебель приказали. Я ужъ васъ, почитай, цѣлый часъ будилъ: изволили ругаться и сказали, что чаю не будете пить.

Авиловъ сдѣлалъ наконецъ надъ собою усиліе, быстро вскочилъ съ постели и сталъ поспѣшно одѣваться. Онъ боялся опоздать. Поспѣшно плеснулъ нѣсколько разъ на лицо водою, едва застегнувъ сюртукъ, онъ побѣжалъ къ сборному мѣсту, на ходу надѣвая шарфъ съ кобуромъ и шашку.

Батальоны уже стояли правильными черными четырехугольниками вдоль широкой улицы, рядомъ, одинъ около другого. Авиловъ поспѣшно вступилъ въ свое мѣсто, стараясь не встрѣчаться глазами съ укоризненнымъ взглядомъ командира.

Небо было ясное, чистое, нѣжно-голубого цвѣта. Легкія бѣлыя облака, освѣщенные съ одной стороны розовымъ блескомъ, лѣниво плыли въ прозрачной вышинѣ. Востокъ алѣлъ и пламенѣлъ, отливая въ иныхъ мѣстахъ перламутромъ и серебромъ. Изъ-за горизонта, точно гигантскіе растопыренные пальцы, тянулись вверхъ по небу золотыя полосы отъ лучей еще не взошедшаго солнца.

Черезъ десять минутъ изъ-за праваго фланга выѣхалъ на своемъ громадномъ сѣромъ меринѣ полковой командиръ. Его голосъ оживленно и явственно раздался въ утреннемъ воздухѣ:

— Здорово, первый ба-тальо-онъ!

— Здра-жла-ва-со!..—весело и бодро крикнули четвереста молодыхъ голосовъ.

Онъ объѣхалъ такимъ образомъ всѣ батальоны, затѣмъ выѣхалъ передъ середину полка, шаговъ на пятьдесятъ, откинулся тѣломъ къзадъ и, закинувъ вверхъ голову, молодцоватымъ, радостнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Подъ знамена! Ша-а-ай! На кра-у-уль!

Батальоны брякнули ружьями и замерли. Прозрачно и рѣзко разносясь въ воздухѣ, раздались звуки встрѣчнаго марша. Знамя, обернутое сверху кожанымъ футляромъ, показалось надъ рядами, мѣрно колыхаясь подъ звуки музыки. Того, кто его несъ, не было видно. Потомъ оно остановилось, и музыка замолкла.

Полкъ вытянулся въ длинную, узкую колонну и двинулся. Солдаты шли бодро, радуясь свѣжему, веселому утру, отдохнувшіе и сытые. Всѣмъ хотѣлось пѣть, и, когда Нога своимъ звонкимъ, сильнымъ голосомъ затянулъ:

Ой да изъ-подъ горки, ой изъ-подъ крутой
Ѣхалъ майоръ молодой,

солдаты подхватили припѣвъ особенно дружно и согласно.

Извиваясь длинной лентой, полкъ одну за другой проходилъ улицы большого села. Авилловъ издали узналъ домъ, въ которомъ онъ провелъ ночь. У калитки его стояла какая-то женщина съ коромысломъ на плечѣ, въ темномъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. «Это, должно-быть, моя хозяйка,—подумалъ Авилловъ:—интересно на нее взглянуть».

Когда онъ сровнялся съ нею, женщина быстро, точно отъ внезапнаго толчка, обернулась назадъ и встрѣтилась

глазами съ Авиловымъ. Онъ сразу узналъ ее. Это была, несомнѣнно, Харитина: тѣ же глубокіе, кроткіе глаза, то же серьезное и печальное лицо...

И она его тотчасъ же узнала. Въ глазахъ ея попеременно отразились и изумленіе, и гнѣвъ, и страхъ, и презрѣніе... она поблѣднѣла, и ея ведра упали вмѣстѣ съ коромысломъ на землю, дребезжа и катясь.

Авиловъ обернулся. Тяжелая, острая скорбь внезапно охватила его: точно кто-то сжалъ грубой рукой его сердце. И почему-то въ то же время онъ показался себѣ такимъ маленькимъ-маленькимъ, такимъ подленькимъ трусишкой. И, чувствуя на своей спинѣ взглядъ Харитины, онъ весь съеживался и приподнялъ вверхъ плечи, точно ожидая удара.

А рядомъ съ нимъ справа, слѣва, впереди, сзади—здоровые голоса орали съ гиканьемъ, визгомъ и пронзительнымъ свистомъ:

Здравствуй, Саша, здравствуй, Маша.
Здравствуй, милая моя...

Оглавленіе

II ТОМА.

	СТР.
Поединокъ	3
Дознаніе	294
Ночлеги	312
